H eccl 3178 w (2

Bayerische Staatsbibliothek

38001428060019

Xerokopieren aus konservatorischen Gründen nicht erlaubt
Nur im Lesesaal benützbar

~~Hbest~~

~~Bd 11 e - 2~~

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

МАКАРІЯ,

ЕПИСКОПА ВИННИЦКАГО.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

Д 22980

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

D 22980

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

МАКАРІЯ,

ЕПИСКОПА ВИННИЦКАГО.

ТОМЪ II.

Hbost

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1857.

A 68/69

От С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. Генваря 18 дня 1857 года.

Цензоръ Архимандритъ *Кириллъ*.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Bayerische Staatsbibliothek München

ОТДѢЛЪ II.

СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ОТЪ ПЕРВОЙ ПОПЫТКИ КЪ НЕЗАВИСИМОСТИ ЕЯ ОТЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО ПАТРІАРХА ДО ВТОРОЙ ПОПЫТКИ, ИЛИ ОТЪ МИТРОПОЛИТА ИЛАРІОНА ДО МИТРОПОЛИТА КЛИМЕНТА СМОЛЯТИЧА.

1051 — 1147.

Избраніе Иларіона на каѳедру митрополіи кіевской составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ исторіи русской Церкви: здѣсь въ первый разъ митрополитъ русскій избранъ и поставленъ соборомъ русскихъ іерарховъ, по волѣ русскаго «самовластца» (какъ называетъ лѣтописецъ Ярослава), и изъ природныхъ русскихъ; въ первый разъ обнаружилась мысль, уже сознанная въ Россіи, что и наша отечественная Церковь, подобно многимъ другимъ частнымъ Церквамъ, можетъ сдѣлаться независимою въ собственномъ управленіи, нимало не нарушая ни своего уваженія къ константинопольскому патріарху, ни догматовъ православія, ни каноновъ церковныхъ, — и что рано или поздно придетъ для нея время такой независимости. Многознаменательное по внутреннему смыслу, избраніе митрополита Иларіона совпадаетъ еще съ другимъ важ-

нѣйшимъ событіемъ — съ основаніемъ кіевопечерской лавры, которая, особенно въ началѣ, имѣла величайшее вліяніе на состояніе нашей Церкви: способствовала распространенію ея предѣловъ, дала ей многихъ достойныхъ іерарховъ, передала богослужебный и иноческій уставъ студійскій, послужила образцемъ для прочихъ нашихъ обителей и содѣйствовала вообще самымъ благотворнымъ образомъ нравственному воспитанію народа.

Въ гражданскомъ отношеніи, вскорѣ послѣ избранія митрополита Иларіона, въ Россіи насталъ такъ называемый періодъ удѣльный, столько гибельный и для государства и для Церкви. Дѣти, внуки и правнуки вел. кн. Ярослава I, владѣя по частямъ русскою землею, вели между собою непрерывныя войны и, проливая кровь своихъ подданныхъ, въ то же время православныхъ христіанъ, разоряя села и города, опустошая цѣлыя области, не рѣдко разоряли и опустошали храмы Божіи, обители иноковъ, жилища священнослужителей. Толпы дикихъ Половцевъ, увлекаемыя страстію къ грабежамъ, а часто приглашаемыя нашими же враждовавшими между собою князьями, равно толпы Венгровъ, Поляковъ и другихъ сосѣдей, по приглашенію тѣхъ же князей, производили новыя опустошенія въ странахъ русскихъ и увеличивали тяжесть бѣдствій для сыновъ Россіи и православной Церкви. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что удѣльная система имѣла и добрыя послѣдствія для Церкви. Князья, получая во владѣніе опредѣленную область, заботились каждый объ утвержденіи въ своемъ удѣлѣ св. вѣры, если она еще не была утверждена, строили многочисленные храмы, нерѣдко весьма богатые, воздвигали монастыри, давали средства содержанія духовенству, открывали иног-

да, съ соизволенія церковной власти, даже епископскія каѳедры. Такимъ образомъ, сѣмена вѣры и благочестія, посѣянныя во дни св. Владиміра и Ярослава, теперь, при ближайшемъ участіи удѣльныхъ князей, могли укорениться по всей Россіи, въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ ея.

Наконецъ, если разсматривать нашу Церковь въ отношеніи къ другимъ Церквамъ, время избранія митрополита Иларіона представляетъ ту достопримѣчательность, что тогда совершился въ Константинополѣ, при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ, послѣдній разрывъ между христіанскимъ востокомъ и западомъ, и римскій патріархатъ окончательно отдѣлился отъ прочихъ патріархатовъ — православныхъ. Это горестное событіе, составляющее эпоху въ церковной исторіи вообще, глубоко отразилось и въ исторіи нашей Церкви. Отселѣ болѣе, нежели прежде, опредѣлился у насъ, какъ и на всемъ востокѣ, взглядъ на западнаго первосвященника и всѣхъ подвѣдомыхъ ему христіанъ; отселѣ, съ одной стороны, начался непрерывный рядъ попытокъ римскихъ къ совращенію нашихъ предковъ съ пути православія; отселѣ же, съ другой, пастыри нашей Церкви съ удвоеннымъ вниманіемъ стали бодрствовать на стражѣ православія для охраненія своихъ духовныхъ чадъ, — и въ самое непродолжительное время явилось у насъ нѣсколько сочиненій, направленныхъ противъ латинства.

ГЛАВА I.

IЕРАРХIЯ И ПАСТВА.

Въ 1051 году, говоритъ древняя лѣтопись, Ярославъ поставилъ митрополитомъ Иларiона, русина, въ св. Софiи, собравъ епископовъ ([1]). Что расположило самовластца поступить такимъ образомъ, неизвѣстно. Впрочемъ, нельзя отвергать сказанiя, хотя и позднихъ, лѣтописей, что это совершилось вслѣдствiе несогласiя нашего князя съ византiйскимъ дворомъ, по случаю послѣдней войны ([2]). Правда, прошло уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ война окончилась миромъ; но еще свѣжа была память о томъ вѣроломствѣ, какимъ Греки начали ее, и особенно о той жестокости, какою заключили: восемьсотъ русскихъ плѣнныхъ и во главѣ ихъ любимый воевода Ярославовъ Вышата, которыхъ греческiй императоръ повелѣлъ ослѣпить и потомъ, по заключенiи мира, отпустилъ въ Россiю, были живыми свидѣтелями этой жестокости ([3]). И неудивительно, если Ярославъ, желая прервать единственную нить своей зависимости отъ греческаго императора, по волѣ котораго, какъ извѣстно, происходило вообще поставленiе митрополитовъ въ Константинополѣ ([4]), слѣд. и нашего, рѣшился избрать и поставить для Россiи митрополита въ Кiевѣ. А можетъ быть, Ярославъ огорченъ былъ тѣмъ,

что изъ Греціи, по смерти митрополита нашего Ѳеопемпта, почему-то долго не присылали къ намъ новаго архипастыря: подождавъ два, три года, и не желая оставлять болѣе отечественную Церковь безъ верховнаго пастыря, князь и повелѣлъ избрать его своимъ епископамъ ([5]). Но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить мысли, будто къ этому могло расположить Русскихъ сомнѣніе о православіи тогдашняго константинопольскаго патріарха Михаила Керулларія, котораго дерзкіе легаты папы предали отлученію отъ Церкви ([6]): потому что состязанія Михаила съ легатами и борьба съ ними происходили въ Константинополѣ уже въ 1054 г., т. е. гораздо послѣ избранія митрополита Иларіона ([7]).

Какъ смотрѣть на это избраніе и поставленіе нашего митрополита? То и другое совершилось вполнѣ законно, и лѣтописецъ выразился, что самъ «Богъ князю вложи въ сердце» поставить митрополитомъ Иларіона ([8]): по древнимъ правиламъ Церкви избирать митрополита вообще предоставлено было не патріарху, а епископамъ области, для которой митрополитъ предназначался; для рукоположенія же какъ всякаго епископа, такъ и митрополита, если онъ еще не имѣлъ епископскаго сана, достаточно было въ случаѣ нужды даже трехъ или двухъ епископовъ области ([9]). Правда, константинопольскому патріарху дано было право халкидонскимъ Соборомъ поставлять митрополитовъ, но только для трехъ областей греческихъ: азійской, понтійской и фракійской и для иноплеменниковъ, обитавшихъ въ этихъ областяхъ, или имъ сопредѣльныхъ (прав. 28). А Русь, въ строгомъ смыслѣ, не была сопредѣльною ни одной изъ означенныхъ областей, и халкидонскій Соборъ даже не могъ имѣть ее въ

виду при начертаніи своего правила: потому что тогда ни Русь, ни Церковь русская еще не существовали. Для соблюденія единства съ цареградскою Церковію оставалось только, по избраніи и рукоположеніи Иларіона въ митрополита, испросить ему благословеніе и утвержденіе отъ цареградскаго патріарха: сдѣлано было и это (10). И въ томъ же году, какъ поставленъ былъ митрополитъ Иларіонъ, или спустя немного, прибыли къ намъ изъ Греціи три пѣвца съ своими семействами, чтобы научить Русскихъ стройному демественному пѣнію (11): знакъ, что церковная связь съ Константинополемъ у насъ не прерывалась или, по крайней мѣрѣ, возобновилась, и избраніе Иларіона русскими епископами нимало не измѣнило отношенія къ намъ цареградскаго патріарха.

Обратимся теперь къ самому Иларіону. До посвященія въ митрополита онъ былъ старшимъ священникомъ (пресвитеромъ — старѣйшиною) при церкви св. Апостоловъ въ любимомъ селѣ вел. князя Берестовѣ, и отличался необыкновеннымъ просвѣщеніемъ и благочестіемъ между современниками. Доказательствомъ перваго, равно какъ и высокихъ ораторскихъ способностей Иларіона, донынѣ служитъ извѣстное уже намъ его Слово о Законѣ и Благодати, вмѣстѣ съ похвалою Кагану нашему Владиміру и молитвою къ Богу отъ лица земли русской, написанное имъ еще въ санѣ священника. Образецъ благочестія современники не могли не видѣть въ томъ, что Иларіонъ, не ограничиваясь обыкновеннымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, стремился къ высшимъ духовнымъ подвигамъ, часто удалялся изъ села Берестова на сосѣдственную гору, гдѣ нынѣ кіево-печерскій монастырь, покрытую тогда великимъ лѣсомъ, ископалъ себѣ тамъ не-

большую пещеру въ двѣ сажени и предавался въ ней уединенной молитвѣ и богомыслію ([12]). За эти-то, безъ сомнѣнія, достоинства смиренный пресвитеръ, по волѣ велик. князя, и избранъ соборомъ русскихъ епископовъ прямо въ митрополита, принявъ предварительно постриженіе отъ преп. Антонія ([13]). При посвященіи своемъ Иларіонъ, по обычаю церковному, составилъ и торжественно произнесъ исповѣданіе вѣры, дошедшее до насъ ([14]). Но какъ потомъ онъ управлялъ русскою Церковію въ санѣ митрополита, лѣтописи совершенно молчатъ. Знаемъ только, что онъ освятилъ храмъ св. Георгія, построенный въ Кіевѣ вел. кн. Ярославомъ ([15]). Кажется, что и время управленія Иларіонова Церковію было очень непродолжительное: подъ 1054 г., описывая погребеніе вел. кн. Ярослава въ Софійскомъ соборѣ, лѣтописи говорятъ только о попахъ, и ни одна — о митрополитѣ; а подъ 1055 г. новгородскіе лѣтописцы упоминаютъ уже о митрополитѣ кіевскомъ Ефремѣ, который производилъ судъ надъ новгородскимъ епископомъ Лукою Жидятою: память объ этомъ событіи, непосредственно касавшемся Новгорода, могла вѣрно сохраниться въ мѣстныхъ сказаніяхъ и записяхъ ([16]). Догадка, что подъ именемъ Ефрема скрывается митрополитъ Иларіонъ, только въ схимѣ, есть одна догадка, и мы не знаемъ, чтобы митрополиты наши принимали на себя схиму и перемѣняли свои имена до удаленія своего на покой ([17]). Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ митроп. Иларіонъ называется святымъ и стоитъ въ числѣ русскихъ св. мужей ([18]), но ни откуда не видно, чтобы онъ причтенъ былъ къ лику святыхъ самою Церковію ([19]).

Столько же скудны извѣстія и о преемникахъ Иларіона на митрополитской каѳедрѣ. Это были —

Ефремъ, который, какъ мы сказали, упоминается только въ 1055 году.

Георгій. Онъ пришелъ къ намъ изъ Царяграда около 1065 г. ([20]); въ 1072 г. переносилъ мощи св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ изъ прежней церкви въ новую; въ слѣдующемъ году предпринималъ путешествіе въ Грецію ([21]); вѣроятно, по возвращеніи уже изъ путешествія, во время котораго Церковь русская подверглась-было притязаніямъ папы Григорья VII, написалъ «Стязанье съ Латиною», которое разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ; скончался въ 1079 году ([22]).

Іоаннъ II, — поставленъ митрополитомъ около 1080 года ([23]), упоминается въ 1086 г. при заложеніи вел. кн. Всеволодомъ церкви св. Андрея въ Андреевскомъ монастырѣ; въ 1087 г. торжественно погребалъ въ Кіевѣ князя Ярополка; въ 1088 г. освящалъ церковь св. Михаила въ Выдубицкомъ монастырѣ, а въ слѣдующемъ — церковь св. Богородицы въ кіево-печерскомъ монастырѣ, и въ томъ же году скончался. Этого первосвятителя современный лѣтописецъ называетъ *добрымъ* и *блаженнымъ*, свидѣтельствуя, что онъ былъ «мужъ, искусный въ книгахъ и ученіи, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ ко всякому, богатому и бѣдному, смиренъ, кротокъ и молчаливъ, обладалъ даромъ слова, утѣшалъ печальныхъ святыми бесѣдами и вообще былъ таковъ, какого и прежде не было на Руси и послѣ не будетъ ([24]). Памятниками просвѣщенія его донынѣ остаются нѣкоторыя уцѣлѣвшія его сочиненія.

Іоаннъ III, Грекъ и скопецъ. Его привезла съ собою изъ Греціи въ 1089 г. дочь вел. кн. Всеволода Анна или Янка, путешествовавшая въ Царьградъ по родственнымъ

связямъ своимъ съ византійскимъ дворомъ (мать ея была дочь греческаго императора Константина Мономаха). Новый митрополитъ былъ до того худъ и дряхлъ, что показался народу мертвецомъ; не отличался ни умомъ, ни ученостію, ни даромъ слова; управлялъ Церковію всего одинъ годъ (25).

Св. Ефремъ, евнухъ или скопецъ, — вторый, послѣ Иларіона, митрополитъ изъ природныхъ русскихъ. Прежде онъ служилъ при дворѣ вел. кн. Изяслава, былъ любимцемъ его и управлялъ всѣмъ его имуществомъ; потомъ одинъ изъ первыхъ принялъ постриженіе въ пещерѣ преп. Антонія и чрезъ нѣсколько времени переселился въ Константинополь, гдѣ и подвизался въ одной неизвѣстной обители. Тамъ списалъ онъ, по порученію преп. Ѳеодосія, уставъ студійскій и переслалъ къ нему. Когда каѳедра переяславская сдѣлалась праздною, Ефремъ вызванъ былъ изъ Константинополя и хиротонисанъ на эту каѳедру (26) въ качествѣ викарія митрополіи кіевской: такъ какъ Переяславль еще не составлялъ особой епархіи, а продолжалъ считаться за кіевскимъ митрополитомъ, который по временамъ и живалъ въ немъ. Это случилось послѣ 1072 года: потому что тогда былъ еще переяславскимъ епископомъ Петръ; и прежде 1090 г.: потому что Ефремъ освящалъ уже тогда въ Переяславлѣ каменную Михайловскую церковь, имъ самимъ созданную, и слѣд. заложенную гораздо прежде. Вѣроятно, вдругъ по смерти митрополита Іоанна III (1089 г.), Ефрему, какъ викарію его, поручено было управленіе дѣлами митрополіи, — почему современный лѣтописецъ и могъ назвать его въ 1090 г. митрополитомъ переяславской церкви; но несомнѣнно, что дѣйствительнымъ митрополитомъ онъ еще не былъ: потому

что въ слѣдующемъ году у того же лѣтописца называется только епископомъ переяславскимъ (27). На самомъ дѣлѣ Ефремъ поставленъ былъ митрополитомъ уже около 1092 года въ Константинополѣ, и чрезъ пять лѣтъ своего управленія Церковію скончался (28). Ефремъ ознаменовалъ свое служеніе Церкви дѣлами христіанскаго благочестія и общественной благотворительности: построилъ въ Переяславлѣ нѣсколько церквей, оградилъ его каменною стѣною, украсилъ многими зданіями церковными и другими, куда относились больницы, странопріимницы и каменная народная баня, — чего прежде въ Россіи не бывало (29). И не въ одномъ только любимомъ Переяславлѣ, но и въ другихъ мѣстахъ своей митрополіи Ефремъ сооружалъ церкви и заводилъ такія же благотворительныя учрежденія (30). За благочестіе онъ удостоился отъ Бога дара чудотвореній и при жизни, и по смерти. Св. мощи его покоятся въ кіевскихъ пещерахъ и память его празднуется Церковію 28 Января. Древняя лѣтопись называетъ этого митрополита преблаженнымъ, а послѣдующія именуютъ чудотворнымъ, дивнымъ, многодобродѣтельнымъ и святымъ мужемъ (31).

Николай, — упоминается по имени только въ 1097 г., когда, по просьбѣ кіевлянъ, выходилъ вмѣстѣ съ вдовствующею супругою вел. кн. Всеволода къ князьямъ, окружавшимъ Кіевъ войскомъ, и убѣдилъ ихъ не производить кровопролитія, не губить русской земли междоусобіями (32). Въ другой разъ упоминается въ 1101 году, но только какъ митрополитъ, безъ имени (33).

Никифоръ, Грекъ, родомъ изъ Суры ликійской. Пришелъ къ намъ въ 1104 г. Декабря 6, а въ 18 день того же мѣсяца посаженъ на столъ. Этотъ митрополитъ из-

вѣстенъ своими посланіями, показывающими въ немъ пастыря просвѣщеннаго, попечительнаго о спасеніи душъ и весьма ревностнаго къ охраненію православія. Скончался въ Апрѣлѣ 1121 г. ([34]).

Никита, Грекъ. Пришелъ изъ Царяграда въ 1122 г., скончался въ 1126 г. ([35]). Послѣ него около пяти лѣтъ каѳедра митрополіи русской оставалась праздною.

Михаилъ II, Грекъ. Прибылъ въ Кіевъ въ 1130 или въ 1131 г., а въ 1145 г. возвратился въ Грецію, гдѣ и скончался ([36]).

Число епархій русской Церкви въ разсматриваемый нами періодъ времени возрасло до двѣнадцати, со включеніемъ кіевской. Однѣ изъ нихъ были извѣстны еще прежде: новгородская ([37]), ростовская ([38]), черниговская ([39]), бѣлгородская ([40]), владимірская на Волыни ([41]). Другія сдѣлались извѣстными во второй половинѣ XI вѣка: тмутораканская — ок. 1068 г. ([42]), переяславская — въ 1072 ([43]), и юрьевская на рѣкѣ Роси — въ томъ же году ([44]). Третьи — въ первой половинѣ XII вѣка: полоцкая — 1105 г. ([45]), туровская — въ 1114 г. ([46]) и смоленская — въ 1137 г. ([47]). Говоримъ: сдѣлались извѣстными, — потому что всѣ эти епархіи подъ означенными годами только упоминаются мимоходомъ, и слѣд. предполагаются уже существовавшими, открытыми прежде. Объ одной смоленской ясно замѣчено, что она основана въ 1137 г., по желанію смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, и что прежде въ Смоленскѣ епископіи не было ([48]). Границы нашихъ тогдашнихъ епархій неизвѣстны; можно впрочемъ думать, судя по самому положенію этихъ епархій, что онѣ были не одинаковой величины. Къ числу самыхъ большихъ принадлежали: новгородская, обнимавшая собою весь сѣ-

веръ Россіи; ростовская — единственная на всемъ сѣверовостокѣ; черниговская, простиравшаяся до Рязани ([49]); владимірская на Волыни, заключавшая въ своихъ предѣлахъ всю Волынь. Меньшими епархіями были: находившіяся близъ Кіева — бѣлгородская, юрьевская и переяславская, хотя къ послѣдней до 1137 г. причислялся и Смоленскъ ([50]); такъ же тмутораканская, ограничивавшаяся только Тмутораканью съ округомъ. Одна изъ этихъ епархій, именно тмутораканская, по случаю раззоренія тмутораканскаго княжества Половцами, къ концу XI вѣка упразднилась; каѳедра другой — юрьевской, по раззореніи Юрьева Половцами въ 1095 г., перемѣщена была на время въ новый городъ Святополчь, построенный вел. кн. Святополкомъ на Вятичевомъ холмѣ при Днѣпрѣ; но потомъ, когда Юрьевъ былъ возобновленъ (1103 г.), снова перенесена на прежнее мѣсто ([51]). Іерархи, управлявшіе тогда нашими епархіями, назывались всѣ епископами, разумѣется, кромѣ кіевскаго митрополита, и едва ли различались по степенямъ и внѣшнимъ преимуществамъ своихъ каѳедръ ([52]). Большая часть этихъ іерарховъ извѣстны только по имени, а нѣкоторые даже вовсе неизвѣстны. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были:

Лука Жидята или *Жирята*, епископъ новгородскій. Онъ первый изъ Русскихъ, какъ мы знаемъ, удостоился степени епископства (въ 1036 г.), по волѣ вел. князя Ярослава, и принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ нашихъ духовныхъ писателей (*его Поученіе къ Братіи...*). Въ его время и подъ его ближайшимъ надзоромъ строился новгородскій Софійскій соборъ, который онъ и освятилъ въ 1051 году. Будучи оклеветанъ слугою своимъ Дудикомъ (въ 1055 г.) предъ кіевскимъ митрополитомъ

Ефремомъ, Лука вызванъ былъ въ Кіевъ и содержался тамъ три года, пока не обнаружилась его невинность и клеветникъ не получилъ достойнаго воздаянія. Святитель снова пріялъ свою власть въ Новгородѣ (1058 г.), но чрезъ нѣсколько времени въ другой разъ отправился въ Кіевъ и на возвратномъ пути оттуда скончался на Копысахъ (15 Окт. 1059 или 1060 г.); тѣло его погребено было въ Новгородѣ за Софійскою церковію (53). При умѣ образованномъ онъ отличался и святостію жизни: чрезъ пятьсотъ лѣтъ (въ 1558 г.) обрѣтены мощи его и перенесены въ Софійскій соборъ, гдѣ доселѣ мѣстно чтится память его вмѣстѣ съ другими угодниками, тамъ почивающими (54).

Св. Никита, епископъ новгородскій. Онъ былъ родомъ кіевлянинъ и съ юныхъ лѣтъ вступилъ въ печерскую обитель. Стремясь къ высшимъ подвигамъ, онъ вскорѣ рѣшился сдѣлаться затворникомъ, не смотря на всѣ внушенія настоятеля о преждевременности такого многотруднаго дѣла для молодаго инока, и дѣйствительно подвергся въ затворѣ горькому искушенію. По внушенію отъ діавола, явившагося ему въ образѣ ангела свѣтла, Никита совершенно пересталъ молиться Богу, весь предался чтенію книгъ ветхозавѣтныхъ, началъ принимать къ себѣ приходящихъ, давать имъ совѣты, изрекать предсказанія, и чрезъ то пріобрѣтать себѣ суетную славу. Никто не былъ въ состояніи состязаться съ нимъ въ знаніи книгъ ветхаго завѣта, а Евангелія и прочихъ книгъ новозавѣтныхъ онъ не только не читалъ, но никогда не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать. Совокупныя молитвы отцевъ печерскихъ, между которыми находились — игуменъ Никонъ, Матѳей прозорливецъ, Исаакій святый, Григорій чудотворецъ, Пи-

менъ постникъ и лѣтописецъ Несторъ, освободили несчастнаго инока отъ обаяній искусителя, — и Никита, покинувъ затворъ и внезапно лишившись всѣхъ знаній, которыми тщеславился, началъ снова учиться въ обители и граматѣ и иноческой жизни. На этотъ разъ онъ пошелъ путемъ истиннаго смиренія, воздержанія и послушанія, и мало по малу достигъ того, что превзошелъ всѣхъ своею добродѣтелію. За высокую добродѣтель подвижникъ возведенъ былъ въ санъ епископа новгородскаго (въ 1096 г.), и въ теченіе одиннадцати лѣтъ не переставалъ служить образцемъ благочестія для своей паствы. Господь удостоилъ своего угодника еще при жизни дара чудотвореній: двукратно онъ спасалъ Новгородъ отъ бѣдствій, — однажды своею молитвою свелъ дождь съ небеси во время продолжительной засухи, въ другой разъ молитвою же остановилъ страшный пожаръ, истреблявшій городъ ([35]). Мощи св. Никиты открыты въ 1558 г., спустя четыреста пятьдесятъ лѣтъ по смерти его; но онъ причтенъ былъ къ лику святыхъ гораздо прежде ([56]). При обрѣтеніи мощей, которыя доселѣ открыто покоятся въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, самое облаченіе святителя найдено совершенно нетлѣннымъ и до нынѣ сохраняется, какъ святыня, въ томъ же соборѣ ([57]).

Св. Стефанъ, епископъ владимірскій. Онъ возросъ подъ непосредственнымъ руководствомъ преп. Өеодосія печерскаго, служилъ при немъ и былъ его ученикомъ. Какъ искусный въ пѣніи и уставѣ церковномъ, онъ поставленъ былъ доместикомъ и уставщикомъ обители, а какъ опытному въ ученіи вѣры и духовной жизни, преп. Өеодосій поручалъ ему иногда поучать въ церкви братію. При смерти своей великій игуменъ печерскій, по единодуш-

ному избранію всей братіи, утвердилъ Стефана быть его преемникомъ, и хотя въ послѣдствіи тѣ же братія, неизвѣстно за что, лишили его игуменства и даже изгнали изъ обители, — но Стефанъ, твердый въ упованіи на Бога, при пособіи многихъ духовныхъ своихъ чадъ, построилъ себѣ новый монастырь на Кловѣ, неподалеку отъ печерскаго, соорудилъ въ немъ каменную церковь во имя влахернской иконы пресв. Богородицы и не переставалъ возвышаться въ подвигахъ благочестія. За святость жизни въ 1091 г. рукоположенъ во епископа Владиміру волынскому и, по смерти своей въ 1094 г., причтенъ Церковію (неизвѣстно, когда) къ лику святыхъ ([58]).

Св. Леонтій, епископъ ростовскій. Онъ былъ, по выраженію св. Симона, епископа владимірскаго, *первопрестольникъ* — въ томъ смыслѣ, что первый изъ кіевопечерскихъ иноковъ возведенъ былъ на епископскій престолъ; слѣдовательно возведенъ не позже 1051 г., когда удостоился епископскаго сана и вторый изъ постриженниковъ преп. Антонія — Иларіонъ, митрополитъ кіевскій. Прибывъ въ Ростовъ, Леонтій хотя еще нашелъ въ немъ слѣды христіанства послѣ первыхъ двухъ ростовскихъ епископовъ Өеодора и Иларіона, которые, впрочемъ, вынуждены были удалиться изъ города отъ гоненія язычниковъ, и особенно послѣ св. Авраамія ростовскаго, успѣвшаго крестить многихъ изъ нихъ и даже основать близъ города монастырь, но нашелъ также и глубокіе слѣды язычества, — почему прежде всего рѣшился на подвигъ апостольскій. Чтобы успѣшнѣе достигнуть цѣли, святитель, благовѣствуя всѣмъ, но встрѣчая упорное противленіе со стороны старцевъ и мужей, обратилъ особенное вниманіе на дѣтей, собиралъ ихъ въ церковь, самъ наставлялъ въ

истинахъ спасительной вѣры и крестилъ. Закоренѣлые въ язычествѣ родители тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ устремлялись на него и подвергали его мученіямъ и побоямъ; но мученикъ Христовъ не ослабѣвалъ въ своемъ трудѣ, пока не просвѣтилъ вѣрою самыхъ своихъ враговъ. Однажды, когда они съ оружіемъ и дреколіемъ собрались вокругъ церкви, гдѣ онъ поучалъ дѣтей, и положили между собою не только изгнать его изъ города, но и умертвить, — Леонтій, облекшись во всѣ святительскія одежды, съ крестомъ въ рукахъ и сопутствуемый освященнымъ соборомъ также въ полномъ облаченіи, явился предъ ними, — и язычники, пораженные чуднымъ видѣніемъ, поверглись всѣ на землю, какбы мертвые. Леонтій простеръ къ нимъ слово, исполненное духа и силы: они увѣровали во Христа и крестились. Съ того времени своимъ ученіемъ и чудесами Леонтій привлекъ ко Христу всѣхъ жителей Ростова, и хотя скончался въ мирѣ (прежде 1077 г.), но тѣмъ не менѣе заслужилъ вѣнецъ мученическій, вслѣдъ за двумя Варягами, пострадавшими у насъ еще прежде за имя Христово. Мощи святителя обрѣтены нетлѣнными въ 1164 г. Мая 23 и почиваютъ въ ростовской соборной церкви ([59]).

Св. Исаія, епископъ ростовскій. Родился въ области кіевской; принялъ постриженіе въ печерскомъ монастырѣ во дни преп. Антонія и Ѳеодосія; за высокіе подвиги благочестія избранъ (въ 1062 г.) во игумена устроеннаго вел. кн. Изяславомъ Дмитріевскаго монастыря, а потомъ (въ 1077 г.) возведенъ на каѳедру ростовской епархіи. Здѣсь ожидали святителя великіе труды: въ самомъ Ростовѣ были христіане, большею частію, только новопросвѣщенные, которыхъ надлежало утверждать въ вѣрѣ и

укрѣплять; а въ предѣлахъ епархіи ростовской находилось еще весьма много язычниковъ. И св. Исаія, ревностно назидая словомъ спасенія жителей Ростова, обтекалъ прочіе грады и веси области ростовской и суздальской, невѣрныхъ увѣщавалъ вѣровать во св. Троицу и крестилъ, а вѣрныхъ убѣждалъ быть твердыми и непоколебимыми въ вѣрѣ; гдѣ находилъ идоловъ, предавалъ ихъ огню, и сопутствуя себѣ дѣлами милосердія, повсюду привлекалъ къ себѣ сердца своихъ духовныхъ чадъ. Этотъ благовѣстникъ, котораго еще при жизни Господь удостоилъ дара чудотвореній, окончательно насадилъ христіанство въ ростовскомъ краѣ и, по смерти своей (въ 1090 г.), къ концу XI вѣка чтимъ уже былъ своею паствою въ ликѣ святыхъ. Нетлѣнныя мощи его обрѣтены въ 1164 г. Мая 23 и почиваютъ въ ростовской соборной церкви (60).

Кромѣ Ростова и ростовской области св. Церковь распространялась въ этотъ періодъ еще въ Муромѣ, въ странѣ Вятичей и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ нашего отечества къ сѣверу и юго-востоку.

Просвѣтителемъ Мурома былъ св. благовѣрный князь муромскій Константинъ. Въ житіи его, которое одно сохранило намъ преданія объ этомъ событіи, говорится, что послѣ перваго муромскаго князя, св. мученика Глѣба, который не успѣлъ насадить въ Муромѣ христіанства частію по сопротивленію жителей, а частію и по краткости своего здѣсь пребыванія, Муромцы оставались язычниками до тѣхъ поръ, пока другой благовѣрный князь Константинъ Святославичъ не испросилъ у отца своего въ удѣлъ себѣ Мурома, желая не только господствовать въ немъ, но и просвѣтить его св. вѣрою. Святославъ долго не соглашался на просьбу сына, опасаясь, чтобы невѣрные не

умертвили его, или не прогнали отъ себя. Наконецъ согласился, и отпустилъ съ нимъ жену его Ирину и чадъ Михаила и Θеодора, такъ же нужное число духовенства, воеводъ, воиновъ и другихъ людей, съ ихъ семействами и имуществомъ. Приближаясь къ Мурому, Константинъ послалъ напередъ сына своего Михаила съ нѣсколькими людьми для убѣжденія Муромцевъ покориться отцу его безъ кровопролитія. Но упорные и коварные язычники умертвили посланнаго къ нимъ князя и выбросили тѣло его вонъ изъ города. Тогда Константинъ приступилъ къ Мурому съ войскомъ. Муромцы хотѣли сначала сразиться съ нимъ, потомъ заключились въ городѣ и выслали сказать князю, что они согласны принять его къ себѣ на княженье, но не желаютъ принимать новой вѣры. Константинъ вошелъ въ городъ, утвердился въ немъ со всѣми своими спутниками и началъ строить церкви. Первая, построенная имъ церковь, въ которой онъ положилъ и тѣло убіеннаго сына своего Михаила, была церковь во имя Благовѣщенія пресвятыя Богородицы; вторая — во имя благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Объ обращеніи Муромцевъ князь усердно молился Богу и въ то же время часто призывалъ къ себѣ старѣйшинъ города, бесѣдовалъ съ ними о вѣрѣ, убѣждалъ ихъ принять св. крещеніе то ласками, то дарами, то обѣщаніемъ различныхъ льготъ для жителей; но все напрасно. Язычники враждовали за это на князя, и однажды, положивъ между собою клятву убить его или изгнать изъ города, собрались всѣ съ оружіемъ и дреколіемъ ко двору княжескому. Христіане устрашились и нѣкоторые, заключившись въ домахъ своихъ, стали приготовлять оружіе; но благов. князь Константинъ, вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, духовенствомъ

и многими другими христіанами обратился съ молитвою къ Богу. По окончаніи молитвы одинъ, съ иконою пресв. Богородицы въ рукахъ, явился предъ безчисленнымъ сборищемъ бунтовщиковъ, и язычники, пораженные ужасомъ, пали всѣ на землю и единогласно просили себѣ крещенія. Обрадованный князь, воздавъ благодареніе Господу и Его пречистой Матери, повелѣлъ въ опредѣленный день всѣмъ невѣрнымъ явиться на рѣку Оку, и тамъ совершилось торжественное крещеніе Муромцевъ точно также, какъ совершилось нѣкогда крещеніе Кіевлянъ въ Днѣпрѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ благов. князь Константинъ скончался и погребенъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими Михаиломъ и Θеодоромъ въ первосозданной имъ Благовѣщенской церкви. Св. мощи ихъ открыты въ 1553 г. и почиваютъ въ одной ракѣ въ муромскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ ([61]).

Но кто же былъ этотъ князь Константинъ Святославичъ — просвѣтитель Муромцевъ и когда онъ просвѣтилъ ихъ? Въ житіи его, составленномъ уже въ XVI вѣкѣ, по открытіи мощей благов. князя, говорится, будто онъ былъ сынъ кіевскаго князя Святослава и, выпросивъ себѣ у него Муромъ, пришелъ къ Мурому съ войскомъ въ 1192 г., спустя двѣсти лѣтъ по убіеніи перваго князя муромскаго св. Глѣба. Но это, безъ сомнѣнія, ошибка: 1) у кіевскаго князя Святослава Всеволодовича (ум. 1195 г.) не было сына Константина: по крайней мѣрѣ лѣтописи о немъ не упоминаютъ ([62]). 2) Если бы и былъ, — онъ не могъ просить себѣ у отца въ удѣлъ Мурома, какъ будто неимѣвшаго еще у себя никакого князя, — и главное, не могъ самъ быть княземъ Мурома около 1192 года: потому что отъ 1175 г. до 1204 г. тамъ княжилъ Владиміръ Юрьевичъ, а отъ 1204 до 1228 братъ его Давидъ Юрьевичъ ([63]).

3) Невѣроятно, чтобы въ Муромѣ до 1192 г. господствовало упорное язычество, когда съ конца XI вѣка мы видимъ тамъ цѣлый рядъ православныхъ князей изъ рода черниговскихъ, и когда еще въ 1196 г. тамъ существовалъ монастырь Спасскій (64). 4) У самаго жизнеописателя представляется, что Константинъ Святославичъ былъ первый князь со временъ св. мученика Глѣба, овладѣвшій Муромомъ и властвовавшій въ немъ, — а первымъ муромскимъ княземъ послѣ св. Глѣба былъ именно Ярославъ Святославичъ, внукъ Ярослава великаго, родоначальникъ князей муромскихъ и пронскихъ: онъ-то и могъ называться христіанскимъ именемъ Константина (65), и могъ испросить у отца своего Святослава черниговскаго, бывшаго нѣсколько времени и кіевскимъ (1073 — 1077), въ удѣлъ себѣ Муромъ, какъ принадлежавшій власти князей черниговскихъ (66). Неизвѣстно, съ какого времени Ярославъ (Константинъ) Святославичъ сдѣлался княземъ муромскимъ; но въ 1088 г. онъ уже находился въ Муромѣ (67), въ 1096 г. также находился въ Муромѣ; въ слѣдующемъ году Муромъ утвержденъ за нимъ на общемъ съѣздѣ князей; въ 1103 г. онъ княжилъ въ Муромѣ и воевалъ съ Мордвою; въ 1129 г. въ Муромѣ и скончался (68). Слѣдовательно, если признать справедливою догадку, что подъ именемъ Константина Святославича — просвѣтителя Муромцевъ разумѣется первый князь ихъ послѣ св. Глѣба Ярославъ Святославичъ: то насажденіе въ Муромѣ христіанства должно относить къ концу XI вѣка. До этого времени, неудивительно, если Муромцы, оставаясь безъ непосредственнаго княжескаго надзора и находясь въ сосѣдствѣ съ Болгарами — мусульманами, а иногда и подъ ихъ властію, упорно держались язычества (69).

Просвѣтителемъ Вятичей былъ преп. Кукша, священноинокъ кіевопечерскій. Подвигъ его былъ столько славенъ и общеизвѣстенъ, что св. Симонъ, епископъ владимірскій, писавшій свои сказанія объ инокахъ кіевопечерскихъ въ началѣ XIII вѣка, воскликнулъ: «могу ли умолчать и о семъ священномученикѣ, черноризцѣ того же печерскаго монастыря, Кукшѣ, о которомъ *вси вѣдаютъ*, какъ онъ бѣсовъ прогналъ, Вятичей крестилъ, дождь свелъ съ неба, озеро изсушилъ и многія чудеса сотворилъ и, послѣ многихъ мукъ, усѣченъ былъ съ ученикомъ своимъ Никономъ»? Это случилось не прежде XII вѣка: потому что къ концу XI и въ началѣ XII вѣка, какъ свидѣтельствуетъ современный лѣтописецъ, Вятичи были еще язычниками или, по крайней мѣрѣ, твердо держались нѣкоторыхъ языческихъ обычаевъ; но и не позже первой половины XII вѣка: потому что, по словамъ св. Симона, въ тотъ самый день, когда преп. Кукша и ученикъ его были замучены Вятичами, скончался въ кіевопечерскомъ монастырѣ преп. Пименъ постникъ (70). А Пименъ постникъ былъ одинъ изъ числа знаменитѣйшихъ и, вѣроятно, старѣйшихъ братій кіевопечерскаго монастыря еще при игуменѣ Никонѣ (1078—1088), которые приходили къ преп. Никитѣ затворнику, чтобы своими молитвами освободить его отъ обольщеній діавола; слѣд. могъ умереть не далѣе первой половины XII вѣка (71). Впрочемъ трудно согласиться, чтобы до преп. Кукши Вятичи были вовсе незнакомы съ св. вѣрою: въ Курскѣ и нѣкоторыхъ окрестныхъ городахъ, находившихся въ сосѣдствѣ съ страною Вятичей, существовало христіанство еще въ началѣ XI вѣка, какъ видно изъ житія преп. Ѳеодосія. Св. Кукша могъ крестить только тѣхъ Вятичей, которые еще не были крещены.

На сѣверѣ Россіи вѣра Христова, вѣроятно, изъ Новгорода проникла въ предѣлы олонецкіе и великопермскіе. Въ олонецкомъ краѣ, въ 43 верстахъ отъ Каргополя, основанъ былъ еще въ XI вѣкѣ монастырь Челменскій или челмогорскій препод. Кирилломъ, скончавшимся къ концу того же вѣка; а въ предѣлахъ Біарміи, при сліяніи двухъ рѣкъ Сухоны и Юга, существовалъ монастырь Гледенскій Троицкій, вокругъ котораго, по словамъ устюжскаго лѣтописца, еще до XII вѣка находился старый городъ — Устюгъ, перенесенный на нынѣшнее мѣсто въ началѣ XIII столѣтія (72). Существованіе въ этихъ странахъ иноческихъ обителей заставляетъ предполагать, что тамъ были уже христіане, или что самое основаніе монастырей имѣло цѣлію дальнѣйшее распространеніе христіанства между коренными жителями.

На юго-востокѣ Россіи встрѣчаемъ только частные случаи обращенія къ св. вѣрѣ между Евреями, жившими въ Крыму, и между Половцами, занимавшими пространство отъ Днѣпра до Дона, а потомъ и до Волги.

Такъ, когда въ 1095 г. Половцы, сдѣлавъ нападеніе на кіево-печерскій монастырь и его окрестности, увели съ собою множество плѣнныхъ и въ числѣ ихъ препод. Евстратія, котораго и продали, вмѣстѣ съ пятидесятью другими плѣнниками, одному корсунскому Еврею: то жидовинъ вздумалъ принуждать ихъ къ отреченію отъ Христа голодомъ. Плѣнники, подкрѣпляемые наставленіями препод. Евстратія, рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить вѣрѣ и дѣйствительно скончались всѣ голодною смертію. Тогда озлобленный жидовинъ въ самый день христіанской Пасхи распялъ препод. Евстратія на крестѣ, издѣвался надъ нимъ съ друзьями своими и, услышавъ

изъ устъ его пророчество о казни, какая постигнетъ ихъ самихъ, пронзилъ страдальца копіемъ и бросилъ тѣло его въ море. Пророчество исполнилось немедленно: въ тотъ же день получено было отъ греческаго царя повелѣніе, чтобы всѣхъ жидовъ, за ихъ притѣсненія христіанамъ, изгнать изъ Херсона, имѣнія ихъ отнять, а старѣйшинъ предать смерти; при этомъ, между другими, погибъ и мучитель препод. Евстратія. Прочіе Евреи, бывшіе свидѣтелями этихъ событій и пораженные чудесами, совершавшимися отъ мощей препод. Евстратія, приняли св. крещеніе ([73]).

Нѣчто подобное тогда же случилось и у Половцевъ. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ ими при нападеніи на кіевопечерскій монастырь, находился и препод. Никонъ-сухой, который достался въ рабы одному Половчанину. Родственники Никона, узнавъ о его мѣстопребываніи, пришли къ нему и хотѣли предложить за него богатый выкупъ; но Никонъ на это не согласился, сказавъ, что, конечно, самъ Господь предалъ его въ руки беззаконныхъ и что онъ охотно перенесетъ наказаніе отъ руки Господней. Половчанинъ крайне огорчился и началъ ежедневно предавать Никона разнымъ мукамъ, морилъ его голодомъ, подвергалъ побоямъ и т. п. Такъ прошло три года: страдалецъ только молился Богу, и наконецъ удостоившись откровенія, предсказалъ, что чрезъ три дня онъ будетъ въ кіевопечерскомъ монастырѣ. Половчанинъ, полагая, что его плѣнникъ хочетъ бѣжать, подрѣзалъ у ногъ его жилы, заковалъ его въ оковы и сталъ стеречь со всею бдительностію. Но на третій день въ шестомъ часу Никонъ дѣйствительно сдѣлался невидимъ и внезапно явился, окованный цѣпями и съ подрѣзанными жилами, въ церкви кіевопечер-

скаго монастыря, къ общему изумленію братіи. Когда, по заключеніи мира съ Половцами, бывшій господинъ препод. Никона случайно пришелъ въ печерскій монастырь и увидѣлъ здѣсь своего узника, такъ чудесно спасшагося изъ плѣна: это до того поразило язычника, что онъ тутъ же принялъ крещеніе со всѣмъ родомъ своимъ и даже поступилъ въ число братіи кіевопечерскаго монастыря, гдѣ и скончался (74). Были также у Половцевъ примѣры обращенія къ христіанству между членами ханскихъ фамилій. Въ 1094 г. приняла крещеніе дочь хана Тугоркана и сдѣлалась супругою великаго князя кіевскаго Святополка. Въ 1107 г. крестились дочери двухъ другихъ хановъ, называющихся въ нашихъ лѣтописяхъ Аэтами, и одна вышла за Юрія, сына Владиміра Мономаха, а другая за Святослава, сына Олега черниговскаго. Въ 1132 г. крестился въ Рязани половецкій князь Амуратъ (75).

Не смотря, однакожъ, на всѣ эти успѣхи св. вѣры въ нашемъ отечествѣ, она насаждалась тогда у насъ не безъ борьбы съ язычествомъ: мы видѣли уже, какое противленіе евангельской проповѣди оказали жители Ростова и Мурома, прежде нежели приняли ее. Но былъ еще особый классъ людей, которые по временамъ являлись то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ и дѣйствовали, какъ представители умиравшаго у насъ язычества: разумѣемъ волхвовъ или кудесниковъ. Не видно изъ исторіи, чтобы они прямо возставали противъ евангельской проповѣди и препятствовали ея распространенію; но они препятствовали утвержденію ея въ умахъ и сердцахъ вѣрующихъ, они удерживали христіанъ въ прежнихъ языческихъ суевѣріяхъ, иногда явно хулили св. вѣру, пытались отвлечь отъ нея новообращенныхъ и увлекали ихъ къ такимъ дѣламъ, ко-

торыя совершенно противны христіанству. Лѣтописецъ представляетъ нѣсколько бывшихъ тому случаевъ въ разсматриваемый нами періодъ, которые, взятые вмѣстѣ, довольно объясняютъ и значеніе волхвовъ, и ихъ вліяніе на народъ. Первый случай: около 1071 г. возсталъ волхвъ въ Кіевѣ, прельщенный бѣсомъ, и началъ утверждать, будто явилось ему пять боговъ, которые повелѣли ему возвѣстить людямъ, что чрезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ и земли перемѣнятъ свои мѣста, русская земля станетъ на мѣстѣ греческой, а греческая на мѣстѣ русской. Невѣжды (невѣгласи) слушали его, а твердые въ вѣрѣ насмѣхались надъ нимъ, говоря: бѣсъ играетъ тобою на пагубу тебѣ. Такъ и случилось: въ одну ночь волхвъ пропалъ безъ вѣсти. Другой, болѣе замѣчательный случай: однажды, когда въ ростовской области сдѣлался голодъ, возстали два волхва изъ Ярославля и говорили: мы знаемъ, кто обиліе держитъ. Они пошли по Волгѣ и, куда ни приходили, указывали на лучшихъ женщинъ, присовокупляя: вотъ эти жито держатъ, эти медъ, эти рыбу, эти мѣха. Легковѣрные приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы, прорѣзывая несчастнымъ тѣло за плечами, по видимому, вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и убивали многихъ женъ, забирая себѣ ихъ имѣніе. Дошли волхвы и до Бѣлоозера, имѣя уже съ собою шайку изъ 300 человѣкъ. Здѣсь прилучилось въ то время находиться Яну, сыну Вышатину, который былъ присланъ отъ князя Святослава для собиранія дани. Бѣлозерцы возвѣстили Яну о появленіи волхвовъ и о совершенныхъ ими злодѣйствахъ. Янъ, узнавъ, что эти волхвы суть смерды князя его Святослава, послалъ сказать провожавшей ихъ толпѣ, чтобы злодѣи были выданы; толпа не

послушалась. Тогда Янъ отправился самъ къ непокорнымъ, расположившимся около лѣса, взявъ съ собою двѣнадцать отроковъ и священника, и хотя при случившейся схваткѣ священникъ былъ убитъ, но мятежники бѣжали въ лѣсъ. Возвратившись въ городъ Бѣлозерцевъ, Янъ потребовалъ, чтобы они сами схватили волхвовъ и представили ему, угрожая въ противномъ случаѣ пробыть у нихъ цѣлое лѣто. Бѣлозерцы повиновались и представили ему волхвовъ. Янъ спросилъ ихъ: «за что вы погубили столько людей»? «За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ въ себѣ всякое обиліе; если истребимъ ихъ, будетъ во всемъ довольство; хочешь, мы и предъ тобою вымемъ жито, или рыбу, или что другое». Янъ сказалъ: «по истинѣ, лжете; сотворилъ Богъ человѣка отъ земли; составленъ онъ изъ костей, жилъ и крови; ничего другаго въ немъ нѣтъ и онъ самъ не знаетъ; одинъ Богъ вѣсть». Волхвы отвѣчали: «мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ, — Богъ мылся въ мойницѣ и, вспотѣвъ, отерся ветошью, которую и сбросилъ съ неба на землю; за тѣмъ сатана вступилъ въ прю съ Богомъ, кому изъ этой ветоши сотворить человѣка, и сотворилъ сатана тѣло человѣка, а Богъ вдунулъ въ него душу; потому, по смерти человѣка, тѣло его возвращается въ землю, а душа къ Богу». Янъ сказалъ: «поистинѣ, прельстилъ васъ бѣсъ; какому Богу вы вѣруете»? Волхвы отвѣчали: «антихристу, который сидитъ въ безднѣ». Янъ сказалъ: «что за Богъ, который сидитъ въ безднѣ? Это бѣсъ, а Богъ на небеси, возсѣдитъ на престолѣ славы, окруженный Ангелами; антихристъ же, которому вы вѣруете, свергнутъ съ неба за гордость и ожидаетъ въ безднѣ суднаго дня и огня вѣчнаго, уготованнаго ему и всѣмъ его послѣдователямъ. Что — до васъ: вы и здѣсь примете муку

отъ меня, и тамъ по смерти». Волхвы замѣтили: «намъ боги повѣдають, что ты ничего не можешь намъ сдѣлать...; намъ должно стать предъ самимъ княземъ Святославомъ». Янъ, вмѣсто отвѣта, велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; потомъ, привязавъ ихъ къ лодкѣ, отправился вслѣдъ за ними по Шекснѣ къ ея устью; здѣсь предалъ ихъ въ руки лодочниковъ, у которыхъ прежде волхвы избили то мать, то сестру, то дочь, и лодочники повѣсили злодѣевъ на дубѣ, гдѣ въ слѣдующую ночь медвѣдь съѣлъ ихъ трупы. Третій, еще болѣе замѣчательный, случай: явился волхвъ въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ, сталъ проповѣдывать людямъ, выдавая себя за Бога, многихъ прельстилъ, едва не весь городъ. Онъ говорилъ: я все знаю, — хулилъ вѣру христіанскую, и хвалился, что передъ всѣми перейдетъ Волховъ, какъ по суху. Въ городѣ произошелъ мятежъ; всѣ повѣрили волхву и хотѣли убить своего епископа (Ѳеодора). Тогда епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ и, ставши, сказалъ: «кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ за нимъ; а кто вѣруетъ во Христа, тотъ да идетъ ко кресту». Новгородцы раздѣлились на двое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали около епископа, а всѣ прочіе люди пошли вслѣдъ за волхвомъ, и былъ между ними большой мятежъ. Въ это время князь Глѣбъ, взявъ топоръ и скрывъ подъ рукою, подошелъ къ волхву и сказалъ: «знаешь ли, что будетъ завтра утромъ и что до вечера»? «Все знаю», отвѣчалъ волхвъ. «А знаешь ли, что будетъ нынче», — спросилъ князь. «Нынче, отвѣчалъ волхвъ, я сотворю великія чудеса». Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ, разрубилъ волхва, и онъ палъ мертвъ, а люди разошлись. Кромѣ того лѣтописецъ упоминаетъ о волхвѣ, который въ 1092 г. явился-было въ Ростовѣ, но вскорѣ

исчезъ, и разсказываетъ о кудесникѣ, жившемъ на Чуди, который, когда пришелъ къ нему одинъ Новгородецъ для гаданія, вызывалъ бѣсовъ и называлъ ихъ своими богами, живущими въ безднѣ (76).

Такимъ образомъ, слова и дѣйствія волхвовъ показываютъ въ нихъ совершенныхъ язычниковъ и враговъ христіанства. Они говорятъ *о двухъ* богахъ, Богѣ небесномъ и богѣ подземномъ, добромъ и зломъ, и вмѣстѣ о богахъ *многихъ*. Они свидѣтельствуютъ, что сами вѣруютъ именно въ злаго бога — въ *антихриста*, живущаго въ безднѣ, и что ихъ боги суть бѣсы, живущіе такъ же въ безднѣ. Иногда даже волхвы открыто хулятъ вѣру Христову, какъ случилось въ Новгородѣ. Не упоминаемъ о ихъ ненависти къ женщинамъ, которыхъ они, по своимъ языческимъ преданіямъ, считали, вѣроятно, виною всякаго зла, слѣдовательно и общественнаго голода. Вліяніе волхвовъ на народъ по временамъ было очень велико, какъ показываютъ примѣры въ Новгородѣ и на Бѣлоозерѣ. Это объясняется тѣмъ, что волхвы выдавали себя посланниками боговъ или даже богами, усвояли себѣ ближайшее общеніе съ ними и способность вызывать и вопрошать боговъ, творить чудеса, предугадывать будущее, врачевать болѣзни,— все такія качества, которыя во всякое время могутъ увлекать воображеніе толпы. А съ другой стороны, и народъ нашъ, привыкшій, можетъ быть, въ продолженіе многихъ столѣтій смотрѣть на волхвовъ такимъ образомъ, привыкшій обращаться къ нимъ и вполнѣ довѣрять имъ во дни своего язычества, не успѣлъ еще тогда возвыситься надъ этими застарѣлыми понятіями и утвердиться въ истинахъ Евангелія. И замѣчательно, что волхвы появлялись у насъ преимущественно въ странахъ сѣверо-восточныхъ,

гдѣ вообще было еще тогда болѣе остатковъ язычества, нежели на югѣ, и имѣли успѣхъ исключительно въ простомъ народѣ, между невѣгласами. Люди, принадлежавшіе къ высшему сословію, духовенство и всѣ твердо вѣрующіе не только не довѣряли волхвамъ, но и смѣялись надъ ними, противодѣйствовали имъ. Посадникъ Янъ, съ своими отроками, преслѣдуетъ волхвовъ, обличаетъ ихъ и предаетъ казни; священникъ, находившійся при Янѣ, жертвуетъ при этомъ своею жизнію; епископъ новгородскій не устрашился торжественно явиться предъ толпою, хотѣвшею умертвить его по наущенію отъ волхва, и смѣло возвѣстить слово истины; новгородскій князь съ своею дружиною сталъ на сторонѣ епископа и потомъ собственноручно умертвилъ волхва — обманщика (77).

ГЛАВА II.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ДРУГІЯ ОБИТЕЛИ.

Съ возведеніемъ пресвитера Иларіона на престолъ митрополіи кіевской соборомъ русскихъ іерарховъ препод. лѣтописецъ соединяетъ по времени основаніе кіево-печерскаго монастыря. И если первое событіе было весьма важно по своему внутреннему смыслу: то послѣднее еще болѣе важно по своему обширному вліянію на судьбу нашей Церкви, особенно въ разсматриваемый нами періодъ. Въ эти первые сто лѣтъ своего существованія кіево-печерская обитель постоянно занимала самое главное мѣсто въ ряду всѣхъ прочихъ, чередовавшихся событій русской церковной исторіи и находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: почти всѣ великіе подвижники, которыхъ житія составляютъ кіево-печерскій Патерикъ, жили и дѣйствовали именно въ то достопамятное время.

Въ исторіи кіево-печерскаго монастыря до избранія Климента Смолятича на престолъ митрополіи русской можно различать три частнѣйшіе отдѣла: первый, когда монастырь основанъ, — время до игуменства преп. Ѳеодосія (1062); вторый, когда монастырь сдѣланъ общежительнымъ и получилъ внутреннее благоустройство, — время игуменства преп. Ѳеодосія (1062 — 1074); третій

когда монастырь благоукрасился и достигъ внѣшняго процвѣтанія, — время послѣ игуменства преп. Θеодосія (1074 — 1145) ([78]).

I.

Начало кіево-печерскому монастырю положилъ преп. Антоній. Онъ родился въ городѣ Любечѣ (мѣстечькѣ нынѣшней черниговской губерніи) и въ крещеніи получилъ имя Антипы ([79]). Съ юныхъ лѣтъ исполненный страха Божія, Антипа почувствовалъ въ себѣ желаніе уединенной жизни, и, по внушенію свыше, рѣшился итти на Аθонъ, который славился уже тогда на всемъ востокѣ святостію своихъ отшельниковъ и служилъ какбы средоточіемъ и разсадникомъ православнаго монашества. Обходя монастыри св. горы и видя равноангельскій образъ жизни подвижниковъ, Антипа еще болѣе воспламенялся желаніемъ поревновать этому чудному житію, и въ одной изъ тамошнихъ обителей молилъ игумена возложить на него иноческій образъ. Игуменъ, какбы провидя будущія добродѣтели и назначеніе просителя, согласился, постригъ его и далъ ему имя Антонія — отца иночествующихъ. По примѣру большей части тогдашнихъ черноризцевъ Аθонскихъ, Антоній избралъ для себя образъ жизни отшельнической, и не подалеку отъ одного монастыря Аθонскаго, Есфигмена, въ которомъ будтобы онъ и принялъ постриженіе, доселѣ показываютъ пещеру, вмѣстѣ съ церковію, гдѣ началъ свои подвиги первоначальникъ иноковъ Русскихъ ([80]). Успѣхи его въ духовной жизни, постоянно возраставшіе, радовали всѣхъ. Тогда игуменъ, постригшій его, сказалъ ему: «Антоній! Иди опять въ Россію, и да будетъ тебѣ благословеніе отъ св.

горы, ибо многіе черноризцы отъ тебя имѣютъ произойти».

Антоній пришелъ въ Кіевъ, — и ища себѣ здѣсь мѣста для жительства, обходилъ монастыри, но не восхотѣлъ ни въ одномъ изъ нихъ остаться. За тѣмъ началъ ходить по дебрямъ и горамъ и пришелъ на холмъ, гдѣ существовала уже не большая пещерка (въ два сажня), ископанная священникомъ Берестовской Петропавловской церкви Иларіономъ, который уединялся въ нее по временамъ для богомыслія и молитвы. Возлюбивъ это мѣсто, преп. Антоній поселился на немъ и началъ со слезами молиться Богу, говоря: «Господи, утверди меня въ мѣстѣ семъ, и да будетъ на немъ благословеніе св. горы и моего игумена, который меня постригъ». И началъ копать пещеру день и ночь, пребывая въ трудахъ, постѣ, бдѣніи и молитвахъ. Это было въ 1051 году спустя немного послѣ возведенія Иларіона на каѳедру митрополитскую, котораго Антоній постригъ тогда въ монашество и пещерку котораго самъ занялъ и потомъ распространилъ своими руками (81). Вскорѣ о подвигахъ Антонія узнали люди, и начали приходить къ нему и приносить необходимое для жизни, — и онъ прослылъ, какъ великій Антоній. Приходящіе просили у него благословенія, а нѣкоторые просились къ нему и въ сожительство. Прежде всѣхъ удостоился этой великой чести преп. Никонъ. Кто былъ онъ и откуда пришелъ къ Антонію и въ какихъ лѣтахъ, неизвѣстно. Но извѣстно, что онъ былъ саномъ іерей, и что преп. Антоній поручалъ ему постригать тѣхъ, которыхъ въ послѣдствіи принималъ къ себѣ для пещерныхъ подвиговъ (82). Послѣ Никона прибылъ къ Антонію и другой сподвижникъ — Ѳеодосій.

Чрезвычайно замѣчательна исторія этого избранника Божія съ самыхъ первыхъ лѣтъ его жизни. Родившись въ городѣ Василевѣ и вскорѣ переселившись съ родителями въ Курскъ, Ѳеодосій, едва началъ приходить въ сознаніе и возрастъ, уже обнаружилъ въ себѣ самое благочестивое настроеніе души. Каждый день ходилъ онъ въ церковь и со всѣмъ вниманіемъ слушалъ Божественныя книги; чуждался дѣтскихъ игръ, не любилъ свѣтлыхъ одеждъ, какія давали ему родители, а облекался въ простыя и убогія; самъ упросилъ родителей отдать его на ученье книжное къ одному изъ городскихъ учителей, и вскорѣ такъ успѣлъ въ Божественномъ Писаніи, что всѣ чудились премудрости и разуму дѣтища; отличался совершенною скромностію и покорностію не только учителю, но и соученикамъ своимъ. Въ тринадцать лѣтъ лишившись отца своего и оставшись подъ надзоромъ матери — женщины строгой и упорной, не сочувствовавшей влеченію сердца его, хотя и пламенно любившей сына, Ѳеодосій еще болѣе началъ подвизаться. Смиреніе его простиралось до того, что онъ, съ рабами своими въ простой одеждѣ, ходилъ на работы; по прежнему удалялся игръ съ сверстниками и не хотѣлъ облачаться въ свѣтлую одежду, не смотря ни на увѣщанія матери, ни даже на сильные отъ нея побои. Помышляя только о томъ, какъ бы спастись, и услышавъ о св. мѣстахъ, гдѣ Господь совершилъ наше спасеніе, Ѳеодосій воспламенился ревностію посѣтить эти мѣста и поклониться имъ. Вскорѣ случилось, что чрезъ Курскъ проходили странники, бывшіе изъ Іерусалима и возвращавшіеся на родину: Ѳеодосій упросилъ ихъ взять его съ собою, — и тайно отъ матери, не имѣя ничего, кромѣ худой одежды, отправился вслѣдъ за ними. Чрезъ три

дня, однакожъ, мать, провѣдавъ о бѣгствѣ его, погналась за нимъ вмѣстѣ съ юнѣйшимъ сыномъ своимъ — братомъ Ѳеодосія, и когда догнала, съ гнѣвомъ и яростію била его и связаннаго привезла домой. Здѣсь послѣ новыхъ жестокихъ побоевъ, заключила его, связаннаго, въ особую храмину, гдѣ два дни онъ оставался безъ пищи; потомъ, хотя освободила изъ заключенія, однакожъ возложила на ноги его оковы и держала его въ такомъ видѣ нѣсколько дней, пока не умилостивилась. Тогда Ѳеодосій снова началъ ходить по вся дни въ церковь, и замѣтивъ, что иногда не служатъ литургіи по недостатку просфоръ, самъ рѣшился заниматься этимъ дѣломъ: покупалъ пшеницу, мололъ ее своими руками, пекъ просфоры и однѣ изъ нихъ приносилъ въ церковь для Божественной службы, другія продавалъ, и вырученную плату частію употреблялъ для покупки новой пшеницы, а частію раздавалъ нищимъ. Такъ прошло болѣе двухъ, или вѣрнѣе, болѣе двѣнадцати лѣтъ ([83]). Ни насмѣшки сверстниковъ, ни убѣжденія матери не могли отклонить благочестиваго юношу отъ его занятій. Мать снисходила ему еще около года, а наконецъ угрозами и побоями довела сына своего до того, что онъ тайно удалился изъ Курска въ близъ-лежащій городъ къ одному пресвитеру, и тамъ продолжалъ свое любимое дѣло. Послѣ многихъ дней мать отыскала сына и здѣсь, и, строго наказавъ, привела домой и рѣшительно запретила печь просфоры. Ѳеодосій, какъ и прежде, началъ ежедневно ходить въ церковь и своимъ смиреніемъ и благопокорливостію заслужилъ такое благоволеніе *властелина града*, что этотъ властелинъ повелѣлъ ему пребывать въ своей, вѣроятно, домовой церкви, и нѣсколько разъ дарилъ ему свѣтлыя одежды, которыя однакожъ Ѳеодосій всегда

отдавалъ нищимъ, предпочитая одѣваться въ рубища, — за что̀ еще больше любилъ его градоначальникъ. Въ это время Ѳеодосій, для большаго умерщвленія плоти, возложилъ на себя желѣзныя вериги и ходилъ въ нихъ; такъ прошло много дней. Но наступилъ какой-то праздникъ, когда начальникъ города созвалъ къ себѣ на трапезу всѣхъ вельможъ градскихъ, и повелѣлъ Ѳеодосію прислуживать за нею въ свѣтлой одеждѣ. При перемѣнѣ бѣлья мать его замѣтила кровь на срачицѣ сына, и узнавъ причину крови, съ яростію бросилась на него, сняла съ него вериги и подвергла его жестокимъ побоямъ.

Но ничто уже не могло удержать юношу отъ его стремленія къ подвижнической жизни. Услышавъ однажды слова Господа: *иже любитъ отца, или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына, или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ* (Матѳ. 10, 37), и еще: *пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы: возмите иго мое на себе, и научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ* (— 11, 28. 29), — Ѳеодосій до того воспламенился Божественною любовію, что каждый день и часъ началъ помышлять только, какъ бы удалиться изъ дому матери и облечься въ иноческій образъ. Вскорѣ мать его отлучилась изъ дому на нѣсколько дней: Ѳеодосій воспользовался ея отсутствіемъ, и, помолившись Богу, взявъ съ собою только одежду, въ которую былъ облеченъ, и нѣсколько хлѣба, рѣшился итти въ Кіевъ, гдѣ, какъ слышалъ, были уже монастыри. Не зная самъ дороги, къ счастію, онъ увидѣлъ купеческій обозъ, медленно тянувшійся туда же, издали послѣдовалъ за обозомъ и чрезъ три недѣли достигъ желанной цѣли. Въ Кіевѣ Ѳеодосій

обходилъ всѣ монастыри, просился въ каждомъ, чтобы его приняли, но по своей бѣдности и убогимъ одеждамъ не былъ принятъ ни въ одномъ. Тогда, услышавъ о преп. Антоніѣ, подвизавшемся въ пещерѣ, пламенный юноша устремился къ нему, повергся къ стопамъ отшельника и со слезами умолялъ принять его къ себѣ. «Видишь-ли чадо, — сказалъ ему Антоній, — пещера моя скорбна и тѣсна? А ты юнъ и, какъ думаю, не въ состояніи выносить скорби на мѣстѣ семъ». Θеодосій отвѣчалъ: «самъ Христосъ Богъ привелъ меня къ твоей святынѣ, честный отче, да спасуся тобою, и потому я буду творить все, что ты повелишь». Антоній, благословивъ юношу, принялъ его къ себѣ, и повелѣлъ преп. Никону постричь его и облечь въ иноческую одежду. Это было, разумѣется, отнюдь не прежде 1051 года. Новый инокъ предался со всѣмъ жаромъ и ревностію трудамъ подвижничества, такъ что преп. Антоній и Никонъ дивились его смиренію, послушанію и толикому, въ лѣтахъ юности, воздержанію, благонравію, крѣпости и бодрости, и прославляли Бога. Чрезъ четыре года (слѣд. около 1054 г.) пришла въ Кіевъ мать Θеодосія, долго и напрасно искавшая его, которую онъ и убѣдилъ оставить міръ и вступить въ женскій кіевскій монастырь св. Николая. «И можно было, замѣчаетъ вслѣдъ за тѣмъ преп. Несторъ, видѣть три свѣтила, сіявшія въ пещерѣ и разгонявшія тьму бѣсовскую всякою молитвою и постомъ, разумѣю преподобнаго Антонія, блаженнаго Θеодосія и великаго Никона. Они въ пещерѣ молились Богу, и Богъ былъ съ ними».

Можно думать, что около этого времени присоединился къ нимъ еще одинъ подвижникъ — препод. Моусей Угринъ (81). Онъ былъ родной братъ Георгія и Ефрема,

съ которыми и служилъ вмѣстѣ при князѣ ростовскомъ Борисѣ Владиміровичѣ. Въ 1015 году, когда св. Борисъ былъ умерщвленъ на рѣкѣ Алтѣ, Моусей, одинъ только изъ всей свиты Борисовой избѣгшій смерти, укрылся отъ преслѣдованія Святополка въ домѣ сестры князя Ярослава, Предиславы. Но въ 1018 г., когда тесть Святополковъ, Болеславъ король польскій, овладѣлъ Кіевомъ, Моусей вмѣстѣ со многими другими Кіевлянами взятъ былъ въ плѣнъ и отведенъ въ Польшу. Тамъ цѣлые пять лѣтъ томился въ оковахъ; потомъ еще шесть лѣтъ провелъ въ домѣ одной знатной Ляхины, которая, прельстившись его красотою, выкупила его изъ оковъ и всячески старалась привлечь его къ себѣ. Но напрасно истощала она для этого свои ласки и угрозы; напрасно заключала его въ темницу и томила голодомъ; напрасно показывала ему свои владѣнія и богатства и предлагала ему даже свою руку, будучи вдовою; напрасно жаловалась на своего невольника королю Болеславу, котораго благоволеніемъ пользовалась: ничто не могло прельстить нашего цѣломудреннаго Іосифа. Давши Богу обѣтъ быть инокомъ, Моусей вскорѣ удостоился достигнуть своей цѣли. Случилось такъ, что къ нему пришелъ одинъ черноризецъ съ св. горы Аѳонской, саномъ іерей, и постригъ его тайно отъ госпожи его. Тогда госпожа, не могши отыскать этого черноризца, излила всю свою ярость на Моусея, приказала давать ему ежедневно по сту ударовъ, и наконецъ велѣла сдѣлать евнухомъ, такъ что страдалецъ, истекая кровію, едва остался живъ; а Болеславъ, изъ угожденія этой неистовой женѣ, изгналъ всѣхъ черноризцевъ изъ своей области. Но гнѣвъ Божій не умедлилъ открыться на нечестіе и неправду: въ одну ночь Болеславъ внезапно скончался, и велѣдъ за тѣмъ въ

Польшѣ послѣдовало сильное возмущеніе, во время котораго погибла и жена, мучившая цѣломудреннаго Моѵсея. Это случилось въ 1030 году ([85]). Мало по малу собравшись съ силами и чрезъ нѣсколько лѣтъ довольно отправившись, многострадальный Моѵсей пришелъ въ пещеру къ преп. Антонію, и здѣсь въ постѣ и молитвахъ, въ бдѣніи и безмолвіи и прочихъ иноческихъ добродѣтеляхъ благоугождая Богу еще десять лѣтъ, преставился ([86]). Сколько протекло времени, пока Моѵсей оздаравливалъ, гдѣ находился онъ все это время, и въ какомъ именно году прибылъ онъ въ пещеру Антоніеву, неизвѣстно ([87]). Но, безъ сомнѣнія, онъ не могъ притти въ пещеру преп. Антонія прежде 1054 года, пока сіяли въ ней только три свѣтила, и не могъ скончаться здѣсь въ 1041 году, какъ показано въ печатномъ Печерскомъ патерикѣ (въ житіи преп. Моѵсея Угрина).

Послѣ 1054 года, съ возшествіемъ на кіевскій престолъ в. кн. Изяслава, Антоній прославился уже по всей Русской землѣ, и къ нему болѣе и болѣе начали стекаться братія и просить у него постриженія. Въ числѣ первыхъ прибыли двое изъ вельможъ. Одинъ былъ сынъ перваго боярина Изяславова, по имени Іоанна ([88]). Молодой человѣкъ, имѣвшій уже жену, часто приходилъ къ препод. обитателямъ пещеры, наслаждался ихъ сладкою бесѣдою и почувствовалъ въ себѣ сильное желаніе поселиться вмѣстѣ съ ними и презрѣть всѣ блага жизни. Однажды онъ открылъ свое желаніе преп. Антонію, который хотя одобрилъ святость намѣренія, но объяснилъ и трудность подвига и всю опасность отказаться отъ него впослѣдствіи. Юноша еще болѣе воспламенился, такъ что на другой же день, облекшись въ свѣтлую одежду, на богатоубранномъ

конѣ, окруженный отроками, прибылъ къ пещерѣ и, когда отцы-пещерники при встрѣчѣ поклонились ему, по обычаю, какъ вельможѣ, онъ самъ поклонился имъ до земли; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ ее предъ Антоніемъ, поставилъ предъ нимъ своего коня и сказалъ: «твори съ ними, что хочешь; я уже презрѣлъ все мірское, хочу быть инокомъ, жить съ вами въ пещерѣ и никогда не возвращусь въ домъ свой». Старецъ снова напомнилъ ему о важности монашескихъ обѣтовъ и указалъ на власть отца, который можетъ насильно извлечь его изъ пещеры (89). Юноша отвѣчалъ, что онъ готовъ потерпѣть даже мученія, но уже не возвратится въ міръ, и умолялъ скорѣе постричь его. Тогда Никонъ, по повелѣнію Антонія, постригъ его, облекъ въ монашескія одежды и назвалъ Варлаамомъ (90). Въ то же время пришелъ къ Антонію и другой придворный в. кн. Изяслава, любимый княземъ и «предержай у него вся», нѣкто каженикъ или скопецъ. Онъ съ мольбою открылъ старцу свое желаніе быть черноризцемъ; старецъ поучилъ его о спасеніи души и передалъ Никону. Никонъ постригъ его, облекъ въ монашескую одежду и назвалъ Ефремомъ.

Постриженіе этихъ двухъ важныхъ лицъ сильно огорчило в. кн. Изяслава; онъ потребовалъ къ себѣ Никона, съ гнѣвомъ допрашивалъ его и повелѣлъ ему убѣдить новопостриженныхъ возвратиться въ свои домы, угрожая въ противномъ случаѣ всѣхъ старцевъ сослать на заточеніе, а пещеру ихъ раскопать. Но, пока Никонъ находился еще у в. князя, преп. Антоній и прочіе сожители, взявъ свои одежды, удалились отъ своей пещеры съ намѣреніемъ перейти въ другую область. Одинъ изъ отроковъ донесъ объ этомъ Изяславу; княгиня разсказала ему, какъ въ ея

отечествѣ — Польшѣ однажды изгнаніе иноковъ причинило странѣ много зла, и убѣждала своего супруга предохранить себя отъ подобнаго несчастія. Изяславъ, устрашившись гнѣва Божія, отпустилъ Никона и послалъ упрашивать Антонія и его спутниковъ поселиться на прежнемъ мѣстѣ; но они едва, послѣ трехдневныхъ увѣщаній, согласились возвратиться въ свою пещеру ([91]). Вскорѣ постигло печерянъ новое искушеніе: отецъ Варлаама, узнавъ, что в. князь простилъ ихъ, отправился къ нимъ самъ со множествомъ отроковъ, разогналъ малое стадо, взялъ изъ пещеры сына своего, снялъ съ него монашескія одежды ([92]) и насильно увлекъ его въ домъ свой. Здѣсь сначала посадилъ его съ собою за трапезу; но Варлаамъ ничего не вкушалъ и только смотрѣлъ въ землю; потомъ отпустилъ его въ собственныя его хоромы, повелѣвъ женѣ дѣйствовать на него ласками и убѣжденіями, а отрокамъ прислуживать ему и вмѣстѣ сторожить его; но Варлаамъ, удалившись въ одну изъ клѣтей, сѣлъ въ углу и, не обращая никакого вниманія на ласки жены, въ продолженіе трехъ дней сидѣлъ молча и неподвижно, не вкушалъ ни пищи, ни питія, а только непрестанно молился въ тайнѣ сердца. Наконецъ, на четвертый день отецъ сжалился надъ сыномъ, опасаясь, чтобы онъ не умеръ голодною смертію, призвалъ его къ себѣ и, съ любовію облобызавъ, отпустилъ, — и Варлаамъ, сопутствуемый общимъ плачемъ отца, матери, супруги и слугъ, съ радостію возвратился въ свою пещеру.

Съ этого времени начало еще болѣе стекаться народу за благословеніемъ отшельниковъ; даже самъ вел. князь Изяславъ приходилъ къ преп. Антонію съ дружиною просить его благословенія и молитвъ. А нѣкоторые тутъ же

принимали и иночество [93], хотя, съ другой стороны, нѣкоторые изъ прежнихъ братій стали оставлять пещеру. Такъ, Никонъ удалился на островъ тмутороканскій и основалъ тамъ монастырь съ церковію во имя пресв. Богородицы. Другой черноризецъ, постриженникъ монастыря св. Мины Болгарина и самъ родомъ Болгаринъ, вѣроятно, только временно проживавшій въ пещерѣ, удалился вмѣстѣ съ Никономъ къ Черному морю и за тѣмъ одинъ отправился къ Константинополю, но, встрѣтивъ среди моря уединенный островъ, поселился на немъ и подвизался до конца жизни, — почему и островъ тотъ долго назывался Болгариновъ [94]. Третій черноризецъ, преп. Ефремъ каженикъ отошелъ въ Константинополь и жилъ тамъ въ одномъ изъ монастырей. По отшествіи этихъ трехъ иноковъ, пресвитеромъ вмѣсто Никона сдѣланъ былъ пр. Θеодосій [95], и число братій въ пещерѣ простиралось до 12 или даже до 15 [96]. Всѣ они жили въ пещерѣ, ископали въ ней себѣ кельи и церковь, въ которой отправляли свое богослуженіе, и всѣми ими управлялъ непосредственно великій Антоній. Таково было самое начальное состояніе кіево-печерской обители!

Вскорѣ послѣдовали въ ней перемѣны. Преп. Антоній, любя уединеніе, затворился въ одной кельѣ пещеры, а вмѣсто себя поставилъ надъ братіею перваго игумена Варлаама; потомъ перешелъ на другой сосѣдній холмъ, ископалъ для себя новую пещеру и поселился въ ней. Варламъ, видя умноженіе числа братій, когда пещерная церковь сдѣлалась для нихъ тѣсною, съ общаго согласія и съ благословенія преп. Антонія, построилъ небольшую открытую церковь надъ пещерою во имя Успенія пресв. Богородицы, хотя кельи оставались пока въ пещерѣ. Спу-

стя не много, когда число иноковъ еще увеличилось, они вмѣстѣ съ игуменомъ положили совѣтъ построить открыто цѣлый монастырь и обратились за благословеніемъ къ преп. Антонію. Антоній, преподавъ благословеніе, послалъ сказать в. кн. Изяславу: «Князь мой! Вотъ Богъ умножаетъ братію, а мѣста у насъ мало; отдай намъ всю гору, находящуюся надъ пещерою». Великій князь съ радостію на это согласился. И братія съ игуменомъ заложили великую церковь, оградили монастырь тыномъ (столпьемъ), поставили много келлій, окончили церковь и украсили ее иконами. Съ того времени *начался* въ собственномъ смыслѣ *монастырь*, названный *печерскимъ* — отъ пещеръ, въ которыхъ прежде жили его иноки. Переселеніе братіи изъ пещеръ въ этотъ новоустроенный монастырь совершилось, по свидѣтельству преп. Нестора, въ 1062 году ([97]).

Впрочемъ, хотя съ удаленіемъ преп. Антонія отъ настоятельства произошли въ его обители нѣкоторыя перемѣны, но образъ жизни оставался тотъ же. «Сколько скорби и печали, пишетъ преп. Несторъ въ житіи преп. Ѳеодосія, понесли иноки отъ тѣсноты мѣста своего, вѣдаетъ одинъ Богъ, а человѣческими устами исповѣдать невозможно. Пищею для братіи служили только хлѣбъ и вода. Въ субботу и воскресенье вкушали сочиво; но часто и въ эти дни сочива не обрѣталось и они ѣли одно вареное зѣліе. Для содержанія себя трудились и работали: плели клобуки изъ волны и занимались другими рукодѣліями; все это относили въ городъ и продавали; на вырученныя деньги покупали жита, которое и раздѣляли между собою, чтобы каждый во время ночи измололъ свою часть для испеченія хлѣбовъ. За тѣмъ отправляли утреннее богослуженіе. Послѣ утрени одни продолжали свои рукодѣлія,

другіе копали гряды въ огородѣ и ходили за овощами, пока не наступалъ часъ божественной литургіи. Тогда собирались всѣ въ церковь, пѣли часы и совершали св. службу. По окончаніи литургіи вкушали мало хлѣба и снова принимались каждый за свое дѣло: и такъ трудились во всѣ дни, пребывая въ любви Божіей. Болѣе всѣхъ отличался смиреннымъ смысломъ, послушаніемъ и трудами преп. Ѳеодосій, который и тѣломъ былъ благъ и крѣпокъ. Онъ прислуживалъ всѣмъ: носилъ на себѣ воду и дрова изъ лѣсу. Ночи проводилъ безъ сна въ славословіи Божіемъ, и иногда, когда братія спала, бралъ раздѣленное жито и, измоловъ часть каждаго, поставлялъ на свое мѣсто; въ другое время, когда случалось ночью много оводовъ и комарей, выходилъ изъ пещеры, обнажалъ тѣло свое до пояса и отдавалъ себя имъ въ пищу, а самъ между тѣмъ, сидя неподвижно, прялъ волну и пѣлъ псалмы Давидовы. Когда приходило время заутрени, прежде всѣхъ являлся въ церковь, становился неподвижно на свое мѣсто, благоговѣйно совершалъ божественное славословіе и послѣ всѣхъ выходилъ изъ церкви. За то всѣ сильно любили его и дивились его смиренію и послушанію».

Такимъ-то образомъ кіево-печерскій монастырь, по выраженію лѣтописца, пошелъ отъ благословенія св. горы Аѳонской и поставленъ былъ не отъ богатства, а слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣньемъ (98)!

II.

Около 1062 г. в. кн. Изяславъ, построивъ монастырь во имя своего ангела Димитрія и желая возвысить этотъ монастырь надъ печерскимъ при помощи богатства, пере-

велъ туда настоятелемъ игумена печерскаго Варлаама. Тогда братія печерскаго монастыря, совѣщавшись между собою, пришли къ Антонію и просили его поставить надъ ними новаго игумена. Антоній указалъ на Θеодосія, какъ болѣе всѣхъ послушливаго, кроткаго и смиреннаго. И братія съ радостію, поклонившись старцу, признали надъ собою игуменомъ Θеодосія, котораго и сами предварительно избрали единодушно. Принявъ старѣйшинство въ обители, Θеодосій не оставилъ своего прежняго смиренія и правила жизни, напротивъ еще болѣе подвизался въ послушаніи, постничествѣ и другихъ иноческихъ трудахъ, такъ что всѣмъ былъ слугою и для всѣхъ представлялъ образецъ ([99]). Первымъ дѣломъ его было, вѣроятно, перемѣщеніе братіи изъ пещеръ въ новоустроенный монастырь, который былъ совершенно оконченъ еще при Варлаамѣ. Но потомъ, когда число братіи начало быстро возрастать и достигло ста, Θеодосій озаботился, какъ бы отыскать для нихъ *черпеческое* правило. Съ этою цѣлію онъ послалъ одного инока въ Царьградъ къ проживавшему тамъ Ефрему скопцу, чтобы онъ списалъ весь уставъ студійскаго монастыря и принесъ ([100]). Между тѣмъ въ Кіевъ прибылъ митрополитъ Георгій и при немъ чернецъ студійскаго монастыря Михаилъ, у котораго также нашелся списокъ устава студійскаго. Снявъ копію съ этого списка, можетъ быть, неполнаго, и получивъ полный списокъ всего студійскаго устава отъ Ефрема скопца, или получивъ и сличивъ между собою два равно полные списка, преп. Θеодосій повелѣлъ прочитать уставъ предъ братіею и ввелъ его въ своей обители ([101]).

Въ чемъ состояли подробности этого устава, съ точностію опредѣлить не можемъ: потому что самъ преп.

Θеодоръ Студитъ не написалъ для своего монастыря устава, а списки студійскаго устава составлялись уже впослѣдствіи, частію на основаніи катихизическихъ словъ къ братіи и краткаго завѣщанія преп. Θеодора Студита ([102]), преимущественно же на основаніи того порядка, какой завелъ онъ въ своей обители, — и такіе списки въ XI вѣкѣ, по свидѣтельству современника, были весьма несходны между собою ([103]). Слѣд., хотя и дошелъ до насъ одинъ весьма драгоцѣнный списокъ студійскаго устава на славянскомъ языкѣ еще отъ XII вѣка, но признать его за копію съ того самаго устава, какой принятъ былъ преп. Θеодосіемъ печерскимъ для его обители, нѣтъ основанія, особенно когда извѣстно, что означенный списокъ представляетъ собою переводъ студійскаго устава собственно въ томъ видѣ, какъ онъ начертанъ былъ патріархомъ Алексіемъ (1025—1043) для одного, основаннаго имъ въ Константинополѣ, Богородичнаго монастыря ([104]), а нашъ преп. Θеодосій принялъ уставъ непосредственно отъ инока студійскаго цареградскаго монастыря. Можно только сказать съ рѣшительностію, что студійскій уставъ, принятый преп. Θеодосіемъ, былъ уставъ полный, который обнималъ собою и порядокъ жизни монастырской и вмѣстѣ порядокъ службы церковной: потому что за тѣмъ и посылалъ преподобный одного инока въ Царьградъ къ Ефрему скопцу, «да весь уставъ студійскаго монастыря принесетъ, исписавъ», и потомъ дѣйствительно «устави въ монастыри своемъ, како пѣти пѣнья монастырская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный, на трапезѣ сѣданье и что ясти въ кыя дни, все съ уставленьемъ ([105])». Точно также несомнѣнно, что уставъ, введенный Θеодосіемъ въ свой монастырь, былъ

общежительный, который потомъ отъ печерскаго монастыря приняли всѣ прочія русскія обители, — въ слѣдствіе чего преп. Өеодосій и названъ *начальникомъ общаго житія монашескаго въ Россіи*, а печерскій монастырь — *старѣйшимъ* изъ всѣхъ монастырей русскихъ ([106]). Наконецъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя достовѣрныя подробности объ устройствѣ печерскаго монастыря по новому уставу можемъ узнать изъ Житія преп. Өеодосія, начертаннаго преп. Несторомъ.

Въ печерскомъ монастырѣ, кромѣ *игумена*, явились и другія, подчиненныя ему, должностныя лица. Такъ, *доместикъ* или уставщикъ распоряжался и управлялъ пѣніемъ и чтеніемъ въ церкви. *Церковные строители* (пономари) завѣдывали церковнымъ виномъ, масломъ для освѣщенія церкви, церковнымъ звономъ и под. *Эконому* поручена была монастырская казна и вообще все монастырское имущество. *Келарь* имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи братскую трапезу, просфорню и всѣ съѣстные припасы. *Ключникъ*, помощникъ келаря, хранилъ у себя ключи отъ погребовъ и другихъ мѣстъ, гдѣ содержались запасы. Упоминаются еще: *начальникъ хлѣбопековъ*, распоряжавшійся въ кухнѣ, и *вратарь*, постоянно находившійся при вратахъ обители. Доместикомъ при Өеодосіѣ былъ Стефанъ, сдѣлавшійся потомъ его преемникомъ въ игуменствѣ; келаремъ — Өеодоръ, сообщившій о Өеодосіѣ много свѣдѣній преподобному лѣтописцу; экономомъ — Анастасій.

Братія обители раздѣлялись на четыре класса: одни еще не были пострижены и ходили въ мірской одеждѣ; другіе, хотя еще не были пострижены, но ходили въ монашеской одеждѣ; третьи были уже пострижены и носили мантію; четвертые были облечены въ великую схиму.

Это были какъбы четыре степени иноческой жизни. Преп. Θеодосій не отвергалъ никого изъ приходящихъ и просившихъ отъ него постриженія, былъ ли кто богатъ или убогъ, напротивъ всякаго принималъ съ радостію; только не вдругъ постригалъ, а приказывалъ вступающему въ обитель сначала ходить въ мірской одеждѣ, пока онъ не привыкалъ ко всему монастырскому строю; потомъ облекалъ его въ монашескую одежду и искушалъ во всѣхъ монастырскихъ службахъ; далѣе — постригалъ и облачалъ въ мантію: это состояніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока чернецъ не оказывался искуснымъ въ честномъ житіи иноческомъ; наконецъ удостоивалъ такого чернеца принять на себя великій ангельскій образъ и возлагалъ на него куколь ([107]). Слѣдовательно преп. Θеодосій различалъ великую и малую схиму, между тѣмъ какъ преп. Θеодоръ Студитъ не допускалъ такого различія ([108]): знакъ, что уставъ студійскій, принятый преп. Θеодосіемъ, уже былъ несовсѣмъ тотъ, какой первоначально завѣщанъ преп. Θеодоромъ Студитомъ его обители ([109]).

Все въ обители совершалось не иначе, какъ съ благословенія игумена и освящалось молитвою. Когда наступало время для службъ церковныхъ, одинъ изъ пономарей приходилъ въ келлію препод. Θеодосія и испрашивалъ его благословенія созывать братію. Точно такъ же поваръ, намѣреваясь варить пищу или печь хлѣбы, прежде всего бралъ благословеніе у отца игумена, потомъ клалъ три земные поклона предъ алтаремъ, зажигалъ отъ алтаря свѣчу, разводилъ ею огонь и начиналъ свое дѣло. Если же какой братъ совершалъ что-либо безъ благословенія, то подвергался отъ игумена епитиміи. А пищу, приготовленную безъ благословенія, преп. Θеодо-

сій приказывалъ обыкновенно бросать въ огонь или въ рѣку.

Въ церкви, куда собиралась братія ежедневно на всѣ службы, преп. Ѳеодосій имѣлъ обычай предлагать ей духовныя поученія. А иногда повелѣвалъ читать такія поученія изъ книгъ великому Никону, который (послѣ 1066 г.) возвратился изъ Тмуторакани въ печерскую обитель и которому, какъ отцу своему духовному и старѣйшему изъ всѣхъ въ обители, Ѳеодосій поручалъ братію, если самъ куда-либо отлучался. Иногда же эта обязанность читать для братіи поученія въ церкви возлагаема была на уставщика Стефана (110).

Въ келліяхъ не позволялось братіи держать ничего своего, ни пищи, ни одежды сверхъ положенной, ни другаго какого-либо имущества. И потому, если преп. Ѳеодосій, обходя келліи, находилъ что-либо подобное, то приказывалъ бросать въ огонь, а самъ давалъ провинившемуся брату наставленіе въ нестяжательности.

Занятія братій въ келліяхъ состояли въ молитвѣ, чтеніи и пѣніи псалмовъ и рукодѣліяхъ. Послѣ повечерія запрещено было инокамъ ходить другъ къ другу и бесѣдовать вмѣстѣ. Для наблюденія за всѣмъ этимъ преп. Ѳеодосій имѣлъ обычай каждую ночь обходить всѣ келліи, и если слышалъ въ келліи молитву инока, то благодарилъ Бога, а если слышалъ бесѣду двухъ или трехъ, то ударялъ рукою въ двери келліи и отходилъ. На утро призывалъ виновныхъ и обличалъ; раскаявающихся прощалъ, а на другихъ налагалъ епитиміи.

Такъ какъ большую часть ночи и все утро братія проводили въ молитвахъ и службахъ церковныхъ: то для отдохновенія ея назначалось полуденное время. Потому

приказано было вратарю запирать монастырь вдругъ послѣ обѣда и не впускать въ обитель никого до самой вечерни.

При взаимныхъ отношеніяхъ братіи, преп. Ѳеодосій всего болѣе заповѣдывалъ смиреніе и покорность. Это смиреніе должно было, между прочимъ, выражаться въ томъ, чтобы иноки при встрѣчѣ кланялись другъ другу, слагая руки на персяхъ.

Преп. Ѳеодосій слѣдилъ съ величайшею заботливостію и любовію за нравственнымъ состояніемъ своихъ братій, и не упускалъ ни одного случая преподать каждому приличное наставленіе. Когда онъ поучалъ, то говорилъ тихо, смиренно, съ мольбою; когда обличалъ, — слезы текли изъ глазъ его. Если онъ слышалъ, что какой-либо братъ подвергался искушеніямъ отъ бѣсовъ: то призывалъ его, убѣждалъ не ослабѣвать въ борьбѣ, училъ, какъ побѣждать діавола, указывалъ на опыты изъ собственной жизни, или подкрѣплялъ искушаемаго силою своей молитвы. Если случалось, что какой-либо инокъ отходилъ изъ обители: преп. Ѳеодосій крайне скорбѣлъ о немъ и ежедневно со слезами молился Богу, чтобы Онъ возвратилъ отлучившееся овча къ своему стаду. Когда инокъ дѣйствительно возвращался: преподобный съ радостію принималъ его и поучалъ впередъ стоять тверже противъ козней искусителя.

Но не столько правилами устава, какой принялъ преп. Ѳеодосій для своей обители, не столько устными наставленіями онъ поучалъ и руководилъ свою братію по степенямъ нравственнаго совершенства, сколько примѣромъ своей святой, высокой, истинно-подвижнической жизни. Присутствуя за братскою трапезою, онъ обыкновенно вкушалъ только сухой хлѣбъ и вареное зелье безъ масла,

а пилъ одну воду. Одежду носилъ ветхую и худую, имѣя подъ нею на тѣлѣ своемъ острую власяницу. Для сна никогда не ложился, но если иногда послѣ павечерни хотѣлъ отдохнуть, то спалъ сидя. Ночи проводилъ большею частію безъ сна въ слезныхъ молитвахъ за себя и за всю братію: много разъ церковные пономари, приходившіе къ нему за благословеніемъ предъ заутренею, заставали его еще на молитвѣ и слышали его стоны и шумъ отъ его земныхъ поклоновъ. Когда наступалъ великій постъ: Θеодосій, простившись съ братіею, ежегодно уединялся въ пещеру, извѣстную донынѣ подъ именемъ Θеодосіевой, и тамъ заключался до вербной недѣли; изъ этой пещеры иногда совершенно тайно переходилъ въ другую, еще болѣе уединенную и тѣсную, находившуюся въ одномъ изъ монастырскихъ селъ; въ пятокъ предъ Лазаревою субботою во время вечерни возвращался въ монастырь, и, ставъ на дверяхъ церковныхъ, поучалъ и утѣшалъ братію. Прежде всѣхъ приходилъ онъ въ церковь; прежде всѣхъ являлся на монастырскія работы. Часто входилъ въ хлѣбную и, будучи игуменомъ, самъ раздѣлялъ труды съ хлѣбопеками, мѣсилъ тѣсто, приготовлялъ хлѣбы. Однажды, предъ праздникомъ Успенія пресвятыя Богородицы, когда келарь донесъ Θеодосію, что въ поварнѣ нѣтъ воды и некому носить ее, онъ немедленно всталъ и началъ носить воду изъ колодца; услышавъ объ этомъ, братія сбѣжались и наносили воды до избытка. Въ другой разъ, когда не было приготовлено дровъ для кухни и тотъ же келарь просилъ Θеодосія, чтобы онъ приказалъ кому-либо изъ братіи, праздному, нарубить дровъ, преподобный сказалъ: «я празденъ», и, повелѣвъ братіи итти за трапезу, — такъ какъ было время обѣда, — самъ взялъ

топоръ и пошелъ рубить дрова. По окончаніи трапезы братія, увидѣвъ своего игумена сѣкущимъ дрова, послѣдовали его примѣру и наготовили дровъ на много дней. Третій подобный случай: разъ преп. Ѳеодосій замедлилъ до вечера у в. кн. Изяслава, находившагося тогда далеко отъ города. Князь приказалъ одному изъ своихъ отроковъ отвесть преподобнаго до его обители. Слуга, видя инока въ худой одеждѣ и не зная, кто онъ, сказалъ ему во время пути: «ты, черноризецъ, всегда празденъ, а я въ постоянныхъ трудахъ, дай мнѣ отдохнуть въ колесницѣ, а самъ сядь на коня». Ѳеодосій безпрекословно согласился, и въ продолженіе всей ночи то ѣхалъ верхомъ на конѣ, то шелъ подлѣ него, чтобы не уснуть. Съ наступленіемъ дня, когда вельможи, ѣхавшіе къ князю изъ города, при встрѣчѣ съ Ѳеодосіемъ, слазили съ своихъ коней и кланялись ему, отрокъ крайне оробѣлъ; но преподобный предложилъ только ему пересѣсть на коня. Когда приблизились къ обители, и братія, вышедшая на встрѣчу игумену, поклонилась ему до земли, отрокъ еще болѣе устрашился; но Ѳеодосій успокоилъ его, велѣлъ накормить и, наградивъ, отпустилъ въ обратный путь. Многопоучительны также были дѣла милосердія Ѳеодосіева къ бѣднымъ и несчастнымъ. Онъ не могъ ихъ видѣть безъ соболѣзнованія и слезъ. И потому построилъ близъ монастыря своего особый дворъ съ церковію во имя первомученика Стефана, принималъ туда для жительства нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ и прокаженныхъ, и для содержанія ихъ удѣлялъ десятую часть отъ всего монастырскаго имѣнія. Кромѣ того каждую субботу отсылалъ цѣлый возъ хлѣбовъ находившимся въ узахъ и темницахъ ([111]). Любовь преподобнаго простиралась даже на

людей, замышлявшихъ сдѣлать зло его обители. Разъ привели къ нему воровъ, пойманныхъ въ монастырскомъ селѣ. Увидѣвъ ихъ связанныхъ и скорбныхъ, онъ прослезился, велѣлъ разрѣшить ихъ и накормить, преподалъ имъ наставленіе впередъ не творить никому обиды и, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, отпустилъ ихъ съ миромъ. Тронутые этимъ злодѣи дѣйствительно исправились. Притѣсняемые и гонимые обращались къ Θеодосію, какъ къ своему защитнику и ходатаю. Однажды бѣдная вдовица, обиженная неправеднымъ приговоромъ судіи, пришла къ печерскому монастырю и, встрѣтивъ самого Θеодосія, котораго не знала, спросила его объ игуменѣ. «Чего ты требуешь отъ него, сказалъ преподобный, онъ человѣкъ грѣшный». Жена отвѣчала: «грѣшенъ ли онъ, не знаю; но знаю, что онъ многихъ избавляетъ отъ печали и напасти, — потому и я пришла къ нему просить заступленія и помощи». Θеодосій распросилъ ее о дѣлѣ и, обѣщавшись передать объ этомъ игумену, отпустилъ ее въ домъ, а самъ отправился къ судіи и своимъ ходатайствомъ сдѣлалъ то, что вдовѣ возвращено было все, несправедливо у нея отнятое.

Подъ руководствомъ такого высокаго наставника въ духовной жизни воспитывались и воспитались вполнѣ достойные его ученики. «Они, — говоритъ преп. Несторъ, — какъ земля, жаждущая воды, принимали слово его (Θеодосія) и приносили Богу плоды трудовъ своихъ, кто сто, кто шестьдесятъ, кто тридцать. И можно было видѣть на землѣ людей по житію — точныхъ Ангеловъ, а монастырь печерскій казался подобнымъ небеси, на которомъ свѣтлѣе солнца сіялъ преп. Θеодосій своими добрыми дѣлами....». И въ другомъ мѣстѣ: «такихъ черноризцевъ совокупилъ

Өеодосій, которые, какъ звѣзды, сіяютъ въ землѣ Русской. Одни изъ нихъ были великіе постники, другіе отличались бдѣніемъ, третьи — колѣнопреклоненьемъ для молитвы. Одни принимали пищу чрезъ день или черезъ два, другіе питались только хлѣбомъ съ водою, иные вкушали вареную зелень, а иные — и невареную. Младшіе покарялись старшимъ и не смѣли говорить предъ ними, а если что нужно было, то говорили съ покорностію и послушаніемъ великимъ. Равно и старшіе имѣли любовь къ младшимъ, наставляли ихъ, какъ возлюбленныхъ чадъ. Если какой братъ впадалъ въ прегрѣшенье, его утѣшали и положенную на него епитимію раздѣляли между собою трое или четверо по великой любви: такова была любовь въ братіи той, таково воздержанье! Если иной братъ выходилъ изъ монастыря, всѣ братія о немъ скорбѣли, посылали къ нему, призывали его снова въ обитель, и когда возвращался, умоляли игумена принять его и принимали съ великою радостію ([112])». Изъ числа этихъ братій остались извѣстными по именамъ: Исаія, впослѣдствіи епископъ ростовскій; Стефанъ, впослѣдствіи епископъ владимірскій; Никонъ, приходивщій на время изъ Тмуторакани, котораго Несторъ постоянно называетъ великимъ, безъ сомнѣнія, за особенную святость жизни; Іеремія, помнившій крещеніе земли Русской и имѣвшій отъ Бога даръ предвидѣть будущее и прозрѣвать въ тайны сердца; Матөій — прозорливецъ, удостоивавшійся разнообразныхъ видѣній; Даміанъ пресвитеръ — великій постникъ, который до самой смерти своей не вкушалъ ничего, кромѣ хлѣба и воды, ночи проводилъ безъ сна въ прилежномъ чтеніи книгъ и молитвѣ, и отличался необыкновенною кротостію ([113]).

Какъ на высшій и многотруднѣйшій родъ подвижничества смотрѣли въ печерскомъ монастырѣ на затворничество. И образцомъ этого рода жизни служилъ самъ преп. Антоній. Передавъ начальство надъ братіею Варламу, а потомъ Өеодосію, и затворившись въ своей новой пещерѣ ([114]), онъ проводилъ жизнь въ непрерывной борьбѣ съ невидимыми врагами спасенія, пребывая въ постѣ, молитвахъ и богомысліи, и за высокіе подвиги удостоился отъ Бога дара чудотвореній и пророчества. Впрочемъ, при всемъ своемъ затворничествѣ, Антоній не чуждался людей. Въ важныхъ случаяхъ къ нему приходили изъ монастыря за совѣтами, и онъ изрекалъ совѣты; по временамъ стекались къ нему и изъ міра, и онъ преподавалъ всѣмъ благословеніе. Случалось, что онъ самъ прислуживалъ больнымъ и давалъ имъ свою постническую пищу вмѣсто лекарства, и больные, по молитвѣ святаго, выздоравливали. Тремъ князьямъ-братьямъ Изяславу, Святославу и Всеволоду Ярославичамъ, которые, отправляясь противъ Половцевъ въ 1067 г., приходили къ нему за благословеніемъ и молитвою, старецъ предсказалъ ожидающее ихъ пораженіе, которое дѣйствительно и послѣдовало. Только однажды великій отшельникъ долженъ былъ разстаться съ своею любимою пещерою на довольно значительное время. Это было въ 1068 году, когда Изяславъ, изгнанный изъ Кіева Всеславомъ, снова вступилъ на престолъ кіевскій и началъ гнѣваться на Антонія «за Всеслава». Услышавъ объ этомъ, Святославъ черниговскій прислалъ за Антоніемъ ночью и взялъ его къ себѣ. Въ Черниговѣ пустынникъ избралъ для себя мѣсто на Болдиныхъ горахъ, ископалъ пещеру и поселился въ ней. Сколько времени онъ подвизался здѣсь, неизвѣстно; но

окончить дни Господь судилъ ему въ пещерѣ кіевской (въ 1073 г.) (115).

Изъ другихъ затворниковъ, начавшихъ свои подвиги еще при Антоніѣ и Өеодосіѣ, извѣстны только двое: Исаакій и Агапитъ, которые впрочемъ непостоянно пребывали въ затворѣ. Исаакій прежде былъ богатый торопецкій купецъ; потомъ, раздавъ все имущество свое на монастыри и нищимъ, пришелъ къ преп. Антонію, принялъ отъ него постриженіе и затворился въ малой пещерѣ, простиравшейся едва на четыре локтя. Семь лѣтъ провелъ онъ въ ней безъисходно, подвизаясь въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ; вкушалъ только просфору, которую черезъ день приносилъ ему великій Антоній и подавалъ сквозь малое оконце. Наконецъ, въ одну ночь Исаакій подвергся страшному искушенію отъ бѣсовъ: на утро преп. Антоній и Өеодосій нашли его едва живымъ и совершенно разслабленнымъ и вынесли изъ пещеры. Сначала прислуживалъ больному самъ преп. Антоній; за тѣмъ, когда онъ удалился въ Черниговъ, преп. Өеодосій перенесъ Исаакія въ собственную келлію и ходилъ за нимъ болѣе двухъ лѣтъ. Мало по малу выздоровѣвъ, Исаакій не пошелъ прямо въ свой затворъ, а долго оставался въ монастырѣ между братіею, трудился въ поварнѣ и скрывалъ свои высокіе подвиги подъ видомъ юродства. Подъ конецъ жизни онъ снова заключился въ своей пещерѣ, изъ которой только за восемь дней до смерти, совершенно больной, перенесенъ былъ въ монастырь, гдѣ и скончался (116). Преп. Агапитъ былъ родомъ Кіевлянинъ, постригся при великомъ Антоніѣ и, какъ говоритъ черноризецъ Поликарпъ, «послѣдствоваше житію его ангельскому, самовидецъ бывъ исправленіемъ его»; слѣдовательно, по всей вѣроятности, подвизался вначалѣ въ

пещерѣ близъ Антонія. Но потомъ мы видимъ Агапита постоянно живущимъ въ монастырѣ посреди братіи. Здѣсь, когда кто-либо заболѣвалъ, Агапитъ оставлялъ свою келью, шелъ къ больному и прислуживалъ ему. Для уврачеванія больныхъ онъ давалъ имъ вареное быліе, которымъ самъ питался,—и больные, по молитвѣ подвижника, пріявшаго отъ Бога даръ исцѣленій, получали здравіе. Вѣсть объ Агапитѣ распространилась по всему городу, и многіе больные изъ города приходили къ нему и исцѣлялись. Однажды подвергся тяжкой болѣзни Владиміръ Мономахъ, бывшій тогда еще княземъ черниговскимъ, и прислалъ просить къ себѣ Агапита. Агапитъ не согласился выйти изъ монастыря, изъ котораго никогда не выходилъ со дня своего постриженія; но отправилъ къ князю часть вареннаго зелья, которое давалъ всякому больному, — и князь выздоровѣлъ. Врачуя больныхъ, какъ между братіею, такъ и приходившихъ изъ города, Агапитъ ни отъ кого ничего не бралъ за труды; не принялъ и присланнаго злата отъ князя Владиміра Мономаха. Почему и прослылъ *врачемъ безмезднымъ* ([117]).

Высокое благочестіе преп. Антонія и Өеодосія и прочихъ иноковъ печерскихъ естественно привлекало къ нимъ всеобщее уваженіе соотечественниковъ. Не только простой народъ, но и многіе вельможи приходили въ печерскій монастырь, чтобы принять благословеніе подвижниковъ и пользоваться ихъ наставленіями. Многіе изъ знатныхъ избирали себѣ въ духовные отцы преп. Өеодосія, и какъ сами посѣщали его, такъ нерѣдко удостоивались и его посѣщеній, всегда сопровождавшихся нравственною для нихъ пользою. Въ числѣ такихъ лицъ, особенно любимыхъ Өеодосіемъ, находились—знаменитый Шимонъ Варягъ, при-

нявшій, по убѣжденіямъ его, православіе, и кіевскій воевода Янъ съ супругою своею Маріею ([118]). Сами великіе князья—Изяславъ и Святославъ оказывали Ѳеодосію высокое уваженіе. Изяславъ часто приходилъ въ обитель, любилъ бесѣдовать съ св. подвижникомъ и въ церкви и въ его келліи, а часто приглашалъ его къ себѣ ([119]). Съ Святославомъ, когда онъ незаконно овладѣлъ кіевскимъ престоломъ, изгнавъ старшаго брата своего Изяслава, Ѳеодосій сначала не хотѣлъ имѣть общенія, обличалъ его чрезъ свои посланія и словесно чрезъ нѣкоторыхъ вельможъ, не дозволялъ братіи поминать его въ церковныхъ молитвахъ, продолжая поминать вел. кн. Изяслава. Но потомъ, по усильнымъ просьбамъ братіи и вельможъ, Ѳеодосій пересталъ обличать Святослава, позволилъ поминать и его имя въ церкви и рѣшился дѣйствовать на него любовію. Съ этого времени Святославъ и Ѳеодосій весьма часто посѣщали другъ друга и проводили время въ душеспасительныхъ бесѣдахъ. Князь всегда съ радостію встрѣчалъ подвижника и повиновался его наставленіямъ ([120]). Однажды, когда Ѳеодосій пришелъ къ Святославу, въ палатахъ его раздавались музыка и пѣсни; старецъ сѣлъ подлѣ князя, потупивъ глаза въ землю, потомъ взглянулъ на него и сказалъ: «будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ»? Князь прослезился и велѣлъ прекратить игры. Послѣ уже всегда прекращались игры во дворцѣ, когда возвѣщали о приходѣ Ѳеодосія. И св. подвижникъ, не смотря на всю любовь свою къ Святославу, не преставалъ при всякомъ случаѣ убѣждать его, чтобы онъ примирился съ братомъ и возвратилъ ему престолъ его.

По мѣрѣ того, какъ возрастала слава кіево-печерской обители и увеличивалось число посѣтителей ея, умножа-

лись и средства къ ея содержанію. Многіе князья и бояре, особенно духовные дѣти Ѳеодосія, приносили къ нему часть отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи, на устроеніе монастыря и церкви ([121]); а нѣкоторые жертвовали и села. Въ этихъ селахъ, о которыхъ неоднократно упоминается въ Житіи преп. Ѳеодосія, подъ надзоромъ иноковъ жили «тивуны, приставники и слуги», содержался монастырскій скотъ и заготовлялись разные житейскіе припасы. Впрочемъ, не смотря на улучшеніе средствъ къ содержанію обители, они не всегда оказывались достаточными. Однажды экономъ сказалъ Ѳеодосію, что не за что купить пищи для братіи; въ другой разъ келарь доложилъ, что нечего братіи подать за трапезою; въ третій разъ начальникъ хлѣбопековъ донесъ, что вовсе нѣтъ муки для хлѣбовъ; иногда недоставало деревяннаго масла для лампадъ, иногда — церковнаго вина. И только внезапная помощь благотворителей и чудодѣйственная вѣра Ѳеодосія спасали обитель отъ голода и недостатка.

Заботясь преимущественно о внутреннемъ благоустройствѣ и процвѣтаніи своей обители, преп. Ѳеодосій не оставлялъ безъ вниманія и внѣшняго ея состоянія. Съ умноженіемъ числа иноковъ, онъ распространилъ монастырь, поставилъ въ немъ новыя кельи, обнесъ дворъ монастырскій оградою, работая самъ съ братіею ([122]). Подъ конецъ своей жизни, когда прежняя деревянная церковь оказалась тѣсною, онъ рѣшился, съ согласія преп. Антонія, построить каменную церковь во имя Успенія пресв. Богородицы. Мѣсто для новой церкви подарилъ вел. кн. Святославъ не подалеку отъ монастыря, на Берестовомъ полѣ, и самъ первый началъ копать рвовъ для основанія ея, первый пожертвовалъ Ѳеодосію на сооруженіе ея сто гри-

венъ золота. Значительныя также пожертвованія сдѣлалъ для той же цѣли Варягъ Шимонъ. И церковь, при разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ ([123]), заложена была въ 1073 г. юрьевскимъ епископомъ Михаиломъ, за отсутствіемъ митрополита кіевскаго Георгія, находившагося тогда въ Константинополѣ. Θеодосій ежедневно принималъ самое живое непосредственное участіе въ работахъ; но едва успѣлъ вывести основаніе церкви, какъ скончался (3 Мая 1074 г.), ровно черезъ годъ по смерти другаго соучастника въ построеніи церкви, великаго Антонія ([124]).

III.

Преемникамъ Θеодосія оставалось два дѣла: первое— докончить и благоустроить церковь, имъ начатую, и вообще монастырь и довести его до внѣшняго цвѣтущаго состоянія; второе — сохранить монастырь на той степени внутренняго благоустройства и процвѣтанія, на какой онъ оставленъ преп. Θеодосіемъ. И оба эти дѣла были совершены успѣшно съ Божіею помощію.

Непосредственнымъ преемникомъ Θеодосія былъ преп. Стефанъ, одинъ изъ ближайшихъ учениковъ его, избранный во игумена всею братіею предъ самою кончиною Θеодосія и имъ утвержденный. Стефанъ съ ревностію продолжалъ начатое построеніе каменной церкви и черезъ три года успѣлъ совершенно окончить ее вчернѣ (Іюля 3, 1077 г.). Не ограничиваясь этимъ, онъ въ то же время построилъ вокругъ новой церкви, — такъ какъ она находилась на значительномъ разстояніи отъ монастыря, — новыя келліи, какбы новый монастырь, и перевелъ сюда братію изъ прежняго монастыря, а тамъ оставилъ только

нѣсколько иноковъ, чтобы они занимались погребеніемъ умирающей братіи и ежедневно совершали литургію по усопшимъ. Оба монастыря, новый и старый, раздѣлены были дворомъ, который устроилъ Θеодосій для принятія нищихъ: Стефанъ обнесъ и монастыри и этотъ дворъ одною стѣною, такъ что они составили одинъ монастырь ([125]). Къ сожалѣнію, въ слѣдующемъ (1078) году Стефанъ, по какимъ-то неудовольствіямъ отъ братіи, принужденъ былъ удалиться изъ печерской обители, — и церковь, выведенная имъ вчернѣ, оставалась еще шесть лѣтъ неотдѣланною ([126]).

На мѣсто изгнаннаго Стефана братія единодушно избрали себѣ игуменомъ старѣйшаго изъ всѣхъ по лѣтамъ великаго Никона, который въ 1068 г., по случаю начавшагося междоусобія князей изъ-за кіевскаго престола, отошелъ-было въ свою тмутораканскую обитель съ двумя иноками, но по смерти Θеодосія возвратился въ кіевопечерскій монастырь и жилъ здѣсь. При Никонѣ въ 1083 году пришли въ обитель изъ Царяграда иконописцы, чудесно нанятые преп. Антоніемъ и Θеодосіемъ, а купцы греческіе привезли и пожертвовали мозаику для украшенія церкви. Внутренняя отдѣлка ея продолжалась пять лѣтъ до самой кончины Никона (1088 г.). Освященіе же церкви торжественно совершено уже при игуменѣ Іоаннѣ въ 1089 г. (Авг. 14) митрополитомъ кіевскимъ Іоанномъ съ четырьмя епископами: черниговскимъ Іоанномъ, ростовскимъ Исаіею, юрьевскимъ Антоніемъ и бѣлградскимъ Лукою ([127]). Эта церковь, строившаяся около пятнадцати лѣтъ, отличалась необыкновеннымъ великолѣпіемъ и красотою. Ея стѣны и иконостасъ блистали золотомъ, разноцвѣтною мозаикою и прекрасною иконною

живописью; полъ состоялъ изъ разновидныхъ камней, расположенныхъ узорами; верхи были позлащены, а большой крестъ на главномъ куполѣ былъ сдѣланъ изъ чистаго золота ([128]). Въ этой церкви, при томъ же игуменѣ Іоаннѣ, устроенъ былъ каменный придѣлъ во имя св. Іоанна Предтечи, въ память Іоанна боярина и сына его Захаріи, который пожертвовалъ для сего двѣ тысячи гривенъ серебра и двѣсти золота, а самъ постригся въ обители ([129]).

1096 годъ былъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ для печерскаго монастыря. Дикіе Половцы подъ предводительствомъ Боняка, сдѣлавъ внезапное нападеніе на Кіевъ (Іюля 20), опустошили его окрестности, выжгли нѣкоторые монастыри и приблизились къ печерскому. Время было послѣ заутрени, когда иноки отдыхали. Враги, поднявъ великій крикъ, поставили предъ воротами монастырскими два знамени, выломали эти ворота, пошли по келліямъ, вырубая двери и расхищая все, что можно; потомъ зажгли монастырь и двое дверей въ самой церкви, ворвались въ притворъ Θеодосіевъ, грабили иконы и ругались надъ ними. Деревянныя зданія монастыря сгорѣли. Многіе иноки и слуги монастырскіе были убиты, другіе отведены въ плѣнъ ([130]). Но при тѣхъ средствахъ, какими владѣлъ печерскій монастырь, и при живомъ усердіи къ нему православныхъ слѣды половецкаго разоренія въ немъ скоро были изглажены: не только воздвигнуты были всѣ прежнія зданія, погорѣвшія или разрушенныя, но явились еще нѣкоторыя новыя. Такъ, въ 1108 г,, при игуменѣ Θеоктистѣ, окончена была каменная трапеза вмѣстѣ съ церковію, построенная по повелѣнію и на иждивеніе князя Глѣба Всеславича ([131]). Около того же времени построена

больница и при ней церковь во имя св. Троицы иждивеніемъ черниговскаго князя Николая Святоши, постригшагося въ 1106 г. въ печерской обители ([132]).

Что касается до средствъ содержанія, какими пользовалась эта обитель, то они постоянно увеличивались и улучшались. Преп. Ѳеодосій предъ кончиною своею, между прочимъ, сказалъ братіи: «о семъ разумѣйте дрьзновеніе мое къ Богу: егда видите вся благая въ монастырѣ семъ умножающаяся, — вѣдите, яко близь Владыки небеснаго ми сущу». И, дѣйствительно, говоритъ преп. Несторъ: «въ тоже лѣто молитвами блаженнаго отца нашего Ѳеодосія умножися всѣхъ благыхъ въ монастырѣ томъ, еще же и въ селѣхъ тѣхъ гобино (урожай) бысть, и въ животныхъ приплодъ, яко нѣсть было николиже», — изъ чего и заключили ученики о прославленіи на небеси своего наставника. Но, продолжаетъ Несторъ, достойно особеннаго замѣчанія то, что даже *и доньнѣ*, когда всѣ страны поплѣнены отъ ратныхъ (разумѣются набѣги половецкіе), въ монастырѣ блаженнаго «умножаются вся боле», молитвами его ([133]). Къ прежнимъ селамъ, какими владѣлъ монастырь, присоединялись новыя. Такъ, Ярополкъ Изяславичъ, князь Владиміра волынскаго, подражая отцу своему Изяславу въ любви къ печерской обители, отдавалъ ей все свое достояніе (ум. 1086 г.), волости Небольскую, Деревскую, Лучьскую и около Кіева ([134]). Одинъ изъ постриженниковъ кіево-печерскихъ, Ефремъ епископъ ростовскій и суздальскій, пожертвовалъ печерскому монастырю (прежде 1096 г.) дворъ въ Суздалѣ съ церковію св. Димитрія и съ селами ([135]). Вмѣстѣ съ тѣмъ обитель получала и другаго рода пожертвованія. Минскій князь Глѣбъ Всеславичъ, зять Ярополка волынскаго, принесъ

ей 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота, а по смерти этого князя (1119 г.) супруга его Анастасія Ярополковна дала еще 100 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота ([136]). Суздальскій тысяцкій князь Георгій, сынъ Шимона Варяга, въ 1130 году прислалъ въ обитель 500 гривенъ серебра и 50 золота на покованіе раки преп. Өеодосія, а потомъ пожертвовалъ обители и ту гривну, которую носилъ на себѣ и въ которой заключалось 100 гривенъ золота ([137]).

Достигнувъ внѣшняго благосостоянія и процвѣтанія, кіево-печерская обитель не переставала и послѣ преп. Өеодосія отличаться внутреннимъ благоустройствомъ и святостію своихъ иноковъ. Исчисливъ знаменитѣйшихъ черноризцевъ Өеодосіева времени, изъ которыхъ нѣкоторые (Исаакій) скончались уже при игуменѣ Іоаннѣ (1089 — 1103), и сказавъ, что они «сіяютъ и по смерти, яко свѣтила, и молятъ Бога за здѣ сущую братію, и за мірскую братью, и за приносящія въ монастырь», преп. лѣтописецъ присовокупилъ: «въ немъ же *и донынѣ добродѣтельное житье живуть*, обще вси вкупѣ, въ пѣньи и въ молитвахъ, и послушаньи, на славу Богу всемогущему и Өеодосьевыми молитвами соблюдаеми» ([138]). Это относилось къ концу XI и самому началу XII вѣка. Въ первой четверти того же XII вѣка, во дни преп. Лаврентія затворника, когда число иноковъ въ печерскомъ монастырѣ простиралось до 180, было между ними тридцать, которые имѣли силу однимъ словомъ изгонять бѣсовъ ([139]). О нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ подвижниковъ печерскихъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ, какъ-то: о преп. Никитѣ затворникѣ, бывшемъ въ послѣдствіи (1096 — 1108) епископомъ новгородскимъ; о преп. Евстратіи постникѣ, который, будучи взятъ въ плѣнъ Половцами (въ

1096 г.) и проданъ Іудеямъ, вкусилъ отъ нихъ смерть за вѣру Христову и своими чудесами обратилъ къ ней своихъ мучителей; о преп. Никонѣ сухомъ, который былъ взятъ въ плѣнъ тогда же и своимъ чудеснымъ избавленіемъ отъ плѣна обратилъ къ вѣрѣ своего бывшаго хозяина — Половчанина съ его семействомъ; о преп. Кукшѣ и ученикѣ его Іоаннѣ, крестившихъ Вятичей и запечатлѣвшихъ свою проповѣдь мученическою смертію. Не менѣе славны были и другіе печерскіе иноки того времени. Напримѣръ:

Преп. Григорій чудотворецъ. Онъ постригся еще во дни преп. Ѳеодосія, но жилъ долго и по смерти его. Отличался нестяжательностію, смиреніемъ, послушаніемъ, непрестанною молитвою и даромъ чудотвореній. Изгонялъ бѣсовъ изъ людей однимъ приближеніемъ своимъ; троекратно своими чудесами обратилъ къ покаянію татей, покушавшихся обокрасть его. Предсказалъ князю Ростиславу Всеволодовичу, что онъ утонетъ въ рѣкѣ, и за это предсказаніе, которое дѣйствительно потомъ исполнилось въ 1093 г., утопленъ былъ самъ въ Днѣпрѣ отроками князя, но чрезъ три дня найденъ мертвымъ въ своей келліи (140).

Преп. Алимпій иконописецъ. Научившись иконному искусству отъ греческихъ мастеровъ, расписывавшихъ великую печерскую церковь, онъ принялъ постриженіе при игуменѣ Никонѣ и безплатно писалъ иконы для игумена, для братіи и для кіевскихъ церквей. Если же случалось, что бралъ отъ кого-либо плату за свой трудъ: то часть полученнаго отдавалъ нищимъ, другую употреблялъ на матеріалы для иконнаго писанія, третью — на свои нужды. Ночи проводилъ большею частію въ бдѣніи и молитвѣ; днемъ постоянно занимался рукодѣліемъ. За

свои добродѣтели возведенъ былъ въ санъ пресвитера и прославленъ отъ Бога даромъ врачеваній, который и употреблялъ на пользу ближнихъ ([141]).

Преп. Іоаннъ многострадальный. Онъ представляетъ собою образецъ самой усиленной борьбы съ похотію плоти. Томимый этою похотію, онъ сначала, по вступленіи своемъ въ монастырь, оставался по два и по три дня безъ пищи, а иногда и цѣлую недѣлю ничего не вкушалъ, изнурялъ себя жаждою, лишалъ себя сна ночью и въ такихъ страданіяхъ провелъ три года. Но, не находя себѣ покоя, онъ удалился въ пещеру Антоніеву и еще тридцать лѣтъ боролся съ мучительною страстію, усугубилъ свое бдѣніе и постъ, надѣлъ на себя тяжкія желѣзныя вериги, измождалъ себя стужею и голодомъ. Когда и это оказалось недостаточнымъ: выкопалъ глубокую яму, влезъ въ нее, засыпалъ себя перстію по плеча, такъ что только голова и руки оставались свободными, и въ этомъ состояніи провелъ цѣлый великій постъ. Наконецъ, Господь услышалъ многострадальнаго и, по молитвамъ другаго великаго дѣвственника, Моусея Угрина, котораго мощи покоились въ той же пещерѣ, даровалъ Іоанну побѣду надъ страшнымъ врагомъ и покой душевный ([142]).

Преп. Николай Святоша, сынъ черниговскаго князя Давида Святославича, въ мірѣ Святославъ-Панкратій. Это былъ первый изъ русскихъ князей, добровольно принявшій въ 1106 г. иночество въ печерской обители. Здѣсь сначала онъ проходилъ разныя послушанія: три года работалъ на братію въ поварнѣ, самъ рубилъ дрова, носилъ съ рѣки воду на плечахъ своихъ и приготовлялъ пищу; еще три года стоялъ у вратъ монастырскихъ, какъ стражъ, не отходя никуда, кромѣ церкви; отсюда взятъ былъ слу-

жить при трапезѣ и своимъ усердіемъ пріобрѣлъ общее благоволеніе. Послѣ такихъ подвиговъ послушанія, преподобный долженъ былъ, по совѣту игумена и всей братіи, поселиться въ келліи и заботиться только о собственномъ спасеніи. Онъ повиновался, и никто никогда не видѣлъ его празднымъ: своими руками онъ насадилъ предъ своею келліею небольшой садъ, и постоянно занимался какимъ-либо рукодѣліемъ, имѣя на устахъ молитву Іисусову. Не вкушалъ ничего, кромѣ общей монастырской пищи на трапезѣ, и не имѣлъ у себя никакой собственности. Если же иногда получалъ что отъ своихъ сродниковъ, немедленно раздавалъ все нищимъ и на устроеніе церкви, въ которую пожертвовалъ и многія свои книги. Блаженная кончина князя-инока послѣдовала въ 1142 г. (Окт. 14) и на погребеніе его собрался едва не весь Кіевъ ([143]).

Достопамятны также печерскіе преподобные того времени: Прохоръ чудотворецъ, прозванный *Лебедникомъ*, потому что питался только хлѣбомъ изъ лебеды († 1103); Несторъ лѣтописецъ, положившій начало нашимъ лѣтописямъ († 1116); Маркъ гробокопатель, занимавшійся постоянно копаніемъ могилъ въ пещерахъ для усопшей братіи (упом. 1090 г.); Θеодоръ и Василій, попеременно подвизавшіеся то въ Варяжской пещерѣ, то въ обители и вкусившіе мученическую смерть отъ князя Мстислава (въ 1093 г.); Григорій творецъ каноновъ и Онисифоръ прозорливецъ (упом. ок. 1078 г.); Пименъ многоболѣзненный, двадцать лѣтъ страдавшій въ болѣзни и только предъ смертію получившій исцѣленіе († 1139); Спиридонъ и Никодимъ просфорники, тридцать лѣтъ трудившіеся въ печеніи просфоръ (упом. ок. 1139); Пименъ постникъ, имѣвшій даръ прозорливости († 1141) и другіе ([144]).

Соотвѣтственно тому, какъ поддерживалось и процвѣтало благочестіе иноковъ печерскаго монастыря, продолжалось высокое уваженіе къ нему князей и народа. Обитель печерская считалась старѣйшею между всѣми русскими обителями, а игуменъ ея занималъ всегда первое мѣсто въ ряду прочихъ игуменовъ ([145]). Отсюда другія обители заимствовали себѣ настоятелей ([146]); отсюда же избираемы были архипастыри для русскихъ епархій ([147]). Чрезъ первыхъ печерская обитель передавала свой уставъ и духъ отечественнымъ монастырямъ; чрезъ послѣднихъ, т. е. архипастырей, имѣла обширнѣйшее благотворное вліяніе на всю отечественную Церковь.

IV.

Вслѣдъ за кіевопечерскимъ монастыремъ основывались или только благоукрашались и многіе другіе монастыри въ Россіи, хотя, къ сожалѣнію, свѣдѣнія о нихъ самыя краткія.

Въ Кіевѣ возникли вновь слѣдующіе монастыри:

Дмитріевскій. Онъ основанъ около 1062 г. в. княземъ Изяславомъ-Димитріемъ Ярославичемъ, который, желая возвысить свой монастырь надъ бѣдною печерскою обителію, только-что начинавшеюся, перевелъ въ него перваго печерскаго игумена Варлаама, сына знатнѣйшаго боярина своего Іоанна ([148]). Варлаамъ былъ мужъ благочестивый, предпринималъ путешествіе сперва во Іерусалимъ для поклоненія святынѣ, потомъ въ Константинополь для обозрѣнія тамошнихъ монастырей и для покупки иконъ и другихъ вещей церковныхъ, но на возвратномъ пути скончался во Владимірѣ волынскомъ, за-

вѣщавъ всѣ пріобрѣтенныя имъ вещи преп. Ѳеодосію, и погребенъ въ печерской обители ([149]). Преемникомъ Варлаама былъ взятый изъ той же обители Исаія, впослѣдствіи (съ 1077 г.) епископъ ростовскій ([150]). Сынъ Изяслава Ярополкъ, князь Владимірскій, заложилъ въ этомъ монастырѣ церковь св. Петра, въ которой и самъ погребенъ былъ въ 1086 г. О послѣдующей судьбѣ Дмитріевскаго монастыря ничего неизвѣстно; кажется, что въ 1128 г. онъ былъ упраздненъ или потерялъ самостоятельность: печеряне, говоритъ лѣтописецъ, неправедно завладѣли тогда церковію св. Дмитрія и наименовали ее церковію св. Петра, т. е. присоединили, вѣроятно, этотъ монастырь къ печерскому, какъ близь лежавшій, и начали называть его не монастыремъ Дмитріевскимъ, а только церковію св. Петра, которая построена была въ немъ Ярополкомъ ([151]).

Выдубицкій. Основанъ вел. кн. Всеволодомъ Ярославичемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, будтобы выдыбалъ (выплывалъ) на берегъ идолъ Перуна, когда плылъ по Днѣпру, свергнутый съ горы Кіевской по приказанію равноапостольнаго Владиміра. Всеволодъ заложилъ здѣсь въ 1069 г. каменную церковь св. архистратига Михаила, которая въ 1086 г. освящена митрополитомъ Іоанномъ при игуменѣ Лазарѣ. Монастырь этотъ по имени основателя своего началъ называться *Всеволожимъ* ([152]).

Спасскій на Берестовѣ, неизвѣстно кѣмъ основанный, но, вѣроятно, преп. Германомъ, который былъ въ немъ игуменомъ въ 1072 г. и по имени котораго монастырь назывался еще *Германечь.* Монастырь этотъ былъ зажженъ Половцами въ 1096 г.; но потомъ оправился: въ 1115 г. упоминается игуменъ его Савва ([153]).

Симеоновскій. Основанъ в. княземъ кіевскимъ Святославомъ Ярославичемъ, слѣдовательно между 1073 — 1077 г., и считался какбы фамильнымъ въ потомствѣ Святослава. Монастырь св. Симеона находился въ самомъ Кіевѣ въ Копыревѣ концѣ на горѣ Вздыхальницѣ надъ Подоломъ, и памятенъ погребеніемъ въ немъ внука Святославова Игоря Ольговича, убитаго Кіевлянами въ 1147 г. ([154]).

Кловскій или *Стефанечь*, называвшійся такъ по имени основателя своего Стефана, третьяго игумена кіевопечерскаго, и по мѣсту — Кловъ, на которомъ былъ основанъ. Изгнанный печерянами въ 1078 г., Стефанъ, при пособіи своихъ дѣтей духовныхъ — богатыхъ бояръ, соорудилъ новую обитель на другомъ холму, ближайшемъ къ Кіеву, ввелъ въ ней весь чинъ и уставъ печерскаго монастыря и заложилъ каменную церковь во имя Влахернской иконы положенія ризы Божія Матери. Церковь эта строилась очень долго и совершенно окончена уже въ 1108 г., по смерти своего основателя. Здѣсь въ 1112 г. погребенъ Давидъ Игоревичъ, князь Владиміра волынскаго, памятный въ исторіи злодѣйскимъ ослѣпленіемъ князя Василька. Изъ преемниковъ св. Стефана по игуменству извѣстны: Климентъ, котораго онъ самъ поставилъ вмѣсто себя, когда былъ избранъ во епископа Владиміру волынскому (въ 1091 г.), и Петръ, находившійся при перенесеніи мощей св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ 1115 году. Кловскій монастырь въ 1096 г. подвергся разоренію отъ Половцевъ, но былъ исправленъ и продолжалъ свое существованіе ([155]).

Андреевскій или *Янчинъ*. Въ 1086 г. в. князь Всеволодъ Ярославичъ заложилъ въ Кіевѣ церковь св. Андрея и при

ней устроилъ монастырь, въ которомъ постриглась дочь его *Янка* (Анна), и, совокупивъ многихъ черноризицъ, жила съ ними по монастырскому чину. Въ числѣ черноризицъ находилась и сестра Янки — Евпраксія, принявшая постриженіе въ 1106 г. и по смерти (въ 1109 г.) погребенная въ кіевопечерской обители (156). Замѣчательно, что Андреевскимъ монастыремъ въ 1115 г. — 1125 г. управлялъ игуменъ Григорій, весьма уважаемый в. княземъ и народомъ, какъ и въ послѣдствіи управляли игумены (157). Это значитъ, что или женскій монастырь Янки, по смерти ея (въ 1113 г.), былъ преобразованъ въ мужескій, или у насъ въ началѣ, какъ случалось и въ Церкви греческой, нѣкоторые женскіе монастыри подчиняемы были вѣдѣнію настоятелей, которые совершали въ нихъ и церковныя службы (158). Церковь Андреевскаго монастыря, построенная Всеволодомъ, вѣроятно, сгорѣла или много пострадала во время страшнаго пожара кіевскаго, бывшаго въ 1124 году: потому что въ 1131 г. она была освящена вновь. В. князь Ярополкъ Владиміровичъ, скончавшійся въ 1139 г., былъ сначала погребенъ въ голубцѣ у Андреевской церкви, но потомъ въ 1145 г., по желанію вдовствующей супруги его Елены, тѣло его перенесено въ самую церковь и положено рядомъ съ тѣломъ Янки (159).

Лазаревъ. Въ лѣтописи объ этомъ монастырѣ замѣчено только, что въ 1114 г. скончалась игуменья Лазарева монастыря, святая житіемъ, живши 60 лѣтъ въ чернечествѣ, а отъ рожденія 92 года (160). Слѣдоват., если допустить, что она и постриглась въ этомъ же монастырѣ, то основаніе его надлежало бы отнести еще къ царствованію в. князя Ярослава.

Өеодоровскій. Въ 1128 г. в. князь Мстиславъ Владиміровичъ основалъ въ Кіевѣ каменную церковь св. Өеодора, и при ней учредилъ мужескій монастырь, который дѣти Мстислава въ память отца своего здѣсь погребеннаго (1132 г.), назвали *Вотчимъ.* Въ Өеодоровскомъ монастырѣ незадолго предъ кончиною своею принялъ схиму несчастный князь Игорь Ольговичъ, и игуменъ этой обители Ананія облекъ тѣло его, по смерти поруганное Кіевлянами, въ приличныя одежды, совершилъ надъ нимъ панихиду и привезъ его для погребенія въ монастырь св. Симеона ([161]).

Кирилловскій. Онъ основанъ Кіевскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ, скончавшимся, какъ извѣстно, въ 1146 г., слѣд. основанъ прежде этого времени. Впослѣдствіи назывался между потомками Всеволода *отнимъ* монастыремъ и служилъ для нихъ усыпальницею ([162]).

Воздвигая и украшая въ Кіевѣ новые монастыри, благочестивые князья наши не оставляли безъ своего покровительства и прежнихъ. Такъ, вел. князь Святополкъ Изяславичъ соорудилъ въ 1108 г. великолѣпную каменную церковь во имя архистратига Михаила въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, украшенную внутри мусіею, съ 15-ю позлащенными главами, отъ чего монастырь получилъ названіе *Златоверхаго* ([163]). Князь Мстиславъ Владиміровичъ въ 1113 г. перестроилъ весь Николаевскій монастырь, около того же времени преобразованный изъ женскаго монастыря въ мужескій: монастырь этотъ упоминается еще ок. 1054 г., когда постриглась въ немъ мать преп. Өеодосія, и слѣд. основанъ былъ гораздо прежде ([164]). Очень вѣроятно, судя по указаннымъ примѣрамъ, что и другіе кіевскіе монастыри, продолжавшіе существовать, именно: Георгіевскій и Ирининскій ([165]),

основанные великимъ Ярославомъ, получали отъ потомковъ его подобнаго же рода вспомоществованія.

Такимъ образомъ въ Кіевѣ, сколько извѣстно, въ настоящій періодъ было всѣхъ монастырей тринадцать: четыре и потомъ три женскихъ, девять и потомъ десять мужескихъ.

Послѣ Кіева первое мѣсто по количеству монастырей занималъ тогда *Новгородъ* съ своими окрестностями.

Въ 1106 г. прибылъ въ Новгородъ инокъ Антоній. Онъ родился въ Римѣ отъ благочестивыхъ родителей, принялъ иночество еще въ Италіи и долго подвизался тамъ въ пустынѣ, но вслѣдствіе открывшагося отъ Латынянъ гоненія на православныхъ рѣшился удалиться съ родины въ православную землю Русскую. Въ Новгородѣ онъ избралъ для себя мѣсто въ трехъ верстахъ отъ кремля, внизъ по теченію рѣки Волхова, на правомъ берегу ея. Здѣсь прежде всего, съ благословенія новгородскаго епископа Никиты, онъ соорудилъ деревянную церковь во имя Рождества Богоматери. Потомъ, купивъ вокругъ лежащую землю у дѣтей посадника новгородскаго Ивана, заложилъ въ 1117 г. каменную церковь во имя Рождества же пресв. Богородицы и устроилъ монастырь. Церковь эта окончена въ 1119 г. и расписана въ 1125 г. Чрезъ два года Антоній заложилъ каменную трапезу съ церковію во имя Срѣтенія Господня, при освященіи которой (въ 1131 г.) самъ былъ произведенъ во игумена. Въ 1147 г., послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ, преподобный скончался, а основанный имъ монастырь началъ называться *Антоніевымъ* или *Антонія Римлянина* ([166]). Для обезпеченія своей обители Антоній купилъ, какъ самъ говоритъ въ духовной граматѣ, за сто гривенъ село Волховское, лежавшее вокругъ мона-

стыря, т. е. земли съ обитавшими на нихъ людьми, и за семдесять гривенъ — тони па берегу рѣки Волхова для ловли рыбъ. А доходы монастырскіе употреблялъ не только на свою братію, но и на пропитаніе сиротъ, вдовицъ, убогихъ и нищихъ ([167]).

Въ *Юрьевскомъ* новгородскомъ монастырѣ, основаніе котораго съ вѣроятностію приписываютъ еще Ярославу великому, съ 1119 г. игуменъ Киріакъ и князь Всеволодъ Мстиславичъ построили каменную церковь во имя св. Георгія и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличили самый монастырь, умножили число братій ([168]). Великій князь Мстиславъ Владиміровичъ и сынъ его Всеволодъ (1128 — 1132) для содержанія этого монастыря пожертвовали село Буицъ съ данію, вирами и продажами и назначили нѣкоторыя другія дани ([169]). Изъ игуменовъ его извѣстенъ еще Исаія, котораго новгородцы въ 1134 г. отправляли въ Кіевъ посломъ къ митрополиту Михаилу ([170]). Въ одной изъ княжескихъ граматъ того времени (1135), сохранившейся впрочемъ въ позднѣйшихъ спискахъ, настоятель Юрьевскаго монастыря называется уже *архимандритомъ*, хотя, по лѣтописямъ, онъ и въ 1165 г. продолжалъ носить имя игумена ([171]).

Существовали также въ первой половинѣ XII вѣка новгородскіе монастыри: *Липенскій*, основанный (около 1113 г.) новгородскимъ княземъ Мстиславомъ на островѣ Липпо, по случаю явленія тамъ иконы Святителя Николая, отъ которой князь получилъ чудесное исцѣленіе ([172]); *Воскресенскій*, въ которомъ въ 1136 г. сгорѣла церковь; *Варваринъ* — женскій, гдѣ новгородцы въ 1138 г. заключили на время супругу князя своего Святослава; *Бѣлониколаевскій*, въ которомъ въ 1135 г. заложена каменная церковь во имя св. Николая Чудотворца ([173]); *Звѣринъ-*

Покровскій — женскій, гдѣ въ 1148 г. загорѣлась церковь св. Богородицы отъ грома ([174]); *Пантелеимоновъ*, которому великій князь Изяславъ Мстиславичъ (1146 — 1155) пожаловалъ села и земли ([175]).

Не мало было тогда монастырей и въ другихъ городахъ Россіи, особенно южной. Напримѣръ: а) въ Переяславлѣ — *Іоанновскій*, котораго основаніе приписываютъ еще митрополиту Іоанну I (упом. въ 1125 и 1146 г.) ([176]), и *Михайловскій* или *Ефремовъ*, основанный въ 1089 г. митрополитомъ Ефремомъ ([177]); б) въ Черниговѣ — *Успенскій-Елецкій*, основанный черниговскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ на Болдиной горѣ съ церковію Успенія пресв. Богородицы, по случаю явленія въ 1060 г. на ели иконы Богоматери, и *Ильинскій-Троицкій*, построенный въ 1069 г. тѣмъ же княземъ въ одной верстѣ отъ Успенскаго близъ пещеры, которую ископалъ себѣ здѣсь преп. Антоній печерскій, когда находился въ Черниговѣ ([178]); в) во Владимірѣ на Волыни — *Святогорскій*, въ которомъ скончался (прежде 1074 г.) преп. Варлаамъ, первый игуменъ кіево-печерскій и дмитріевскій ([179]); г) въ Тмуторокани — *Богородицкій*, основанный (прежде 1062 г.) преп. Никономъ кіево-печерскимъ ([180]); д) въ Муромѣ — *Спасскій*, упоминаемый въ 1096 г.; е) близъ Смоленска на Смядинѣ — *Борисоглѣбскій* (упом. въ 1138 г.), въ которомъ въ 1145 г. построена каменная церковь во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба ([181]); ж) во Владимірѣ на Клязьмѣ — *Георгіевскій*, основанный въ 1129 г. Георгіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ ([182]); з) въ олонецкомъ краѣ въ 43 верстахъ отъ Каргополя — *Челмогорскій*, основанный преп. Кирилломъ въ XI вѣкѣ; и и) въ Великомъ Устюгѣ — *Гледенскій Троицкій*, существовавшій въ началѣ XII вѣка ([183]).

Всѣми монастырями нашими мужескими управляли игумены, женскими — игуменьи, за исключеніемъ развѣ одного монастыря Андреевскаго ([184]): ни архимандриты, ни строители не упоминаются, по крайней мѣрѣ, въ лѣтописяхъ ([185]). Избраніе игуменовъ, при основаніи монастырей и въ началѣ ихъ существованія, зависѣло отъ воли основателей. Преп. Антоній печерскій самъ «постави» надъ собранною имъ братіею перваго игумена Варлаама. Великій князь Изяславъ самъ «выведе Варлаама на игуменство къ св. Димитрію», и по смерти Варлаама самъ же избралъ и преемника ему Исаію ([186]). Преп. Стефанъ кловскій самъ «постави игумена Климента въ свое мѣсто» ([187]). Но потомъ игумена избирали обыкновенно братія, представляя только свой выборъ на утвержденіе основателей монастыря, пока они были живы: такъ избраны преп. Өеодосій и Стефанъ, игумены кіево-печерскіе; или на утвержденіе епископа: такъ избранъ былъ братіею своего монастыря и поставленъ Новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ игуменъ Антоній Римлянинъ ([188]). Впрочемъ, всѣ представленныя выраженія объ избраніи игуменовъ можно считать за неполныя. Какъ на полное изображеніе этого дѣла, можно указать на слѣдующее мѣсто Лѣтописи объ избраніи кіево-печерскаго игумена Прохора: «братьи сущи безъ игумена, совокупившимся братьи всей, и нарекоша себѣ игумена Прохора попина, и возвѣстиша митрополиту и князю Святополку о немъ, и повелѣ князь митрополиту поставити съ радостью, и поставленъ бысть» ([189]). Т. е. игумена избирали себѣ сами братія; но потомъ давали объ этомъ знать мѣстному архипастырю и князю, и архипастырь, съ утвержденія князя, поставлялъ игумена по церковному чину. Преп. Антоній Римлянинъ подъ клятвою

заповѣдалъ въ своей духовной граматѣ, чтобы избраніе игумена въ его обители совершалось по доброму согласію братіи, а отнюдь не по мздѣ или насилію, отъ князя ли, или отъ епископа ([190]). Кажется, что наши монастыри различались уже по степенямъ, хотя управлялись равно игуменами. Два раза только исчисляются въ Лѣтописи нѣкорые игумены, и въ оба раза исчисляются въ опредѣленномъ порядкѣ: въ 1072 г. при перенесеніи мощей св. муч. Бориса и Глѣба находились игумены: Θеодосій *печерскій*, Софроній *михайловскій*, Германъ *спасскій*, Николай переяславскій; въ 1115 г. при другомъ перенесеніи тѣхъ же мощей были: Прохоръ *печерскій*, Сильвестръ *михайловскій*, Савва *спасскій*, Григорій андреевскій, Петръ кловскій ([191]). Достоинство кіево-печерскаго монастыря видно также и изъ того, что онъ имѣлъ уже въ своемъ вѣдѣніи другой монастырь — тмутораканскій ([192]). Между настоятелями Новгородскихъ монастырей первое мѣсто занималъ, кажется, Юрьевскій, а за нимъ слѣдовалъ Антоніевскій, судя потому, что князь Всеволодъ въ своей граматѣ, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ, заповѣдалъ: на храмовый праздникъ служить въ этой церкви самому владыкѣ, и вслѣдъ за владыкою, какъ бы по порядку и старѣйшинству, на другой день служить архимандриту св. Георгія, а на третій игумену Антонова монастыря ([193]).

До начала XII вѣка всѣ, основанные у насъ, монастыри несомнѣнно заимствовали себѣ уставъ студійскій изъ кіево-печерской обители: объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ писавшій въ то время преп. Несторъ ([194]). Но по тому же ли образцу устроялись послѣдующіе наши монастыри, до половины XII вѣка, сказать не можемъ за недостаткомъ свидѣтельствъ.

ГЛАВА III.

ДУХОВНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ, УЧЕНІЕ И ПИСЬМЕННОСТЬ.

Древняя наша лѣтопись не упоминаетъ нигдѣ объ училищахъ въ Россіи при дѣтяхъ и внукахъ вел. князя Ярослава; но, вѣроятно, училища продолжали существовать у насъ въ томъ видѣ, какъ они заведены равноапостольнымъ Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ. Если нельзя съ достовѣрностію принять, то нельзя и отвергать рѣшительно свидѣтельства сводной лѣтописи Татищева, что вел. кн. Всеволодъ († 1093) давалъ подаянія на *училища*, что дочь его, извѣстная Янка основала училище при кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ для обученія дѣвицъ грамотѣ, письму, пѣнію и разнымъ рукодѣльямъ, и что нѣкто Василій, котораго разсказъ объ ослѣпленіи Василька вошелъ въ составъ лѣтописи Несторовой, былъ въ 1096 году во Владимірѣ Волынскомъ «смотрѣнія ради *училищъ* и поставленія учителей ([195])». Да и самъ преп. Несторъ замѣтилъ: «какъ случается, что одинъ взоретъ землю, другой посѣетъ, а третіи пожинаютъ и вкушаютъ нескудную пищу, — такъ и Владиміръ взоралъ и умягчилъ землю Русскую, просвѣтивъ ее крещеніемъ, Ярославъ посѣялъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей, а *мы* пожинаемъ, пріемля ученіе книжное ([196])». Знакъ, что къ концу XI и въ началѣ XII вѣка, когда писалъ Несторъ,

просвѣщеніе было у насъ обильнѣе, нежели во дни св. Владиміра и Ярослава. Доказательствами этой мысли служатъ: 1) сочиненія русскихъ писателей, жившихъ во второй половинѣ XI и въ первой XII вѣка и, вѣроятно, получившихъ образованіе въ отечественныхъ школахъ; 2) сочиненія нѣкоторыхъ Грековъ, занимавшихъ тогда нашу первосвятительскую каѳедру, и 3) многія произведенія письменности иноземной, существовавшія тогда у насъ въ славянскихъ переводахъ.

I.

Во главѣ всѣхъ тогдашнихъ писателей нашихъ собственно русскихъ, стоитъ митрополитъ Иларіонъ какъ по времени, такъ и по внутреннему достоинству своихъ писаній. Одно его сочиненіе, составленное имъ еще въ санѣ пресвитера и представляющее собою образецъ ораторскаго краснорѣчія, мы уже видѣли. Обратимся теперь къ другому, представляющему образецъ догматическаго изложенія вѣры, которое написалъ Иларіонъ уже по случаю рукоположенія его въ санъ митрополита. Это изложеніе такъ кратко а вмѣстѣ такъ драгоцѣнно, особенно при совершенной скудости у насъ подобнаго рода древнихъ памятниковъ, что по всей справедливости можетъ быть помѣщено сполна на страницахъ нашей церковной исторіи. Вотъ какъ исповѣдалъ вѣру свою первый изъ Русскихъ, удостоившійся первосвятительства въ отечественной церкви:

«Вѣрую въ единаго Бога, славимаго въ Троицѣ, Отца нерожденнаго, безначальнаго, безконечнаго, Сына рожденнаго, но также безначальнаго и безконечнаго, Духа

святаго, исходящаго отъ отца и въ Сынѣ являющагося, но также собезначальнаго и равнаго Отцу и Сыну; въ Троицу единосущную, но Лицами раздѣляющуюся, Троицу въ именованіяхъ, но единаго Бога. Не сливаю раздѣленія, и не раздѣляю единства. Соединяются (Лица) безъ смѣшенія, и раздѣляются нераздѣльно. (Одно Лице) именуется Отцемъ, потому что раждаетъ; (другое) Сыномъ, потому что раждается; (третье) Духомъ Святымъ, потому что исходитъ, но не отходитъ (отъ Отца). Отецъ не бываетъ Сыномъ, ни Сынъ Отцемъ, ни Духъ Святый Сыномъ; но у каждаго свое безъ смѣшенія, кромѣ Божества. Ибо въ Троицѣ едино Божество, едино господство, едино царство. Общее Трисвятое возглашается Херувимами, общее воздается поклоненіе отъ Ангеловъ и человѣковъ, едина слава и благодареніе — отъ всего міра. Того единаго Бога знаю, и тому вѣрую, въ Его имя и крестился я: во имя Отца и Сына и Святаго Духа: такъ я принялъ отъ писаній св. отецъ, такъ научился».

«Такъ же вѣрую и исповѣдую, что Сынъ, по благоволенію Отца, изволеніемъ Святаго Духа, сошелъ на землю для спасенія рода человѣческаго, но небесъ и Отца не оставилъ; осѣненіемъ Святаго Духа вселился въ утробу Дѣвы Маріи и зачатъ, какъ Самъ единъ знаетъ, родился безъ сѣмени мужескаго, сохранивъ Матерь дѣвою, какъ и прилично Богу, — и въ рожденіи своемъ, и прежде рожденія, и послѣ рожденія, но не отложивъ сыновства. На небеси Онъ безъ матери, а на землѣ безъ отца. Воздоенъ и воспитанъ Онъ, какъ человѣкъ, и былъ истиннымъ человѣкомъ, не въ привидѣніи, но истинно въ нашей плоти; совершенный Богъ, и совершенный человѣкъ, въ двухъ естествахъ и хотѣніяхъ воли. Что былъ, того не

отложилъ, и что не былъ, то пріялъ. Пострадалъ за меня плотію, какъ человѣкъ, но по божеству пребылъ безстрастнымъ, какъ Богъ. Умеръ безсмертный, чтобы оживить меня мертваго; сошелъ во адъ, чтобы возставить и обожить праотца моего Адама и связать діавола. Возсталъ, какъ Богъ; тридневно воскресъ изъ мертвыхъ, какъ побѣдитель, Христосъ Царь мой, и, послѣ многократныхъ явленій ученикамъ своимъ, восшелъ на небеса къ Отцу, отъ котораго не отлучался, — и сѣлъ одесную Его. Ожидаю, что и опять Онъ придетъ съ небеси, но не тайно, какъ прежде, а въ славѣ Отчей, съ небесными воинствами. Мертвые, по гласу Архангела, взыдутъ Ему во срѣтеніе, и Онъ будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и воздастъ каждому по дѣламъ».

«Вѣрую въ семь соборовъ правовѣрныхъ святыхъ Отецъ; и кого они отвергли, того и я отвергаю; кого они прокляли, того и я проклинаю, — и что предали они въ своихъ писаніяхъ, то пріемлю. Святую преславную Дѣву Марію именую Богородицею, чту Ее и съ вѣрою покланяюсь Ей. И на святой иконѣ Ея зрю Господа младенцемъ на лонѣ Ея, и веселюсь. Вижу Его распятаго, и радуюсь. Взираю на воскресшаго и на небеса восходящаго, — и воздѣваю руки и покланяюсь Ему. Также, и взирая на святыхъ Его Угодниковъ, славлю Спасшаго ихъ. Мощи ихъ съ любовію и вѣрою цѣлую. Чудеса ихъ проповѣдую, и исцѣленія отъ нихъ пріемлю. Къ соборной и апостольской Церкви притекаю; съ вѣрою въ нее вхожу, съ вѣрою молюся, съ вѣрою исхожу».

«Такъ вѣрую, и не постыжуся; исповѣдую предъ народами, и за исповѣданіе готовъ и душу свою положить. Слава Богу, строящему о мнѣ выше силъ моихъ, за все.

Молите о мнѣ, честные учители и владыки Русской земли. Аминь».

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ усвояется нашему митрополиту Иларіону еще «поученіе о пользѣ душевнѣй ко всѣмъ православнымъ христіаномъ». Въ этомъ поученіи Иларіонъ прямо, безъ всякаго вступленія, выражаетъ предметъ своей бесѣды говоря: «позаботимся, братія и сестры, о вѣчной, свѣтлой жизни, которую Господь, по своей милости, намъ даромъ даетъ; а отъ удовольствій сей жизни, временной и грѣховной, будемъ удаляться, какъ отъ ядовитыхъ устъ змія, и не будемъ прикасаться къ нимъ». Для возбужденія своихъ слушателей, онъ указываетъ имъ на гласъ Господа, призывающаго насъ въ свое небесное царство, на кратковременность нашей земной жизни, на неизвѣстность нашей смерти, на вѣчныя муки грѣшниковъ и нескончаемость блаженства праведниковъ по смерти. Образъ рѣчи, подобно содержанію, отличается простотою и безъискуственностію. Проповѣдникъ, чтобы глубже оставить впечатлѣніе въ сердцахъ слушателей, нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ своей краткой бесѣды повторяетъ: «подвигнемся, братіе, употребимъ усилія въ этомъ маломъ и краткомъ вѣкѣ!.. Подвигнемся, други мои, къ достиженію жизни нескончаемой... Потрудимся на этомъ свѣтѣ» ([197])! Но мы рѣшительно сомнѣваемся приписать настоящее поученіе нашему митрополиту Иларіону: а) въ бо́льшей части рукописей оно усвояется вообще святому Иларіону или преподобн. Иларіону, подъ именемъ котораго (кто бы онъ ни былъ) встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ и многія другія поученія ([198]); б) иногда оно усвояется прямо Иларіону великому, подъ именемъ котораго также извѣстно

немало сочиненій по нашимъ рукописямъ, и даже стоитъ на ряду съ другими его поученіями [199]; в) не только въ печатномъ Славянскомъ Прологѣ, но и въ спискахъ его XIII — XIV вѣка, «поученіе о пользѣ душевнѣй святаго Иларіона» помѣщалось и помѣщается подъ 21 числомъ Октября — въ тотъ именно день, въ который творится память двухъ Иларіоновъ — Иларіона великаго и Иларіона Меглинскаго, и при томъ помѣщается вслѣдъ за сказаніями о томъ и о другомъ: ужели это одна случайность [200]? г) наконецъ и самое важное, — поученіе о пользѣ души и по слогу, и по составу, и по скудости содержанія, ни мало не походитъ на два другія, подлинныя сочиненія нашего митрополита Иларіона, напротивъ имѣетъ полное сходство съ простыми и безъискуственными поученіями, усвояемыми по однимъ рукописямъ святому или преп. Иларіону, а по другимъ Иларіону великому, которые, слѣдовательно, признаются за одно лице [201].

Два уцѣлѣвшія подлинныя сочиненія митрополита кіевскаго Иларіона невольно приводятъ къ мысли, что онъ писалъ гораздо больше. Невозможно допустить, чтобы человѣкъ, мало упражнявшійся въ сочиненіяхъ, могъ вдругъ написать такое художественное слово, какъ слово Иларіона въ похвалу св. Владиміра, и выражаться съ такою богословскою точностію, какою отличается его исповѣданіе вѣры. Можетъ быть, со временемъ кому-либо посчастливится открыть еще нѣкоторыя творенія нашего, чисто-русскаго, знаменитѣйшаго писателя XI вѣка.

Имя другаго нашего писателя того времени есть достолюбезное имя преп. Ѳеодосія, игумена кіево-печерскаго (1062—1074). Сочиненія великаго подвижника, которыя донынѣ остаются извѣстными, большею частію, только

по имени, и изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другія въ отрывкахъ, можно раздѣлить на четыре класса: къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу русскому; ко второму — десять поученій, сказанныхъ собственно кіево-печерскимъ инокамъ; къ третьему — два посланія къ вел. кн. Изяславу; къ четвертому — двѣ молитвы къ Богу. Послѣ первоначальнаго обученія, которое, какъ мы знаемъ, преп. Ѳеодосій получилъ въ Курскѣ, въ одной изъ тамошнихъ школъ, онъ впослѣдствіи самъ восполнилъ свое образованіе, по обычаю тѣхъ временъ, чрезъ чтеніе св. Писанія, чрезъ чтеніе церковно-богослужебныхъ книгъ, житій Святыхъ и твореній св. Отцевъ. Изъ отеческихъ твореній, кажется, всего болѣе на него имѣли вліяніе писанія преп. Ѳеодора Студита, котораго уставъ онъ ввелъ въ своей обители: по крайней мѣрѣ, поученія Ѳеодосія къ инокамъ и по тону, и по оборотамъ рѣчи, и по всему очень похожи на такія же поученія преп. Ѳеодора Студита. Замѣчательно также, что преп. Ѳеодосій приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ тексты изъ книгъ св. Писанія, особенно пророческихъ, не съ буквальною точностію, а большею частію въ видѣ распространенномъ: знакъ, что св. Отецъ или писалъ эти тексты прямо изъ своей памяти, не справляясь всякій разъ съ Библіею, или пользовался свящ. текстомъ вмѣстѣ съ толкованіями на него, которыя дѣйствительно тогда уже существовали въ славянскомъ переводѣ. Всѣ сочиненія Ѳеодосія болѣе или менѣе кратки и почти всѣ содержанія нравственнаго. Они составлены не по правиламъ искуства и отличаются совершенною простотою, но проникнуты жизнію и пламенною ревностію о благѣ ближнихъ. Тонъ поученій часто обличительный, но вмѣстѣ

глубоко наставительный и не рѣдко умилительный и трогательный. Языкъ — церковно-славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи и нечуждый вліянія языка народнаго. Чтобы ближе познакомиться съ сочиненіями великаго игумена печерскаго, мы сдѣлаемъ полный обзоръ ихъ, показывая составъ и содержаніе каждаго, а гдѣ нужно—подлинность и разныя обстоятельства сочиненія.

Первое поученіе Θеодосія къ народу, сохранившееся въ полномъ составѣ, называется: «Поученіе блаженнаго Θеодосія, игумена печерскаго, о казняхъ Божіихъ (202)». Оно написано, вѣроятно, по случаю нашествія Половцевъ на землю Русскую въ 1067 г., когда три князя наши Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ потерпѣли отъ нихъ пораженіе на рѣкѣ Алтѣ, и вслѣдъ за тѣмъ въ Кіевѣ произошелъ мятежъ: потому что подъ этимъ самымъ годомъ и преп. лѣтописецъ, сказавъ о побѣдѣ поганыхъ надъ нашими князьями, по допущенію Божію, приводитъ, въ видѣ размышленія, большой отрывокъ изъ настоящаго слова Θеодосія, хотя и не называетъ его по имени (203). Въ словѣ можно различать двѣ главныя части.

Въ первой проповѣдникъ говоритъ вообще, что причиною казней Божіихъ, каковы: нашествіе иноплеменниковъ, бездождіе, голодъ, суть наши грѣхи, подтверждаетъ это словами Писанія, обличаетъ вообще въ нечестіи своихъ соотечественниковъ и убѣждаетъ ихъ покаяться и жить по христіански, а не по язычески. «Богъ наводитъ какую-либо казнь или иноплеменниковъ, по гнѣву своему, за то, что мы не обращаемся къ Нему, а междоусобная брань бываетъ по наущенію отъ діавола и отъ злыхъ людей. Богъ не хочетъ зла, но добра; а діаволъ радуется

всякому злу, совершаемому между людьми: онъ издревле врагъ намъ, хочетъ убійства, кровопролитія, воздвигая свары, зависть, братоненавидѣніе, клеветы. Потому, если какая-либо страна согрѣшаетъ, Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплеменниковъ, или бездождіемъ и другими различными казнями, чтобы мы, покаявшись, жили такъ, какъ Богъ велитъ, вѣщая намъ чрезъ Пророка: *обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и плачи* (Іоил. 2, 12). Если бы мы пребывали въ заповѣдяхъ Божіихъ: то и здѣсь удостоились бы получить блага земныя, и по отшествіи изъ міра — жизнь вѣчную. Но мы постоянно вращаемся въ нечестіи, прилагая грѣхи къ грѣхамъ, во всемъ прогнѣвляя Бога, совершая то предъ очами Его. И исполнятся на насъ слова Его, сказанныя чрезъ Пророковъ.... (Амос. 4, 7 — 9; Притч. 1, 28 и друг.). Посему-то затворяетъ Богъ небо, не даетъ дождя, посылаетъ градъ, погубляетъ морозомъ плоды, томитъ землю зноемъ за наши беззаконія. А если мы покаемся отъ злобъ нашихъ: то, какъ чадамъ, Богъ подастъ намъ вся благая, *и одождитъ намъ дождь ранній и поздній, и наполнятся гумна наши пшеницы* (Іоил. 2, 23 — 25)... Слыша это, подвигнемся на добро: взыщите судъ, избавьте обидимаго и пріидите на покаяніе, не воздавая зломъ за зло, ни клеветою за клевету; но обратимся любовію къ Господу, постомъ, и рыданіемъ, и слезами омывая грѣхи свои, не словомъ называясь христіанами, а живя язычески».

Во второй части поученія проповѣдникъ обличаетъ своихъ слушателей въ нѣкоторыхъ частныхъ заблужденіяхъ и порокахъ, господствовавшихъ въ его время и преподаетъ частныя наставленія. Прежде всего указываетъ

на остатки язычества: «напримѣръ, не по язычески ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ чернеца, или черницу, или свинью, или лысаго коня, — то возвращается назадъ: развѣ это не по язычески? Такого суевѣрія держатся по наущенію отъ діавола. Иные вѣрятъ чиханью, которое часто бываетъ на здравіе главѣ; но этимъ обольщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, *рѣзоиманіемъ* (мздоимствомъ?), *прикладьі* (ростомъ или лихвою?), воровствомъ, лжею, завистію, клеветою, *зубами* (дракою?), скоморошествомъ, гуслями, сопелями и другими играми, и непотребными дѣлами».... Потомъ — укоряетъ за непристойное стояніе въ церкви и учитъ достойно молиться Богу: «и вотъ еще, когда стоимъ въ церкви, — какъ смѣемъ мы смѣяться или творить шепотъ? Припадаетъ окаянный діаволъ и внушаетъ намъ творить смѣхъ и шепотъ и другія непотребства, когда мы стоимъ въ церкви предъ Царемъ небеснымъ: какой муки мы за это не достойны!... Молю васъ, братіе, да стоимъ на молитвѣ со страхомъ и любовію другъ къ другу и, молясь воистину, будемъ взывать: *да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею*. Если руки твои не совершали никакого грабежа, — хорошо говоришь: *воздѣяніе руку моею*. Потому осматривай руки твои и испытывай, чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства. Если же ты грабилъ, или бралъ лихву и корчемный прикупъ, или кого пріобидѣлъ чѣмъ-либо, что запретило святое Писаніе: то не говори, не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла»... Далѣе — преподаетъ урокъ касательно постовъ и праздниковъ: «вѣдайте и то, возлюбленныя чада, что св. Отцы наши уставили

постные дни по наученію Господню и по заповѣди св. Апостолъ, и заповѣдали праздновать св. праздники не тѣлесно, но духовно, чтобы мы не чреву работали неприличнымъ пьянствомъ, но молились Богу о своихъ согрѣшеніяхъ, кормили съ собою немощныхъ, питая тѣло земнымъ брашномъ, а душу духовнымъ, которое называется хлѣбомъ ангельскимъ и снесено съ неба въ священныхъ книгахъ, — и все это творили съ любовію, безъ которой никакая добродѣтель не приносится Богу, — живя въ мирѣ не только съ друзьями, но и со врагами»... Наконецъ — съ особенною силою возстаетъ противъ пьянства: «о горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя Ангела хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; чрезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду... Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ діаволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Діаволъ, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами языческими, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія... И посылаетъ діаволъ бѣсовъ, говоря: идите, научайте христіанъ пьянству и всѣмъ дѣламъ моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. Отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отъучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питія: ибо иное пьянство злое, а иное — питье въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію»... Въ заключеніе всего проповѣдникъ убѣждаетъ: «слыша это, братіе, подвигнемся работать Господу и творить заповѣди Его и поживемъ въ законѣ Его всѣ дни живота нашего о Христѣ Іисусѣ, Емуже слава со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ, и присно».

Другое поученіе Θеодосія, обращенное къ народу, имѣетъ заглавіе: «*Слово писано святымъ Θеодосіемъ мнихомъ*», и сохранилось не вполнѣ, какъ можно видѣть изъ начала его и конца ([204]). Названіе Θеодосія святымъ, древность слога и самое содержаніе поученія, соотвѣтственное потребностямъ новопросвѣщенныхъ христіанъ, удостовѣряютъ, что это слово принадлежитъ не другому Θеодосію, какъ печерскому. Здѣсь преподобный преподаетъ своимъ слушателямъ самыя простыя наставленія, говоря: «знайте, братіе, что за трапезою уставлено произносить двѣ молитвы, одну въ началѣ, а другую въ концѣ обѣда. Уставлено также благословлять кутью въ честь и похвалу Святымъ, а не во оставленіе грѣховъ: потому что никакимъ приношеніемъ не очищаются грѣхи, кромѣ приношенія тѣла и крови Господней. Еще уставлено благословлять кутью за упокой усопшихъ, но обѣдъ или ужинъ за упокой благословлять не установлено; приставлять къ кутьѣ воду или класть на кутью яйца не повелѣно. Въ олтарь не должно вносить никакой пищи и питія, кромѣ просфоры, ладона и свѣчи,—что относится къ службѣ. Во время пира тропарей за чашами не пѣть, развѣ только три: одинъ во славу Христа Бога въ началѣ обѣда, другой во славу пресв. Дѣвы Маріи въ концѣ обѣда, третій за здравіе Государя, — а болѣе не позволяемъ». Послѣ этого Θеодосій снова вооружается противъ господствовавшаго тогда пьянства и обычая пѣть тропари за чашами, приводитъ правила св. Отецъ, запрещающія пьянство, указываетъ на то унизительное положеніе, до какого доходитъ пьяница, отдавая себя на посмѣяніе всѣмъ людямъ и отгоняя отъ себя Ангела хранителя и, между прочимъ, замѣчаетъ: «бѣсный страдаетъ невольно и удостоится жизни вѣчной, а пьяный страдаетъ

по своей волѣ и подвергается вѣчной мукѣ. Къ бѣсному придетъ іерей, сотворитъ молитву, — и прогонитъ бѣса, а къ пьяному хотя бы сошлися іереи всей земли и сотворили надъ нимъ молитву, — то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства (205).

Изъ поученій преп. Θеодосія Кіево-Печерскимъ инокамъ четыре сохранились только въ отрывкахъ и приводятся преп. Нестеромъ — одно въ его лѣтописи и три въ составленномъ имъ житіи преп. Θеодосія.

Въ лѣтописи помѣщенъ отрывокъ, довольно значительный, слова преп. Θеодосія братіи предъ началомъ великаго поста: «Бѣсы, говоритъ преподобный, всѣваютъ черноризцамъ лукавыя похотѣнія, внушая имъ помыслы и чрезъ то препятствуютъ ихъ молитвамъ. Такіе помыслы нужно прогонять крестнымъ знаменіемъ, говоря: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь. Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно воздерживаться отъ многой пищи: потому что, при многоядѣніи и неумѣренномъ питьѣ, возрастаютъ помыслы лукавые, и когда возрастутъ помыслы, — совершается грѣхъ. Посему противьтесь дѣйствію бѣсовъ и ихъ лукавству, блюдитесь лѣности и многаго сна, будьте бодры къ пѣнію церковному, къ храненію отеческихъ преданій и чтенію книгъ. Всего же болѣе нужно черноризцамъ имѣть въ устахъ Псалтырь Давидову и ею прогонять уныніе, наводимое бѣсами. Младшіе должны оказывать старшимъ покорность и послушаніе, а старшіе имѣть къ младшимъ любовь, служить для нихъ примѣромъ въ воздержаніи, бдѣніи, смиреніи, наставлять ихъ и утѣшать, и такимъ образомъ проводить постъ... Сорокъ дней поста Богъ далъ намъ на очищеніе души: это десятина удѣляемая Богу изъ году. Дней въ году 365; изъ

нихъ мы приносимъ Богу десятину, совершая сорокодневный постъ, въ который душа, очистившись, свѣтло празднуетъ воскресеніе Христово, веселясь о Господѣ: ибо постъ очищаетъ умъ человѣка. Постъ установленъ отъ начала: еще Адаму заповѣдано было не вкушать отъ одного древа. Моусей, постившись сорокъ дней, сподобился принять законъ на горѣ Синайской и видѣлъ славу Божію. Постившіеся Ниневитяне избавились гнѣва Божїя. Даніилъ, постившись, удостоился великаго видѣнія. Илія, постившись, взятъ былъ какбы на небо. Три отрока, постившись, угасили силу огненную. Постился и Господь 40 дней, показавъ намъ продолженіе постнаго времени. Постомъ Апостолы искоренили бѣсовское ученіе. Постомъ прославились Отцы наши, какъ свѣтила въ мірѣ, сіяющія и по смерти, показавъ великіе труды и воздержаніе, именно: Антоній великій, Евѳимій, Савва и прочіе Отцы, которымъ и мы поревнуемъ, братіе ([206])».

Отрывки изъ поученій Ѳеодосія, помѣщенные въ житіи его, не такъ обширны, особенно два первые. Изъ поученія о смиреніи сохранены только слѣдующія слова: «когда идете, — имѣйте руки свои сложенными на персяхъ, и никто да не превосходитъ васъ въ смиреніи вашемъ; но кланяйтесь другъ другу, какъ прилично инокамъ. Не ходите изъ келліи въ келлію, но каждый въ своей келліи молитесь Богу ([207])». Изъ поученія о нестяжательности — слѣдующія: «неприлично намъ, братіе, инокамъ, отрекшимся всего мірскаго, вновь собирать имѣніе въ своей келліи. Какъ мы можемъ приносить чистую молитву Богу, держа сокровище въ своей келліи? Вы слышали, что сказалъ Господь: *идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. 6, 21), и богачу: *безумне, въ сію*

нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ (Лук. 12, 20)? Посему будемъ довольны, братіе, установленною одеждою и пищею, предлагаемою на трапезѣ отъ келаря, а въ келліи не станемъ держать ничего такого. Тогда только мы можемъ съ полнымъ усердіемъ и всею мыслію возносить чистую молитву къ Богу ([208])». Наконецъ, изъ слова о подвигахъ монашескихъ вообще въ житіи Θеодосія читаемъ слѣдующій отрывокъ: «молю васъ, братіе, будемъ подвизаться въ постѣ и молитвахъ, попечемся о спасеніи душъ нашихъ и возвратимся отъ злобъ нашихъ и отъ путей лукавыхъ, каковы: любодѣянія, татьбы, клеветы, празднословіе, ссоры, пьянство, объядѣніе, братоненавидѣніе. Отъ всего этого уклонимся, братіе, всѣмъ этимъ возгнушаемся и не осквернимъ душъ нашихъ, но пойдемъ путемъ Господнимъ, ведущимъ въ животъ, и взыщемъ Бога рыданіемъ и слезами, постомъ и бдѣніемъ, покорностію и послушаніемъ, да такимъ образомъ обрящемъ милость отъ Него. Еще же возненавидимъ міръ сей, помня всегда слова Господа: *иже любитъ отца, или матерь паче мене, нѣсть мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче мене, нѣсть мене достоинъ* (Матθ. 10, 37)), и другіе: *обрѣтый душу свою, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю* (— 39). Посему и мы, братіе, отвергшись міра, отвергнемся и того, что въ немъ, возненавидимъ всякую неправду, совершаемую въ мірѣ и не возвратимся къ своимъ первымъ грѣхамъ: *никтоже*, сказалъ Господь, *возложь руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62). Какъ избѣжимъ мы безконечной муки, оканчивая время своей жизни въ лѣности и не имѣя покаянія? Слѣдуетъ намъ, братіе, нарекшимся иноками, во всѣ дни ка-

яться о грѣхахъ своихъ. Покаяніе есть путь, приводящій къ царству; покаяніе есть ключъ царствія небеснаго; покаяніе есть путь, вводящій въ животъ. Этого пути, братіе, да держимся, утвердимъ на немъ стопы свои; къ нему не приближается лукавый змій. Шествіе по сему пути нынѣ прискорбно, но конецъ его радостенъ. Будетъ же, братіе, подвизаться прежде суднаго дня, да получимъ вѣчныя блага и избѣгнемъ всего, что ожидаетъ нерадивыхъ и живущихъ безъ покаянія ([209])». Впрочемъ этотъ послѣдній отрывокъ, при всей краткости своей, представляетъ нѣчто цѣлое: въ немъ недостаетъ, можетъ быть, только нѣсколькихъ заключительныхъ словъ, обычныхъ въ нашихъ поученіяхъ.

Другія пять поученій преп. Θеодосія, обращенныхъ къ кіевопечерскимъ инокамъ, сохранились въ полномъ своемъ составѣ и сдѣлались извѣстными недавно по одной рукописи XV вѣка ([210]). Подлинность этихъ поученій не можетъ подлежать сомнѣнію: всѣ они названы словами *святаго* Θеодосія; а другаго святаго Θеодосія — проповѣдника мы не знаемъ до XV вѣка ни въ русской, ни въ греческой Церкви, кромѣ Θеодосія печерскаго. По слогу и тону своему эти поученія совершенно согласны съ тѣми, какія усвояетъ Θеодосію печерскому нашъ древнѣйшій лѣтописецъ. И въ самомъ содержаніи этихъ поученій встрѣчаются такія черты, которыя прямо указываютъ на преп. Θеодосія печерскаго. Здѣсь, напримѣръ, проповѣдникъ, наставляя братію, ссылается на преп. Θеодора Студита и на его уставъ: «якоже ны богоносный Θеодоръ учитъ», или: «якоже въ уставѣ пишетъ» — а извѣстно, что преп. Θеодосій первый принялъ для своей обители уставъ студійскій и всѣми мѣрами старался

утвердить его между братіею. Здѣсь проповѣдникъ внушаетъ инокамъ, чтобы они не переходили изъ келліи въ келлію, при встрѣчѣ смиренно кланялись другъ другу, согласны были удѣлять часть изъ монастырскаго имущества для вспомоществованія бѣднымъ, и со слезами умоляетъ своихъ слушателей: всему этому дѣйствительно училъ преп. Θеодосій печерскій свою братію, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, и училъ со слезами ([211]). Здѣсь, наконецъ, проповѣдникъ говоритъ братіи, что ихъ созвала въ обитель благодать Св. Духа и молитва *святыя Богородицы*, и что Богъ подастъ имъ все молитвами *святыя Богородицы:* такія слова представляются, какъ нельзя болѣе, естественными въ устахъ преп. Θеодосія печерскаго, когда мы знаемъ, что печерская обитель съ самаго начала посвящена была пресв. Богородицѣ, что и первый храмъ, находившійся въ пещерѣ, и второй, воздвигнутый надъ пещерою, и третій — болѣе обширный, деревянный, и четвертый — великолѣпный, каменный, — всѣ устроены были въ честь пресв. Богородицы, и что печеряне всегда почитали Ее своею первою и высшею покровительницею и благодѣтельницею.

Въ первомъ изъ этихъ пяти поученій преп. Θеодосій возбуждаетъ въ своихъ инокахъ любовь къ Богу и ближнимъ ([212]). Для сего прежде всего напоминаетъ имъ ихъ обѣтъ возненавидѣть все и послѣдовать Христу: «что внесли мы, любимицы мои, въ міръ сей, или что можемъ изъ него вынести? Не оставили ли мы міра и всего, что въ мірѣ, по заповѣди Христа: *иже не возненавидитъ всего и не послѣдуетъ ми, нѣсть ми ученикъ* (Лук. 14, 25) ([213]), и еще: *иже аще мя любитъ, слово мое сохранитъ* (Іоан. 14, 23), *и иже душу свою погубитъ мене ради. обрящетъ ю* (Матθ. 10,

39)? Но любовь къ Богу совершается не на словахъ, а въ дѣйствительныхъ дѣлахъ. Господь сказалъ: *иже пребудетъ въ заповѣдѣхъ моихъ, азъ возлюблю его и явлюся ему самъ* (Іоан. 14, 21), — *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже и азъ возлюбихъ вы: о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 34. 35)»... Далѣе указываетъ преподобный на ту высочайшую любовь, какую явилъ намъ Господь въ дѣлѣ нашего искупленія: «сколько любви Его излилось на насъ недостойныхъ! *Якоже возлюби мя Отецъ*, сказалъ Онъ, *и азъ возлюбихъ вы: больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя,— вы же друзи мои есте* (Іоан. 15, 9. 13. 14). Каковы же должны быть мы, слыша все это? Не горитъ ли въ насъ сердце? Не возбуждаетъ ли насъ совѣсть? Что добраго мы сотворили Ему, почему Онъ избралъ и извелъ насъ отъ маловременнаго житія сего? Не всѣ ли мы уклонились и не хотѣли работать Ему? Не всѣ ли ходили въ слѣдъ похотей своихъ? И Онъ не презрѣлъ насъ, находившихся въ такомъ нечестіи, не возгнушался естества нашего, но, воспріявъ зракъ раба, уподобился намъ, чтобы мы спаслися»... Въ заключеніе Ѳеодосій говоритъ: «такъ, братія моя, содержа между собою истинную любовь, воспріимемъ чистый законъ благаго Бога нашего и соблюдемъ Его святыя заповѣди, подвизаясь въ бдѣніи и молитвахъ и непрестанно молясь за весь міръ, да получимъ чрезъ то, царство небесное о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ»...

Второе поученіе преп. Ѳеодосія ([214]) показываетъ, что нѣкоторые изъ братіи роптали на него за то, что онъ часто удалялъ изъ обители слабыхъ и нерадивыхъ, впро-

чемъ до полученія ими дара иночества, а другіе за то, что принималъ въ обитель странниковъ и бѣдныхъ на ея содержаніе. Сказавъ противъ первыхъ, что онъ, по долгу своему, не смотря на ихъ ропотъ, не можетъ молчать и поблажать ихъ слабости, преподобный обращается преимущественно къ послѣднимъ и говоритъ: «прилично было бы намъ отъ трудовъ своихъ кормить убогихъ и странниковъ, а не оставаться въ праздности, не переходить изъ келліи въ келлію. Вы слышали слова Павла: *якоже нигдѣ туне хлѣба ядохъ, но нощь дѣлахъ, а въ дне проповѣдахъ, и руцѣ мои послужиша мнѣ и инѣмъ* (2 Сол. 3, 8). А мы ничего такого не совершили. И если бы не постигла насъ благодать Божія и не кормила насъ чрезъ боголюбивыхъ людей: что сдѣлали бы мы, смотря на свои труды? Скажемъ ли, что за наше пѣніе, за нашъ постъ и бдѣніе все то приносятъ намъ? А мы ни за кого изъ приносящихъ не помолимся.... Неприлично намъ, возлюбленные, удерживать только для себя посылаемое намъ отъ Бога чрезъ боголюбивыхъ людей на пользу душевную и тѣлесную, но должно подавать и инымъ требующимъ: *лучше даяти*, сказано, *неже взимати* (Дѣян. 20, 35). *Блаженъ*, сказано также, *разумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь* (Пс. 40, 2), и еще: *блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ* (Матѳ. 5, 7). Да не уподобимся онымъ ропотливымъ, которые чрева ради пали въ пустынѣ»... Изобразивъ за тѣмъ, какъ Іудеи, изведенные Богомъ изъ земли Египетской, не смотря на всѣ Его благодѣянія, роптали на Него, и прилагая этотъ примѣръ къ своимъ слушателямъ, Ѳеодосій восклицаетъ: «какъ же мнѣ не стенать и не тужить, любимицы мои, когда я слышу то же самое и между вами? Или, скажу

словами Пророка: *кто дастъ главѣ моей каменіе и очесемъ моимъ источники слезъ, да плачуся день и ночь о дщери людей моихъ* (Іер. 9, 1)? Мы удалились въ пустыню и чаемъ Бога, спасающаго насъ: и не извелъ ли Онъ насъ также изъ Египта, т. е. отъ міра въ пустыню сію безводную, не рукою Моусеевою, но благодатію своею? Что же мы вознерадѣли, братія мои и отцы? Что принесли вы отъ имѣній своихъ въ это мѣсто? Или что́ я требовалъ отъ васъ, принимая васъ въ обитель сію и въ человѣколюбіе Божіе, которое подаетъ намъ, бѣднымъ, все *по молитвамъ св. Богородицы*? Молюся вамъ отъ всей души моей, любимицы мои, да не пребываемъ въ двоедушіи и да не прогнѣваемъ благаго Владыки, подобно онымъ непокоривымъ (Іудеямъ), но воздадимъ хвалу благому Владыкѣ за то, что Онъ столько печется о насъ и подаетъ намъ все въ изобиліи, не помня немощей нашихъ»...

Третье поученіе преп. Θеодосія ([215]) состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой онъ указываетъ на примѣры злостраданій и терпѣнія, какъ-то: на Іова, на самаго Христа Спасителя, на Пророковъ, Апостоловъ, Мучениковъ и преподобныхъ Отцевъ. Во второй призываетъ къ терпѣнію и мужеству въ подвигахъ иноческихъ свою братію. Особенно трогательны въ послѣдней части слѣдующія слова великаго игумена: «молю васъ, любимицы мои, отрясемъ уныніе наше; вспомнимъ первый нашъ входъ, каковы были мы, когда пришли къ дверямъ монастырскимъ. Не всѣ ли мы обѣщались терпѣть и поношенія, и укоренія, и изгнанія? Вспомнимъ, что, стоя предъ святыми дверьми, мы давали отвѣтъ о своемъ обѣщаніи, какбы на страшномъ судѣ, не предъ видимыми только свидѣтелями, но и предъ невидимыми, что мы призывали во свидѣтеля са-

маго Владыку и Бога, говоря: се Христосъ здѣ невидимо стоитъ; блюди кому обѣщаеши; никтоже бо тебе на се не нудитъ. А нынѣ мы всѣ тѣ обѣщанія вмѣнили ни во что. Намъ надлежитъ имѣть покорность и терпѣніе..., и того не имѣемъ. Читаемъ житія Святыхъ и затыкаемъ свои уши, чтобы не слышать о ихъ мужествѣ.... Когда начнется рать и затрубятъ трубы воинскія, никто изъ воиновъ не можетъ спать: воину ли Христову прилично лѣниться? Тѣ оставляютъ своихъ женъ, чадъ, имѣніе, жертвуютъ самою жизнію изъ-за славы временной и преходящей: а мы, если стерпимъ, борясь съ супостатами нашими, и одолѣемъ ихъ, мы удостоимся вѣчной славы и чести неизреченной».

Въ четвертомъ своемъ поученіи ([216]), послѣ предварительнаго приглашенія иноковъ вообще къ подвижничеству, преп. Өеодосій преподаетъ имъ нѣкоторыя частныя наставленія касательно хожденія въ церковь, и именно, ссылаясь на богоноснаго Өеодора Студита и его уставъ, заповѣдуетъ: а) при первомъ ударѣ въ било вставать на молитву, а при второмъ спѣшить въ церковь; б) вошедши въ церковь, инокъ долженъ благоговѣйно положить три земные поклона и за тѣмъ со страхомъ и въ безмолвіи стать при стѣнѣ, не опираясь однакожъ на нее или на какой-либо столпъ церковный; в) подходя къ другимъ инокамъ, долженъ со смиреніемъ и сложенными руками поклониться имъ до земли; г) во время кажденія кадильнаго долженъ особенно быть благоговѣйнымъ, чтобы удостоиться благодати Св. Духа чрезъ это кажденіе; д) при пѣніи псалмовъ не прилично инокамъ перегонять другъ друга и производитъ безпорядокъ, но надобно смотрѣть на старѣйшаго (доместика) и начинать пѣніе по его

Bayerische Staatsbibliothek München

указанію; е) точно также, когда иноки предъ началомъ, или окончаніемъ пѣнія раскланиваются между собою, надобно смотрѣть имъ на старѣйшаго и слѣдовать его примѣру; ж) вообще иноки должны стоять въ церкви съ величайшимъ благоговѣніемъ, удостоившись вмѣстѣ съ Ангелами служить невидимому Богу, который вѣдаетъ самыя сердца наши. Въ заключеніе, призывая своихъ слушателей нелѣностно посѣщать всѣ церковныя службы, преподобный говоритъ: «да не лѣнимся, любимицы мои, братія, и отцы, и чада духовныя, избранныя! *Со слезами* говорю любви вашей сіи горькія слова: потому что вамъ говорю, а самъ не исполняю, и нынѣ на мнѣ сбылось сказанное Богомъ чрезъ Пророка: *вскую ты повѣдаеши оправданія моя и воспріемлеши завѣтъ мой усты твоими; ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергъ еси словеса моя вспять* (Пс. 49, 16. 17). Но нужда ми есть глаголати къ вашей любви вся та, да не кто умретъ въ моемъ молчаніи лютымъ грѣхомъ, — о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ».

Въ пятомъ своемъ поученіи ([217]) преподобный Ѳеодосіі сначала напоминаетъ братіи о своемъ крайне-отвѣтственномъ долгѣ поучать ихъ: «слышимъ Господа, говорящаго чрезъ Пророка къ нашему учительству: *сыне человѣчь, стража дахъ тя дому Израилеву, да слышиши слово отъ устъ моихъ и воспретиши имъ отъ мене, внегда глаголати ми беззаконнику: смертію умреши, и не возвѣстиши ему, ни соглаголеши, еже остатися беззаконнику, и обратитися отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея взыщу* (Іез. 3, 17. 18)»... Потомъ обличаетъ иноковъ въ ихъ нерадѣніи и лѣности: «какъ же мнѣ послѣ сего не говорить вамъ и какъ не обличать каждаго изъ васъ порознь?

Созвала насъ благодать Св. Духа и *молитва св. Богородицы* въ сію обитель, — въ единодушіе, въ единоуміе и въ едину волю... А мы хочемъ имѣть многія воли. Когда время службы позоветъ насъ въ церковь: тогда діаволъ омрачаетъ сердца наши лѣностію, и мы не идемъ не только въ церковь, но и за трапезу. О павечернѣ нечего и говорить: сколько разъ я возглашалъ о томъ, — и нѣтъ ни одного, кто бы послушался! Какъ же мнѣ молчать и не стенать? Если бы возможно было, я говорилъ бы каждый день, со слезами умоляя васъ и припадая къ колѣнамъ вашимъ, чтобы ни одинъ изъ васъ не пропускалъ молитвеннаго времени.... Сколько лѣтъ прошло, и я не вижу ни одного, кто бы пришелъ ко мнѣ и спросилъ: какъ мнѣ спастись»... Наконецъ, преподобный убѣждаетъ иноковъ исправиться: «не въ укоръ это я *написалъ* вамъ, но убѣждаю васъ оставить такое нерадѣніе и умоляю васъ, чада моя любимыя, и братія, и отцы, воспрянемъ отъ сна лѣности, да не опечалимъ Св. Духа. Пріидите, поклонимся и припадемъ Ему; восплачемъ предъ Господомъ, сотворившимъ насъ.... Будемъ плакать здѣсь, да получимъ царство небесное и въ немъ обрѣтемъ себѣ утѣшеніе! Скорби настоящей жизни, и воздыханія, и труды суть ничто сравнительно съ будущею славою».

Наконецъ, сохранилось еще одно краткое поученіе Ѳеодосія, сказанное имъ въ своей обители, впрочемъ не ко всѣмъ инокамъ, а собственно къ келарю, по случаю возведенія его въ этотъ санъ. Вотъ оно: «братъ! Се отъ руки Христа и отъ престола Его пріемлешь ты сію службу. Имѣй страхъ Божій предъ очами твоими и позаботься непорочно совершить порученное тебѣ дѣло, да будешь достоинъ и вѣнца отъ Христа. Помышляй о томъ гор-

немъ престолѣ, который видѣлъ Исаія, когда посланъ былъ къ нему одинъ изъ Серафимовъ съ углемъ, который не опалялъ Пророка, но просвѣщалъ: такъ и ты, братъ, пріемлешь ключь, какбы огнь, отъ того престола, на которомъ ежедневно жрется Христосъ. Если ты съ душевною любовію исправишь службу сію въ чинѣ монастырскомъ: тебя ожидаетъ праведный вѣнецъ, и будетъ тебѣ этотъ ключь въ просвѣщеніе и спасеніе души твоей. Если же сердце твое уклонится къ тому, чтобы похищать что либо монастырское или пріобрѣтать, и собирать болѣе себѣ, нежели монастырю: будетъ тебѣ этотъ ключь въ опаленіе души твоей здѣсь и въ будущемъ вѣкѣ. Геенна пріиметъ тебя и судъ Ананіи и Сапфиры постигнетъ тебя. Они, утаивъ часть изъ цѣны за село свое, умерли внезапною смертію: а ты будешь достоинъ еще тягчайшей муки, похищая чужое или раздавая своимъ безъ чину. Проказа Геезіи поразитъ тебя, не тѣло твое, но душу. Внимай, братъ, себѣ и своей службѣ, да спасетъ тебя Господь отъ всего, молитвами св. Богородицы и всѣхъ Святыхъ» ([218]).

Поучая народъ и братію, преп. Θеодосій поучалъ не рѣдко самихъ князей не только словомъ, но и чрезъ писанія. Преп. Несторъ свидѣтельствуетъ о посланіяхъ его къ вел. князю Святославу и въ особенности объ одномъ весьма великомъ посланіи, въ которомъ старецъ сильно обличалъ князя за похищеніе имъ кіевскаго престола у брата своего Изяслава ([219]). Къ сожалѣнію, всѣ эти посланія не дошли до насъ. Сохранились только два посланія къ вел. кн. Изяславу.

Одно изъ нихъ начинается словами: «что възмыслилъ еси боголюбивый княже, въпрашати мене, некнижна и худа, о таковѣй вещи», — и имѣетъ предметомъ рѣшеніе

двухъ вопросовъ. Князь спрашивалъ: «можно ли въ день воскресный, *еже есть недѣля*, закалать вола, или овна, или птицу, или что другое, и ѣсть ихъ мясо»? Ѳеодосій предварительно замѣчаетъ, что воскресенье не есть собственно недѣля, но первый день недѣли, въ который воскресъ Христосъ, точно такъ, какъ понедѣльникъ есть второй день недѣли, вторникъ — третій, среда — четвертый, четвергъ — пятый, пятница — шестой, суббота — седьмый. За тѣмъ отвѣчаетъ князю: «Іудеямъ, когда Богъ извелъ ихъ изъ Египта, данъ былъ законъ хранить субботу, такъ чтобы ничего не дѣлать, не возгнѣтать огня, не закалать ничего въ пищу, а все нужное приготовлять въ пятокъ вечеромъ, — и это Іудеи соблюдаютъ донынѣ. Но съ того времени, какъ Богъ нашъ снисшелъ на землю, все іудейское умолкло; мы не чада Авраама, а чада Христа Бога нашего чрезъ св. крещеніе; мы свободны отъ исполненія закона обрядоваго. Слѣд. тотъ, кто сказалъ тебѣ, будто въ воскресенье не должно закалать, ни ѣсть закланнаго, сказалъ не отъ свящ. Писанія, а отъ своего сердца. Намъ это не возбранено и не грѣшно. Если мы примемъ такой обычай, т. е. чтобы закалать еще въ субботу, а въ воскресенье только ѣсть закланное: тогда мы, очевидно, будемъ подражать Іудеямъ». Князь спрашивалъ еще: «хорошо ли, если кто отречется ѣсть мясо въ среду и пятокъ»? «Весьма хорошо и полезно, отвѣчаетъ Ѳеодосій, — и не я это завѣщаваю, но божественные Апостолы, которые узаконили поститься въ среду, когда Іудеи сотворили совѣтъ на Христа, и въ пятокъ, когда они распяли Господа. Притомъ, если ты самъ, по какой-либо причинѣ, отрекся вкушать мясо въ означенные дни: то и исполни обѣщаніе, хотя христіанину не должно са-

мому себя связывать, если не будетъ связанъ отъ отца своего духовнаго. Впрочемъ мы имѣемъ и другое преданіе отъ св. Апостолъ и св. Отцевъ, чтобы праздники Господскіе, Богородичны и 12 Апостоловъ праздновать свѣтло: въ эти праздники, когда они случатся въ среду или пятокъ, я разрѣшаю тебя вкушать мясо, если только ты самъ себя связалъ; а если ты связанъ отцемъ духовнымъ, то отъ него прими и разрѣшеніе». Характеръ вопросовъ, рѣшаемыхъ въ этомъ посланіи, указываетъ на самыя первыя времена нашей Церкви; а надписаніе посланія, въ обоихъ его извѣстныхъ спискахъ, именемъ преп. Ѳеодосія печерскаго, не позволяетъ сомнѣваться, что ему оно и принадлежитъ ([220]).

Другое посланіе Ѳеодосіево къ вел. князю Изяславу гораздо важнѣе, и разсуждаетъ о вѣрѣ варяжской или латинской. Оно сохранилось въ многочисленныхъ спискахъ, которые впрочемъ можно раздѣлить на три фамиліи, и вездѣ усвояется преп. Ѳеодосію печерскому ([221]). Потому, хотя нельзя ручаться, что оно дошло до насъ во всей своей первобытной цѣлости, — такъ какъ между фамиліями есть разности, частію въ порядкѣ размѣщенія, частію въ количествѣ частей; но нѣтъ основанія сомнѣваться въ его подлинности ([222]). Въ этомъ посланіи преп. Ѳеодосій исчисляетъ князю разныя отступленія латинянъ отъ православной вѣры и ихъ недобрые обычаи, и за тѣмъ учитъ его, какъ должно держать себя по отношенію къ латинской вѣрѣ и ея послѣдователямъ. Къ числу отступленій отъ вѣры и недобрыхъ обычаевъ относятся слѣдующія: а) латиняне въ Савеліеву ересь впали (разумѣется въ томъ смыслѣ, что сливаютъ двѣ божескія Ѵпостаси — Отца и Сына въ одну, когда говорятъ, будто

Духъ святый исходитъ отъ Обоихъ Ихъ вмѣстѣ, какъ отъ одного начала); б) совершаютъ божественную службу на опрѣснокахъ, а не на квасномъ хлѣбѣ; в) прощаютъ грѣхи за дары, т. е. употребляютъ индулгенціи; г) не помазываютъ крещаемыхъ масломъ и мvромъ, какъ мы, но кладутъ имъ соль въ уста; д) называютъ ихъ не именами Святыхъ, а какъ захотятъ родители; е) постятся въ субботу; ж) ѣдятъ мяса до вторника первой седмицы великаго поста; з) употребляютъ въ пищу дикихъ коней, удавленину, медвѣжину, бобровину и под.; и) кладутъ мертвецовъ ногами на западъ, а головою на востокъ; і) женятся на сестрахъ, священники ихъ и епископы не вступаютъ въ законный бракъ, а живутъ въ незаконныхъ связахъ; к) епископы носятъ перстни, ходятъ на войну, и проч. и проч. Надобно замѣтить, что между обвиненіями на латинянъ, излагаемыми въ посланіи, находятся и такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а отнюдь не ко всей римской церкви, или даже представляются несовсѣмъ вѣрными. Это могло произойти отъ двухъ причинъ: отъ того, что преп. Ѳеодосій судилъ о заблужденіяхъ латинянъ только по слухамъ, и отъ того, что такія именно обвиненія и многія другія подобныя взводили тогда на латинянъ въ Греціи и вообще на востокѣ ([223]). А можетъ быть, нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій внесены въ посланіе Ѳеодосія уже впослѣдствіи стороннею рукою: такъ какъ, встрѣчаясь въ спискахъ одной фамиліи, не встрѣчаются въ спискахъ другой. Излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ вѣрѣ латинской и ея послѣдователямъ, преп. Ѳеодосій заповѣдуетъ: а) надобно всѣми мѣрами блюстися ея, особенно тѣмъ, которые живутъ посреди латинянъ, потому

что только въ православной вѣрѣ можно спастись, а въ вѣрѣ латинской или сарацынской (магометанской) нельзя; б) не должно хвалить чужой вѣры, потому что кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ хулитъ свою и есть двоевѣрецъ и близокъ къ ереси; в) еслибы кому пришлось и умереть за православную вѣру, — долженъ умереть, не отрицаясь отъ того, по примѣру Святыхъ; г) съ послѣдователями варяжской вѣры не должно имѣть общенія ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи Христовыхъ таинъ, ни въ пищѣ, — впрочемъ когда они попросятъ пищи, накормить ихъ, только въ ихъ собственныхъ сосудахъ, а не въ своихъ; въ случаѣ же крайности — и въ своихъ, которые потомъ вымыть и освятить молитвою. Кромѣ этихъ общихъ наставленій, преп. Θеодосій, обращаясь собственно къ князю, говоритъ: «ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, — будетъ ли то еретикъ или латынянинъ, — всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ и не православныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется... Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, — и ты избавишь овча изъ устъ львовыхъ... Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру далъ Богъ, — ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли, что сказано: *единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе?* И не сказалъ ли апостолъ Павелъ: *аще и ангелъ благовѣститъ вамъ*

паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ (Гал. 1, 8)»?.. Мы нѣсколько смягчили рѣзкій тонъ посланія, который показался бы не совсѣмъ приличнымъ въ наше время, но былъ весьма приличенъ и естественъ во дни преп. Ѳеодосія, когда латиняне только-что отдѣлились отъ православной Церкви восточной и, по своимъ проискамъ къ совращенію православныхъ и крайней испорченности нравовъ, были нестерпимы какъ для Грековъ, такъ, вслѣдъ за ними, и для Русскихъ ([224]).

Молитвы преп. Ѳеодосія извѣстны намъ двоякаго рода: устныя, которыя сохранилъ въ житіи его преп. Несторъ ([225]), и которыя, какъ не написанныя самимъ Ѳеодосіемъ, не могутъ имѣть мѣста въ нашемъ обозрѣніи а во вторыхъ — письменныя. Къ послѣднимъ принадлежатъ: молитва преп. Ѳеодосія за всѣхъ христіанъ и молитва его, написанная по просьбѣ варяжскаго князя Шимона или Симона.

Первая молитва сохранилась въ харатейной Псалтири 1296 года подъ заглавіемъ: «Молитва святаго Ѳеодосія печерскаго за вся христіаны ([226])». Если еще въ XIII вѣкѣ она усвоялась св. Ѳеодосію: то сомнѣваться въ подлинности ея было бы съ нашей стороны крайнею недовѣрчивостію. Правда, въ молитвѣ упоминается, вслѣдъ за другими Святыми и преп. Антоніемъ печерскимъ, Ѳеодосій; но кто знаетъ, какъ неразсудительно иногда наши древніе переписчики дѣлали подобнаго рода вставки ([227]), тотъ не соблазнится и этою вставкою. Молитва состоитъ въ слѣдующемъ: «Владыко, Господи, человѣколюбче! Вѣрныхъ, Господи, утверди, да будутъ еще болѣе вѣрны; неразумныхъ, Владыко, вразуми; язычниковъ, Господи, обрати ко Христу, да будутъ нашими братіями; находящихся въ

темницахъ, или въ оковахъ, или въ нуждѣ избави, Господи, отъ всякой печали; пребывающимъ въ затворахъ, и на столпахъ, и въ пещерахъ, и въ пустыни братіямъ нашимъ подаждь, Господи, крѣпость къ подвигу. Помилуй, Господи, князя нашего, и градъ сей, и всѣхъ, живущихъ въ немъ. Помилуй милостію Твоею и мене, раба Твоего грѣшнаго: если я и многогрѣшенъ, но по правой вѣрѣ я рабъ Твой. Спаси, Господи, и помилуй епископа нашего и весь монашескій чинъ, со іереями и діаконами и всѣми православными христіанами. Помилуй, Господи, находящихся въ бѣдности и озлобленнымъ нищетою подаждь богатую милость, ради молитвъ пресв. Богородицы (здѣсь поименованы и преп. Антоній и Θеодосій)... Упокой Господи, души рабовъ твоихъ, правовѣрныхъ князей нашихъ, и епископовъ, и всѣхъ сродниковъ нашихъ по плоти. И упокой, Господи, души рабовъ Твоихъ, всѣхъ правовѣрныхъ христіанъ, умершихъ во градахъ, и въ селахъ, и въ пустыняхъ, и на пути, и въ морѣ, — упокой ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ ликѣ Святыхъ, въ оградѣ благаго рая и жизни безконечной, въ неизглаголанномъ и немерцаемомъ свѣтѣ лица Твоего: ибо Ты еси покой и воскресеніе усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе Боже нашъ, и Тебя славимъ со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно». Молитва, очевидно, вполнѣ достойная великаго игумена кіево-печерскаго.

Что касается до молитвы, составленной имъ по просьбѣ Симона Варяга: то св. Симонъ, епископъ владимірскій, разсказываетъ самый случай къ ея написанію. Однажды Симонъ Варягъ, любимый Θеодосіемъ и много жертвовавшій на его обитель, пришелъ къ нему и, послѣ обычной бесѣды, сказалъ: «прошу у тебя, отче, одного дара». «О

чадо, сказалъ Θеодосій, чего проситъ твое величество отъ нашего смиренія»? «Я прошу у тебя, продолжалъ Симонъ, дара великаго и превышающаго мои силы». Θеодосій отвѣчалъ: «тебѣ извѣстно, чадо, наше убожество; часто и хлѣба у насъ недостаетъ для дневной пищи, а имѣю ли что другое, не знаю». «Если ты захочешь, сказалъ Симонъ, то можешь дать мнѣ по благодати, данной тебѣ отъ Бога!.. Я прошу у тебя, дай мнѣ слово, что благословитъ меня душа твоя, какъ въ жизни, такъ и по смерти... Помолись о мнѣ, о сынѣ моемъ Георгіѣ и о всѣмъ моемъ родѣ, какъ молишься ты о своихъ черноризцахъ». Θеодосій обѣщался и присовокупилъ: «я молюсь не о черноризцахъ только, но и о всѣхъ любящихъ мѣсто сіе святое». Тогда Симонъ, поклонившись преподобному до земли, неотступно просилъ подтвердить свое обѣщаніе писаніемъ, — Θеодосій написалъ разрѣшительную молитву, которая начиналась словами: «во имя Отца и Сына и св. Духа», и донынѣ, замѣчаетъ св. Симонъ владимірскій, (т. е. въ XIII вѣкѣ) влагается въ руки всякому умирающему ([228]). Въ этой молитвѣ, — не извѣстно, была ли она та самая, которая донынѣ употребляется въ нашей Церкви, или другая, — преподобный помѣстилъ и слѣдующія слова: «помяни меня, Господи, когда пріидешь Ты въ царствіи Твоемъ, чтобы воздать каждому по дѣломъ его. Тогда, Владыко, сподоби и рабовъ Твоихъ Симона и Георгія стать одесную Тебя въ славѣ Твоей, и слышать благій Твой гласъ: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матθ. 25, 34) ([229])».

Изъ сдѣланнаго нами обзора сочиненій преп. Θеодосія оказывается, что они, кромѣ внутренняго своего достоинства, имѣютъ еще значеніе историческое. Поученія Θео-

досія къ народу указываютъ на нѣкоторые недостатки и пороки, господствовавшіе въ народѣ. Поученія къ братіи обнаруживаютъ и слабыя стороны иноческой жизни въ кіево-печерской обители, не извѣстныя изъ писаній преп. Нестора, который желалъ выставить преимущественно свѣтлую сторону родной обители въ назиданіе потомству. Наконецъ, посланія къ в. кн. Изяславу ясно обнаруживаютъ тѣ религіозные вопросы, какіе занимали тогда самихъ нашихъ князей. Вообще видно, что сочиненія преп. Ѳеодосія писаны не на какія-либо отвлеченныя и произвольно придуманныя темы, а соотвѣтственно современнымъ потребностямъ, и потому, отображая въ себѣ умъ и сердце самаго писателя, не мало обрисовываютъ и его время.

Вслѣдъ за митрополитомъ Иларіономъ и преп. Ѳеодосіемъ печерскимъ, которые были учителями вѣры и благочестія, явились въ нашей Церкви два другіе писателя съ направленіемъ преимущественно историческимъ: это были — черноризецъ Іаковъ и преп. Несторъ.

Черноризцу Іакову, сколько доселѣ извѣстно, ясно усвояются два сочиненія: Похвала вел. кн. Владиміру и Посланіе къ в. кн. Димитрію: въ томъ и другомъ сочиненіи Іаковъ самъ называетъ себя по имени (230). Но въ началѣ похвалы онъ свидѣтельствуетъ, что еще прежде написалъ два другія сочиненія: Краткое Житіе св. Владиміра съ того времени, какъ онъ возжелалъ св. крещенія, и Сказаніе о св. Страстотерпцахъ Борисѣ и Глѣбѣ (231). Разсматривая похвалу в. кн. Владиміру, видимъ, что она составлена не на основаніи лѣтописи Несторовой, а только по слухамъ или устнымъ преданіямъ, что она даже несогласна съ лѣтописью въ хронологіи и нѣкоторыхъ подробно-

стяхъ: знакъ, что Іаковъ написалъ эту похвалу, когда лѣтопись, которою онъ могъ бы повѣрить слышанное имъ отъ другихъ, еще не существовала, и жилъ, по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XI вѣка (232). Если такъ: то составленныя имъ еще прежде похвалы сказанія о св. Владимірѣ и св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ должны быть весьма древни. Перебирая разныя житія св. Владиміра, встрѣчаемъ между ними одно, которое начинается словами: «сице убо бысть *малымъ прежде сихъ* лѣтъ сущу самодержцю всея Рускыя земля Володиміру»... Равнымъ образомъ, и между сказаніями о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ находится одно, которое на первыхъ строкахъ повторяетъ тѣ же многозначительныя слова (233). Эти-то два сказанія о св. Владимірѣ и св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, какъ древнѣйшія изъ всѣхъ, донынѣ извѣстныхъ, и написанныя спустя не много лѣтъ по смерти Владиміра, всего естественнѣе могутъ быть приписаны черноризцу Іакову, — тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ они слѣдуютъ непосредственно за похвалою и составляютъ съ нею какбы одно цѣлое (234), — тѣмъ болѣе, скажемъ еще, что въ сказаніи о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ авторъ обѣщается написать и о св. Владимірѣ (235), а житіе Владиміра начинается именно съ того времени, какъ Владиміръ отправилъ пословъ для испытанія вѣръ и возжелалъ св. крещенія. Правда, оба эти сказанія содержатъ въ себѣ весьма много сходнаго съ лѣтописью Нестора; но, по всѣмъ соображеніямъ, не сказанія заимствованы изъ лѣтописи, а лѣтопись воспользовалась ими. Правда и то, что, по нѣкоторымъ спискамъ, въ сказаніяхъ встрѣчаются мѣста, заставляющія относить ихъ почти къ половинѣ XII вѣка; но эти мѣста можно считать позднѣйшими вставками и искаженіями: потому

что въ другихъ спискахъ они или вовсе не встрѣчаются, или читаются иначе ([236]).

Кто же былъ черноризецъ Іаковъ, писавшій въ XI вѣкѣ, спустя не много лѣтъ послѣ св. Владиміра? Изъ отечественныхъ иноковъ, жившихъ въ XI столѣтіи, лѣтопись упоминаетъ только объ одномъ Іаковѣ, котораго предлагалъ преп. Θеодосій печерскій, въ послѣднія минуты своей жизни (въ 1074), собравшейся къ нему братіи, вмѣсто себя, во игумена, и который, слѣдовательно, отличался и высокимъ благочестіемъ и достаточнымъ образованіемъ: такъ какъ первая обязанность игумена, по студійскому уставу, была поучать братію. Печеряне не согласились принять Іакова на томъ единственно основаніи, что онъ не между ними былъ постриженъ, а пришелъ съ Алты, т. е., вѣроятно, изъ какого-либо переяславскаго монастыря ([237]). Этотъ-то Іаковъ и могъ написать всѣ три, разсматриваемыя нами, историческія сочиненія, равно какъ онъ же могъ быть и тѣмъ черноризцемъ Іаковомъ, къ которому написано извѣстное церковное правило однимъ изъ тогдашнихъ нашихъ митрополитовъ — Іоанномъ II (1080 — 1089). Судя по важности этого черноризца Іакова и по тому, что онъ былъ современникомъ в. кн. Изяславу, который назывался Димитріемъ, можно согласиться, что не другому Іакову принадлежитъ и посланіе «нѣкоего отца къ духовному сыну» — в. кн. Димитрію, отличающееся глубокою древностію слога ([238]).

Изъ трехъ историческихъ сочиненій черноризца Іакова прежде другихъ написано сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ, потомъ житіе св. Владиміра и, наконецъ, похвала ему: потому что въ сказаніи авторъ только даетъ обѣщаніе написать житіе св. Владиміра, а въ похвалѣ упоминаетъ

уже о сказаніи и житіи, какъ имъ уже написанныхъ. Прежде или послѣ историческихъ сочиненій написано Іаковомъ посланіе къ в. кн. Димитрію, — неизвѣстно; но надобно допустить, что оно явилось отнюдь не позже 1060 г., когда Изяславу (род. 1025) было 35 лѣтъ: потому что въ посланіи есть намекъ, что в. князь былъ еще юношею и не достигъ мужества (239).

Сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ служило однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній для нашихъ предковъ, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные его списки, доселѣ сохранившіеся. Но эти же списки показываютъ, что оно, подобно многимъ другимъ, наиболѣе употреблявшимся, памятникамъ нашей древней письменности, подверглось отъ переписчиковъ не малымъ измѣненіямъ и искаженіямъ. Списки сказанія, сколько они намъ извѣстны, можно раздѣлить на три фамиліи: въ однихъ содержится собственно сказаніе о мученической кончинѣ св. братьевъ, заключающееся извѣстіемъ о погребеніи св. Глѣба вмѣстѣ съ Борисомъ въ Вышгородѣ и общею имъ похвалою (240); въ другихъ непосредственно за такимъ же сказаніемъ слѣдуетъ еще разсказъ о первыхъ трехъ чудесахъ св. мучениковъ, повѣствующій вмѣстѣ объ открытіи ихъ мощей, объ установленіи въ честь ихъ праздника 24 Іюля при в. кн. Ярославѣ, и оканчивающійся извѣстіемъ о смерти Ярослава (241); въ третьихъ этотъ разсказъ о чудесахъ, слѣдующій за сказаніемъ, продолжается далѣе и повѣствуетъ о перенесеніи мощей св. мучениковъ въ 1072 г. и о послѣдующихъ за тѣмъ чудесахъ (242), или даже о второмъ перенесеніи св. мощей, бывшемъ 1115 г., при в. кн. Владимірѣ Мономахѣ (243). Между списками самаго сказанія, если разсматривать его въ отдѣльности отъ разсказа о чудесахъ,

кромѣ многихъ неважныхъ разностей, встрѣчается разность замѣчательная: въ однихъ есть вставка, видимо заимствованная изъ лѣтописи, о томъ, какъ Ярославъ предъ походомъ противъ Святополка избилъ новгородцевъ и помирился съ ними, и какъ потомъ Святополкъ съ Болеславомъ польскимъ одержалъ побѣду надъ Ярославомъ, хотя ни то, ни другое не согласно съ связію рѣчи ([244]); въ другихъ спискахъ этой вставки нѣтъ и повѣствованіе идетъ самымъ естественнымъ порядкомъ ([245]). Изъ всѣхъ трехъ фамилій сказанія о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ намъ кажется вторая наиболѣе близкою къ подлиннику: а) въ спискахъ этой фамиліи нѣтъ помянутой вставки изъ временника Нестора, хотя впрочемъ она не встрѣчается и въ нѣкоторыхъ спискахъ первой и даже третьей фамиліи; б) невѣроятнымъ представляется, чтобы первый жизнеописатель св. мучениковъ, жившій во второй половинѣ XI вѣка, заключилъ свое сказаніе объ нихъ извѣстіемъ только о погребеніи ихъ и общею похвалою, не упомянувъ объ открытіи мощей ихъ, о причтеніи ихъ къ лику Святыхъ, объ установленіи въ честь имъ праздника, бывшемъ въ 1020 году; в) разсказъ о первыхъ трехъ чудесахъ св. мучениковъ, гдѣ повѣствуется объ открытіи мощей ихъ и установленіи имъ праздника, существовалъ въ письмени еще прежде Нестора, и Несторъ, какъ справедливо догадываются, имъ пользовался въ своемъ сочиненіи о тѣхъже мученикахъ ([246]); г) напротивъ разсказъ о послѣдующихъ чудесахъ съ 1072 г., содержащійся въ спискахъ третьей фамиліи, не только не существовалъ въ письмени до Нестора, но у самого Нестора и заимствованъ: ибо Несторъ о первомъ чудѣ, именно объ исцѣленіи нѣмаго и хромаго, совершившемся послѣ 1072 г., говоритъ, какъ

современникъ и, вѣроятно, очевидецъ; о второмъ, объ исцѣленіи нѣкоей жены изъ Дорогобужа, слышалъ непосредственно отъ этой самой жены; о третьемъ, объ исцѣленіи слѣпаго, слышалъ отъ другаго своего современника ([247]); слѣд. въ разсказъ не-Несторовъ извѣстія объ этихъ чудесахъ, которыя первый записалъ Несторъ, вѣроятно, внесены изъ его сочиненія.

Сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ состоитъ изъ пяти частей: а) изъ краткаго приступа, гдѣ, послѣ общаго изреченія Пророка: *родъ правыхъ благословится и сѣмя ихъ во благословеніи будетъ* (Пс. 3, 3), сочинитель замѣчаетъ: «такъ случилось и за немного лѣтъ прежде насъ во дни Владиміра, просвѣтившаго землю Русскую св. крещеніемъ», и говоритъ о двѣнадцати сынахъ равноапостольнаго князя, о раздѣленіи между ними удѣловъ и о томъ, что при этомъ Святополка посадилъ отецъ въ Пинскѣ, Бориса въ Ростовѣ, а Глѣба въ Муромѣ; б) изъ повѣсти объ убіеніи Святополкомъ св. Бориса, почти совершенно сходной съ лѣтописью; в) изъ повѣсти объ убіеніи Святополкомъ Глѣба, такъ же сходной съ лѣтописью; г) изъ повѣсти объ отысканіи тѣла Глѣбова и погребеніи его вмѣстѣ съ Борисомъ въ Вышгородѣ, по приказанію в. кн. Ярослава, уже послѣ того, какъ онъ, двукратно побѣдивъ Святополка на берегахъ Днѣпра и на Алтѣ, занялъ престолъ кіевскій; д) наконецъ, изъ похвалы св. страстотерпцамъ, составляющей заключеніе сказанія. Въ разсказѣ о первыхъ чудесахъ св. мучениковъ можно различать три части: а) общее вступленіе, довольно продолжительное, гдѣ говорится, что мы не въ состояніи ни постигнуть, ни повѣдать всѣхъ чудесъ, какія совершаютъ мученики силою Божіею, и тѣхъ благодѣяній, какія они являютъ намъ

своимъ предстательствомъ предъ Богомъ; б) самая повѣсть о чудесахъ Бориса и Глѣба и обстоятельствахъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ открытію мощей ихъ и установленію въ честь имъ праздника при митрополитѣ Іоаннѣ и в. кн. Ярославѣ; в) краткое заключеніе, упоминающее о кончинѣ в. кн. Ярослава. Вообще и сказаніе о св. мученикахъ, и разсказъ о чудесахъ ихъ составлены довольно искусною рукою, изложены довольно ясно, послѣдовательно и занимательно, проникнуты любовію къ св. мученикамъ и по мѣстамъ одушевленіемъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ или представляетъ мучениковъ говорящими, или изливаетъ предъ ними свои чувства.

Вотъ на-примѣръ, какъ сѣтовалъ св. Борисъ, получивъ вѣсть о смерти отца своего и о замыслахъ Святополка: «Увы мнѣ, свѣтъ очей моихъ, сіяніе зари лица моего, бразда юности моея, наставленіе неразумія моего! Увы мнѣ, отче мой, господине мой! И къ кому прибѣгну, на кого воззрю, или гдѣ насыщуся такого благаго ученія, какъ прежде отъ разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Какъ зашелъ ты, свѣте мой, когда я не былъ тамъ, чтобы по крайней мѣрѣ, могъ я погребсти честное тѣло твое и предать его гробу своими руками? Но я не сподобился нести мужественнаго тѣла твоего, не сподобился цѣловать добролѣпныхъ сѣдинъ твоихъ. О блаженниче мой, помяни мя въ покоѣ твоемъ! Сердце мое горитъ и душа смущается, и не знаю, къ кому обратиться и предъ кѣмъ излить горькую печаль мою. Къ брату ли Святополку, котораго я имѣлъ вмѣсто отца? Но думаю, что онъ печется о мірскомъ и суетномъ и помышляетъ о убійствѣ моемъ... Чтожъ скажу или что сотворю? Пойду къ брату моему и скажу ему: ты будь мнѣ отцемъ, ты мнѣ братъ старѣй-

шій, — что повелишь мнѣ, господине мой»? Или вотъ слова св. Глѣба предъ тѣмъ, какъ убійцы устремились на него и когда онъ прощался съ жизнію: «спасися, милый отче мой и господине Василіе! Спасися, мати и госпожа моя! Спасися, брате Борисе, старѣйшино юности моея! Спасися брате, — споспѣшителю Ярославле! Спасися и ты, брате мой и враже Святополче! Спаситесь и вы, братія моя и дружина, спаситесь всѣ! Уже я не увижу васъ въ житіи семъ: потому что меня разлучаютъ съ вами насильно... Василіе, Василіе, отче мой! Приклони ухо твое и услышь гласъ мой; призри и виждь, что приключилось чаду твоему, какъ безъ вины закалаютъ меня. Увы мнѣ, увы мнѣ! Слыши, небо, и внуши, земле! И ты, брате мой Борисе, услышь гласъ мой! Отца моего, Василія, позвалъ я, — и онъ не послушалъ меня; уже ли и ты не захочешь меня послушать? Взгляни на скорбь сердца моего и язву души моея; посмотри на потоки слезъ моихъ и какъ никто не внемлетъ мнѣ: помяни же хоть ты меня и помолись о мнѣ общему Владыкѣ, имѣя дерзновеніе и предстоя у престола Его»... Или вотъ отрывки изъ похвалы св. мученикамъ, заключающей сказаніе: «Какъ похвалить васъ, не знаю, и что сказать, недоумѣваю. Назову ли васъ ангелами, потому что вы быстро являетесь вблизи скорбящихъ? Но вы пожили на землѣ во плоти, какъ люди. Наименую ли васъ царями и князьями? Но вы были просты и смиренны болѣе всякаго, и смиреніемъ стяжали небесныя жилища. Поистинѣ вы цари царямъ и князи князьямъ нашимъ! Ибо вашимъ пособіемъ и защищеніемъ они державно побѣждаютъ враговъ своихъ и вашею помощію хвалятся. Вы — имъ и намъ оружіе, вы земли Россійской забрало и утвержденіе и мечь обоюду острый,

которымъ побѣждаемъ языческую дерзость и попираемъ діавола. Поистинѣ могу сказать: вы небесные человѣки и земные ангелы, столпы и утвержденіе земли нашей... О, блаженные гробы, пріявшіе честныя тѣла ваши, какъ сокровище многоцѣнное! О, блаженная церковь, въ которой поставлены св. раки ваши, угодники Христовы! Блаженъ, поистинѣ, и высокъ болѣе всѣхъ городовъ русскихъ Вышгородъ, имѣющій у себя такое сокровище, которое дороже всего міра! Справедливо онъ названъ Вышгородомъ, какъ высшій всѣхъ городовъ, имѣя въ себѣ врачевство безмездное, которое даровано Богомъ не одному нашему языку, но и всей землѣ: потому что отъ всѣхъ странъ приходятъ туда и туне пріемлютъ тамъ исцѣленіе... О блаженные страстотерпцы Христовы! Незабывайте отечества своего, въ которомъ пожили вы по плоти, посѣщайте его и въ молитвахъ всегда молитеся о насъ: вамъ дана благодать молиться за насъ... Гладъ и озлобленіе отгоните отъ насъ, отъ всякаго браннаго меча и междоусобія брани избавьте насъ и заступите насъ отъ всякаго грѣхопаденія, уповающихъ на васъ»...

Житіе св. Владиміра и похвала ему черноризца Іакова, встрѣчающіяся по рукописямъ большею частію вмѣстѣ ([248]), хотя сохранились въ меньшемъ количествѣ списковъ, нежели сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ, но также не во всей первобытной цѣлости, а со вставками, сокращеніями и измѣненіями. Житія мы знаемъ два вида, изъ которыхъ одинъ отличается отъ другаго началомъ, заключеніемъ и вставкою, гдѣ Кіевъ называется вторымъ Іерусалимомъ, а Владиміръ вторымъ Моусеемъ, и не точно говорится о 33 лѣтахъ жизни Владиміра послѣ крещенія ([249]). Похвалы извѣстно три вида: обширный ([250]); средній, въ ко-

торомъ недостаетъ значительнаго отрывка о крещеніи св. Ольги, о ея кончинѣ, объ открытіи мощей ея ([251]), и краткій, въ которомъ нѣтъ цѣлой первой половины и въ остальной сдѣланы пропуски ([252]). Трудно рѣшить, какой изъ этихъ видовъ житія и похвалы ближе къ подлиннику, пока не сдѣлаются извѣстными болѣе списковъ того и другой. Оба сочиненія не велики, особенно первое.

Житіе св. Владиміра начинается словами: «такъ было за немного лѣтъ прежде насъ во дни самодержца Русской земли Владиміра, внука Ольгина, правнука Рюрикова; ходили послы его къ Болгарамъ и къ Нѣмцамъ и въ Царьградъ»... и проч. За тѣмъ въ порядкѣ и почти совершенно сходно съ лѣтописью повѣствуется о совѣщаніяхъ Владиміра касательно перемѣны вѣры, о походѣ его на Корсунь, о крещеніи и бракосочетаніи его въ Корсунѣ, о крещеніи кіевлянъ, о сооруженіи имъ Десятинной церкви, упоминается о его добрыхъ дѣлахъ и о кончинѣ. Далѣе дѣлается замѣчаніе, что Владиміръ былъ вторымъ Константиномъ для земли Русской, что хотя онъ въ язычествѣ предавался разнымъ грѣхамъ, но по крещеніи очистилъ ихъ покаяніемъ и милостынями, что онъ сотворилъ величайшее добро для земли Русской, крестивъ ее, и что потому мы должны молиться Богу о прославленіи его. Все это заключается молитвою самого писателя: «о святые цари Константине и Владиміре! Помогайте на сопротивныхъ сродникамъ вашимъ, избавляйте отъ всякой бѣды людей Греческихъ и Русскихъ, и о мнѣ грѣшномъ молитесь Богу, какъ имѣющіе дерзновеніе предъ Нимъ, да спасусь вашими молитвами. Молюсь и преклоняю васъ на милость писаніемъ сей малой грамоты, которую, похваляя васъ, написалъ я недостойнымъ умомъ, и худымъ, и не-

вѣжественнымъ моимъ смысломъ. Вы же, Святые, молясь о насъ, о людяхъ своихъ, пріимите въ сомолитвенники къ Богу чадъ вашихъ Бориса и Глѣба, да всѣ вмѣстѣ возможете умолить Господа, съ помощію силы честнаго креста и съ молитвами пресв. Богородицы, Госпожи нашей, и со всѣми Святыми»... Эта молитва, очевидно, принадлежитъ не переписчику, а сочинителю, который выражается, что онъ написалъ грамоту своимъ недостойнымъ умомъ и худымъ смысломъ, и указываетъ на свое писаніе какъбы на нѣкую умилостивительную жертву. А призывая здѣсь въ молитвенники Владиміру за себя св. Бориса и Глѣба, не руководствовался ли авторъ тою мыслію, что онъ и въ честь ихъ составилъ подобное же описаніе?

Похвала св. Владиміру и вмѣстѣ св. Ольгѣ черноризца Іакова не имѣетъ того единства въ составѣ своемъ и той послѣдовательности, какими отличаются два другія сочиненія, усвояемыя тому же писателю. Здѣсь событія излагаются безъ хронологическаго порядка, часто повторяются, и тамъ, гдѣ, по-видимому, надлежало бы ожидать окончанія рѣчи, она начинается снова. Это зависѣло или отъ самаго свойства похвалы, въ которой авторъ не имѣлъ нужды держаться историческаго порядка, какому слѣдовалъ въ житіи св. Владиміра, а только предавался свободному изліянію мыслей и чувствъ, — или, быть можетъ, отъ того, что похвала подверглась большему искаженію отъ переписчиковъ, нежели другія сочиненія Іакова. Составъ похвалы, въ ея обширномъ видѣ, слѣдующій: за приступомъ, въ которомъ авторъ говоритъ, что онъ, по примѣру другихъ, писавшихъ житія и мученія Святыхъ, написалъ о св. Владимірѣ, крестившемъ землю Русскую, и о дѣтяхъ его, св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, — слѣ-

дуетъ похвала св. Владиміру собственно за подвигъ его крещенія и просвѣщенія земли Русской; потомъ похвала св. Ольгѣ за такой же подвигъ; далѣе новая похвала Владиміру, или изображеніе разныхъ его добрыхъ дѣлъ, побѣдъ и смерти; наконецъ, нѣкоторыя краткія замѣтки о частныхъ случаяхъ его жизни и кончины. Можетъ быть, къ похвалѣ, если судить по заглавію ея въ рукописяхъ («Память и Похвала князю русскому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю Русскую отъ конца и до конца, и како крестися баба Володимерова Ольга прежде Володимера»), принадлежали первоначально только двѣ первыя части, слѣдующія за приступомъ, а двѣ послѣднія прибавлены послѣ кѣмъ-либо изъ переписчиковъ, — тѣмъ болѣе, что онѣ, особенно послѣдняя, не имѣютъ характера похвалы и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчаются въ видѣ отдѣльнаго житія св. Владиміра ([253]). Но утверждать это съ рѣшительностію — не можемъ. Чтобы нѣсколько ознакомиться съ сочиненіемъ, представимъ отрывки собственно изъ двухъ первыхъ частей. Въ похвалѣ св. Владиміру Іаковъ, между прочимъ, говоритъ: «о блаженный и треблаженный княже Владиміре, благовѣрне, и Христолюбиве, и страннолюбче! Мзда твоя весьма многа на небесахъ... Самъ Господь сказалъ: *иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небесномъ.* (Матѳ. 5, 19). А ты, о блаженный княже, былъ апостолъ изъ князей, приведши къ Богу всю землю Русскую св. крещеніемъ и научивъ людей своихъ кланяться Богу, славить и пѣть Отца и Сына и Св. Духа. И всѣ люди земли Русской тобою познали Бога, божественный княже Володиміре! Возрадовались тогда ангельскіе чины, а нынѣ радуются вѣрніи и воспѣваютъ, и восхваляютъ.

Какъ отроки еврейскіе, встрѣтивъ съ вѣтвями Христа, вопіяли: *осанна* Христу Богу, побѣдителю смерти: такъ и новоизбранные люди Русской земли вновь восхвалили Владыку Христа съ Отцемъ и св. Духомъ, приблизившись къ Богу св. крещеніемъ, отвергшись діавола и служенія ему... и поютъ во всѣ дни живота и на всякій часъ пѣснь чудную, хвалу архангельскую: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе»... Обращаясь за тѣмъ къ св. Ольгѣ, сочинитель восклицаетъ: «о, какъ похвалю блаженную княгиню Ольгу, братіе, — не знаю. Тѣломъ будучи жена, имѣя мудрость мужескую, просвѣщенная Духомъ Святымъ, уразумѣвъ Бога истиннаго, Творца неба и земли, пошла она въ землю Греческую, въ Царьградъ, гдѣ цари христіане и христіанство утвердилось, и, пришедши, просила себѣ крещенія, а пріявъ св. крещеніе, возвратилась въ землю Русскую, въ домъ свой, къ людямъ своимъ, съ радостію великою, освященная Духомъ Святымъ, неся съ собою знаменіе честнаго креста. И потомъ требища бѣсовскія сокрушила и начала жить о Христѣ Іисусѣ, возлюбивъ Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею пошла во слѣдъ Господа Бога, освятившись всѣми добрыми дѣлами, украсившись милостынею, нагихъ одѣвая, жаждущихъ напояя, странниковъ упокоевая, нищихъ, вдовицъ и сиротъ — всѣхъ милуя, всѣмъ подавая потребное съ тихостію и любовію сердца, и моля Бога день и ночь о спасеніи своемъ. И такъ поживши и достойно прославивъ Бога въ Троицѣ, Отца и Сына и св. Духа, почила въ благой вѣрѣ, скончала житіе свое съ миромъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.»...

Посланіе черноризца Іакова къ вел. кн. Димитрію (Изяславу) — все содержанія нравственнаго. Сначала

Іаковъ, какъ духовный отецъ, извѣщаетъ князя, что получилъ его посланіе весьма смиренное, похваляетъ его раскаяніе, говоря, что всѣ Ангелы радуются на небеси о покаяніи одного человѣка, самъ Господь хочетъ обращенія, а не смерти грѣшника, что Онъ и на землю сходилъ не для праведниковъ, а для грѣшниковъ, что жертва Богу духъ сокрушенъ, — и разрѣшаетъ своего духовнаго сына отъ всѣхъ его грѣховъ, заповѣдуя ему молиться Богу отъ сердца. Не довольствуясь преподаніемъ одного разрѣшенія отъ грѣховъ, Іаковъ преподаетъ далѣе князю наставленія, чтобы исправить его на будущее время: «что же, ужели мы сдѣлаемся слабѣе, когда прежнее миновало (прощено)? Нѣтъ, — но будь всегда бодрымъ стражемъ тѣлу твоему. Блюдись запойства, потому что оно удаляетъ отъ насъ Св. Духа; — гордости, потому что гордымъ Богъ противится; — беззаконнаго смѣшенія, потому что *всякъ грѣхъ, егоже аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. 6, 18)»... Противъ послѣдняго порока писатель вооружается съ особенною силою, говоритъ о томъ вредѣ, какой могутъ причинять человѣку жены любодѣйцы, указываетъ на примѣры паденія отъ нихъ мужей достойныхъ, — на Сампсона, Давида, Соломона и другихъ, и убѣждаетъ юнаго князя бороться съ плотскою похотію, побѣждать ее страхомъ Божіимъ, довольствоваться своею законною женою и жить въ чистотѣ, какбы въ святой церкви. Послѣ этого слѣдуютъ другія наставленія: Іаковъ заповѣдуетъ князю быть благоразумнымъ, чтобы отъ одного грѣха не происходило многихъ, не мстить врагамъ, быть терпѣливымъ и великодушнымъ, по примѣру Господа, столько потерпѣвшаго за насъ, любить ближнихъ, — по-

тому что не какими-либо чудесами, а только взаимною любовію другъ къ другу, какъ сказалъ Господь, мы можемъ доказать, что мы Его ученики. «Впрочемъ, — продолжаетъ Іаковъ, — если ты хочешь и чудеса творить по примѣру Апостоловъ, и это возможно. Они врачевали хромыхъ, исцѣляли сухорукихъ: а ты храмлющія въ вѣрѣ научи и ноги текущихъ на игрища обрати къ церкви, руки, изсохшія отъ скупости, сдѣлай простертыми на подаяніе нищимъ. Можешь, если хочешь, быть подражателемъ и Святыхъ. Нынѣ нѣтъ уже такихъ гоненій, но время для стяжанія такихъ же вѣнцовъ не прошло: потому что не прекратилась брань діавола. Не преслѣдуютъ насъ люди, но преслѣдуютъ бѣсы; нѣтъ мучителей, но есть діаволъ». Преподавъ еще нѣсколько уроковъ, упомянувъ о скоротечности жизни и неизвѣстности послѣдняго часа, о страшномъ судѣ, объ огнѣ геенскомъ, черноризецъ, наконецъ, заключаетъ: «все это, не лаская тебѣ, написалъ я, и не по желанію показать, что я знаю или что я самъ творю доброе; но, Богъ свидѣтель, написалъ отъ любви и отъ печали о душѣ твоей, чтобы ты преуспѣвалъ въ добрѣ. А ума моего слабость самъ знаешь; разумъ мой несовершенъ и исполненъ всякаго невѣдѣнія, —этого скрыть нельзя. Св. Павелъ сказалъ Кориноянамъ: *аще изумѣхомся, то Богови: аще ли умудрихомся, то вамъ* (2 Кор. 5, 13). Не уничижаю силы Божіей всемощной; не отметаю дара, туне мнѣ даннаго. Отъ скверныхъ дѣлъ и непотребнаго сердца, отъ нечистой души, грубаго ума и нестройной мысли, отъ безстуднаго языка и нищихъ устъ — вотъ слово богатое и умноженное силою и разумомъ св. Троицы: ни на небеси горѣ, ни на земли долу нѣтъ ничего важнѣе, какъ знать Господа, повиноваться

десницѣ Его, творить волю Его, соблюдать заповѣди Его. Одно *имя великое* не введетъ въ царство небесное, и слово, не сопутствуемое дѣлами, не въ пользу слышащимъ, а сопутствуемое дѣлами становится достойнымъ вѣры» ([254]).

Преп. Несторъ былъ современникомъ черноризцу Іакову и самому преп. Ѳеодосію печерскому, только гораздо моложе ихъ, если уже признаемъ Іоакова за того самаго, котораго Ѳеодосій хотѣлъ оставить послѣ себя игуменомъ печерской братіи: потому что Несторъ, какъ самъ говоритъ, поступилъ въ печерскую обитель еще при Ѳеодосіѣ, незадолго предъ его кончиною (1074), будучи 17-ти лѣтъ отъ роду. По смерти Ѳеодосія онъ былъ постриженъ игуменомъ Стефаномъ и возведенъ въ діаконскій санъ ([255]). За тѣмъ Несторъ упоминаетъ о себѣ въ 1091 году, когда онъ открывалъ мощи св. Ѳеодосія, въ 1096 г., когда Половцы сдѣлали опустошеніе въ печерской обители, въ 1106 г., по случаю кончины старца Яна, отъ котораго слышалъ многое, — что записалъ въ своей лѣтописи ([256]). Кончина Нестора послѣдовала около 1114 года ([257]). Мощи его доселѣ почиваютъ въ кіево-печерской лаврѣ. Несторъ былъ человѣкъ дарованій необыкновенныхъ и обладалъ разнообразными свѣдѣніями, богословскими и историческими, которыя пріобрѣлъ чрезъ чтеніе книгъ и собесѣдованіе съ людьми бывалыми и опытными. Подобно Іакову черноризцу, первый письменный трудъ свой онъ посвятилъ изображенію житія и чудесъ св. муч. Бориса и Глѣба, новоявленныхъ чудотворцевъ, которыхъ такъ чтила тогда вся Россія. Потомъ начерталъ житіе другаго, не менѣе близкаго его сердцу и чтимаго въ Россіи чудотворца — преп. Ѳеодосія печерскаго. Наконецъ положилъ твердое начало русской лѣтописи.

Сочиненіе Нестора о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ [258] состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій: изъ повѣсти собственно о житіи и убіеніи св. страстотерпцевъ, и изъ разсказа о ихъ чудесахъ. Повѣсть начинается обширнымъ приступомъ, въ которомъ авторъ прежде всего молитъ Бога даровать ему разумъ къ исповѣданію житія и чудесъ св. муч. Бориса и Глѣба, потомъ говоритъ о сотвореніи человѣка, о его паденіи и распространеніи на землѣ идолопоклонства, объ искупленіи человѣка Сыномъ Божіимъ и распространеніи между людьми Евангелія, наконецъ о распространеніи Евангелія въ землѣ Русской чрезъ в. кн. Владиміра, имѣвшаго у себя многихъ сыновъ и въ числѣ ихъ Бориса и Глѣба. За приступомъ слѣдуетъ сказаніе о житіи св. муч. Бориса и Глѣба, о ихъ свойствахъ и взаимной любви, о любви къ нимъ отца Владиміра и ненависти брата Святополка; далѣе — о убіеніи Святополкомъ Бориса и погребеніи его въ Вышгородѣ, и за тѣмъ — о убіеніи Глѣба и погребеніи его вмѣстѣ съ Борисомъ. Въ заключеніе Несторъ говоритъ: «се же списахъ азъ грѣшный о житіи и о погубленіи св. блаженную страстотерпцу Бориса и Глѣба; *но аще Богу велящу*, то и *чудесъ ю* мало нѣчто *исповѣмы* на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Іисусу Христу»..., — и такимъ образомъ даетъ обѣщаніе написать со временемъ и другое сочиненіе о св. мученикахъ, именно о чудесахъ ихъ. Если сравнить повѣсть Нестора о житіи и убіеніи св. мучениковъ съ такою же повѣстію черноризца Іакова: то надобно сознаться, что Несторъ едва ли пользовался послѣднею: есть только немногія, едва замѣтныя, черты сходства между обѣими повѣстями при изображеніи кончины св. Бориса и св. Глѣба. Въ этой повѣсти, написанной, вѣро-

ятно, въ молодыхъ лѣтахъ, когда Несторъ еще недовольно былъ богатъ историческими свѣдѣніями, онъ сообщаетъ извѣстія, не только не согласныя съ сказаніемъ Іакова, но и съ своею лѣтописію, составленною впослѣдствіи, напримѣръ, — будто в. к. Владиміръ принялъ крещеніе въ 982 г. ([259]), будто онъ далъ Борису въ удѣлъ область владимірскую, а не Ростовъ, будто Глѣбъ, не имѣвшій у себя никакого удѣла, во время смерти отца находился въ Кіевѣ и бѣжалъ изъ него отъ Святополка въ полуночныя страны и проч. По внутренней своей обработкѣ, повѣсть Нестора о св. мученикахъ, можетъ быть, какъ первый его опытъ, ниже послѣдующихъ его сочиненій и уступаетъ даже сказанію черноризца Іакова: не здѣсь ли причина, почему сочиненіе послѣдняго было болѣе распространено между нашими предками, нежели сочиненіе перваго?

Обращаясь къ разсказу Нестора о чудесахъ св. мучениковъ Бориса и Глѣба, мы должны согласиться, что здѣсь замѣтно самое ощутительное вліяніе сочиненій черноризца Іакова. Въ этомъ разсказѣ преп. лѣтописецъ сначала благодаритъ Бога за то, что Онъ извелъ насъ изъ тьмы въ свѣтъ и даровалъ намъ мощи св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, совершающихъ многоразличныя чудеса для всѣхъ притекающихъ; потомъ повѣствуетъ о первыхъ чудесахъ ихъ, предшествовавшихъ и сопутствовавшихъ открытію мощей ихъ во дни в. кн. Ярослава; далѣе — о перенесеніи мощей ихъ въ 1072 г. при в. кн. Изяславѣ и о трехъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, чудесахъ; наконецъ преподаетъ наставленіе о повиновеніи старшимъ по примѣру св. страстотерпцевъ, излагая похвалу имъ, и проситъ всѣхъ своихъ читателей молиться за него Богу. Въ повѣствованіи

о первыхъ чудесахъ св. мучениковъ Несторъ видимо пользовался разсказомъ Іакова о тѣхъ же чудесахъ: потому что передаетъ все почти тѣми же словами и оборотами рѣчи съ самыми незначительными измѣненіями, а въ одномъ мѣстѣ выразился, что новооткрытыя мощи св. мучениковъ первоначально поставлены были въ *прежереченную* клѣтку, тогда какъ прежде объ этой клѣткѣ ничего не сказалъ. Не прямо ли это указываетъ на источникъ — на разсказъ Іакова, гдѣ точно стоитъ такой оборотъ о клѣткѣ, но гдѣ о ней и прежде упомянуто? Въ своей похвалѣ страстотерпцамъ Несторъ пользовался такою же похвалою Іакова, заключающею его сказаніе: потому что очевидно сходство и въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ. Надобно прибавить, что и самъ Несторъ, кажется, не отрицаетъ, что онъ пользовался письменными источниками при составленіи своихъ повѣстей о св. мученикахъ, когда говоритъ въ концѣ: «се азъ, Несторъ грѣшный, о житіи и о погубленіи и о чудесѣхъ св. блаженную страстотерпцю сею *опаснѣ вѣдущихъ исписая*, другая самъ свѣды, отъ многихъ мало вписахъ». Возможно еще одно предположеніе, что Несторъ и черноризецъ Іаковъ при составленіи своихъ повѣстей имѣли одни и тѣ же писменные источники, до насъ не дошедшіе.

Къ лучшимъ мѣстамъ въ сочиненіи преп. Нестора о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ можно отнести слѣдующія — о началѣ христіанства въ Россіи и о характерѣ св. братьевъ: «между тѣмъ, какъ повсюду умножались христіане и требища идольскія были упраздняемы, страна русская оставалась въ прежней прелести идольской: потому что она не слышала ни отъ кого слова о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ; не приходили къ нимъ (русскимъ) Апостолы и никто не проповѣдалъ имъ слова Божія... Но

когда соблаговолилъ небесный Владыка, то въ послѣдніе дни помиловалъ ихъ и не далъ имъ до конца погибнуть въ прелести идольской. Былъ въ то время обладателемъ всей земли русской князь Владиміръ, мужъ правдивый, милостивый къ нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ, но по вѣрѣ язычникъ... Этому Владиміру было явленіе отъ Бога, что Онъ будетъ христіаниномъ, — что и исполнилось. И наречено было ему имя Василій. Потомъ онъ повелѣлъ всѣмъ своимъ вельможамъ и всѣмъ людямъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа. Послушайте о чудѣ, исполненномъ благодати: какъ вчера онъ (Владиміръ) заповѣдалъ приносить требы идоламъ, а нынѣ повелѣваетъ креститься во имя Отца и Сына и Св. Духа; вчера не вѣдалъ, кто есть Іисусъ Христосъ, а нынѣ проповѣдникомъ Его явился; вчера назывался язычникъ Владиміръ, а нынѣ зовется — христіанинъ Василій! Онъ явился на Руси вторымъ Константиномъ. Но вотъ еще что чудно: когда дана была заповѣдь креститься, — всѣ пошли къ крещенію и ни одинъ не сопротивлялся, какъ будто издавна были научены, и съ радостію текли на крещеніе. Радовался и князь Владиміръ, видя ихъ теплую вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа... Много было сыновъ у Владиміра, но между ними, какъ двѣ свѣтлыя звѣзды посреди ночи, сіяли Борисъ и Глѣбъ. Благовѣрный князь отпустилъ всѣхъ своихъ сыновъ, каждаго въ его удѣлъ; но св. Бориса и Глѣба удержалъ при себѣ: потому что они были еще юны, особенно Глѣбъ. Блаженный Борисъ, будучи уже въ разумѣ и исполненный благодати Божіей, бралъ книги и читалъ: онъ былъ наученъ грамотѣ. Читалъ житія и мученія Святыхъ, и, молясь со слезами, говорилъ: Владыко мой, Іисусе Христе! Сподоби меня, какъ одного

изъ сихъ Святыхъ, и даруй мнѣ по стопамъ ихъ ходить; Господи Боже мой, да не вознесется мысль моя суетою міра сего; но просвѣти сердце мое на уразумѣніе Твоихъ заповѣдей и даруй мнѣ даръ, какой даровалъ Ты отъ вѣка угодникамъ Твоимъ... Когда онъ молился такимъ образомъ непрестанно: св. Глѣбъ слушалъ его, сидя, и не отлучался отъ блаж. Бориса, но съ нимъ пребывалъ день и ночь, слушая его. Былъ же Глѣбъ, какъ я прежде сказалъ, юнъ тѣломъ, но старъ умомъ; много подавалъ милостыни нищимъ, вдовицамъ и сиротамъ... И любилъ ихъ отецъ, видя на нихъ благодать Божію».

Житіе преп. Θеодосія, написанное Несторомъ ([260]), далеко превосходитъ первое его сочиненіе и по своему объему, и, главное, по внутреннему достоинству. Все показываетъ, что онъ писалъ это житіе съ особенною любовію къ угоднику Божію, какъ самъ сознается въ началѣ и концѣ сочиненія, что онъ былъ одушевленъ избраннымъ предметомъ, старался собрать о немъ подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія, изложить ихъ въ порядкѣ и съ поучительною занимательностію, и что слово писателя лилось прямо изъ сердца и отъ полноты убѣжденія.

Прекрасно самое начало жизнеописанія: «благодарю Тебя, Господи Владыко мой, Іисусе Христе, — говоритъ Несторъ, — за то, что Ты сподобилъ меня, недостойнаго, быть провозвѣстникомъ св. Твоихъ угодниковъ. Ибо послѣ того, какъ сперва написалъ я о житіи, убіеніи и чудесахъ святыхъ и блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, вотъ я понудилъ себя и на другое исповѣданіе, превышающее мои силы, котораго я, грубый и неразумный, не былъ достоинъ, тѣмъ болѣе, что я не наученъ никакой мудрости. Но вспомнилъ я, Господи, слово Твое: *аще имате*

вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей, прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ (Матѳ. 17, 20). Вспомнилъ я это, грѣшный Несторъ, въ умѣ своемъ и, оградивъ себя вѣрою и упованіемъ, что все отъ Тебя возможно, положилъ начало слову житія преп. отца нашего Ѳеодосія, бывшаго игумена монастыря печерскаго». За тѣмъ Несторъ обращается къ братіи, объясняетъ имъ побужденія къ написанію сего житія и проситъ ихъ вниманія и вмѣстѣ снисхожденія къ его слову: «когда я вспоминалъ, братіе, о житіи Преподобнаго и видѣлъ, что оно не описано никѣмъ, печаль одержала меня всякій день, и я молился Богу, да сподобитъ меня написать по порядку о житіи угодника своего, отца нашего Ѳеодосія, чтобы и имѣющіе быть послѣ насъ черноризцы, читая жизнеописаніе его и видя такого доблестнаго мужа, восхвалили Бога, прославили угодника Его и укрѣплялись на дальнѣйшіе подвиги, тѣмъ болѣе, что такой мужъ, такой угодникъ Божій явился въ землѣ нашей... Послушайте, братіе, со всякимъ прилежаніемъ: потому что слово исполнено пользы для всѣхъ слушающихъ. Но молю васъ, возлюбленные, не зазрите моей грубости: только одержимый любовію къ Преподобному, я осмѣлился написать о немъ, а съ другой стороны — опасаясь, чтобы не сказано было мнѣ: *лукавый рабе и лѣнивый..., подобаше тебе вдати сребро мое торжникамъ: и пришедъ азъ взялъ быхъ свое съ лихвою* (Матѳ. 25. 27). Потому и нынѣ, братіе, не должно таить чудесъ Божіихъ, особенно же когда Господь сказалъ ученикамъ своимъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте во свѣтѣ: и еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Матѳ. 10, 27). Я хочу написать на успѣхъ и въ назиданіе слушающимъ, да про-

славляя за сіе Бога, пріимете отъ Него мздовоздаяніе». Наконецъ приступая къ жизнеописанію, Несторъ взываетъ къ Богу: Владыко мой, Господи вседержителю, благихъ податель, Отче Господа нашего Іисуса Христа! Пріиди на помощь мнѣ и просвѣти сердце мое на уразумѣніе заповѣдей Твоихъ и отверзи уста моя на исповѣданіе чудесъ Твоихъ и на похваленіе угодника Твоего, да прославится имя Твое святое, яко Ты еси помощникъ всѣхъ уповающихъ на Тя, во вѣки аминь».

Въ самомъ жизнеописаніи преп. Несторъ слѣдитъ съ величайшимъ вниманіемъ за ходомъ жизни великаго угодника: говоритъ о его родителяхъ и рожденіи, о его крещеніи, воспитаніи и первыхъ проявленіяхъ, первыхъ опытахъ его благочестія еще въ дому родительскомъ; за тѣмъ повѣствуетъ, какъ онъ прибылъ въ Кіевъ и принятъ былъ преп. Антоніемъ, какъ подвизался въ пещерѣ и превосходилъ всѣхъ иноческими добродѣтелями еще до своего игуменства: далѣе съ особенною подробностію изображаетъ его труды, подвиги и чудеса во время игуменства; наконецъ описываетъ трогательную кончину старца и нѣкоторыя чудеса, совершенныя имъ по смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнеописатель сообщаетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія о многихъ другихъ лицахъ, бывшихъ въ соприкосновеніи съ преп. Ѳеодосіемъ и подвизавшихся въ кіево-печерской обители, излагаетъ первоначальную исторію этой обители, говоритъ даже о двухъ преемникахъ Ѳеодосія на игуменствѣ — Стефанѣ и Никонѣ (1078 — 1088) и заключаетъ свое повѣствованіе слѣдующими словами: «такимъ образомъ все, что слышалъ я съ испытаніемъ о блаженномъ и великомъ отцѣ нашемъ Ѳеодосіѣ отъ старѣйшихъ меня отцевъ, бывшихъ въ его время, все

то и написалъ я, грѣшный Несторъ, меньшій изъ всѣхъ въ монастырѣ преп. отца нашего Ѳеодосія . . . Многократно слыша, братіе, о добромъ и чистомъ житіи богоноснаго отца нашего, я весьма радовался и благодарилъ его, что онъ столько потрудился и такъ пожилъ въ наши, послѣдніе дни. Но видя, что оно ни кѣмъ не было описано, глубоко я скорбѣлъ душею, а будучи одержимъ любовію къ святому и великому отцу нашему Ѳеодосію, я покусился отъ грубости сердца моего написать о немъ, что слышалъ, хотя немногое изъ многаго, на славу и честь великому Богу и Спасу нашему Іисусу Христу» . . . Должно замѣтить, что это сочиненіе Нестора, драгоцѣнное для Церкви, — потому что впродолженіе вѣковъ служило и служитъ весьма назидательнымъ чтеніемъ не только для иноковъ, но и для всѣхъ православныхъ христіанъ, — драгоцѣнно и для науки, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ источниковъ нашей исторіи.

Третье и самое важное сочиненіе преп. Нестора, навсегда обезсмертившее его имя, есть его русская лѣтопись, доведенная имъ до 1110 года. Но эта лѣтопись изображаетъ преимущественно гражданскія событія нашего отечества, а не церковныя, которыхъ касается по мѣстамъ и какбы мимоходомъ, кромѣ трехъ или четырехъ главнѣйшихъ; потому и не должна быть нарочито разсматриваема въ церковной исторіи ([261]). Скажемъ только, что описывая и гражданскія событія, нашъ первый лѣтописецъ смотритъ на нихъ, какъ сынъ православной Церкви, во всемъ видитъ слѣды Промысла Божія, управляющаго міромъ, по мѣстамъ позволяетъ себѣ благочестивыя размышленія, дѣлаетъ назидательныя замѣчанія, преподаетъ уроки своимъ читателямъ. Отъ чего лѣтопись его, столько

любимая нашими предками, была однимъ изъ благодѣтельнѣйшихъ средствъ къ нравственному воспитанію народа.

Драгоцѣнны были для сердца русскаго и глубоко назидательны писанія черноризца Іакова и преп. Нестора, изображавшія событія отечества и отечественной Церкви. Но не менѣе назидательное и драгоцѣнное для русскихъ сочиненіе оставилъ игуменъ Даніилъ, описавшій въ началѣ XII вѣка свое путешествіе по св. мѣстамъ Палестины. Книга его подъ заглавіемъ: *Паломникъ* или *Странникъ*, сохранившаяся въ безчисленномъ множествѣ списковъ, была, очевидно, однимъ изъ любимѣйшихъ чтеній русскаго народа ([262]). Кто былъ игуменъ Даніилъ, съ подробностію неизвѣстно. Несомнѣнно только, что онъ былъ русскій: потому что самъ называетъ себя игуменомъ русской земли, упоминаетъ о многихъ русскихъ, новгородцахъ и кіевлянахъ, прилучившихся вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимѣ, и свидѣтельствуетъ, что онъ молился тамъ о землѣ русской, о русскихъ князьяхъ и іерархахъ. Не безъ основанія догадка, что Даніилъ или родился, или имѣлъ обитель свою въ окрестностяхъ Чернигова: потому что, описывая Іорданъ, сравниваетъ его съ рѣкою Сновою, протекающею не подалеку отъ Чернигова. Когда Даніилъ совершилъ свое благочестивое странствованіе? Надобно допустить, что онъ отправился изъ Россіи не послѣ 1113 года и находился въ Палестинѣ не послѣ 1115 года: такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, онъ путешествовалъ въ княженіе в. князя кіевскаго Святополка Изяславича, уже скончавшагося въ 1113 году, а въ Іерусалимѣ былъ при королѣ латинскомъ Балдуинѣ, когда послѣдній предпринималъ походъ свой противъ Дамаска, случившійся въ 1114 и 1115 годахъ.

Свое путешествіе въ Іерусалимъ, равно какъ описаніе этого путешествія, игуменъ Даніилъ совершилъ единственно по чувству благочестія и изъ желанія нравственной пользы себѣ и другимъ. «Я, — говоритъ онъ въ самомъ началѣ своего сочиненія, — недостойный игуменъ Русской земли — Даніилъ, худшій изъ всѣхъ иноковъ, смиренный по множеству грѣховъ, не совершившій никакого добраго дѣла, будучи нудимъ мыслію своею, съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть св. градъ Іерусалимъ и землю обѣтованную. И, благодатію Божіею, достигалъ я св. мѣстъ съ миромъ и своими очами видѣлъ св. мѣста, обходилъ всю обѣтованную землю, по которой походилъ ногами своими Христосъ Богъ нашъ, и гдѣ совершилъ Онъ многія чудеса. Все то видѣлъ я своими грѣшными очами, и все показалъ мнѣ Господь видѣть впродолженіе многихъ дней, что желалъ я видѣть. Братіе, и отцы и господа мнихи! Простите мнѣ и не зазрите худоумію моему за то, что я, по грубости моей, написалъ о св. градѣ Іерусалимѣ и о св. землѣ той и о своемъ путешествіи... Я описалъ путь мой и св. мѣста, не возносясь и не величаясь, будто бы я сотворилъ что доброе на пути семъ, — да не будетъ: я не сотворилъ на пути никакого добра. Но изъ любви къ св. мѣстамъ я описалъ все, что видѣлъ моими грѣшными очами, чтобы не забыть того, что показалъ мнѣ Господь, недостойному, видѣть... Написалъ я это также и для вѣрныхъ людей, чтобы иной, услышавъ о св. мѣстахъ, поревновалъ о нихъ душею и мыслію, и чрезъ то удостоился получить мзду, равную съ ходившими къ св. мѣстамъ. Ибо многіе добрые люди, и сидя дома, своими милостынями и добрыми дѣлами достигаютъ св. мѣстъ и бóльшую мзду пріимутъ отъ Бога. А многіе, доходивъ до св. мѣстъ и увидѣвъ св. градъ

Іерусалимъ, вознесшися умомъ, какъ будто нѣчто доброе сотворили, погубляютъ мзду труда своего, каковъ — первый я. Многіе же, достигнувъ Іерусалима, спѣшатъ назадъ, не видѣвъ многаго, — тогда какъ путь сей нельзя совершить скоро и нужно не торопиться, чтобы видѣть всѣ св. мѣста.» Къ этому присовокупляетъ Даніилъ, что самъ онъ пребылъ въ Іерусалимѣ 16 мѣсяцевъ, имѣя мѣстопребываніе въ метохіѣ св. Саввы (нынѣ Архангельскій монастырь), и нашелъ тамъ себѣ вожатая — старца святаго и весьма книжнаго, который хорошо показалъ ему всѣ св. мѣста въ Іерусалимѣ и во всей землѣ той, и поводилъ до моря Тиверіадскаго, и до Ѳавора, и до Назарета, и до Хеврона, и до Іордана.

Переходя за тѣмъ къ описанію своего путешествія, Даніилъ сначала изображаетъ путь отъ Царьграда до Іерусалима, перечисляя встрѣчающіеся на пути острова, города, церкви и другія достопримѣчательности; потомъ описываетъ самый Іерусалимъ и всѣ св. мѣста въ немъ; далѣе говоритъ о своихъ путешествіяхъ изъ Іерусалима къ Іордану, Іерихону, въ Виѳлеемъ, въ Галилею, къ горѣ Ѳаворской и пр.; наконецъ повѣствуетъ о схожденіи св. свѣта съ небеси къ гробу Господню въ великую субботу и о томъ, какъ онъ — Даніилъ поставилъ на гробѣ Господнемъ кандило или лампаду отъ всей Русской земли. Всѣ сказанія благочестиваго игумена кратки и безъискусственны, показываютъ душу простую, вѣрующую, проникнутую смиреніемъ и любовію къ Богу и Его святымъ. Для примѣра приведемъ два, три отрывка. Вотъ какъ описываетъ Даніилъ приближеніе путниковъ къ Іерусалиму и входъ въ него: «св. градъ Іерусалимъ находится въ долинѣ; вокругъ него высокія каменныя горы, такъ что нужно прибли-

зиться къ городу, чтобы его увидѣть. Прежде всего видѣнъ домъ Давидовъ, потомъ чрезъ нѣсколько шаговъ впередъ можно видѣть Елеонскую гору и церковь — Святая Святыхъ, наконецъ открывается и весь городъ. Есть тамъ близъ пути ровная гора, на разстояніи одной версты отъ Іерусалима, и на той горѣ путники слѣзаютъ съ своихъ коней и издали поклоняются храму св. Воскресенія. Тогда великая бываетъ радость всякому Христіанину, узрѣвшему св. градъ. Никто не можетъ не прослезиться, увидѣвъ землю желанную и св. мѣста, гдѣ Христосъ Богъ походилъ ради нашего спасенія. И идутъ пѣшіе къ св. граду Іерусалиму съ радостію великою. Есть тутъ церковь св. первомученика Стефана близъ пути на лѣвой сторонѣ, гдѣ побіенъ былъ камнями св. Стефанъ и гдѣ находится гробъ его. Тутъ-же — плоская каменная гора, разсѣвшаяся во время распятія Христова и называемая — адъ. Потомъ всѣ люди съ великою радостію входятъ въ Іерусалимъ воротами, находящимися близъ дома Давидова: ворота тѣ зовутся Веніаминовыми. По вступленіи въ Іерусалимъ, открывается путь чрезъ весь городъ, на право къ Святая Святыхъ, а на лѣво къ святому Воскресенію, гдѣ находится гробъ Господень.» Описывая Іорданъ, нашъ путешественникъ замѣчаетъ: «сподобилъ меня Богъ трижды быть на Іорданѣ. Былъ я тамъ и въ самый праздникъ водокрещенія со всею дружиною моею и видѣлъ благодать Божію, сходившую на воды Іорданскія. Тогда приходитъ къ рѣкѣ безчисленное множество народа со свѣчами, и всю ночь бываетъ пѣніе изрядное при гореніи безчисленнаго множества свѣчь. Въ полночь совершается освященіе воды: тогда Духъ Святый сходитъ на воды Іорданскія. Люди достойные ясно видятъ это схожденіе Св. Духа, а всѣ не

видятъ, но только всякъ тогда ощущаетъ въ сердцѣ радость и веселіе. Когда погрузятъ честный крестъ и запоютъ: «во Іорданѣ крещающуся ты, Господи», тогда всѣ присутствующіе бросаются въ воды Іордана». Или послушаемъ, какъ повѣствуетъ Даніилъ о постановленіи имъ лампады на гробѣ Господнемъ отъ лица Русской земли: «Въ великую пятницу, въ первомъ часу дня, пошелъ я, худый и недостойный, къ князю Балдуину и поклонился ему до земли. Увидѣвъ меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ съ любовію и сказалъ: «чего хочешь, игумене русскій»? Онъ зналъ меня хорошо и очень любилъ: потому что онъ былъ человѣкъ добрый и смиренный и ни мало не гордился. Я отвѣчалъ ему: «Княже мой и господине! молю тебя ради Бога и ради князей русскихъ, — я хотѣлъ бы поставить лампаду свою на св. гробѣ Господнемъ отъ всей Русской земли, и за всѣхъ князей нашихъ и за всѣхъ Христіанъ Русской земли.» Князь съ радостію повелѣлъ мнѣ поставить лампаду и послалъ со мною своего лучшаго слугу къ иконому храма св. Воскресенія и къ ключарю гроба Господня. Оба они велѣли мнѣ принести кадило мое съ масломъ. Поклонившись имъ, я пошелъ на торжище съ великою радостію, купилъ большую стеклянную лампаду, налилъ въ нее чистаго деревяннаго масла, безъ примѣси воды, и уже вечеромъ принесъ къ гробу Господню, гдѣ засталъ одного только ключаря. Онъ отперъ мнѣ двери къ гробу Господню, велѣлъ разуться и босаго ввелъ меня одного ко гробу Господню. Здѣсь велѣлъ мнѣ поставить лампаду мою моими грѣшными руками въ ногахъ; а въ головахъ стояла лампада греческая, а на персяхъ гроба стояла отъ всѣхъ монастырей, а на срединѣ поставилъ я грѣшный русскую лампаду. Благодатію же Божіею всѣ тѣ три лампады зажглись

сами собою, а фряжскія лампады, висѣвшія въ верху, не возгорѣлись ни одна. Поставивъ лампаду мою на святомъ гробѣ Господа нашего Іисуса Христа, я поклонился честному гробу тому и, облобызавъ съ любовію и со слезами св. мѣсто, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа Іисуса, вышелъ изъ гроба съ великою радостію»...

Нельзя, наконецъ, не остановиться на послѣсловіи, которымъ оканчиваетъ Даніилъ свою книгу: такъ оно простосердечно и трогательно: «я ходилъ туда (въ Іерусалимъ) — говоритъ онъ, — въ княженіе русскаго вел. князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича кіевскаго. Богъ — свидѣтель и св. гробъ Господень, что во всѣхъ тѣхъ св. мѣстахъ я не забылъ князей русскихъ и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, не забылъ ни епископовъ, ни игуменовъ, ни бояръ, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, но вездѣ поминалъ ихъ. Благодарю благаго Бога за то, что Онъ сподобилъ меня, худаго, записать имена князей русскихъ въ лаврѣ св. Саввы, гдѣ они и нынѣ поминаются на ектеніи. Эти имена: Михаилъ — Святополкъ, Василій — Владиміръ, Давидъ Всеславичъ, Михаилъ — Олегъ, Панкратій — Ярославъ Святославичъ, Андрей — Мстиславъ Всеволодовичъ, Борисъ Всеславичъ, Глѣбъ Минскій. Только я припомнилъ именъ и все то вписалъ у гроба Господня, кромѣ вообще князей и бояръ русскихъ. Во всѣхъ св. мѣстахъ я отслужилъ 90 литургій за князей, и за бояръ, и за дѣтей моихъ духовныхъ, и за всѣхъ христіанъ, живыхъ и мертвыхъ. Да будетъ же всякому, кто прочтетъ это писаніе мое съ вѣрою и любовію, благословеніе отъ Бога, и отъ св. гроба, и отъ всѣхъ св. мѣстъ, и да пріиметъ таковый мзду отъ Бога наровнѣ съ ходившими до св. града Іерусалима и видѣвшими св. мѣста сіи: блаженны не ви-

дѣвшіе и вѣровавшіе; вѣрою вошелъ Авраамъ въ землю обѣтованную: поистинѣ вѣра равна добрымъ дѣламъ. Но, Бога ради, братіе и отцы и господіе мои, не зазрите моему худоумію и моей грубости, и да не будетъ въ похуленіи писаніе сіе не ради меня, грубаго, но ради св. мѣстъ. Читайте его съ любовію, да пріимете мзду отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и Богъ мира да будетъ со всѣми вами».

Послѣ игумена Даніила остается упомянуть еще объ одномъ русскомъ писателѣ первой половины XII вѣка, іеродіаконѣ и доместикѣ Антоніева новгородскаго монастыря, Кирикѣ, который въ 1137 г., будучи 26 лѣтъ, составилъ небольшое сочиненіе касательно хронологіи и пасхаліи, сохранившееся до настоящаго времени ([263]).

Кромѣ сочиненій, принадлежащихъ извѣстнымъ нашимъ писателямъ разсматриваемаго нами періода, встрѣчаются или только упоминаются въ рукописяхъ еще нѣкоторыя сочиненія русскихъ писателей того времени, неизвѣстныхъ по имени. Таково описаніе жизни и чудесъ св. Николая, мѵрликійскаго чудотворца, начинающееся словами: «во дни прежняя благоволи Богъ взыскати писанья отъ Пророкъ», и раздѣленное на 40 главъ. Въ главѣ 33-й авторъ описываетъ одно чудо св. Николая, совершившееся въ Царьградѣ при патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ (1043 — 1059), когда самъ авторъ находился въ Царьградѣ; въ главѣ 34-й разсказываетъ о другомъ чудѣ тогоже Угодника, бывшемъ при императорѣ Константинѣ — или Мономахѣ (1042 — 1055), или Дукѣ (1059 — 1067) ([264]); наконецъ въ 40-й главѣ повѣствуетъ о событіи кіевскомъ, — о спасеніи св. Николаемъ младенца, упавшаго въ Днѣпръ, — которое случилось къ концу XI вѣка ([265]). Таково же слово на перенесеніе чест-

ныхъ мощей св. Николая изъ Муръ Ликійскихъ въ городъ Баръ, начинающееся словами: «присно убо должны есмы, братіе, праздникы Божія, творяще, дръжати!» Здѣсь сочинитель прямо говоритъ, что это чудесное перенесеніе послѣдовало «въ нынѣшняя времена, въ *нашу* память, *наши* дни — лѣта, въ тысящное лѣто и 95-е отъ воплощеніа самаго Бога, при цари Гречестѣмъ и самодръци Констянтина града Алексѣи Комнинѣ и патріарсѣ его Николѣ, а въ лѣто рускыхъ *нашихъ* князей, христолюбиваго и великаго князя *нашего* Всеволода въ Кіевѣ и благороднаго сына его Володимера въ Черниговѣ». Потомъ излагаетъ самую исторію перенесенія мощей св. Николая, подробно исчисляетъ совершенныя имъ при перенесеніи чудеса, повѣствуетъ о новой церкви, въ честь его устроенной, куда поставлены были его св. мощи, и о новомъ въ честь его празднествѣ (266). Это русское сочиненіе несомнѣнно относится къ концу XI или къ самому началу XII столѣтія. Таково, наконецъ, Житіе преп. Антонія кіевопечерскаго, составленное неизвѣстнымъ въ XI вѣкѣ и существовавшее еще въ XIII столѣтіи, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшее: въ немъ заключались, кромѣ драгоцѣнныхъ сказаній о самомъ Антоніѣ, и «вся житія» другихъ печерскихъ подвижниковъ, «аще и вкратцѣ речена» (267). Потеря для нашей церковной исторіи невознаградимая!

II.

Между тѣмъ, какъ Русскіе, едва ознакомившіеся съ св. вѣрою и просвѣщеніемъ изъ Греціи, испытывали себя почти во всѣхъ родахъ духовной словесности, — бывшіе у насъ въ то время первосвятители-Греки составляли писанія преимущественно въ двухъ родахъ: полемиче-

скомъ и каноническомъ. Первый родъ сочиненій былъ тогда господствующимъ на всемъ востокѣ по обстоятельствамъ времени: блюстители православія чувствовали нужду обличать заблужденія Латынянъ, окончательно отторгшихся въ половинѣ XI вѣка отъ вселенской Церкви и употреблявшихъ всѣ средства къ совращенію православныхъ. Послѣдній родъ сочиненій казался необходимымъ собственно по обстоятельствамъ юной русской Церкви, въ которой еще многое надлежало благоустроять и вообще открывалось много новыхъ случаевъ къ частнѣйшему примѣненію общихъ законовъ церковныхъ. Къ писателямъ того и другаго рода принадлежали наши тогдашніе митрополиты: Георгій (ок. 1065 — 1079), Іоаннъ II (1080 — 1088) и Никифоръ (1104 — 1121).

Митрополитъ Георгій оставилъ послѣ себя какое-то писаніе каноническое, которое еще существовало въ XII вѣкѣ (268); но это писаніе до насъ не дошло. Другое сочиненіе его противъ Латынянъ до настоящаго времени скрывалось въ неизвѣстности, но недавно найдено нами въ рукописномъ Сборникѣ конца XV или начала XVI вѣка, подъ заглавіемъ: «Георгія митрополита кіевскаго, стязанье съ Латиною; винъ числомъ 70 (269)». Георгіемъ у насъ назывался одинъ только митрополитъ, — современникъ преп. Ѳеодосія печерскаго. И въ самомъ содержаніи означеннаго сочиненія не только нѣтъ ничего противнаго тому времени, напротивъ, что весьма замѣчательно, — нѣкоторыя обвиненія противъ Латынянъ выражены почти тѣми же самыми словами, какими и въ подобномъ сочиненіи преп. Ѳеодосія (270). Не упоминаемъ уже о древности языка. Предположить, чтобы кто-либо у насъ въ XV или въ XVI вѣкѣ вздумалъ сдѣлать подлогъ этого

сочиненія и приписать его митрополиту Георгію, нѣтъ никакого основанія: если и появлялись у насъ тогда подложныя сочиненія, то обыкновенно подъ именами знаменитѣйшихъ Отцевъ и Учителей Церкви, — Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и под., а не такихъ безвѣстныхъ архипастырей, каковъ Георгій, ничѣмъ не отмѣченный въ лѣтописи. Не надписано ли надъ сочиненіемъ, по ошибкѣ, имя Георгія митрополита вмѣсто имени митрополита Никифора, — такъ какъ это сочиненіе имѣетъ большое сходство съ извѣстнымъ посланіемъ послѣдняго къ вел. кн. Владиміру Мономаху ([271])? Но съ другой стороны, сочиненіе, усвояемое Георгію, имѣетъ и отличія отъ посланія Никифора: въ первомъ дѣлаются обращенія прямо къ Латинамъ, въ послѣднемъ къ вел. кн. Владиміру Мономаху; въ первомъ изложено 27 обвиненій противъ Латинянъ, въ послѣднемъ только 20; въ первомъ эти обвиненія расположены совсѣмъ въ другомъ порядкѣ, нежели въ послѣднемъ. Естественно могло быть, что митрополитъ Никифоръ, когда вел. князь спросилъ его о вѣрѣ латинской, воспользовался въ своемъ отвѣтѣ сочиненіемъ своего предшественника, выбравъ оттуда то, что казалось болѣе важнымъ и справедливымъ, и присовокупивъ въ началѣ и концѣ приличныя обращенія къ князю ([272]). Особеннымъ поводомъ къ написанію сочиненія противъ Латинянъ могъ послужить для митрополита Георгія извѣстный въ нашей исторіи случай, когда папа Григорій VII покушался обратить къ своему исповѣданію нашего вел. кн. Изяслава и даже послалъ къ нему (въ 1075 г.) свое посланіе.

«Стязанье съ Латиною» митрополита Георгія начинается словами: «когда великій Константинъ принялъ отъ Христа царство, и вѣра христіанская съ того времени на-

чала болѣе расти и распространяться всюду, и царство ветхаго Рима преложилось въ Константинъ-градъ: тогда послѣдовали седмь святыхъ вселенскихъ Соборовъ. На эти седмь Соборовъ папы стараго Рима или приходили сами, или присылали своихъ епископовъ, — и св. Церкви имѣли между собою единство и общеніе, то же мыслили, то же проповѣдывали. Потомъ старымъ Римомъ и всею тою землею овладѣли Нѣмцы и, спустя немного времени, старые мужи правовѣрные, которые хранили законъ Христовъ и правила св. Апостоловъ и св. Отцевъ, скончались. По смерти ихъ, люди молодые и неутвержденные увлеклись прелестію нѣмецкою и впали въ вины различныя и многія, запрещенныя и осужденныя божественнымъ закономъ, и когда, несмотря на совѣты многихъ другихъ церквей, не захотѣли оставить творимаго ими зла, — то и отвержены были отъ насъ. Евангеліе ихъ, какъ доброе и поклоняемое, почитается въ великой церкви, но почитается на обличеніе имъ и на судъ: потому что не живутъ, какъ оно велитъ». Вслѣдъ за этимъ исчисляются самыя заблужденія латинскія, между которыми, какъ мы уже замѣтили о такомъ же сочиненіи преп. Θеодосія печерскаго и должны замѣтить о нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ сочиненіяхъ того времени, — есть заблужденія важныя и неважныя, есть такія, которыя дѣйствительно принадлежали всей церкви римской, и такія, которыя могли относиться только къ частнымъ лицамъ или были разглашаемы противъ Латинянъ несовсѣмъ вѣрно. Остановимся на нѣкоторыхъ обвиненіяхъ болѣе важныхъ: «Латиняне, — говоритъ нашъ архипастырь — служатъ на опрѣснокахъ и ѣдятъ ихъ: это по жидовски; Христосъ же не предалъ того и совершилъ св. тайны не на опрѣ-

снокахъ, а на хлѣбѣ совершенномъ и кисломъ... На св. литургіи не совершаютъ ни великаго, ни малаго выхода, и службу творятъ не въ олтарѣ, а во всей церкви, три, четыре и пять разъ въ одинъ день въ той же церкви. Въ св. правилѣ: «вѣрую во единаго Бога»... сдѣлали злое и неразумное приложеніе. Св. Отцы написали: «и въ Духа святаго, Господа, животворящаго, иже отъ Отца исходящаго», — а они (Латыняне) отъ себя приложили: «иже отъ Отца и *отъ Сына*». Это есть великое зловѣріе и ведетъ къ Савелліевой ереси. Чрезъ такое приложеніе они низвращаютъ вѣру св. Отцевъ перваго и втораго вселенскихъ Соборовъ и слова Спасителя, который сказалъ: *егда пріидетъ Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ* (Іоан. 15, 26). Не сказалъ Христосъ: иже отъ *насъ* исходитъ, — значитъ это приложеніе есть зловѣріе и великая ересь. — Измѣнили слова св. апостола Павла: *малъ квасъ все смѣшеніе квасить* (1 Кор. 5, 6); а они говорятъ: малъ квасъ все смѣшеніе *тлитъ*... Возбраняютъ жениться дьякамъ, которые желаютъ ставиться въ попы, и не поставляютъ въ попы женатыхъ, вопреки правиламъ св. Соборовъ... Позволяютъ одному мужу жениться на двухъ родныхъ сестрахъ: такъ какъ, по смерти первой жены, онъ можетъ поять ея родную сестру. Позволяютъ епископамъ носить на рукѣ перстень, епископамъ и попамъ ходить на войну и обагрять руки свои кровію, держать наложницъ... Постятся въ субботы... Ѣдятъ удавленину и мертвечину... Чернецамъ епископы позволяютъ ѣсть свиное сало и иныя мяса... Не принимаютъ святыхъ и великихъ Отцевъ нашихъ и Учителей (это обвиненіе могло относиться развѣ только къ нѣкоторымъ Латинянамъ), какъ то: Василія Великаго, Григорія

Богослова и Іоанна Златоуста, и ученія ихъ не имѣютъ, по высотѣ и строгости добродѣтельнаго житія ихъ. Въ св. крещеніи крестятъ въ едино погруженіе, говоря: во имя Отца и Сына и Св. Духа (и это обвиненіе могло касаться только частныхъ лицъ)... Крещаемымъ сыплятъ соль въ уста, и называютъ ихъ не по имени Святаго или Святой, но какъ назоветъ мать. Не хотятъ поклоняться св. мощамъ, а нѣкоторые изъ нихъ не чтутъ и св. иконъ... Изображаютъ иконы на мраморѣ и на помостахъ церковныхъ не за тѣмъ, чтобы чтить ихъ, а попираютъ ихъ ногами не только простые люди, но и священники и чернецы»... Въ заключеніе митрополитъ Георгій сильно вооружается противъ несправедливаго упрека, какой дѣлали Латиняне нашимъ инокамъ за то, что они ѣдятъ яйца и молоко, и показываетъ, что вкушеніе той и другой пищи не противно обѣтамъ иночества, между тѣмъ какъ римскіе монахи ѣдятъ свиное сало, вопреки правиламъ древней Церкви, и чрезъ то утучняютъ свое тѣло и возбуждаютъ въ себѣ страсти (273).

Отъ митрополита Іоанна II, котораго современный лѣтописецъ называетъ съ одной стороны добрымъ и кроткимъ, а съ другой — хитрымъ въ книгахъ и ученьи, дошли до насъ два посланія: одно къ папѣ римскому, другое къ черноризцу Іакову.

Первое посланіе, сохранившееся не только во многихъ славянскихъ спискахъ, но и въ греческихъ и даже въ латинскомъ переводѣ, несомнѣнно принадлежитъ Іоанну II: потому что въ греческихъ спискахъ оно надписывается: «отъ Іоанна, митрополита русскаго, къ *Клименту*, папѣ римскому». А изъ всѣхъ нашихъ митрополитовъ, носившихъ имя Іоанна, только двое — Іоаннъ II

(1080 — 1088) и Іоаннъ III (1089) имѣли себѣ современникомъ папу, или точнѣе, антипапу Климента, который, по настоянію нѣмецкаго короля Генриха IV, противодѣйствовавшаго Григорію VII Гильдебранду, избранъ былъ въ папы на сеймѣ на Бриксенѣ (25 іюля 1080 г.) изъ архіепископовъ равенскихъ, подъ именемъ Климента III, и умеръ въ 1110 г., послѣ многолѣтняго сопротивленія законнымъ папамъ. Но митрополитъ Іоаннъ III, который, по лѣтописи, былъ «некниженъ и умомъ простъ и просторекъ», не могъ писать къ папѣ Клименту III. Слѣдовательно остается приписать посланіе ученому и кроткому митрополиту Іоанну II ([274]). Случай къ написанію посланія подалъ самъ Климентъ III: противоборствуя законнымъ папамъ, не признаваемый въ Римѣ, онъ хотѣлъ сблизиться съ восточными іерархами, хвалилъ православную вѣру, желалъ соединенія церквей, и прислалъ съ такими извѣстіями къ нашему митрополиту своего епископа. Отсюда объясняется, почему нашъ первосвятитель, вопреки духу того времени, обращается въ посланіи къ римскому первосвященнику съ отверстою любовію, говоритъ съ кротостію, называетъ его законнымъ пастыремъ, нимало однакожъ не колеблясь обличать самыя заблужденія Латынянъ. Достойно также замѣчанія, что, при изложеніи этихъ заблужденій, Іоаннъ II не разъ выражается: «якоже слышахомъ», или: «аще тако суть, аще воистину творимая вами, якоже слышахомъ», и тѣмъ показываетъ, что у насъ тогда, какъ и на всемъ востокѣ, судили о заблужденіяхъ латинскихъ преимущественно по слухамъ, и потому могли говорить о нихъ не всегда вѣрно.

Обстоятельства всего дѣла довольно объясняются въ началѣ посланія: «Я узналъ, — пишетъ нашъ первосвя-

титель къ римскому, — твою любовь о Господѣ, воистину человѣкъ Божій и достойный каѳолическаго сѣдалища и призванія: потому что, и находясь далеко отъ нашей худости и смиренія, ты досягаешь даже до насъ крилами своей любви, и привѣтствуешь насъ законно и любезно, и молишься о насъ въ духѣ, и догматы нашей непорочной и православной вѣры пріемлешь и почитаешь, какъ возвѣстилъ и подлинно изъяснилъ намъ всечестный и добродѣтельный епископъ твоего священства. Если же это такъ и такой данъ намъ отъ Бога архіерей, а не подобный тѣмъ, которые немного прежде сего архіерействовали противно истинѣ и низвратили благочестіе (разумѣются, вѣроятно, предшественники Климента III, папы Левъ IX и Григорій VII): то и я, худшій изъ всѣхъ, привѣтствую твою священную главу и мысленно лобызаю ее и всегда желаю, да хранитъ тебя всегда свыше всесильная десница и да даруетъ всеблагій и милосердый Господь совершиться возсоединенію между нами и вами. Не знаю, какъ возникли соблазны и преграды на божественномъ пути, и крайне удивляюсь, какъ и почему даже до нынѣ не послѣдовало исправленія. Не знаю, какой лукавый демонъ, какой завистливый врагъ истины и противникъ благочестія произвелъ все это и расторгъ нашу братскую любовь и единодушіе всего христіанскаго общества. Не вообще я это говорю: ибо мы знаемъ васъ, благодатію Божіею, и во многомъ совершенно принимаемъ, какъ христіанъ; но знаемъ также, что вы не во всемъ съ нами согласны и въ нѣкоторыхъ вещахъ отъ насъ отдѣлились. Вотъ смотрите, — я покажу вамъ»... Въ слѣдующемъ за тѣмъ разсужденіи нашего митрополита объ отступленіяхъ Латинянъ различаются три части: въ первой онъ говоритъ, что всѣми

христіанами признаются седмь святыхъ вселенскихъ Соборовъ, какъ основанія православной вѣры, и раскрываетъ, что на каждомъ изъ этихъ соборовъ присутствовали и римскіе первосвященники, или сами лично, или чрезъ своихъ пословъ. Во второй исчисляетъ шесть, болѣе извѣстныхъ, заблужденій Латинянъ, именно: касательно поста въ субботу, несоблюденія поста въ первую недѣлю великаго поста, запрещенія священникамъ жениться, запрещенія священникамъ совершать таинство мѵропомазанія, употребленія опрѣсноковъ въ таинствѣ Евхаристіи и прибавленія къ сѵмволу: «и отъ Сына». Въ третьей, наконецъ, части по порядку показываетъ, что каждое изъ означенныхъ шести заблужденій латинскихъ несогласно съ правилами вселенскихъ Соборовъ. Всѣ доказательства митрополита основательны и справедливы. Заключеніе посланія не менѣе достопримѣчательно, какъ и вступленіе. «Итакъ прошу тебя, — говоритъ Іоаннъ II, — и умоляю и припадаю къ священнымъ стопамъ твоимъ, чтобы вы отстали отъ всѣхъ этихъ заблужденій, особенно же отъ употребленія опрѣсноковъ и приложенія къ сѵмволу: потому что первое опасно по отношенію къ таинству св. причащенія, а послѣднее — по отношенію къ православной вѣрѣ. Хотѣлъ я написать къ тебѣ еще объ удавленныхъ и нечистыхъ животныхъ, и о монахахъ, вкушающихъ мяса; но дастъ Богъ, что все это и многое, тому подобное, вы исправите впослѣдствіи. Ты же прости мнѣ ради Господа, написавшему сіе отъ великой любви. И если истинно, какъ мы слышали, совершаемое вами: то испытайте писанія и вы увидите, что всѣ такія вещи требуютъ исправленія. Еще молю любовь твою о Господѣ прежде всего, если пожелаешь, написать къ святѣйшему

нашему патріарху Константинополя и къ находящимся тамъ святымъ митрополитамъ, которые имѣютъ слово жизни, сіяя въ мірѣ, какъ свѣтила, и могутъ благодатію Божіею все таковое изслѣдовать вмѣстѣ съ тобою и исправить; а потомъ, если будетъ тебѣ благоугодно, написать и худшему изъ всѣхъ — мнѣ. Привѣтствую любовь твою о Господѣ я, Іоаннъ, недостойный митрополитъ русскій, и весь подвластный тебѣ клиръ и народъ. Привѣтствуютъ васъ также вмѣстѣ съ нами и всѣ наши святые и боголюбезнѣйшіе епископы, и игумены, а съ ними и весь священный клиръ и народъ».

Другое посланіе Іоанна II извѣстно только по рукописямъ славянскимъ подъ заглавіемъ: «Іоанна, митрополита русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа, написавшаго правило церковное отъ св. книгъ вкратцѣ, Іакову черноризцу (275)». Но такъ какъ это посланіе — содержанія каноническаго: то мы и разсмотримъ его въ другомъ мѣстѣ, въ отдѣлѣ о церковномъ управленіи.

Митрополиту Никифору усвояются по рукописямъ — три посланія противъ Латинянъ: одно къ вел. князю Владиміру Мономаху, другое къ неизвѣстному князю, третье — къ князю муромскому Ярославу Святославичу (1096—1129), — и два сочиненія о постѣ церковномъ: изложенное въ видѣ посланія къ тому же вел. князю Мономаху, и написанное въ формѣ поученія ко всему духовенству и народу.

Посланіе къ вел. кн. Владиміру Мономаху о Латинахъ (276) написано по запросу князя. «Ты спрашивалъ насъ, благородный княже, — пишетъ митрополитъ, — за что отлучены Латиняне отъ святой, соборной и православной Церкви: и вотъ я, какъ обѣщался благородству твоему, повѣдаю тебѣ вины ихъ». За тѣмъ святитель повторяетъ

то самое, что мы читали въ началѣ посланія митрополита Георгія противъ Латинянъ, и излагаетъ вины или заблужденія Латинянъ (числомъ 20), воспользовавшись, по всей вѣроятности, какъ нами уже замѣчено, сочиненіемъ этого своего предшественника: потому что говоритъ почти вездѣ тѣми же словами, только по мѣстамъ короче и въ другомъ порядкѣ. По исчисленіи винъ, Никифоръ снова обращается къ вел. князю, — чего нѣтъ въ посланіи Георгія: «ты же, княже мой, прочитай посланіе сіе не однажды, не дважды, а многократно, прочитай ты, пусть читаютъ и сыны твои. Князьямъ, отъ Бога избраннымъ и призваннымъ къ православной вѣрѣ Его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужатъ сами подпорами для св. Церкви въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ. Одинъ Богъ царствуетъ на небесахъ, а вамъ, съ помощію Его, опредѣлено царствовать здѣсь — на земли въ роды и роды. И такъ какъ вы избраны отъ Бога и возлюблены Имъ, и сами возлюбили Его: то разумѣйте и испытывайте слова Его, чтобы, и по отшествіи изъ сего тлѣннаго міра, соцарствовать вамъ съ Нимъ на небесахъ, какъ вѣруемъ и надѣемся, молитвами св. Богородицы и всѣхъ Святыхъ».

Другое посланіе митрополита Никифора о Латинахъ къ неизвѣстному князю (277) начинается словами: «такъ какъ въ судахъ у тебя (т. е. въ твоемъ владѣніи), чадо блаженное и сынъ свѣта, есть земля Лядская (Польская), и живущіе на ней служатъ на оплаткахъ и приняли латинское ученіе: то я извѣщаю тебя, по какой причинѣ отступили они отъ святой, соборной, апостольской Церкви». Изъ этихъ словъ можно догадываться, что посланіе написано, вѣроятно, къ князю волынскому: потому что у него толь-

ко во владѣніи была земля Лядская, — находились червенскіе города, взятые нѣкогда у Польши, и были живущіе, которые служили на оплаткахъ, — многіе Поляки, выведенные вел. кн. Ярославомъ изъ Польши и разселенные по рѣкѣ Роси (278). Видно также, что митрополитъ подвигся написать это посланіе единственно по сознанію своего пастырскаго долга, заботясь предохранить своихъ духовныхъ чадъ отъ вліяній Латинства. Настоящее посланіе Никифора совершенно отлично отъ подобнаго посланія его къ Владиміру Мономаху: потому что, хотя излагаетъ нѣкоторые и тѣ же предметы, но вмѣстѣ излагаетъ нѣкоторые другіе и раскрываетъ первые въ иномъ видѣ, въ иномъ порядкѣ. Въ составѣ посланія, послѣ небольшаго вступленія, изъ котораго мы привели только начало, можно различать двѣ главныя части.

Въ первой кратко исчисляются одно за другимъ разныя отступленія Латинянъ, каковы: прибавленіе къ символу—*и отъ Сына*, совершеніе евхаристіи на опрѣснокахъ, обычай епископовъ ходить на войну, постъ въ субботу, безженство священниковъ и под. Въ числѣ этихъ отступленій упоминаются нѣкоторыя новыя, какія не упоминались въ прежнихъ нашихъ подобнаго рода сочиненіяхъ. Напримѣръ говорится: «а вотъ иное зло: если случится въ субботу, или въ среду, или въ пятницу Рождество Христово, или Богоявленіе, или другой господскій праздникъ, —они (Латиняне) поста не разрѣшаютъ, но какъ будто бы сѣтуютъ, когда съ ними находится Женихъ». Или: «они говорятъ, что не должно инымъ языкомъ хвалить Бога, а только тремя: еврейскимъ, еллинскимъ и римскимъ. Въ этомъ они заблуждаютъ: Христосъ умеръ за всѣхъ, и Пророки научаютъ всѣхъ. Давидъ говоритъ:

вси языцы восплещите руками (Пс. 46, 2); *вси языцы прiидутъ и поклонятся предъ тобою, Господи* (85, 9); *всякое дыханiе да хвалитъ Господа* (108, 6). Значитъ, всякимъ языкомъ должно хвалить Господа; ни одного народа Господь не отстраняетъ отъ прославленiя Его и отъ пѣнiя Ему». Первая часть оканчивается слѣдующимъ замѣчанiемъ: «вотъ почему не прiемлетъ ихъ (Латинянъ) св. соборная Церковь въ единенiе и общенiе, но, какъ членъ гнилой и неисцѣльный, отрѣзала отъ себя и отвергла. Намъ же, православнымъ христiанамъ, не должно съ ними ни ѣсть, ни пить, ни привѣтствовать ихъ. А если случится по нуждѣ православнымъ ѣсть съ ними: надобно поставить имъ трапезу особо и подавать пищу въ ихъ сосудахъ. Они хотя исповѣдуютъ Христа, но не хорошо поступаютъ. А Христосъ сказалъ: *не всякъ глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствiе небесное: но творяй волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 7, 21)»...

Всю вторую часть митрополитъ исключительно посвящаетъ одному предмету — ученiю объ евхаристiи, и раскрываетъ, что Латиняне уклонились отъ истины, совершая это таинство на опрѣснокахъ и на одномъ винѣ безъ примѣси воды. Неправость перваго нововведенiя онъ доказываетъ тѣмъ, что—а) употребленiе опрѣсноковъ заповѣдано было въ ветхомъ завѣтѣ во дни пасхи, а не заповѣдано въ новомъ законѣ, евангельскомъ; б) Христосъ, по свидѣтельству Евангелистовъ, при установленiи таинства евхаристiи благословилъ, преломилъ и преподалъ ученикамъ своимъ *хлѣбъ* — ἄρτος, говоря: *прiимите, ядите, сiе есть тѣло мое* (Лук. 14, 22), — слѣд. хлѣбъ квасный, а не опрѣснокъ; в) всѣ мы, по выраженiю св. Павла, *едино тѣло есмы мнози, яко отъ единаго хлѣба причащаемся* (1

Кор. 10, 17). — отъ хлѣба, — артоса, т. е. квасного, а не отъ опрѣсниковъ; г) Господь преподаетъ въ евхаристіи, безъ сомнѣнія, живое тѣло свое: *азъ есмь*, сказалъ Онъ, *хлѣбъ животный* (Іоан. 6, 35), — такимъ и представляется хлѣбъ квасный, поднявшійся, созрѣвшій, какбы оживленный, а опрѣснокъ есть что-то мертвое, бездушное, сухое; д) Господь установилъ таинство евхаристіи въ 13-й день марта, когда Іудеи еще не могли употреблять опрѣсноковъ: ибо, по закону, пасха іудейская начиналась съ вечера 14 марта, а праздникъ опрѣсночный, когда надлежало употреблять опрѣсноки, начинался уже съ 15 марта, — слѣд. Господь установилъ таинство евхаристіи на хлѣбѣ квасномъ, а не на опрѣснокахъ; е) три тысячи христіанъ, обратившіеся послѣ первой проповѣди апостола Петра, *бяху*, по свидѣтельству еванг. Луки, *терпяще во ученіи апостолъ и во общеніи и преломленіи хлѣба* (Дѣян. 2, 42), — хлѣба или артоса, слѣд. квасного, а не опрѣсночнаго... и проч. Противъ обычая Латинянъ совершать евхаристію на одномъ винѣ безъ воды нашъ митрополитъ замѣчаетъ: а) изъ ребра Спасителя на крестѣ истекла вмѣстѣ кровь и вода, «службу тайную намъ являя»; б) Іаковъ, братъ Господень, потомъ св. Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ, передавшіе намъ божественную службу въ письмени, заповѣдали совершать ее на винѣ, смѣшанномъ съ водою; в) соборъ карѳагенскій постановилъ: «въ святилище да не приносится ничего, кромѣ тѣла и крови Господни, якоже и самъ Господь предалъ, т. е. кромѣ хлѣба и вина, водою раствореннаго» (прав. 46). Надобно сказать, что первая часть разсмотрѣннаго нами сочиненія имѣетъ большое сходство съ другимъ сочиненіемъ неизвѣстнаго, издревле встрѣчающимся въ нашихъ Кормчихъ

подъ заглавіемъ: «о Фрязѣхъ и о прочихъ Латинахъ» ([279]): одно изъ нихъ, очевидно, составлено на основаніи другаго, хотя какое именно, сказать не можемъ ([280]).

Посланіе митрополита Никифора къ Ярославу Святославичу, князю муромскому, почти буквально сходно съ посланіемъ того же автора къ неизвѣстному князю, только - что нами разобраннымъ, за исключеніемъ весьма немногихъ и небольшихъ разностей ([281]). Первая разность встрѣчается въ приступѣ, въ которомъ странно соединены два приступа: одинъ — изъ посланія м. Никифора къ вел. кн. Владиміру Мономаху, другой — изъ посланія его же къ неизвѣстному князю. Представимъ сполна этотъ сложный приступъ съ обозначеніемъ, что̀ откуда заимствовано: «вопрошалъ еси былъ насъ, градный княже, како отвержени быша Латына отъ святыя, сборныя, правовѣрныя, апостольскыя Церкви, отступиша: и се, якоже обѣщався благородству твоему, повѣда(ю) ти о нихъ» (— это изъ посланія къ Владиміру Мономаху). «Понеже, чадо блажене и сыну свѣта, земля Ляскаа въ сусѣдахъ у тебе есть, живущіи же на ней суть оплатки служащеи, латинское пріали ученіе: добрѣ рѣкохъ» (— это изъ посланія къ неизвѣстному князю, но только не могло имѣть прямаго приложенія къ князю муромскому, у котораго ни во владѣніяхъ, ни въ сосѣдствѣ не было никакой Ляшской, т. е. Польской земли и пріявшихъ латинское ученіе). «Изначала бо преже вѣкъ ветхый Римъ съ Костянтиномъ градомъ единомудрьствовше и пять патріаршествъ, иже дръжаша весь міръ въ вѣрѣ» (— изъ того же посланія съ самою небольшою перемѣною). «Понеже великій Костянтинъ пріимъ царство и крестіе и поча рости, и приложися римское царство ветхаго Рима въ Костянтинъ

градъ» (— изъ посланія къ Владиміру Мономаху). «На седми святыхъ всея вселенскыа соборехъ вкупѣ бяху, якоже папа римскый, и патріархъ Костянтина града, и патріархъ александрьскій, и патріархъ іерусалимьскій, и ученія и преданія святыхъ Апостолъ сохраняху вкупѣ лѣта многа» (— изъ посланія къ неизвѣстному князю). «Да 7 сборъ бысть; на 7-мь зборы папежеве (папежеве) стараго Рима, еже бы то чину, любо самъ идяше, любо своа епископы приставляше: и единьство и совокупленіе имѣаху святыа Церкви, тоже глаголющи и тоже мыслящe. Потомъ же пріяша стараго Рима Нѣмци и покорени быша Римляне, иже Латина наричутся, отъ Уандилъ, иже и нарицаются Нѣмци, и устремишася на ины обычаи паче перковныхъ, яже суть се» (— изъ посланія къ Владиміру Мономаху и нѣсколько словъ изъ посланія къ неизвѣстному князю). Потомъ во всей первой части посланія, гдѣ кратко исчисляются заблужденія Латинянъ, находится только одна существенная разность. Въ посланіи къ неизвѣстному князю говорится: «ти (Латиняне) отъ среды первой недѣли (до) пасхи *Евангеліа не чтутъ*»; а въ посланіи къ князю муромскому Ярославу, вмѣсто этого, читается: «ти отъ среды первой недѣли до пасхи *аллилуіа не поютъ*». Наконецъ во второй части посланія къ князю муромскому стоятъ нѣсколько строкъ, которыхъ нѣтъ въ посланіи къ неизвѣстному князю и въ которыхъ собственно оканчивается обличеніе Латинянъ за ихъ обычай совершать евхаристію на опрѣснокахъ и начинается обличеніе ихъ обычая совершать то же таинство на одномъ винѣ безъ воды; но эти строки, безъ всякаго сомнѣнія, только пропущены по оплошности писца въ извѣстномъ намъ спискѣ посланія Никифора къ неизвѣстному князю, — въ

чемъ легко убѣдиться изъ чтенія посланія. Какъ же объяснить такое сходство посланій митрополита Никифора къ различнымъ князьямъ, хотя объ одномъ и томъ же предметѣ? Оно очень естественно. Написавъ посланіе къ одному князю о заблужденіяхъ Латинянъ, митрополитъ могъ то же самое посланіе съ нѣкоторыми перемѣнами отправить, когда находилъ нужнымъ, и къ другому, и къ третьему, и ко многимъ князьямъ русскимъ.

Лучшее сочиненіе митрополита Никифора и вообще одно изъ лучшихъ произведеній нашей древней словесности есть посланіе его къ вел. кн. Владиміру Мономаху о постѣ и воздержаніи чувствъ (282). Тутъ видѣнъ и самъ достойный первосвятитель съ его умомъ, образованіемъ, съ пастырскимъ дерзновеніемъ и ревностію къ своему долгу; видѣнъ и достойнѣйшій князь съ его высокими качествами человѣка — христіанина. Посланіе написано по случаю великаго поста, когда, — замѣчаетъ митрополитъ, — уставъ церковный и правило заповѣдывали говорить нѣчто полезное и князьямъ. Почему первое слово въ посланіи, какъ и естественно было, — слово о постѣ: «благословенъ Богъ, — начинаетъ святитель, — и благословенно св. имя славы Его, благословенный и прославленный мой княже! По многой благодати своей и человѣколюбію Онъ сподобилъ насъ достигнуть настоящихъ, пречистыхъ дней св. поста, которые узаконилъ, какъ строитель нашего спасенія, для очищенія нашихъ душъ, когда постился и Самъ, въ показаніе своего вочеловѣченія, сорокъ дней, не потому, чтобы имѣлъ нужду въ постѣ, но чтобы явить намъ образъ поста. Если бы первый Адамъ, праотецъ нашъ, постился отъ древа разумнаго и сохранилъ заповѣдь Владыки: тогда вторый Адамъ, Христосъ Богъ нашъ, не требовалъ бы поста. Но

вслѣдствіе преступленія перваго Адама, не соблюдшаго поста, постился Онъ, да разрушитъ преслушаніе. Принесемъ же благодареніе и поклоненіе Владыкѣ, постившемуся и узаконившему для насъ постъ, и даровавшему намъ былie душевнаго здравія! Двойственно наше бытіе: разумное и неразумное, духовное и тѣлесное. Разумное и духовное есть нѣчто божественное и чудное, и подобно безплотному естеству, а неразумное страстно и сластолюбиво. Оттого въ насъ постоянная брань: плоть противится духу и духъ плоти. И по истинѣ, нуженъ намъ постъ; онъ укрощаетъ тѣлесныя страсти, обуздываетъ противныя стремленія и покаряетъ плоть духу... Отъ этого же перваго блага происходятъ въ насъ всѣ прочія. Видишь ли, княже мой, благовѣрный и кроткій, какъ постъ есть основаніе добродѣтели? Потому-то онъ, какъ солнце, сіяетъ во всемъ мірѣ: всѣ языки совершаютъ постъ ради преступленія праотца, — одни въ то время, другіе въ другое, — одни болѣе, другіе менѣе. Но силы поста, какъ неразумные, не разумѣваютъ, и суетенъ ихъ постъ и непотребенъ; только люди Христовы, языкъ святый, царское священіе, вѣдаютъ силу поста и, живя въ правовѣріи, и благословляютъ Бога, вразумившаго ихъ, да не смятутся и не будутъ поглощены отъ древняго врага, не хотящаго нашего спасенія. И многое еще имѣлъ бы я сказать въ похвалу поста, если бы писалъ къ кому-либо другому. А такъ какъ слово мое къ тебѣ, доблестная глава наша и всей земли христолюбивой, — къ тебѣ, котораго Богъ издалеча проразумѣлъ и предопредѣлилъ, котораго отъ утробы матерней освятилъ и помазалъ, смѣсивъ отъ царской и княжеской крови, котораго благочестіе воспитало, и постъ воздоилъ, и св. купель Христова измлада очистила: то излишне бесѣдовать къ тебѣ о постѣ,

а еще болѣе о непитіи вина или пива во время поста. Кто не знаетъ, что ты соблюдаешь все это? Знаютъ даже крайніе невѣжды и безчувственные, и всѣ видятъ и чудятся: вмѣсто же поученія о постѣ, чтобы исполнить уставъ церковный, мы изложимъ твоему благовѣрію нѣчто иное и скажемъ о самомъ источникѣ, изъ котораго проистекаютъ въ людяхъ всякое добро и всякое зло, смотря по тому, какъ пользуются они источникомъ, правильно или неправильно».

Послѣ такого вступленія въ посланіе, заимствованнаго отъ обстоятельствъ времени и свойствъ лица, къ которому посланіе писано, митрополитъ довольно подробно разсматриваетъ избранный предметъ съ двухъ сторонъ: то излагаетъ общія мысли, откуда и какъ происходятъ добро и зло, совершаемыя въ людяхъ; то прилагаетъ эти общія мысли къ вел. князю, испытываетъ его дѣла и преподаетъ ему приличныя наставленія.

«Вѣдай, благовѣрный княже — говоритъ святитель (постараемся представить мысли его съ возможною краткостію), — что душа наша создана дуновеніемъ Божіимъ и по образу Божію. Въ ней три части или силы: разумъ (словесное), чувство (яростное) и воля (желанное). Разумъ выше другихъ: имъ-то мы отличаемся отъ животныхъ; имъ познаемъ небо и прочія творенія; имъ, при правильномъ его употребленіи, восходимъ къ разумѣнію самаго Бога. И вотъ Авраамъ, незнакомый съ звѣздословіемъ, позналъ чрезъ разсматриваніе неба Творца и вѣровалъ въ Него; Енохъ угодилъ Богу и *преложися*; Моусей видѣлъ *задняя Божія* и чрезъ то возшелъ къ уразумѣнію Зиждителя. Таково правильное употребленіе разума! Но есть и неправильное: разуменъ и денница — ангелъ, нынѣ діаволъ, но, низвративъ свой разумъ, возмечтавъ быть равнымъ

Богу, палъ съ чиномъ своимъ; разумны и Еллины, но, не соблюдши разума, дошли до идолопоклонства. Вторая сила — чувство выражается въ ревности по Богѣ и въ непріязни ко врагамъ Божіимъ; при неправильномъ же употребленіи обнаруживается злобою, завистію и под. И вотъ Каинъ злоупотребилъ чувствомъ и по зависти убилъ брата своего Авеля; а Моѵсей, Финеесъ и Илія ревновали по Богѣ, когда первый убилъ Египтянина, вторый — иноплеменницу, согрѣшившую съ Израильтяниномъ, третій — жрецовъ Вааловыхъ. Убиваютъ и разбойники, но убиваютъ по злобѣ и своекорыстію. Третья сила — воля: при добромъ употребленіи ея, человѣкъ постояно имѣетъ желаніе къ Богу, забывая о всемъ прочемъ; ждетъ просвѣщенія отъ Него, наслаждается веселіемъ въ самыхъ злостраданіяхъ ради Бога, — отъ сего веселія произрастаетъ сѣмя жизни, бываютъ чудотворенія, пророчества, и человѣкъ мало по малу приближается къ Богу и еще на землѣ становится живымъ образомъ и подобіемъ Его».

«Ты узналъ теперь, человѣколюбивый и кроткій князь, три силы души. Узнай же и слугъ ея, чрезъ которыхъ она дѣйствуетъ. Душа находится въ головѣ, имѣя умъ, какъ свѣтлое око, въ себѣ, и наполняя своею силою все тѣло. Какъ ты, князь, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь чрезъ воеводъ и слугъ по всей твоей странѣ, а самъ ты господинъ и князь: такъ и душа дѣйствуетъ по всему тѣлу чрезъ пять слугъ своихъ, т. е. чрезъ пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе. Зрѣніе чувственное вѣрно: что видимъ мы при здравомъ умѣ, то видимъ вѣрно; но слухъ иногда передаетъ истину, а иногда ложь. Потому, что̀ сами видимъ, тому можно вѣрить; а что слышимъ отъ другихъ, то надобно принимать съ

великимъ испытаніемъ и судомъ, и тогда давать отвѣтъ. Объ обоняніи, которое должно отвращаться благоуханія, что сказать такому князю, который больше спитъ на землѣ, мало сидитъ дома, чуждается свѣтлыхъ одеждъ и, ходя по лѣсамъ, носитъ убогую одежду, и только по нуждѣ облачается въ княжескую ризу во градѣ — ради власти? Также — о вкусѣ, услаждающемся пищію и питіемъ? Мы знаемъ, что для другихъ ты приготовляешь свѣтлые обѣды по-княжески, а самъ служишь, и когда гости пресыщаются за столомъ, ты ограничиваешься малымъ вкушеніемъ и малою водою. Что касается до осязанія, которое обыкновенно простирается на имѣнія: я знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ утвердился въ тебѣ разумъ, ты постоянно благотворишь всѣмъ, не собираешь сокровищь, ни злата, ни серебра, а раздаешь всѣ обѣими руками, и между тѣмъ сокровищница твоя, по благодати Божіей, не оскудѣваетъ и не истощается»...

«Зачѣмъ же я простеръ слово свое и такъ долго говорилъ? Да разумѣешь, княже мой, что я болю о тебѣ. И какъ тѣлесные врачи, если любятъ больнаго, бодрствуютъ надъ нимъ и стараются найти первую причину недуга: такъ и я поступилъ, искалъ первой причины и, разсмотрѣвъ тебя по душевнымъ силамъ, нашелъ ее. По разуму я нашелъ тебя благовѣрнымъ, благодатію Божіею, и неуклоняющимся отъ правой вѣры. По чувству — ревнующимъ о Богѣ до сего дня, — и молю Бога, да соблюдетъ тебя таковымъ навсегда, если не допустишь войти волку въ стадо Христово и не дашь насадить тернія въ виноградѣ Божіемъ (разумѣются, вѣроятно, покушенія Латинянъ), но сохранишь древнее преданіе своихъ отцевъ... По волѣ нельзя счесть за малое то, что уже со-

вершилъ ты въ твоемъ возрастѣ. Испытавъ тебя по пяти чувствамъ, я обрѣтаю тебя по зрѣнію непреткновеннымъ, также по третьему чувству, — обонянію, по четвертому и пятому. О второмъ же чувствѣ, т. е. слухѣ, не знаю, княже мой, что сказать тебѣ; а кажется мнѣ, что такъ какъ самъ ты не можешь все видѣть своими очами, то служащіе тебѣ орудіями иногда представляютъ тебѣ донесенія ко вреду души твоей и чрезъ отверстый слухъ твой входитъ въ тебя стрѣла. Подумай объ этомъ со вниманіемъ, княже мой, и помысли объ изгнанныхъ тобою и осужденныхъ; вспомни о всѣхъ, кто на кого донесъ и кто кого оклеветалъ, и самъ разсуди о всѣхъ и прости, да получишь прощеніе отъ Бога... Не огорчись, княже мой, словомъ моимъ и не подумай, чтобы пришелъ ко мнѣ кто-либо, опечаленный тобою, и потому я написалъ тебѣ. Нѣтъ, я просто написалъ тебѣ въ напоминаніе; ибо великія власти имѣютъ нужду и въ частомъ напоминаніи! Я осмѣлился написать тебѣ потому, что уставъ церковный и правило требуютъ въ настоящее время говорить нѣчто полезное и князьямъ. Знаемъ, что мы сами грѣшники и немощны, а думаемъ врачевать другихъ; но слово Божіе, сущее въ насъ, здраво и цѣло. Оно-то учитъ, и учимымъ должно искушать его и принимать отъ него исцѣленіе»...

Посланіе оканчивается краткимъ заключеніемъ: «наконецъ скажу тебѣ еще одно, христолюбивый княже мой, — помни третій псаломъ перваго часа, именно сотый, и со вниманіемъ пой его: *милость и судъ воспою тебѣ, Господи,* и проч. Въ немъ вѣрное изображеніе, каковъ долженъ быть царь и князь. Если ты будешь испытывать и соблюдать то, о чемъ говорится въ этомъ псалмѣ: онъ

просвѣтитъ еще болѣе умныя очи твои, отвратитъ отъ нихъ всякую суету, освятитъ твой слухъ, очиститъ сердце, исправитъ стопы, предохранитъ ноги твои отъ поползновенія и сподобитъ тебя достигнуть праздника Воскресенія Господня въ радости тѣлесной, въ здравіи и веселіи духовномъ. И возсіяетъ тебѣ свѣтъ, сіяющій праведникамъ, и на много лѣтъ останешься неосужденнымъ и неповиннымъ. А потомъ отъ царства дольняго вознесешься въ горнее, гдѣ — истинная пасха и истинный праздникъ».

«Поученіе митрополита русскаго Никифора въ недѣлю сыропустную, въ церкви, ко игуменомъ, и ко всему іерейскому и діяконскому чину, и къ мірскимъ людемъ» (283), прежде всего замѣчательно по своему началу, которое показываетъ, что митрополитъ — Грекъ, по незнанію русскаго языка, не произносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ и, вѣроятно, въ переводѣ поручалъ произносить другимъ. Вотъ это начало: «много поученій, о любимицы мои и возлюбленныя чада о Христѣ, мнѣ надлежало бы предлагать вамъ языкомъ моимъ, чтобы водою его напоить добрую и плодоносную землю, разумѣю души ваши. Но не данъ мнѣ даръ языковъ, о которомъ свидѣтельствуетъ божественный Павелъ и посредствомъ котораго я могъ бы творить порученное мнѣ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. великаго поста: то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе». Въ самомъ поученіи первосвятитель внушаетъ своимъ слушателямъ встрѣтить и провождать наступающіе дни поста съ духовною радостію и веселіемъ, а печалиться только о грѣ-

хахъ; показываетъ необходимость поста и покаянія для очищенія грѣховъ, излагаетъ условія и свойства истиннаго поста и покаянія и возбуждаетъ всѣхъ къ подвигамъ: «пріимемъ наступающіе дни съ радостію и вмѣстѣ съ Пророкомъ возопіемъ: *пріидите, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему, предваримъ лице его во исповѣданіи* (Пс. 94, 1. 2)... Никто да не будетъ лишенъ добраго пѣнія, никто да не будетъ дряхлъ, но всѣ будемъ тихи и свѣтлы: о грѣхахъ только будь печаленъ. Пусть никто не думаетъ безъ сокрушенія очистить свои грѣхи и безъ поста омыть свои скверны. Очистилъ тебя Христосъ крещеніемъ и омылъ твои скверны: а ты опять осквернился грѣхами? Прослезись же, восплачи горько, воздохни; потерпи на землѣ всякое страданіе, бдѣніе, неяденіе; покажи крѣпкую молитву и милостыню къ нищимъ; отпусти должникамъ долги; а если это невозможно, — то отпусти, по крайней мѣрѣ, большой ростъ, который, подобно змію, снѣдаетъ убогихъ. Если же ты постишься и между тѣмъ съ брата берешь ростъ: нѣтъ тебѣ никакой пользы. Ты считаешь себя постящимся, а вкушаешь мясо,—не мясо овцы или другихъ животныхъ, но плоть брата твоего, закалая его злымъ ножемъ лихоиманія, неправедной мзды, тяжкаго роста. Смирись предъ лицемъ Бога, смирившагося ради тебя даже до зрака рабія. Прости обиды всѣмъ, оскорбившимъ тебя, да простятся и тебѣ грѣхи твои и да будетъ чиста твоя молитва... Потрудимся, да прославимся, да увѣнчаемся; дѣла приносятъ вѣнцы, какъ и Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лук. 21, 19). Потерпимъ и сохранимъ налагаемыя на насъ отъ духовныхъ отцевъ епитиміи... Не устыдимся объявить грѣхи наши, чтобы

не остаться намъ неисцѣленными, чтобы, вмѣсто срама временнаго, не подвергнуться вѣчному осужденію и посрамленію предъ избранными Ангелами Божіими и всѣми людьми... Умолимъ Судію, прежде нежели Онъ осудитъ насъ... Отложимъ дѣла тьмы и облечемся во оружіе свѣта, отгоняя всякую злобу отъ душъ нашихъ и насаждая въ нихъ всякую добродѣтель».... Вслѣдъ за этимъ проповѣдникъ, прерывая общія наставленія, обращается къ частному пороку, тогда господствовавшему, — къ пьянству, и продолжаетъ: «не могу здѣсь оставить безъ зазрѣнія нѣкоторыхъ, которые, не внимая божественному ученію христопроповѣдника — Апостола, дерзаютъ утверждать, будто не творятъ никакого зла чрезъ свое пьянство... Послушайте Апостола, называющаго пьянство матерью всякой злобы, всякой нечистоты и блуда: а ты говоришь, якобы нимало не согрѣшаешь, предаваясь пьянству? Пьянство есть вольный бѣсъ, пьянство есть дщерь діавола, пьянство есть смерть уму... Все это сказалъ я не для того, чтобы посрамить своихъ, — да не будетъ! — я ихъ отъ души люблю; но чтобы отогнать отъ нихъ на постное время такое зло, каково пьянство». Въ заключеніе слова святитель восклицаетъ: «се нынѣ, возлюбленные, время благопріятное! се нынѣ день спасенія! Пришла весна душъ нашихъ! Нынѣ бѣсы боятся; нынѣ князь міра сего, видя насъ, гнѣвается и скрежещетъ зубами; нынѣ ангельскія силы радуются, нынѣ Апостолы и всѣ лики праведниковъ веселятся; скажу болѣе, — и самъ Богъ радуется о нашемъ покаяніи, не хотя нашей смерти, но ожидая обращенія. Посему умоляю васъ, станемъ единодушно всѣ на брань противъ врага, силою Св. Духа, и облечемся *во вся оружія Божія*, какъ наставляетъ божественный

Павелъ... (Еф. 6, 10 — 17). Если облечемся въ эти оружія и ополчимся противъ врага: то посѣчемъ его мечемъ духовнымъ и, одержавъ побѣду, получимъ чистый покой, достигнемъ свѣтлаго дня истинной пасхи, неосужденно причастимся честнаго тѣла и крови Господней въ настоящей жизни, а въ будущей насладимся вѣчныхъ благъ и созерцанія святой и богоначальной Троицы, въ трехъ Лицахъ воспѣваемой и во единомъ Божествѣ поклоняемой, которой подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

III.

Доселѣ мы разсматривали сочиненія, появившіяся собственно въ русской Церкви, написанныя русскими пастырями и другими духовными лицами въ продолженіе второй половины XI и первой XII столѣтія. Но наибольшая часть словесныхъ произведеній, существовавшихъ у насъ въ то время и служившихъ богатою пищею какъ для умственнаго, такъ и для нравственнаго образованія народа, были произведенія иноземныя, переведенныя на языкъ славянскій, или отчасти и оригинальныя славянскія, только принесенныя къ намъ отъ соплеменниковъ южныхъ. Разумѣемъ книги св. Писанія, ветхаго и новаго Завѣта, житія Святыхъ, творенія св. Отцевъ и Учителей Церкви и другихъ церковныхъ писателей. Объ однихъ изъ этихъ произведеній сохранились только краткія свидѣтельства; другія дошли до насъ въ живыхъ памятникахъ письменности того времени; третьи, по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшихъ спискахъ.

Преп. Несторъ, разсуждая о пользѣ чтенія книгъ,

между прочимъ, пишетъ: «аще поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей; иже бо книги часто чтетъ, то бесѣдуетъ съ Богомъ или съ святыми мужи; почитая *пророческыя* бесѣды, и *еуангельская* ученія и *апостолская, житья святыхъ отець*, въспріемлеть душа велику пользу ([284])». Этимъ предполагается, что у насъ существовали тогда на родномъ языкѣ какъ книги св. Писанія, ветхаго и новаго Завѣта, такъ и житія Святыхъ. И дѣйствительно, многочисленные тексты, приводимые почти изъ всѣхъ книгъ библейскихъ самимъ Несторомъ и другими тогдашними нашими писателями, — митрополитомъ Иларіономъ, преп. Ѳеодосіемъ, черноризцемъ Іаковомъ и игуменомъ Даніиломъ, достаточно ручаются за справедливость перваго предположенія. Припомнимъ также разсказъ черноризца Поликарпа о преп. Никитѣ — затворникѣ, подвизавшемся въ кіево-печерскомъ монастырѣ прежде 1096 года и подвергшемся тяжкому искушенію: «не можаше никтоже стязатися съ нимъ книгами ветхаго завѣта; весь бо изустъ умѣаше: Бытіе, Исходъ, Левгиты, Числа, Судіи, Царства и вся Пророчества по чину, и вся книги жидовьскіа свѣдаше добрѣ; Евангелія же и Апостола, яже въ благодати преданныя намъ святыя книги на утвержденіе наше и исправленіе, сихъ николиже въсхотѣ видѣти, ни слышати, ни почитати ([285])». Равнымъ образомъ о житіяхъ Святыхъ ясно упоминаетъ преп. Ѳеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій, когда, обличая братію, говоритъ: «*житія бо Святыхъ* почитающе и отъ тѣхъ затыкающе уши своя, яко не слышати мужества ихъ». А преп. Несторъ въ сказаніи о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ показываетъ свое знакомство съ житіями Плакиды и Романа — Сладкопѣвца;

въ житіи преп. Θеодосія ссылается на Патерикъ скитскій и дѣлаетъ намеки на житія великихъ подвижниковъ древней Церкви: Антонія, Θеодосія, Саввы и Евθимія; наконецъ въ лѣтописи приводитъ слово въ слово мѣста изъ славянскаго житія св. Меθодія моравскаго, которое составлено было однимъ изъ ближайшихъ его учениковъ (286). Что касается до писаній отеческихъ, то на существованіе ихъ у насъ въ славянскомъ переводѣ указываетъ свидѣтельство Нестора о преп. Θеодосіѣ печерскомъ, какъ онъ, если самъ не поучалъ братіи въ церкви, повелѣвалъ великому Никону, или Стефану — доместику, «отъ книгъ почитающе, поученіе творити братіи» (287). Эти поученія, записанныя въ книгахъ и торжественно читавшіяся въ церкви для наставленія иноковъ, были, безъ сомнѣнія, достоуважаемыя поученія древнихъ Отцевъ и учителей Церкви, а не какихъ-либо писателей малоизвѣстныхъ, и преимущественно аскетическія. Въ числѣ ихъ, всего вѣроятнѣе, находились огласительныя поученія къ монахамъ преп. Θеодора Студита, которыя, какъ мы замѣтили прежде, имѣли такое осязательное вліяніе на подобныя поученія преп. Θеодосія печерскаго. Самъ преп. Несторъ ссылается на одно изъ отеческихъ твореній, усвояемое св. Меθодію, епископу патарскому, жившему въ III вѣкѣ (288). А черноризецъ Іаковъ упоминаетъ о книгахъ св. Іоанна Дамаскина, *рекомыхъ увѣріе*, т. е. о православной вѣрѣ, и приводитъ изъ нихъ свидѣтельство, которое дѣйствительно въ нихъ находится (289). Извѣстно, что эти книги, подъ именемъ — *Небеса*, переведены на славянскій языкъ еще въ X вѣкѣ Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ (290).

Въ числѣ памятниковъ нашей церковной письменно-

сти, сохранившихся отъ XI и первой половины XII вѣка, находятся:

1) Книги свящ. Писанія. И именно: а) Евангеліе, писанное въ 1056 и 57 годахъ для новгородскаго посадника Остромира дьякомъ Григоріемъ ([291]); б) Евангеліе, писанное Алексою, сыномъ священника Лазаря, для новгородскаго князя Мстислава Владиміровича, слѣд. между 1095 и 1125 г., когда Мстиславъ княжилъ въ Новгородѣ ([292]), и в) Евангеліе, писанное неизвѣстнымъ въ 1144 году въ Галиціи ([293]). Первыя два Евангелія расположены по праздникамъ и днямъ недѣли, послѣднее — по порядку Евангелистовъ и представляетъ собою полное четвероевангеліе.

2) Толкованія на св. Писаніе. Таковы: а) толкованіе св. Аѳанасія александрійскаго на Псалтирь, или Толковая Псалтирь, извѣстная въ двухъ спискахъ, неполномъ XI вѣка, и полномъ XI — XII вѣка ([294]), и б) толкованіе на Евангеліе — св. Григорія, папы римскаго, въ спискѣ XI вѣка ([295]).

3) Поученія церковныя. Сюда относятся: а) 13-ть словъ св. Григорія Богослова, писанныхъ въ XI столѣтіи и, какъ догадываются, въ Россіи ([296]); б) Сборникъ словъ: св. Златоуста — числомъ 18, св. Василія Великаго — одно, св. Епифанія кипрскаго — одно и Фотія, цареградскаго патріарха, одно, въ спискѣ XI вѣка ([297]); в) книга подъ названіемъ: *Златоструй*, содержащая въ себѣ 136 избранныхъ словъ св. Златоуста съ нѣкоторыми прибавленіями, переведенная болгарскимъ царемъ Сѵмеономъ (888 — 927), въ спискѣ XII вѣка ([298]); г) четыре слова св. Климента, епископа словенскаго или величскаго (умер. 916 г.), въ спискахъ XII вѣка ([299]).

4) Сочиненія, касающіяся догматовъ вѣры и нравственности. Таковы: а) Точное Изложеніе Православной Вѣры или Богословіе св. Іоанна Дамаскина, переведенное Іоанномъ, экзархомъ болгарскимъ, въ спискѣ XI — XII вѣка ([300]); б) Пандекты Антіоха, игумена обители св. Саввы (нач. VII в.), или собраніе текстовъ св. Писанія о разныхъ предметахъ догматическаго и преимущественно нравственнаго ученія, расположенныхъ въ 130 отдѣленіяхъ, въ спискѣ XI вѣка ([301]); в) Лѣствица св. Іоанна Лѣствичника — сочиненіе нравственно-аскетическое, въ спискѣ XII вѣка ([302]).

5) Сборники. Разумѣемъ — а) Сборникъ, переведенный съ греческаго для болгарскаго царя Симеона (889 — 927) и потомъ переписанный въ Россіи дьякомъ Іоанномъ для вел. князя Святослава въ 1073 г. и извѣстный подъ именемъ Святославова: въ немъ содержатся многочисленныя статьи преимуществено догматическаго, отчасти нравственнаго, историческаго, даже философическаго и риторическаго содержанія, заимствованныя изъ писаній св. отцевъ: Василія Великаго, Аѳанасія Великаго, Григорія нисскаго, Іустина философа, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла александрійскаго, Ѳеодорита, Максима исповѣдника, Августина, Іоанна Дамаскина и другихъ учителей Церкви ([303]); б) Сборникъ, написанный для того же великаго князя Святослава въ 1176 г, какимъ-то Іоанномъ, можетъ быть, тѣмъ же дьякомъ Іоанномъ, отличный отъ Сборника 1073 г., но также содержащій въ себѣ разныя статьи изъ писаній св. Отцевъ Церкви: къ сожалѣнію, Сборникъ этотъ въ подробности еще никѣмъ не описанъ ([304]).

6) Житія Святыхъ. Въ спискахъ XI вѣка сохранились:

а) житіе апостола Кодрата — небольшой отрывокъ; б) житіе св. Θеклы [305] и в) житія Святыхъ, которыхъ память чтутся съ 4 по 31 число марта [306]; а въ спискѣ XII вѣка: г) житіе св. Меθодія, архіепископа моравскаго, написанное однимъ изъ его учениковъ [307].

Изъ памятниковъ письменности, какія существовали тогда въ Россіи, но до насъ дошли въ позднѣйшихъ копіяхъ, укажемъ для примѣра: а) на слово св. Меθодія, епископа патарскаго, о послѣднихъ временахъ, которымъ пользовался еще преп. Несторъ [308]; б) на житіе св. Константина или Кирилла Философа, написанное, какъ полагаютъ, Климентомъ, епископомъ болгарскимъ, и упоминаемое съ похвалою въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 г. [309]; б) на пять книгъ Моvсеевыхъ, писанныхъ въ Новгородѣ въ 1136 г. и сохранившихся въ спискѣ XV вѣка [310]; и — в) на догматическое посланіе св. Льва, папы римскаго, къ цареградскому патріарху Флавіану противъ ереси Евтихіевой, переведенное съ греческаго, по порученію извѣстнаго князя — инока Николы Святоши (1106 — 1142), не задолго предъ его кончиною, какимъ-то черноризцемъ Θеодосіемъ, который прибавилъ отъ себя къ посланію предисловіе и послѣсловіе [311].

Вообще надобно замѣтить, что книжное образованіе и письменность были у насъ тогда довольно распространены, особенно въ кіево-печерской обители. Несторъ свидѣтельствуетъ, что въ келліи преп. Θеодосія день и ночь писалъ книги одинъ черноризецъ, по имени Иларіонъ, очень искусный въ этомъ дѣлѣ [312], что самъ Θеодосій часто пряль нити, нужныя для переплета книгъ, а великій Никонъ въ то же время занимался переплетомъ ихъ [313]. Пресвитеръ Даміанъ любилъ съ прилежаніемъ читать

книги ([314]). Препод. Григорій чудотворецъ не имѣлъ у себя ничего, кромѣ книгъ, и когда однажды тати, покушавшіеся обокрасть его, подверглись наказанію отъ судіи, св. Григорій отнесъ нѣсколько книгъ этому судіи, чтобы освободить татей, а другія книги продалъ и вырученныя деньги раздалъ нищимъ ([315]). Преп. Никола Святоша имѣлъ у себя много книгъ, которыя и пожертвовалъ въ кіевопечерскую обитель ([316]).

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ БОГОСЛУЖЕНІЯ.

Не мало храмовъ Божіихъ воздвигнуто было въ Россіи при равноапостольномъ Владимірѣ и сынѣ его Ярославѣ: еще болѣе явилось ихъ при дѣтяхъ и внукахъ великаго Ярослава.

Самые замѣчательные храмы сооружены были тогда у насъ, какъ и прежде, князьями. Такъ вел. князь Всеволодъ построилъ каменную церковь св. Архистратига Михаила (1069 г.) въ Выдубицкомъ монастырѣ, существующую донынѣ, такую же церковь св. апостола Андрея (1086) въ кіевскомъ андреевскомъ монастырѣ. Вел. князь Святополкъ воздвигъ (1108) каменную церковь во имя своего ангела Архистратига Михаила въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, которая существуетъ донынѣ. Удѣльный и потомъ вел. князь Владиміръ Мономахъ соорудилъ каменныя церкви: а) св. Богородицы въ Ростовѣ (прежде 1078), совершенно подобную по высотѣ, долготѣ и широтѣ великой кіевопечерской церкви, въ память чудеснаго исцѣленія своего при заложеніи сей послѣдней; б) св. Богородицы въ Переяславлѣ (1098 г.) на княжемъ дворѣ; в) св. Богородицы соборную въ Смоленскѣ (1111 г.); г) св. муч. Бориса и Глѣба на р. Алтѣ (1117 г.); д) св. Спаса во Владимірѣ на Клязьмѣ (ок. 1116 г.): послѣдняя

впрочемъ была, кажется, деревянная (317). Удѣльный кн. черниговскій Олегъ Святославичъ соорудилъ каменную церковь въ Вышгородѣ во имя св. муч. Бориса и Глѣба, въ которую 1115 г. и перенесены ихъ мощи (318). Братъ Олеговъ Давидъ Святославичъ (ум. 1123) соорудилъ церковь св. муч. Бориса и Глѣба въ Черниговѣ, которая въ семействѣ этого князя называлась *отнею* (319). Удѣльный и потомъ вел. князь Мстиславъ Владиміровичъ построилъ двѣ каменныя церкви въ Новгородѣ: благовѣщенія пресв. Богородицы на Городищѣ (1103 г.), и св. Николая на княжемъ дворѣ (1113 г.), которыя существуютъ донынѣ, — и двѣ каменныя въ Кіевѣ: св. Θеодора (1129) и св. Богородицы, называемой Пирогощей, въ 1131 г. (320). Братъ Мстислава, Юрій Владиміровичъ Долгорукій, будучи еще удѣльнымъ княземъ въ Суздалѣ (съ 1113 г.), создалъ въ этомъ городѣ церковь Богоматери, совершенно по образцу великой кіевопечерской церкви (321). Сынъ Мстислава, удѣльный князь Всеволодъ — Гавріилъ, построилъ двѣ каменныя церкви въ Новгородѣ: св. Іоанна Предтечи на Петрятинѣ дворѣ, на Опокахъ, во имя Ангела сына своего (въ 1127 г.), и успенія пресв. Богородицы на Торговищѣ (въ 1135 г.), и одну каменную церковь во Псковѣ во имя св. Троицы — соборную (прежде 1138 г.): первыя двѣ церкви существуютъ доселѣ (322).

Изъ пастырей Церкви лѣтопись упоминаетъ о митрополитѣ Ефремѣ, который, имѣя мѣстопребываніе въ Переяславлѣ, украсилъ его многими зданіями церковными и другими, обнесъ каменною стѣною и, между прочимъ, построилъ въ немъ три каменныя церкви: великолѣпную Михайловскую, соборную (ок. 1089 г.), потомъ церковь св. мученика Θеодора на городскихъ воротахъ, подобно

тому, какъ и на кіевскихъ золотыхъ воротахъ была церковь св. Благовѣщенія, — наконецъ, церковь св. апостола Андрея первозваннаго (323). Позднѣйшія лѣтописи присовокупляютъ, будто митрополитъ Ефремъ устроилъ то же самое, что въ Переяславлѣ, и въ другихъ городахъ и волостяхъ митрополичьихъ, т. е. бывшихъ въ его владѣніи (324). Надобно припомнить, что этотъ первосвятитель, кромѣ доходовъ, принадлежавшихъ его каѳедрѣ, какими пользовались и его предшественники и преемники, могъ имѣть еще особыя средства къ сооруженію храмовъ: онъ былъ изъ первыхъ вельможъ кіевскихъ и до постриженія въ монашество занималъ должность главнаго иконома и казначея при дворѣ вел. князя Изяслава.

По примѣру князей и пастырей строили церкви и частныя лица: нѣкто Воигостъ построилъ въ Новгородѣ каменную церковь св. Ѳеодора Тирона (1115 г.) въ земляномъ валу между улицами Щирковою и Розважею, а какой-то Ирожнетъ или Рожнидъ построилъ въ томъ же городѣ каменную церковь св. Николая чудотворца (1135 г,) на Яковлевой улицѣ (325). О создателяхъ другихъ храмовъ не говорятъ лѣтописи, можетъ быть, потому, что храмы эти воздвигаемы были не частными лицами, а на общія пожертвованія. Таковы церкви, построенныя: въ Кіевѣ на Копыревѣ концѣ — св. Іоанна (1121), въ Бѣлгородѣ — св. Апостолъ (1144 г.), въ Новгородѣ — шесть деревянныхъ: Пресв. Богородицы и св. Георгія на Торжищѣ (1133 г.), св. муч. Бориса и Глѣба въ околоткѣ, въ каменномъ городѣ, св. пророка Иліи и св. апостолъ Петра и Павла на Холмѣ, и св. безсребренниковъ Космы и Даміана на Холопьей улицѣ (1146 г.) (326).

Кромѣ церквей, предназначавшихся для всѣхъ право-

славныхъ христіанъ, нѣкоторые устрояли для себя церкви частныя — домовыя. Въ житіи препод. Алипія (ум. ок. 1114 г.) повѣствуется, какъ «нѣкто христолюбецъ отъ града Кіева церковь *себѣ* постави» и иконы для нея заказалъ преп. Алипію ([327]). Лѣтопись подъ 1146 г. упоминаетъ о двухъ домовыхъ церквахъ: церкви св. Георгія, находившейся во дворцѣ кн. Игоря, въ какомъ-то селеніи, и церкви вознесенія Господня, бывшей во дворцѣ князя Святослава въ Путивлѣ ([328]).

Вообще о количествѣ тогдашнихъ церквей нашихъ можемъ заключать изъ двухъ обстоятельствъ: въ 1124 г., во время страшнаго пожара, продолжавшагося два дня (23 и 24 Іюня) и истребившаго почти весь Кіевъ, сгорѣло въ немъ шесть сотъ церквей; а въ 1134 г., когда погорѣла въ Новгородѣ торговая сторона отъ Плѣтничнаго, нынѣ Ѳеодоровскаго, ручья до Холма, нынѣ Славна, на этомъ небольшомъ пространствѣ сгорѣло десять церквей ([329]).

Какіе мастера строили наши церкви, — почти ничего неизвѣстно. Знаемъ только, что для созданія соборнаго храма въ кіево-печерской обители пришли изъ Константинополя четыре Грека, которые потомъ сами постриглись въ обители и въ ней скончались. Юрьевскій новгородскій монастырь съ каменною церковію св. Георгія строилъ какой-то мастеръ Петръ, можетъ быть, Русскій. Въ Вышгородѣ, когда вел. кн. Изяславъ захотѣлъ построить новую деревянную церковь во имя св. мучениковъ Бориса и Глѣба, вмѣсто прежней, обветшавшей, онъ позвалъ къ себѣ «старѣйшину древодѣлямъ» и поручилъ ему это дѣло, а старѣйшина «ту абіе собра вся сущая подъ нимъ древодѣля», и въ нѣсколько дней создалъ церковь ([330]); значитъ, существовали особыя артели, которыя занимались строе-

ніемъ церквей. Въ Кіевѣ были даже мастерскія, гдѣ приготовлялись разныя вещи, необходимыя при устроеніи церкви: такъ, когда предъ освященіемъ соборнаго храма въ печерской обители недоставало каменной дски для престола и кто-то тайно пожертвовалъ и положилъ эту дску въ олтарѣ,—игуменъ съ братіею, долго и напрасно искавши жертвователя, послали наконецъ «тамо, идѣже дѣлаются таковыя вещи, три гривны сребра, да тоя мастеръ возметъ за свой трудъ», хотя и мастера не нашли ([331]). Справедливость требуетъ сказать, что люди, занимавшіеся у насъ сооруженіемъ каменныхъ храмовъ, не всегда были искусны; по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ созданныхъ ими церквей вскорѣ обваливались и разрушались. Такъ обрушились: въ 1105 г. церковь св. Андрея, построенная Всеволодомъ (1086 г.); въ 1123 г. переяславскій Михайловскій соборъ, воздвигнутый митроп. Ефремомъ, и въ концѣ XII или въ началѣ XIII в., ростовская церковь св. Богородицы, сооруженная Владиміромъ Мономахомъ. и суздальская Богородичная, построенная Юріемъ Долгорукимъ ([332]).

Нѣкоторыя церкви отличались великолѣпіемъ, богатствомъ и красотою. Первое мѣсто между ними принадлежало великой, «небеси подобной», церкви кіево-печерской. Верхи ея, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, блистали золотомъ; внутри—стѣны покрыты были искусною живописью, а весь олтарь былъ украшенъ мозаичными изображеніями. О мозаикѣ въ олтарѣ свидѣтельствуютъ св. Симонъ, епископъ владимірскій, и черноризецъ Полѵкарпъ, которые сами жили въ печерской обители и видѣли церковь: послѣдній разсказываетъ даже случай, какъ, «мастеромъ олтарь мусіею кладущимъ», образъ Пресвятыя Богородицы «самъ вообразися», и отъ этого образа излетѣлъ

голубь, который долго леталъ по церкви отъ одной иконы къ другой и наконецъ сдѣлался невидимъ, такъ что его нигдѣ не могли найти и приняли за явленіе Св. Духа (333). Всѣ 15 главъ кіево-михайловской церкви, построенной Святополкомъ, были также позлащены, а стѣны внутри церкви покрыты были мозаикою, остатки которой донынѣ уцѣлѣли въ олтарѣ надъ горнимъ мѣстомъ (334). Очень вѣроятно, что и другіе храмы украшаемы были у насъ мусіею или мозаикою: не даромъ она служила однимъ изъ предметовъ торговли, какіе привозили цареградскіе купцы въ Кіевъ (335). О переяславской церкви св. Михаила лѣтопись замѣчаетъ вообще, что митрополитъ Ефремъ создалъ ее «велику сущу и пристрои ю великою пристроею, *украсивъ ю всякою красотою*»; о церкви Борисоглѣбской на Альтѣ, — что Владиміръ Мономахъ «церковь *прѣкрасну* созда, идѣже св. Бориса кровь прольяна бысть (336)». Особенность нѣкоторыхъ большихъ каменныхъ церквей составляли, такъ называемыя, палати или хоры, которые устроялись по бокамъ и на западной сторонѣ церкви: такія палати были въ великой кіево-печерской церкви (337).

Общимъ украшеніемъ и вмѣстѣ святынею церквей служили иконы и другія священныя изображенія, которыми нерѣдко расписывались всѣ стѣны храма. Такъ расписаны были: церковь кіево-печерская греческими художниками, пришедшими изъ Царяграда и здѣсь, въ св. обители, скончавшимися въ санѣ иноческомъ (338); церковь св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ, созданная черниговскимъ княземъ Олегомъ (339); новгородскій софійскій соборъ со всѣми притворами — иждивеніемъ св. епископовъ Никиты и потомъ Нифонта; церковь въ монастырѣ св. Антонія Римлянина (340). Греческіе художники, украсившіе

своимъ искусствомъ кіево-печерскую церковь, достопамятны въ исторіи русскаго иконописанія и потому, что они принесли съ собою въ Россію, какъ догадываются, греческіе подлинники или свитки для руководства иконописцамъ, хранившіеся очень долго ([341]), и образовали перваго, извѣстнаго по имени, русскаго иконописца преп. Алипія. Св. Алипій помогалъ этимъ художникамъ въ расписываніи печерской церкви, потомъ безмездно писалъ иконы для своего игумена и всей братіи, безмездно поновлялъ въ кіевскихъ церквахъ обветшавшія иконы, о которыхъ нарочито собиралъ свѣдѣнія, иногда писалъ и по заказамъ. Особенно замѣчательны были семь великихъ иконъ, которыя написалъ Алипій по заказу одного благочестиваго кіевлянина для устроенной имъ на Подолѣ деревянной церкви, — замѣчательны какъ потому, что онѣ написаны были весьма искусно (зѣло хитро), такъ и потому, что во время случившагося пожара церкви сохранились невредимыми къ изумленію очевидцевъ. Вел. кн. Владиміръ Мономахъ, пораженный чудомъ, отослалъ одну изъ этихъ иконъ, именно Пресв. Богородицы, въ ростовскую каменную церковь, имъ сооруженную: и тамъ, по свидѣтельству очевидца, черноризца Поликарпа, икона осталась невредимою, когда церковь обвалилась, и потомъ, по перенесеніи въ деревянную церковь, совершенно уцѣлѣла, когда церковь сгорѣла ([342]). Кромѣ преп. Алипія были въ Кіевѣ и другіе иконописцы, какъ видно изъ житія самого преп. Алипія. Однажды нѣкто кіевлянинъ заказалъ ему намѣстный образъ успенія Богоматери, прося приготовить его къ празднику успенія. Когда же преподобный, по болѣзни, не успѣлъ исполнить заказа: кіевлянинъ сказалъ ему: «за чѣмъ ты не извѣстилъ меня о твоей болѣзни? Я бы поручилъ

написать икону другому иконописцу ([343])». Иногда русскіе покупали себѣ иконы въ Константинополѣ и привозили въ отечество: преп. Варлаамъ, первый игуменъ кіево-печерскій и потомъ димитріевскій, скончавшійся на возвратномъ пути изъ Царяграда, завѣщалъ, «яже бѣ купилъ въ Константинѣ градѣ иконы и иное, еже на потребу», передать блаженному Ѳеодосію печерскому ([344]). Тогда существовалъ уже обычай обдѣлывать св. иконы въ золотыя и серебряныя ризы: преп. Еразмъ кіево-печерскій, который, при поступленіи своемъ въ монастырь, имѣлъ много богатства, употребилъ все это богатство на украшеніе великой печерской церкви и многія иконы въ ней оковалъ въ серебро и золото ([345]).

Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ иконъ, особенно явленныя и чудотворныя, сохранились до настоящаго времени. Таковы: 1) икона Божіей матери елецкая, явившаяся въ 1060 г. на одной ели близъ Чернигова, гдѣ тогда же основанъ былъ монастырь: нынѣ, впрочемъ эта икона существуетъ въ елецкомъ монастырѣ только въ копіи ([346]). 2) Икона Божіей Матери кіево-печерская: принесена изъ Царяграда каменоздателями, прибывшими въ Кіевъ около 1073 г. для сооруженія великой печерской церкви, и въ этой церкви доныне сохраняется въ подлинномъ видѣ ([347]). 3) Икона Божіей Матери смоленская, извѣстная подъ именемъ Одигитріи: по древнему преданію, она считается первонаписанною св. евангелистомъ Лукою; прислана изъ Константинополя Всеволоду Ярославичу, когда онъ былъ кн. черниговскимъ (слѣд. 1077—1078); потомъ сыномъ его, Владиміромъ Мономахомъ перенесена въ сооруженный имъ (1111 года) смоленскій успенскій соборъ, гдѣ остается доселѣ, впрочемъ, уже въ поновленномъ видѣ ([348]).

4) Икона Божіей Матери, писанная въ XI вѣкѣ преп. Алипіемъ, нынѣ мѣстная въ ростовскомъ успенскомъ соборѣ: та самая, которая была прислана въ Ростовъ Владиміромъ Мономахомъ ([349]). 5) Икона Божіей Матери владимірская, писанная также, по преданію, св. евангелистомъ Лукою: принесена изъ Царяграда въ Кіевъ около 1131 г., потому что привезена, говоритъ лѣтопись, въ одномъ кораблѣ съ другою иконою Богоматери, называвшеюся Пирогощей, во имя которой вел. кн. Мстиславъ еще 1131 г. заложилъ каменный храмъ въ Кіевѣ ([350]). Потомъ нѣсколько време-мени находилась въ женскомъ вышгородскомъ монастырѣ. Въ 1155 г. перенесена княземъ Андреемъ Боголюбскимъ во Владиміръ на Клязьмѣ, отъ чего и стала называться владимірскою. Въ 1395 г. перенесена въ Москву; была поновлена здѣсь въ 1514 г., по благословенію митрополита Варлаама, и находится въ московскомъ успенскомъ соборѣ ([351]). 6) Икона Божіей Матери, достопамятная тѣмъ, что предъ нею молился предъ своею мученическою кончиною (1146 г.) св. князь Игорь Ольговичъ въ кіевскомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ: нынѣ находится въ кіевско-печерской лаврѣ, въ придѣлѣ св. Стефана, въ олтарѣ, надъ жертвенникомъ ([352]). 7) Икона святителя Николая, именуемаго Мокраго: она въ первый разъ сдѣлалась извѣстною по одному чуду, случившемуся во дни вел. кн. Всеволода I (1078—1093). Когда, по случаю наступившаго праздника св. мучениковъ Бориса и Глѣба, православные христіане спѣшили со всѣхъ сторонъ въ Вышгородъ: отправился туда же по Днѣпру на лодкѣ одинъ богатый кіевлянинъ вмѣстѣ съ женою своею и младенцемъ—сыномъ. На возвратномъ пути изъ Вышгорода мать какъ-то задремала и уронила младенца въ рѣку, который

немедленно утонулъ. Огорченные родители стали призывать на помощь св. Николая и въ крайней горести прибыли въ свое жилище. Въ ту же ночь предъ заутренею пономари кіево-софійскаго собора, пришедши отпирать церковь, услышали изъ нея крикъ младенца и потомъ нашли въ ней самаго младенца мокраго, который лежалъ предъ иконою святителя Николая. Немедленно дали объ этомъ знать митрополиту, а митрополитъ велѣлъ объявить по всему городу. Родители младенца вскорѣ нашлись и узнали въ немъ своего утопшаго сына къ изумленію всѣхъ. Съ того времени икона, предъ которою найденъ мокрый младенецъ, стала называться иконою Николая Мокраго. Нынѣ она находится въ придѣлѣ кіево-софійскаго собора, устроенномъ на хорахъ во имя святителя Николая ([353]). 8) Икона святителя Николая, явившаяся окол. 1113 года близъ Новгорода въ одномъ потокѣ на островѣ Липно, находящемся на Ильменѣ озерѣ. Новгородскій князь Мстиславъ Владиміровичъ, получившій чудесное исцѣленіе отъ этой иконы, основалъ на мѣстѣ явленія ея монастырь, называвшійся Липенскимъ, и въ самомъ Новгородѣ на княжемъ дворѣ заложилъ въ 1113 г. каменную церковь во имя св. чудотворца Николая, гдѣ икона сохраняется доселѣ ([354]). 9) Икона, извѣстная подъ названіемъ: «предста царица», или «царь царемъ», писанная, какъ увѣряетъ преданіе, Алипіемъ, первымъ русскимъ иконописцемъ: нынѣ находится въ московскомъ успенскомъ соборѣ ([355]). 10) Шесть мусійныхъ иконъ преп. Антонія Римлянина, сохраняющіяся въ новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ: три изъ нихъ изображаютъ Господа Вседержителя, а три другія—Распятіе Господне ([356]).

Поименуемъ, наконецъ, и мозаическія изображенія,

уцѣлѣвшія отъ временъ вел. кн. Святополка — Михаила въ олтарѣ кіево-михайловскаго соборнаго храма. Здѣсь надъ горнимъ мѣстомъ представлена тайная вечеря точно также, какъ и въ кіево-софійскомъ соборѣ. По обѣимъ сторонамъ трапезы, изъ которыхъ только одна — правая сохранилась, а лѣвая осыпалась, стоятъ два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ, осѣняющіе трапезу золотыми рипидами. На уцѣлѣвшей части трапезы видны дискосъ и крестъ. Позади ангеловъ, на одной сторонѣ представлены Спаситель и шесть Апостоловъ, которымъ Онъ преподаетъ св. хлѣбъ, а на другой — также Спаситель и еще шесть Апостоловъ, которымъ онъ преподаетъ св. чашу. Вверху надъ первою стороною начертаны по-славянски черною мозаикою слова: *пріимите и ядите* . . ., надъ послѣднею: *піте отъ нея вьси* . . . Предъ трапезою поставлена низменная ограда изъ осьми столбиковъ, раздѣленная отверстіемъ для царскихъ вратъ на двѣ половины и, безъ сомнѣнія, напоминающая собою древній иконостасъ. Въ рядъ съ тайною вечерею на обѣихъ алтарныхъ стѣнахъ изображены мозаикой восемь ликовъ св. Апостоловъ, по четыре на каждой, отъ которыхъ впрочемъ на правой сторонѣ уцѣлѣли только части ногъ, а на лѣвой — одинъ полный ликъ и три неполные. Въ рядъ съ этими апостольскими ликами подъ восточною аркою начертаны мозаическія изображенія, довольно поврежденныя, — на правомъ столпѣ: св. великомученика Димитрія, а на лѣвомъ: св. архидіакона Стефана въ бѣломъ стихарѣ и орарѣ, въ рукахъ съ кадильницею и ѳиміамницею (357).

Св. крестъ употреблялся у насъ тогда, какъ и прежде, во всѣхъ своихъ видахъ. Крестъ преп. Марка гробокопателя (конц. XI в.), доселѣ хранящійся въ его пещерѣ

и видимый всѣми богомольцами, есть крестъ четвероконечный ([358]). Кресты, напаленные свѣчею на сводѣ недавно найденной въ Кіевѣ пещеры, въ которой, какъ полагаютъ, подвизались преп. Ѳеофилъ и Іоаннъ (конц. XI в.), суть четвероконечные и осьмиконечные ([359]). Крестъ, начертанный въ извѣстномъ сборникѣ словъ св. Григорія Богослова (XI в.), въ концѣ послѣдняго слова, — шестиконечный ([360]). Крестъ изъ животворящаго древа, присланный въ началѣ XII вѣка вел. кн. Владиміру Мономаху изъ Константинополя и донынѣ хранящійся въ московскомъ благовѣщенскомъ соборѣ, — осьмиконечный; крестъ, начертанный, въ числѣ другихъ священныхъ изображеній, на окладѣ Евангелія, писаннаго въ началѣ XII вѣка для новгородскаго князя Мстислава Владиміровича, — шестиконечный ([361]). Кресты на сосудахъ преп. Антонія Римлянина—всѣ пять четвероконечные; каменный крестъ преп. Антонія Римлянина, находящійся при его гробницѣ, — шестиконечный ([362]). Кресты (четыре), найденные въ развалинахъ кіевской Ѳеодоровской церкви, основанной въ 1128 году, — четвероконечные, хотя они могутъ быть относимы и къ послѣдующему времени ([363]).

Не можемъ при этомъ не замѣтить, что въ то время у насъ православные изображали на себѣ крестное знаменіе тремя перстами и пастыри Церкви крестообразно благословляли православныхъ перстосложеніемъ именословнымъ. Доказательствами первой мысли служатъ мощи нѣкоторыхъ угодниковъ кіево-печерскихъ, подвизавшихся въ XI и въ первой половинѣ XII вѣка. Правыя руки преп. Иліи Муромца и Іосифа многоболѣзненнаго имѣютъ три первые перста соединенными, хотя неравно, но вмѣстѣ, а два послѣдніе — безъименный и мизинецъ пригну-

тыми къ ладони [364]. У руки преп. Спиридона три первые перста сложены даже совершенно ровно, а два послѣдніе пригнуты. Подобное же перстосложеніе представляютъ руки преп. Алипія иконописца и Пимена многоболѣзненнаго [365]. Очевидно, что всѣ эти Угодники скончались съ тѣмъ самымъ перстосложеніемъ, какимъ они хотѣли ознаменовать себя въ минуту смерти. Именословно благословляющими изображены св. Василій Великій въ Святославомъ Сборникѣ 1073 г. и св. Іоаннъ Златоустый въ Служебникѣ преп. Антонія Римлянина (ум. 1147 года). Такое же изображеніе благословляющей руки можно видѣть въ нотномъ Стихирарѣ XI — XII в., въ Императорской публичной библіотекѣ; на бармахъ и скиптрѣ в. кн. Владиміра Мономаха, въ московской оружейной палатѣ, и на одномъ изъ сосудовъ преп. Антонія Римлянина, въ московскомъ успенскомъ соборѣ [366].

Св. мощи по временамъ были приносимы въ Россію изъ Греціи. Зодчіе, пришедшіе изъ Константинополя (1073 года) для сооруженія великой кіево-печерской церкви, принесли съ собою мощи семи св. мучениковъ: Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Арефы, Іакова и Θеодора [367]. Мощи положены были въ разныхъ мѣстахъ подъ стѣнами церкви, въ основаніе ея, а надъ мощами по стѣнамъ изображены были самые лики этихъ Угодниковъ. Дочь греческаго императора Алексія Комнина, по имени Варвара, бывшая въ супружествѣ за вел. княземъ кіевскимъ Святополкомъ-Михаиломъ, принесла изъ Царьграда мощи своего ангела, св. великомученицы Варвары, которыя положены были въ кіево-михайловскомъ монастырѣ, въ церкви, сооруженной Святополкомъ (въ 1108 году), гдѣ открыто почиваютъ и доселѣ [368]. Одна изъ позднихъ нашихъ лѣ-

тописей упоминаетъ, будто въ 1091 г. принесъ къ намъ много мощей изъ Рима какой-то Грекъ митрополичь, по имени Θеодоръ ([369]). Кто былъ саномъ этотъ Грекъ митрополичь (т. е., вѣроятно, прибывшій съ митрополитомъ изъ Греціи и при немъ жившій), за чѣмъ былъ онъ въ Римѣ и отъ кого пріобрѣлъ онъ тамъ мощи, которыя принесъ въ Россію, неизвѣстно. Не посылалъ ли его митрополитъ Іоаннъ съ своимъ отвѣтнымъ посланіемъ къ папѣ Клименту III, подобно тому, какъ Климентъ еще прежде прислалъ къ нашему первосвятителю своего епископа? Дѣло возможное.

Въ самой Россіи было двукратное перенесеніе мощей св. муч. Бориса и Глѣба, открытыхъ прежде, и вновь открыты мощи преп. Θеодосія печерскаго.

Первое перенесеніе мощей св. муч. Бориса и Глѣба совершилось въ 1072 г., во дни вел. князя кіевскаго Изяслава ([370]). Онъ имѣлъ обычай ежегодно ходить въ Вышгородъ, вмѣстѣ съ другими православными, на праздникъ св. Страстотерпцевъ. Однажды при этомъ князь замѣтилъ, что церковь деревянная, въ которой они покоились, построенная еще Ярославомъ, обветшала, и рѣшился создать новую, деревянную. Когда зданіе было готово: Изяславъ пригласилъ митрополита Георгія освятить новую церковь и перенести въ нее мощи св. мучениковъ. На это торжество, при безчисленномъ стеченіи народа со всѣхъ сторонъ Россіи, собрались князья: Изяславъ кіевскій, Святополкъ черниговскій, Всеволодъ переяславскій и многіе малолѣтніе изъ областей своихъ, митрополитъ съ епископами: черниговскимъ — Неофитомъ, переяславскимъ — Петромъ, бѣлогородскомъ — Стефаномъ, юрьевскимъ — Михаиломъ ([371]), множество бѣлаго духовенства, черноriz-

цевъ, игуменовъ и въ числѣ ихъ Θеодосій печерскій, Софроній михайловскій, Германъ спасскій и Николай переяславскій. Перваго числа мая митрополитъ освятилъ церковь и совершилъ въ ней литургію. На другой день приступили къ перенесенію мощей. Сначали подняли мощи св. Бориса, которыя почивали въ деревянной ракѣ. Впереди пошли черноризцы съ зажженными свѣчами, потомъ слѣдовали діаконы съ кадилами и священники въ облаченіи, далѣе епископы съ митрополитомъ; за ними сами князья: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ несли раку. Когда раку, принесши въ новую церковь, открыли: отъ нея разлилось чудное благоуханіе и всѣ прославили Бога, а митрополита объялъ ужасъ, такъ какъ онъ прежде не твердо вѣровалъ въ святость св. Угодниковъ, и первосвятитель, повергшись на землю, во всеуслышаніе молилъ Бога о дарованіи ему прощенія ([372]). За тѣмъ, цѣловавъ мощи Угодника Божія, переложили ихъ въ каменную раку. Возвратившись въ старую церковь за мощами св. Глѣба, которыя покоились уже въ каменной ракѣ, не понесли ихъ на рукахъ, вѣроятно, за тяжестію раки, а поставили на колесницу и повезли на себѣ къ новой церкви. Здѣсь въ дверяхъ церковныхъ рака остановилась и ее никакъ не могли вести далѣе: тогда велѣли народу взывать: «Господи, помилуй», и рака прошла въ двери. Обѣ раки поставлены были въ церкви на правой сторонѣ. Стали прикладываться къ главѣ св. Бориса и къ рукѣ св. Глѣба; при чемъ митрополитъ, взявъ руку послѣдняго и облобызавъ, прилагалъ ее къ своимъ очамъ и сердцу, потомъ благословилъ ею князей поочередно: Изяслава, Святослава и Всеволода, наконецъ весь народъ. Святославъ въ другой разъ приблизился къ митрополиту и просилъ при-

ложить св. руку къ ранѣ его, которая была на шеѣ, также къ его очамъ и тѣмени; на главѣ князя остался въ это время одинъ ноготь св. Глѣба, который принялъ князь себѣ на благословеніе. По окончаніи перенесенія св. мощей совершена была божественная литургія и всѣ праздновали свѣтло. Князья устроили торжественный обѣдъ, за которымъ присутствовали вмѣстѣ съ боярами своими, роздали много милостыни нищимъ и, мирно простившись, возвратились въ свои жилища. Съ этого времени въ Россіи установленъ новый праздникъ, мая 2-го, въ память перенесенія св. мощей Бориса и Глѣба ([373]).

Второе перенесеніе тѣхъ же мощей послѣдовало въ 1115 г., при вел. князѣ Владимірѣ Мономахѣ, и также по случаю построенія во имя св. Мучениковъ новаго храма, каменнаго ([374]). Еще вел. князь Святославъ рѣшился было создать въ Вышгородѣ каменную церковь въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба; но, возведши ее только на восемь лактей отъ земли, скончался (1076 г.). Чрезъ нѣсколько лѣтъ вел. князь Всеволодъ (1078 — 1093) достроилъ эту церковь; но въ ту же ночь, какъ церковь была совершенно окончена, верхи ея пали и стѣны развалились. Уже сынъ Святослава, черниговскій князь Олегъ вновь воздвигъ эту церковь изъ развалинъ, расписалъ ее и снабдилъ всѣмъ нужнымъ (ок. 1110 г.); но онъ напрасно нѣсколько разъ молилъ вел. князя Святополка о перенесеніи въ нее св. мощей. Святополкъ не соглашался, будучи недоволенъ тѣмъ, что не самъ ее построилъ. Владиміръ Мономахъ, сдѣлавшись вел. княземъ (1115 г.), немедленно согласился на перенесеніе мощей въ новую церковь, къ общей радости своихъ подданныхъ. Къ первому мая было въ Вышгородѣ необычайное стеченіе народа. Тутъ нахо-

дились: самъ вел. кн. Владиміръ Мономахъ съ сынами своими, князья черниговскіе Давидъ и Олегъ Святославичи, также съ сынами своими, митрополитъ кіевскій Никифоръ съ епископами: Ѳеоктистомъ черниговскимъ, Лазаремъ переяславскимъ, Никитою бѣлгородскимъ, Даніиломъ юрьевскимъ, Миною полоцкимъ, игумены всѣхъ монастырей ([375]), многіе черноризцы, священники и клирики, бояре, воеводы, старѣйшины отъ всѣхъ странъ Русской земли и вообще безчетное множество людей всякаго возраста и пола, званія и состоянія. Перваго мая, которое случилось во вторую субботу по пасхѣ, церковь была освящена митрополитомъ съ епископами, и храмоздатель Олегъ устроилъ для духовенства свѣтлый пиръ. На другой день, въ недѣлю женъ мvроносицъ, отпѣвъ одновременно заутреню въ обѣихъ церквахъ, новой и старой, гдѣ покоились св. мощи, приступили къ перенесенію ихъ. Раку св. Бориса поставили на особо устроенную колесницу и повезли сами князья съ боярами; имъ предшествовали митрополитъ и епископы въ полныхъ облаченіяхъ, а впереди епископовъ шли игумены, священники, черноризцы — всѣ съ зажженными свѣчами; народъ покрывалъ улицы, стѣны, зданія и толпился въ такомъ количествѣ, что невозможно было двигаться священному ходу, и Владиміръ Мономахъ приказалъ бросать въ толпы куны, сребренники, разныя ткани, чтобы очистить дорогу. На протяженіи всего пути народъ взывалъ: «киріе елеисонъ» (Господи, помилуй), и не было почти никого, кто бы не плакалъ отъ духовной радости. Когда рака св. Бориса была перевезена въ новую церковь: тѣмъ же порядкомъ перевезли и раку св. Глѣба. Тутъ между князьями случилось разногласіе: Владиміръ Мономахъ хотѣлъ поставить раки посреди церкви и надъ ними

устроить серебреный теремъ, а Давидъ и Олегъ желали, чтобы раки поставлены были на правой сторонѣ церкви въ нарочито приготовленныя уже для нихъ клѣти или своды (комары). Для рѣшенія спора митрополитъ и епископы предложили князьямъ бросить жребій. Князья согласились, положили два жребія на престолъ и вынули жребій Олега и Давида; почему раки постановлены были на правой сторонѣ церкви. За тѣмъ совершена была литургія и послѣдовалъ въ Вышгородѣ трехдневный праздникъ, послѣ котораго всѣ разошлись въ свои домы. Благочестивый Владиміръ Мономахъ показалъ еще особеннымъ образомъ свою любовь къ св. Страстотерпцамъ. Будучи еще переяславскимъ княземъ, когда мощи Угодниковъ покоились въ деревянной церкви, онъ однажды пришелъ ночью и смѣрилъ ихъ каменные гробы, потомъ приготовилъ серебреныя доски, позлатилъ и опять ночью оковалъ этими досками св. раки, такъ что на утро люди съ изумленіемъ увидѣли богатое украшеніе ракъ и прославили Бога и благочестиваго князя. По перенесеніи же мощей въ каменную церковь, онъ снова оковалъ раки другими серебреными, позлащенными, досками, на которыхъ сдѣланы были самыя изображенія Страстотерпцевъ, поставилъ предъ ними великолѣпные хрустальные подсвѣчники, украшенные золотомъ, повѣсилъ надъ ними серебреныя, позлащенныя лампады, оковалъ золотомъ и серебромъ даже клѣтки, гдѣ помѣщались раки, такъ что многіе изъ Грековъ, приходившіе въ Вышгородъ на поклоненіе св. мощамъ, съ удивленіемъ свидѣтельствовали, что такого украшенія ракъ они нигдѣ не видѣли.

Объ открытіи мощей преп. Θеодосія повѣствуетъ Несторъ, не только какъ очевидецъ, но и какъ одинъ изъ

дѣйствователей, участвовавшихъ въ событіи. «Въ 1091 г., говоритъ онъ, игуменъ и братія печерскаго монастыря составили совѣтъ и разсудили: неприлично отцу нашему Θеодосію лежать внѣ церкви монастырской; потому что онъ основалъ эту церковь и собралъ черноризцевъ. Вслѣдъ за тѣмъ повелѣли устроить въ церкви мѣсто, гдѣ бы положить его мощи. За три дня до праздника успенія Богородицы пришелъ ко мнѣ игуменъ и сказалъ: пойдемъ въ пещеру къ Θеодосію. Мы пошли тайно отъ всѣхъ и опредѣлили мѣсто, гдѣ нужно копать. Игуменъ сказалъ мнѣ: не открывай никому изъ братіи, чтобы никто не зналъ; а возми только, кого хочешь, себѣ на помощь. Я въ тотъ же день приготовилъ орудія для копанія и вечеромъ, — это было во вторникъ, — взялъ съ собою одного брата, пришелъ въ пещеру и, отпѣвъ псалмы, началъ копать. Уставши, я передалъ заступъ брату и мы копали до полуночи. Много трудились мы, но не могли докопаться и я началъ скорбѣть, не въ сторону ли копаемъ. Я взялъ заступъ и сталъ копать еще усерднѣе, а товарищъ мой отдыхалъ предъ пещерою. Услышавъ било къ заутрени, онъ закричалъ мнѣ: ударили въ било, — между тѣмъ какъ я прокопалъ до мощей Θеодосія. И я отвѣчалъ брату: я докопался уже. Когда я прокопалъ, меня объялъ ужасъ, и я началъ говорить: «Господи, помилуй»! Въ то время два брата сидѣли въ монастырѣ и смотрѣли къ пещерѣ, дожидаясь, не пронесетъ ли игуменъ тайно мощей св. Θеодосія только съ нѣсколькими изъ братіи. При ударѣ въ било они увидѣли, что три столба какбы радужныхъ пришли и стали надъ пещерою, гдѣ положенъ былъ Θеодосій. Тогда же Стефанъ, епископъ (владимірскій), бывшій прежде преемникъ Θеодосія на игуменствѣ, увидѣлъ изъ своего (кловскаго) мона-

стыря чрезъ поле великую зарю надъ пещерою. Получивъ еще за день предъ тѣмъ извѣстіе, что будутъ переносить мощи Θеодосіевы, онъ подумалъ, что вѣрно уже переносятъ ихъ, и, жалѣя, что переносятъ безъ него, поспѣшилъ взять съ собою кловскаго игумена Климента и на конѣ отправился въ печерскую обитель. Пока они были въ пути, имъ представлялась свѣтлая заря надъ пещерою. Когда подошли ближе, увидѣли какбы множество горящихъ свѣчъ; а когда пришли къ самой пещерѣ, уже не видѣли ничего; вошли въ нее и нашли насъ, сѣдящихъ у мощей св. Θеодосія. Между тѣмъ я послалъ сказать игумену: приходи, вынесемъ мощи. Игуменъ пришелъ съ двумя братіями. Мы еще болѣе раскопали могилу и, спустившись въ нее, увидѣли мощи Θеодосія; составы тѣла его не распались, только волосы присохли къ головѣ. Положивъ мощи на мантію, мы вынесли ихъ изъ пещеры. На другой день собрались епископы: Ефремъ переяславскій, Стефанъ владимірскій, Іоаннъ черниговскій, Маркъ юрьевскій (значитъ, они или заблаговременно были приглашены въ Кіевъ, или находились въ Кіевѣ), пришли и игумены изъ многихъ монастырей съ черноризцами, и многіе православные; взяли мощи Θеодосіевы съ θνміамомъ и свѣщами, перенесли ихъ въ великую церковь, поставили въ притворѣ на правой сторонѣ въ 14 день августа, въ четвертокъ, и свѣтло праздновали тотъ день». Впрочемъ, хотя мощи Θеодосія были открыты и торжественно перенесены въ церковь: но самъ Θеодосій еще не былъ причтенъ Церковію къ лику Святыхъ. Уже въ 1108 г. кіево-печерскій игуменъ Θеоктистъ сталъ напоминать вел. князю Святополку, чтобы имя преп. Θеодосія вписали въ синодикъ. Святополкъ, хорошо знавшій житіе великаго подвижника, съ радостію на то согла-

сился и повелѣлъ митрополиту Никифору вписать Ѳеодосія въ синодикъ. Митрополитъ вписалъ и приказалъ то же сдѣлать по всѣмъ епископіямъ русскимъ, и всѣ епископы съ радостію вписали ([376]). Вѣроятно, съ этого времени и начали праздновать въ честь Ѳеодосія два дня: день его успенія, 3 мая, и день перенесенія мощей его, 14 августа ([377]). Въ 1130 г. суздальскій тысяцкій Георгій, сынъ извѣстнаго князя Симона Варяга, наслѣдовавшій отъ отца своего любовь къ преподобн. Ѳеодосію, прислалъ въ печерскую обитель для окованія его раки 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота, и рака дѣйствительно была окована ([378]).

Кромѣ праздниковъ, явившихся у насъ по случаю перенесенія или открытія св. мощей въ нашемъ отечествѣ, установленъ тогда у насъ праздникъ по случаю перенесенія св. мощей, бывшему и внѣ предѣловъ нашего отечества. Разумѣемъ праздникъ 9 мая въ память перенесенія св. мощей святителя Николая изъ Муръ Ликійскихъ въ городъ Баръ. Древнія наши лѣтописи совершенно молчатъ объ этомъ событіи; позднѣйшія говорятъ только о перенесеніи мощей, не упоминая объ установленіи праздника ([379]). Но сохранилось слово на перенесеніе мощей святителя Николая, сказанное у насъ однимъ изъ современниковъ событія и свидѣтельствующее, что къ концу XI или въ началѣ XII в. праздникъ этотъ уже существовалъ въ русской Церкви, какъ дѣйствительно онъ и означенъ въ мѣсяцословѣ при Евангеліи 1144 года ([380]). Въ словѣ повѣствуется, что, когда Турки совершенно опустошили всю Ликію и въ ней городъ Муры, гдѣ покоились мощи св. Николая: тогда Святитель явился одному «правовѣрному» священнику, жившему по другую сторону моря въ Апулійской странѣ, въ городѣ Барѣ, и заповѣдалъ передать

Барянамъ, чтобы они перенесли къ себѣ мощи его изъ Мѵръ Ликійскихъ. Баряне, желая скрыть свое намѣреніе, снарядили три корабля съ пшеницею и отправили ее въ Антіохію. Продавъ свой товаръ, мнимые купцы поспѣшили въ Мѵры Ликійскіе, такъ какъ дорогою услышали, что Венеціане хотятъ взять къ себѣ мощи св. Николая. Въ Мѵрахъ, посреди всеобщаго запустѣнія, Баряне встрѣтили только четырехъ иноковъ, которые и указали имъ мѣсто погребенія св. Николая. Немедленно разломанъ былъ помостъ церкви и тамъ нашли раку Угодника Божія съ мощами, исполненную мѵра. Мѵро перелили въ сосуды, а раку съ мощами поставили на корабль и отправились въ свой городъ, взявъ съ собою и двухъ иноковъ. Вышли они изъ Мѵръ Лукійскихъ 11 апрѣля и прибыли въ городъ Баръ 9 мая въ день воскресный къ вечеру. Жители города съ радостію встрѣтили св. мощи и положили ихъ въ церкви св. Іоанна Предтечи, находившейся близъ моря. За тѣмъ послѣдовали многочисленныя чудеса: вечеромъ въ воскресенье и въ понедѣльникъ Святитель исцѣлилъ 47 больныхъ, мужей и женъ, одержимыхъ разными болѣзнями; во вторникъ — 22; въ среду — 29; въ четвертокъ утромъ исцѣлилъ юношу глухонѣмаго, находившагося въ недугѣ уже пять лѣтъ. Пораженные чудесами, жители приносили пожертвованія къ ракѣ Угодника, злато и серебро, и рѣшились соорудить во имя его великолѣпную церковь. На третье лѣто послѣ перенесенія мощей, когда церковь была готова, Баряне послали къ папѣ Герману (Урбану II), чтобы онъ пришелъ освятить церковь и перенесть въ нее мощи святителя Николая. Папа исполнилъ желаніе просившихъ и торжественно перенесъ мощи въ новую церковь 29 сентября (по другимъ спискамъ — сен-

тября 9, по третьимъ мая 9) ([381]). «И праздникъ, замѣчаетъ составитель слова, сътвориша въ тотъ день и похвалу, юже творятъ въ тотъ день Святому людіе вся и до сего дни ([382])».

Когда случилось это событіе? Почти во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ, въ какихъ упоминается о немъ, равно какъ во всѣхъ спискахъ разсматриваемаго нами слова, говорится единогласно, что событіе совершилось во дни греческаго императора Алексѣя Комнина (1081 — 1118), константинопольскаго патріарха Николая и князей русскихъ: кіевскаго Всеволода (1078 — 1093) и черниговскаго Владиміра Мономаха; но самый годъ событія показанъ очень различно: въ лѣтописяхъ 1087, 1088 и 1089, въ спискахъ слова — 1095 и 1096 ([383]). Ближайшимъ къ истинѣ представляется первое показаніе: такъ какъ, и по западнымъ лѣтописямъ, перенесеніе мощей св. Николая изъ Мѵръ Лѵкійскихъ въ городъ Баръ послѣдовало въ 1087 г. ([384]). Но никакъ нельзя принять ни четвертаго, ни пятаго показаній: потому что въ 1095 — 1096 г. вел. кн. кіевскій Всеволодъ, при которомъ случилось это событіе, уже не существовалъ на землѣ.

Почему же и въ нашей Церкви установленъ былъ праздникъ 9 мая въ память перенесенія св. мощей святителя Николая? Не въ слѣдствіе ли единенія нашей Церкви съ римскою и подчиненія папѣ, какъ казалось нѣкоторымъ ([385])? Но два посланія митрополита Іоанна II, при которомъ, по всей вѣроятности, и установленъ у насъ этотъ праздникъ ([386]), равно направленныя противъ латинянъ, и потомъ три такихъ же посланія митрополита Никифора (1104—1121) непререкаемо свидѣтельствуютъ, что предполагаемаго единенія и подчиненія тогда вовсе не было.

Съ другой стороны, ни откуда неизвѣстно, чтобы папа Урбанъ II установилъ праздникъ 9 мая для всей своей Церкви, а не для одной только Апуліи, какъ праздникъ мѣстный; напротивъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ странахъ, подвѣдомыхъ римскому епископу, праздникъ этотъ вовсе не былъ введенъ ([387]). Слѣд. тѣмъ болѣе странно предполагать, будто у насъ онъ введенъ по распоряженію папы. Почему же, повторяемъ, установленъ у насъ праздникъ 9 мая? Главными побужденіями къ этому могли быть: а) глубокое уваженіе къ святителю Николаю, издавна господствовавшее на всѣмъ востокѣ и изъ Греціи перешедшее въ Россію; б) еще болѣе — вѣсть о многочисленныхъ чудесахъ, какими сопровождалось перенесеніе мощей изъ Мѵръ Лѵкійскихъ въ апулійскій городъ Баръ, гдѣ жили еще христіане православнаго исповѣданія, подвѣдомые цареградскому патріарху, хотя находились уже и латиняне ([388]); в) наконецъ, то важное обстоятельство, что, во время самаго перенесенія мощей святителя Николая, онъ и въ Кіевѣ совершилъ разныя чудеса и, между прочимъ, чудо надъ утопшимъ въ Днѣпрѣ младенцемъ, сдѣлавшееся извѣстнымъ митрополиту и поразившее изумленіемъ всѣхъ жителей ([389]). Первосвятители наши еще прежде установили своею властію нѣсколько мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи, не существовавшихъ на востокѣ: такъ точно могли установить и настоящій, хотя въ Греціи онъ не былъ установленъ.

Изъ праздниковъ, установленныхъ тогда въ Греціи, наша лѣтопись упоминаетъ только объ одномъ: о праздникѣ 30 Января въ честь трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, устано-

вленномъ въ 1076 г., — хотя не говоритъ, тогда ли, или уже впослѣдствіи этотъ праздникъ принятъ русскою Церковію ([390]). Что касается до древнихъ праздниковъ и постовъ, какіе содержала Церковь восточная: то, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ содержала тогда и Церковь русская, какъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся мѣсяцесловы ([391]). Къ соблюденію праздниковъ и постовъ убѣждалъ своихъ слушателей препод. Ѳеодосій; въ частности, онъ говоритъ о постѣ въ среду и пятокъ, и о св. четыредесятницѣ, которую называетъ десятиною, приносимою нами Богу изъ дней года. А митрополитъ Никифоръ по случаю четыредесятницы написалъ извѣстное посланіе къ вел. князю Владиміру Мономаху и поученіе къ народу. Замѣчательно, что постъ въ среду и пятокъ былъ у насъ отмѣняемъ, если въ эти дни случался какой-либо Господскій или Богородичный праздникъ ([392]).

Обращаясь къ священнодѣйствіямъ Церкви, остановимся прежде всего на важнѣйшихъ изъ нихъ, св. таинствахъ. *Крещеніе* совершалось тогда у насъ чрезъ троекратное погруженіе. «Они, говоритъ преп. Ѳеодосій о Латинянахъ, крещаются въ едино погруженіе, а мы въ три». Крещаемыхъ называли непремѣнно именами Святыхъ, а не какими-либо другими, вопреки обычаю тѣхъ же Латинянъ ([393]), хотя оставался еще обычай, особенно между князьями, кромѣ христіанскаго имени, давать дѣтямъ и народныя названія ([394]). Вслѣдъ за крещеніемъ совершалось таинство *мѵропомазанія:* «мы крещающагося мажемъ мѵромъ и масломъ, а они крещающемуся сыплютъ соль въ уста», говоритъ о Латинянахъ преп. Ѳеодосій и повторяютъ нѣкоторые другіе наши писатели ([395]). Совершать мѵропомазаніе предоставлялось не однимъ еписко

пам, какъ было уже у западныхъ христіанъ, но и священникамъ ([396]). Въ житіи просвѣтителя Муромцевъ, благовѣрнаго князя Константина, повѣствуется, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ жители Мурома крестились въ Окѣ, «епископы и священницы мазаху хризмою чело, очи, уста, ноздри и уши крестившихся и, надѣвши вѣнцы червленые на главы ихъ, обязаша кресты и возложиша на нихъ бѣлыя ризы, и даша всѣмъ свѣщи горящія въ руцѣ». Не забудемъ, однакожъ, что это житіе составлено уже въ позднѣйшее время ([397]). О таинствѣ *покаянія* ясно свидѣтельствуетъ извѣстное посланіе черноризца Іакова къ вел. князю Изяславу, гдѣ Іаковъ, какъ духовный отецъ, разрѣшаетъ своего духовнаго сына отъ всѣхъ грѣховъ, имъ исповѣданныхъ, и преподаетъ ему различныя наставленія. Митрополитъ Никифоръ въ словѣ на недѣлю сыропустную объясняетъ самыя условія истиннаго покаянія, убѣждаетъ приносить чистосердечную исповѣдь предъ отцами духовными и исполнять налагаемыя отъ нихъ епитиміи ([398]). Таинство *Евхаристіи* совершаемо было у насъ на хлѣбѣ квасномъ и на винѣ, растворенномъ водою ([399]). О совершеніи таинства *священства*, т. е., о рукоположеніи и поставленіи на священныя степени епископа, пресвитера и діакона, многократно упоминаетъ преп. Несторъ въ своей лѣтописи и въ житіи преп. Ѳеодосія. Замѣчателенъ, въ частности, обрядъ *настолованія* новопоставленныхъ епископовъ и митрополитовъ, совершавшійся тогда у насъ по примѣру Церкви греческой: чрезъ нѣсколько дней послѣ рукоположенія епископа или прибытія митрополита изъ Греціи, новый святитель возводимъ былъ другими святителями во время литургіи, по прочтеніи Евангелія, на столъ или каѳедру, стоявшую

среди церкви, и торжественно привѣтствованъ былъ возглашеніемъ его епархіи и цѣлованіемъ. Такъ митрополитъ Иларіонъ самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ, по рукоположеніи, былъ *настолованъ;* о митр. Никифорѣ замѣчено, что онъ прибылъ на Русь 6-го декабря, а 18-го того же мѣсяца *на столъ посаженъ;* о черниговскомъ епископѣ Ѳеоктистѣ сказано, что онъ поставленъ во епископа января 12-го, а *посаженъ на столъ* 19-го ([400]). Таинство *брака*, т. е., благословеніе Церкви и вѣнчаніе считалось необходимымъ для всѣхъ брачущихся, и такъ какъ нѣкоторые простые люди вступали въ браки безъ благословенія церковнаго и вѣнчанія, предоставляя это только боярамъ и князьямъ: то пастыри Церкви принимали мѣры для вразумленія невѣждъ ([401]). Наконецъ сохранилось свидѣтельство и о таинствѣ *елеосвященія*, что оно совершалось въ нашей Церкви. «Если кто, повѣствуетъ лѣтописецъ, приносилъ въ монастырь больное дитя, какимъ бы недугомъ оно ни было одержимо, или и взрослый человѣкъ, одержимый какимъ либо недугомъ, приходилъ въ монастырь къ блаженному Ѳеодосію: то онъ повелѣвалъ пресвитеру Даміану творить молитву надъ болящимъ, и тотчасъ, какъ Даміанъ совершалъ молитву и помазывалъ масломъ святымъ, приходившіе исцѣлялись ([402])». Нельзя не узнать здѣсь таинства, которое издревле называлось молитвомасліемъ (Εὐχέλαιον) и въ которомъ, при помазаніи тѣла св. елеемъ, молитвенно призывается на больнаго благодать Божія, исцѣляющая не только немощи душевныя, но и тѣлесныя.

Изъ другихъ священнодѣйствій, совершавшихся тогда у насъ, древнія свидѣтельства упоминаютъ о вечернѣ, павечернѣ, полунощницѣ, утрени, часахъ и вообще о

всѣхъ службахъ вседневныхъ ([403]); еще объ освященіи церквей, которое иногда совершалось очень торжественно самимъ митрополитомъ и даже соборомъ епископовъ по чину, сходному съ настоящимъ ([404]); объ отпѣваніи и погребеніи князей, которое также нерѣдко производилось соборомъ епископовъ, при пѣніи обычныхъ псалмовъ и пѣсней ([405]).

Богослужебныя книги, по которымъ совершались всѣ эти, какъ и другія, священнодѣйствія, безъ сомнѣнія, существовали у насъ въ полномъ составѣ, какой тогда былъ извѣстенъ. Новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ самъ свидѣтельствуетъ о созданной имъ церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ: «и устроилъ есми ю иконами многоцѣнными, и евангеліемъ многоцѣннымъ, и *всѣми книгами исполнь* ([406])». До настоящаго времени сохранились: 1) кромѣ двухъ извѣстныхъ намъ Евангелій XI и XII в., Остромирова и Мстиславова, расположенныхъ, согласно съ церковнымъ употребленіемъ, по днямъ недѣли и праздникамъ, 2) Служебникъ, приписываемый преп. Антонію Римлянину (ум. 1147 г.), и содержащій въ себѣ только чинъ литургіи св. Іоанна Златоустаго. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ древнѣйшемъ изъ нашихъ служебниковъ числа просфоръ для проскомидіи не опредѣлено, а послѣ наставленія о вынутіи агнца сказано: «и просфумисавъ просфоры» ([407]). 3) Кондакарь нотный (нач. XII в.), принадлежащій нижегородскому благовѣщенскому монастырю. Въ этой книгѣ содержатся: а) кондаки на праздники и дни нарочитыхъ Святыхъ, расположенные по церковному порядку мѣсяцевъ съ сентября по августъ: почти все тѣ же, что и нынѣ у насъ ([408]); б) кондаки великопостныхъ и всѣхъ послѣдующихъ не-

дѣль и праздниковъ до пятидесятницы изъ Тріоди постной и цвѣтной: почти все тѣ же, что и нынѣ; в) ипакои и кондаки воскресны — тѣ же, что и нынѣ, за исключеніемъ кондака 7-го гласа; г) ипакои на нѣкоторые праздники (Рождество Богородицы, Арханг. Михаила, Рождество Христово и Богоявленіе): иногда тѣ же, что нынѣ, иногда другіе; д) причастны (нѣкоторые на нѣсколько гласовъ) на Крещеніе Господне, общій Богородичный, на Благовѣщеніе, въ постъ, въ память Святыхъ, воскресный, на недѣлю вербную, великую субботу, Пасху, Воздвиженіе, во дни Апостоловъ, на Преображеніе, въ день поминовенія умершихъ, на Преполовеніе, Вознесеніе и Пятидесятницу: все тѣ же, что и нынѣ; е) «Святый Боже», положенное на ноты; ж) Воскресное: «Всякое дыханіе» — на 8-мь гласовъ; з) припѣвъ на 9-ой пѣсни въ день Введенія и припѣвъ вседневный: послѣдняго нѣтъ у насъ; и) полуелей, состоящій изъ одного псалма: «Исповѣдайтеся Господеви» — на 8-мь гласовъ, по нѣскольку стиховъ на каждый гласъ; і) пѣснь на Пасху: «Христосъ воскресе»; к) такъ-названные азматики (ἆσμα - пѣснь) или отрывки изъ псалмовъ, распѣтые на 8-мь гласовъ съ припѣвами: *аллилуіа* и *Слава Тебѣ, Боже*: это, вѣроятно, часть особаго послѣдованія вечерни и утрени, которыя назывались *пѣсненными* (ἀσματικὴ ἀκολουθία), потому что отъ начала до конца пѣлись, — послѣдованія, давно уже не существующаго въ Церкви; л) свѣтильны воскресны или екзапостиларіи и стихиры Евангельскія: тѣ же, что и нынѣ; м) наконецъ, три пѣсни Богородицѣ и пѣснь Великомученику Георгію (послѣдняя, кажется, позднѣйшаго письма). Изъ русскихъ Святыхъ есть два кондака св. Борису и Глѣбу и былъ кондакъ преп. *Ѳеодосію* печерскому ([409]). Нотные

знаки въ кондакарѣ смѣшанные: азбучные и крюковые. Буквы для этихъ знаковъ употребляются большею частію греческія, но иногда и славянскія (напр. д, ц). Между крюковыми знаками встрѣчаются линіи, начертанныя въ разныхъ направленіяхъ, отъ одной до пяти, точки, точки вмѣстѣ съ линіями, запятыя, запятыя вмѣстѣ съ точками и под. ([410]). Стихи, положенные на ноты, писаны по обычаю безъ всякаго сокращенія и титлъ, чтобы надъ каждымъ слогомъ надписать нотный знакъ; но кромѣ того, между отдѣльными слогами каждаго слова вставлены многія согласныя и гласныя буквы безъ всякаго смысла, а только для надписанія надъ ними нотъ и для растянутости пѣнія, такъ что иногда одно слово тянется на двѣ или на три строки. При этомъ для пѣвцовъ нерѣдко употребляются музыкальные знаки: *неагіе*, *неанеее*, *анаагіа* и другіе подобные. Въ кондакарѣ одна ипакои, именно на Воздвиженіе, сначала изложена въ Славянскомъ переводѣ, потомъ въ Греческомъ подлинникѣ, и надъ Славянскою помѣщены всѣ тѣ нотные знаки, какіе стоятъ надъ Греческою, хотя число слоговъ въ той и другой различно: это показываетъ, что у насъ тогда въ церковныхъ пѣсняхъ вполнѣ удерживались ноты греческія, - вслѣдствіе чего, при неодинаковомъ количествѣ слоговъ въ переводѣ сравнительно съ подлинникомъ, неизбѣжно писались даже надъ буквами безгласными ([411]). 4) Стихирарь нотный Императорской публичной библіотеки XI или XII в., содержащій въ себѣ избранныя стихиры Святымъ и праздникамъ по порядку мѣсяцеслова съ Сентября по Августъ; отличается отъ кондакаря нижегородскаго и по тексту, и по нотамъ (здѣсь онѣ только крюковыя), и, будучи писанъ, кажется, въ Болгаріи, не заключаетъ въ себѣ

стихиръ въ честь русскихъ Святыхъ (412). 5) Минея праздничная Императорской публичной библіотеки, XI — XII вѣка, безъ начала и конца, содержащая каноны праздникамъ и нарочитымъ Святымъ за Сентябрь, Октябрь и Ноябрь: по мѣстамъ положена на ноты крюковыя и службъ русскимъ Святымъ не имѣетъ (413). 6) Часть Минеи мѣсячной (всего 15 листовъ) за іюнь, той же библіотеки XI — XII вѣка: сохранились только отрывки службъ преп. Θеодору Стратилату (8 іюня), св. апостоламъ Варθоломею и Варнавѣ (11), св. ап. Іудѣ (19) и на Рождество Предтечи (24) (414). Само собою разумѣется, что почти всѣ чинопослѣдованія, изложенныя въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, были переведены съ греческаго. Но къ концу XI в. явился на Руси и свой пѣснописецъ, преп. Григорій печерскій, за которымъ не безъ причины осталось названіе *творца каноновъ* (415). Имъ могли быть написаны каноны въ честь русскимъ Святымъ: преп. Θеодосію печерскому, которому служба дѣйствительно сохранилась до нынѣ въ спискѣ XII вѣка (416), также равноапостольному Владиміру и св. Борису и Глѣбу, если только два послѣдніе канона не были составлены гораздо прежде по требованію обстоятельствъ.

Церковное пѣніе получило въ Россіи значительное усовершенствованіе. Около 1051 г. переселились въ Кіевъ изъ Царяграда три греческіе пѣвца съ своими семействами, и отъ этихъ-то пѣвцевъ началось въ Русской землѣ, по выраженію Степенной книги, *ангелоподобное пѣніе*, именно: *изрядное осмогласіе* — пѣніе на восемь гласовъ церковныхъ, *трисоставное сладкогласованіе*, — какъ догадываются, пѣніе трехголосное, въ которомъ прибавля-

лись верхніе и нижніе тоны, и *самое красное демественное пѣніе* — пѣніе собственно гармоническое, цѣлымъ хоромъ, расположенное на нѣсколько голосовъ и происходившее подъ управленіемъ, такъ называемыхъ, доместиковъ (регентовъ) ([417]). Не знаемъ, дѣйствительно ли всѣ означенные роды церковнаго пѣнія введены у насъ греческими пѣвцами, пришедшими при вел. князѣ Ярославѣ, или авторъ Степенной книги перечислилъ здѣсь собственно тѣ роды пѣнія, какіе извѣстны были въ его время и считались лучшими; но нельзя отвергать, что переселеніе къ намъ этихъ пѣвцевъ сопровождалось добрыми послѣдствіями для русской Церкви. Еще прежде 1074 г. мы видимъ въ кіево-печерскомъ монастырѣ доместика Стефана, а около 1134 г. въ новгородскомъ юрьевскомъ монастырѣ — доместика Кирика, которые, слѣдовательно, управляли хорами пѣвчихъ въ своихъ обителяхъ ([418]). Естественно предположить, что такіе же доместики и хоры существовали при митрополитѣ и епископахъ или при соборныхъ церквахъ каждой епархіи ([419]). Въ Кіевѣ къ концу XI и въ началѣ XII в. извѣстенъ былъ дворъ доместиковъ за Десятинною церковію, гдѣ, должно быть, доместики жили и обучали Русскихъ церковному пѣнію ([420]). Около 1130 г. пришли изъ Греціи къ вел. кн. Мстиславу (ум. 1132 г.) еще три гораздые пѣвца, которые, вѣроятно, также обучали Русскихъ пѣнію и изъ которыхъ одинъ, Мануилъ, поставленъ въ 1137 г. епископомъ на смоленскую епархію ([421]). Достойно замѣчанія, что нѣкоторыя краткія молитвы и стихи у насъ пѣлись тогда по-гречески. Многочисленныя толпы народа, при двоекратномъ торжественномъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба (въ

1072 и 1115 г.), единогласно взывали: «Киріе елеисонъ». Звенигородцы въ 1146 г., освободившись отъ враговъ, также взывали: «Киріе елеисонъ» ([422]). Въ нижегородскомъ кондакарѣ, какъ мы видѣли, цѣлая ипакои на Воздвиженіе написана сначала по славянски, потомъ по-гречески, а кромѣ того въ такъ названныхъ азматикахъ, на ряду съ славянскими стихами положены на ноты и греческіе стихи, писанные славянскими буквами. На-примѣръ, азматика въ гласѣ 1: «раби Господа, алелугіа; по всей земли, алелугіа; ти икоумени (τῇ οἰκουμένῃ), алелугіа; о Өеос моу (ὁ Θεὸς μοῦ), алелугіа; слава Тебѣ, Боже, алелугіа; ти икоумени, алелугіа; ен оли кардіа моу (ἐν ὅλῃ καρδίᾳ μοῦ), алелугіа...» Въ гласѣ 3: «исповемься Тебе, Господи, алелугіа; по всей земли, алелугіа, алелуиа, алелуиа, алелуиа, докса си о Өеосъ (δόξα σοι ὁ Θεὸς), слава Тебѣ, Боже, алелугіа». Въ гласѣ 4: «и Святому Духу, алелугіа; ке агио то пневъмати (καὶ ἁγίῳ τῷ πνεύματι), алелугіа». Въ гласѣ 8: «епи си Коуріе илписа (ἐπὶ σοι, κύριε, ἤλπησα), алелугіа; ти икоумени, алелугіа; ти икоумени, алелугіа; слава Тебѣ, Боже, алелугіа; и Св. Духу, алелугіа...» и пр. (л. 114 — 121). Судя по тому, что въ азматикахъ положены на ноты только нѣкоторыя слова стиховъ, можно думать, что это сдѣлано для образца и что по указаннымъ образцамъ пѣлись и остальныя слова тѣхъ же стиховъ.

Изъ священныхъ сосудовъ, употреблявшихся тогда у насъ, сохранились сосуды преп. Антонія Римлянина, именно: а) двѣ чаши, одна частію изъ оникса, частію изъ серебра и золота съ драгоцѣнными камнями; другая изъ яшмы, также съ золотыми и другими драгоцѣнными украшеніями б) дискосъ или блюдцо изъ яшмы, оправленное

въ золото: в) серебреная звѣздица, г) лжица изъ агата съ серебрянымъ стеблемъ, д) мѣдное паникадило ([423]). Изъ священныхъ одеждъ чудесно уцѣлѣло полное облаченіе св. Никиты, епископа новгородскаго (ум. 1108 г), которое 450 лѣтъ находилось на тѣлѣ погребеннаго въ землѣ Святителя, а по открытіи мощей его (въ 1558 г.), уже ок. 300 лѣтъ соблюдается въ ризницѣ новгородскаго софійскаго собора; это облаченіе состоитъ: изъ фелони, епитрахили, поручь и палицы — штофныхъ кофейнаго цвѣта, изъ пояса гаруснаго — тканаго, бѣлаго омофора и синей гродетуровой шапочки, опушенной горностаемъ. Тамъ же хранится и посохъ святителя Никиты, сдѣланный изъ трехъ тонкихъ тросточекъ неизвѣстнаго дерева съ костяными яблоками ([424]). Кромѣ того, изъ церковныхъ вещей того времени упоминаются: сосуды серебряные, интитбѣ (ἐνδύτιον — верхняя престольная одежда) и служебные платы (вѣроятно, воздухи), шитые золотомъ, паникадила, кадильницы и кацѣи (сосуды съ ручками для кажденія), колокола и била, употреблявшіяся преимущественно въ монастыряхъ ([425]). Относительно колоколовъ въ житіи преп. Антонія Римлянина повѣствуется, что когда онъ чудесно прибылъ (1106) въ Новгородъ ночью, въ это время начали звонить къ заутрени и онъ услышалъ великій звонъ по городу: знакъ, что въ Новгородѣ уже многія, если не всѣ, церкви имѣли колокола ([426]).

Обычай погребать умершихъ при церквахъ или въ самыхъ церквахъ, начавшійся у насъ еще прежде, продолжался и въ настоящій періодъ. Почти всѣ князья, о смерти которыхъ упоминаетъ лѣтопись, погребены были въ церквахъ ([427]). Даже простые міряне удостоивались

этой чести: такъ благочестивая супруга кіевскаго посадника Яна, по имени Марія, бывшая духовною дочерію преп. Өеодосія, положена была по смерти своей въ великой печерской церкви на лѣвой сторонѣ противъ гроба самаго Өеодосія ([428]).

ГЛАВА V.

ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ И ПРЕИМУЩЕСТВА ДУХОВЕНСТВА.

Церковное управленіе и преимущества русскаго духовенства мы будемъ разсматривать, какъ и прежде разсматривали, съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, какъ опредѣлены они были въ правилахъ и уставахъ, появившихся у насъ въ то время, а во-вторыхъ, какъ обнаружились въ самыхъ событіяхъ, замѣченныхъ лѣтописцами.

Первымъ приложеніемъ къ условіямъ русской жизни общихъ церковныхъ каноновъ, принятыхъ нами съ вѣрою изъ Греціи, и вмѣстѣ первымъ опытомъ мѣстнаго церковнаго законодательства въ Россіи былъ уставъ св. князя Владиміра, намъ уже извѣстный. Въ настоящій періодъ видимъ дальнѣйшее приложеніе тѣхъ же каноновъ къ потребностямъ русской жизни — въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна II, и частнѣйшее приложеніе и изъясненіе самаго устава Владимірова — въ церковныхъ уставахъ и граматахъ нашихъ князей: кіевскаго Ярослава и новгородскихъ — Всеволода и Святослава.

Церковное правило митрополита Іоанна къ Іакову черноризцу принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ *каноническихъ отвѣтовъ* (ἀποκρίσεις κανονικαί), какіе по временамъ писались на востокѣ предстоятелями церквей на предложенные имъ вопросы, и которые, хотя не имѣли силы

соборныхъ опредѣленій, но представляли руководство по дѣламъ церковнымъ на разные случаи ([429]). Слогъ этого правила или посланія крайне невразумителенъ и далеко отстоитъ отъ слова современныхъ писателей, собственно русскихъ: Иларіона, Θеодосія и Нестора. Невразумительность могла зависѣть отъ двухъ причинъ: или отъ того, что Іоаннъ, недовольно знакомый съ славянскимъ языкомъ, написалъ прямо по-славянски; или отъ того, — если онъ писалъ посланіе по-гречески, — что переводчикъ недостаточно понималъ языкъ греческій или славянскій. Содержаніе посланія весьма разнообразно и не отличается порядкомъ: отвѣчая на письменные вопросы черноризца Іакова, митрополитъ, очевидно, излагалъ свои отвѣты такъ, какъ слѣдовали одинъ за другимъ вопросы. Посланіе раздѣлено на главы, по однимъ спискамъ на 27, по другимъ на 26 и менѣе; но это раздѣленіе совершенно неправильное и, безъ сомнѣнія, сдѣлано не самимъ сочинителемъ, а кѣмъ либо впослѣдствіи: въ нѣкоторыхъ главахъ соединено по нѣскольку, разнородныхъ отвѣтовъ, на-примѣръ, въ первой — до шести; въ другихъ содержится только часть отвѣта, т. е. одинъ отвѣтъ раздѣленъ между двумя главами, на-примѣръ, между 7 и 8, 14 и 15, 21 и 22. Всѣхъ частныхъ отвѣтовъ или правилъ, если мы раздѣлимъ ихъ по содержанію, въ посланіи 35; но ихъ можно подвести подъ четыре, болѣе общіе отдѣла. Въ однихъ правилахъ митрополитъ касается дѣлъ вѣры, священнодѣйствій и церковной святыни; въ другихъ — іерархіи и вообще духовенства; въ третьихъ — дѣлъ брачныхъ, семейныхъ и домашнихъ; въ четвертыхъ — отношенія православныхъ къ Латинянамъ, Евреямъ и язычникамъ ([430]).

1) Правила касательно дѣлъ вѣры, священнодѣйствій

и церковной святыни, равно какъ преступленій противъ нихъ.

Тѣхъ, которые жрутъ бѣсамъ, болотамъ, и кладезямъ, или ни разу въ году не причащаются св. таинъ по собственной винѣ, сначала наставлять и вразумлять со всею силою, не однажды и не дважды, а многократно, пока не увѣдають истины; если же по злобѣ своей останутся непокорными, то считать чуждыми соборной Церкви (прав. 15) ([431]).

Творящихъ волхвованія и чародѣянія, будетъ ли то мужъ или жена, вразумлять словомъ, да обратятся отъ зла; если же не обратятся, подвергать наказаніямъ, но не убивать до смерти и не уродовать, — что было бы противно духу наказанія церковнаго (прав. 7) ([432]).

Если родившійся младенецъ будетъ здоровъ, то крещеніе его можно отлагать, по мнѣнію нѣкоторыхъ св. Отцевъ, до трехлѣтняго его возраста и далѣе; въ случаѣ же болѣзни младенца, можно крестить его ранѣе; а когда болѣзнь будетъ опасна, то крестить въ осьмой день и еще раньше, вообще въ тотъ день и часъ, какъ только станетъ угрожать близкая кончина (прав. 1) ([433]).

Когда кто-либо, будучи взятъ въ плѣнъ иноплеменниками, возвратится изъ плѣна и покается, что онъ отвергся тамъ отъ правовѣрія: принимать таковаго чрезъ мѵропомазаніе; если же онъ не отвергался отъ вѣры: творить надъ нимъ только молитву (прав. 28) ([434]).

Въ церкви, во время пѣнія: «воскресни, Господи», «всякое дыханіе», «аллилуій» и «вечернихъ прокимновъ», іереи и архіереи могутъ сидѣть, а бѣльцы или простецы — никакъ, развѣ то будетъ князь или пророкъ (прав. 9) ([435]).

Когда св. трапеза деревянная, также честные кресты

и иконы Святыхъ сдѣлаются ветхими: то отнюдь не повергать ихъ, а по возможности исправлять. Если слишкомъ обветшаютъ: то полагать ихъ «со всякимъ храненіемъ» въ мѣстахъ оградныхъ и честныхъ, гдѣ не могли бы касаться ихъ ни человѣкъ, ни животное, ни вообще что-либо нечистое и скверное, да не явимся оскорбителями святыни. Въ случаѣ разрушенія церкви, мѣсто алтаря, гдѣ находилась трапеза и приносилась безкровная Жертва, оградить и хранить неприкосновеннымъ, какъ святое и честное (прав. 11) ([436]).

2) Правила касательно іерархіи и вообще духовенства, бѣлаго и монашествующаго, ихъ правъ, обязанностей и образа жизни.

Епископовъ, которые не послушаются своего митрополита, будучи призываемы имъ на соборъ, «посварити отеческимъ наказаніемъ» (прав. 32) ([437]).

Умножить число епископій въ русской землѣ, особенно тамъ, гдѣ много народа и городовъ, было бы любезно, но не иначе возможно, какъ если то будетъ угодно «первопрестольнику русскому» (великому князю) и собору страны (прав. 33).

Иподіаконовъ, желающихъ дальнѣйшихъ степеней (т. е. діаконской и священнической), не прежде поставлять, какъ если они оженятся. А тѣ, которые женятся послѣ поставленія, погубляютъ чинъ свой (прав. 10) ([438]).

Иноку, или пресвитеру, или діакону одной епархіи св. правила возбраняютъ служить въ епархіи другаго архіерея безъ его позволенія; если же онъ позволитъ, то служить не возбранено (прав. 8 и 18) ([439]).

Монаху, который проводитъ жизнь внѣ монастыря,

Отцы халкидонскаго собора (прав. 4. 23) положили въ епитимію не причащаться (прав. 26).

Священниковъ, которые начнутъ предаваться пьянству, подвергать отлученію, да, покорившись закону Господню, отлучатся отъ пьянства; если же не перестанутъ упиваться, то извергать ихъ изъ сана (прав. 35) ([440]).

Если священнодѣйствующіе іереи во время зимы облачаются въ теплыя исподнія одежды изъ кожъ животныхъ, употребляемыхъ ли въ пищу, или неупотребляемыхъ: это отнюдь не возбранено ни въ Греціи, ни въ Россіи, по причинѣ стужи (прав. 14).

Вопреки іереевъ, облачающихся въ одежды различныя и шелковыя, Отцы шестаго вселенскаго собора (въ пр. 27) постановили, чтобы ни одинъ клирикъ, будетъ ли онъ находиться во градѣ или въ пути, не одѣвался въ ризы неприличныя, а употреблялъ бы одежды, уже опредѣленныя для состоящихъ въ клирѣ, — черныя, но отнюдь не бѣлыя. Если же кто преступитъ это: да будетъ на недѣлю отлученъ отъ священнослуженія (пр. 34) ([441]).

Вразсужденіи іереевъ, которые ходятъ къ мірянамъ на пиры, св. Отцы повелѣли, что священнику благообразно и съ благословеніемъ можно вкушать предлагаемое; но когда начнется играніе, плясаніе и гудѣніе, онъ долженъ встать, да не осквернятся его чувства видѣніемъ и слышаніемъ, и вообще, отнюдь не чуждаясь такихъ пировъ, долженъ уходить, когда будетъ соблазнъ (пр. 16) ([442]).

Относительно того, что иногда въ пирахъ участвуютъ мнихи вмѣстѣ съ бѣльцами и женами, св. Отцы втораго никейскаго собора въ 22 правилѣ положили: мнихамъ и іереямъ съ нѣкоторыми богобоязненными и благочести-

выми мужами и даже съ женами можно ѣсть вмѣстѣ, но только чтобы это вело къ назиданію духовному. Равнымъ образомъ, если имъ случится быть въ пути и они не будутъ имѣть потребнаго: имъ не возбраняется войти въ гостинницу или чей-либо домъ, и бѣльцамъ, имѣющимъ у себя женъ и дѣтей, даже обѣдать за общимъ столомъ (пр. 25) ([443]).

Жены священниковъ, взятыя въ плѣнъ иноплеменниками и тамъ оскверненныя, по возвращеніи изъ плѣна должны быть принимаемы своими мужьями, примѣнительно къ правилу св. Василія Великаго, что дѣвы, оскверненныя насильно и противъ воли, когда никто не могъ имъ подать помощи, должны считаться чистыми и невинными (прав. 27) ([444]).

Что касается до тѣхъ людей, которые учреждаютъ въ монастыряхъ трапезы, созывая на нихъ мужей и женъ вмѣстѣ, и стараются превзойти такими пирами другъ друга: это ревность не по Бозѣ, а отъ лукаваго, которая, подъ образомъ милостыни и духовнаго утѣшенія, творитъ приходящимъ пагубу. Архіереи должны со всею силою возбранять это и поучать, что пьянство лишаетъ царства Божія и причиняетъ много зла для души и для тѣла. Если законъ церковный возбраняетъ вообще въ церквахъ и святыхъ монастыряхъ безчинствовать: не тѣмъ ли болѣе противятся ему люди, которые, думая сотворить добро нищелюбія и любви къ инокамъ, безмездно учреждаютъ пиршества въ обителяхъ и погубляютъ чернецевъ и черницъ, пьющихъ вмѣстѣ съ ними (прав. 30) ([445])?

3) Правила касательно дѣлъ брачныхъ, семейныхъ, домашнихъ.

Людей простыхъ, которые поимаютъ себѣ женъ тай-

но и совершаютъ свои свадьбы безъ благословенія Церкви и вѣнчанія, считая, что вѣнчаніе нужно только боярамъ и князьямъ, подвергать епитиміи, какъ блудниковъ (прав. 31) ([446]).

Тѣхъ, которые безъ студа и безъ срама имѣютъ по двѣ жены, вопреки св. вѣрѣ, или даже, безъ благословенія Церкви, поимаютъ себѣ много женъ, пущая однихъ и прилѣпляясь къ другимъ, сначала всячески вразумлять, а потомъ, если не исправятся, считать чуждыми православной Церкви (прав. 7. 15) ([447]).

Правнучатые (троюродные) братъ и сестра, хотя могутъ вступать въ бракъ по закону гражданскому, подвергаются епитиміи для пользы Церкви и вѣрныхъ; а внучатые (двоюродные) братъ и сестра, если вступятъ въ брачный союзъ, должны разойтись: иначе подлежатъ совершенному отлученію (прав. 23).

Равнымъ образомъ, по свитку патріарха Сисинія, два брата не могутъ вступать въ бракъ съ двумя двоюродными сестрами: въ противномъ случаѣ подвергаются отлученію (прав. 24) ([448]).

Священникъ, обвѣнчавшій троеженца, зная то, или не зная, да будетъ изверженъ (прав. 17).

Мужей, которые оставляютъ своихъ женъ и принимаютъ къ себѣ другихъ, равно и женъ, поступающихъ подобнымъ образомъ, по 9 и 18 правиламъ св. Василія Великаго, считать за прелюбодѣевъ и прелюбодѣицъ, и не прежде принимать въ общеніе и допускать къ св. пріобщенію, какъ когда оставятъ грѣхъ свой (прав. 21).

Если мужъ оставитъ свою жену монашескаго ради житія: то жена можетъ вступать въ новый бракъ, а мужу,

принявшему монашество, не возбраняется достигать и іерейскаго сана (прав. 12).

Если для больнаго крещеннаго младенца нельзя будетъ найти кормилицы: то онъ можетъ и прежде сорока дней, пока мать его остается нечистою, питаться молокомъ ея, чтобы не подвергнуться смерти (прав. 2).

Матери крестимыхъ дѣтей, если будутъ больны и не въ состояніи соблюдать поста, передаютъ этотъ долгъ отцамъ, чтобы самимъ не изнемочь и не погубить живота своего (прав. 20).

Животныхъ, которыя будутъ схвачены отъ пса ли, или отъ звѣря, или отъ орла и другой какой либо птицы, и умрутъ, а не будутъ зарѣзаны человѣкомъ, не должно, по заповѣди св. Отцевъ, употреблять въ пищу: въ этомъ случаѣ нужно слѣдовать лучше закону, нежели обычаю страны (прав. 3) ([449]).

4) Правила касательно отношенія православныхъ къ Латинянамъ, Евреямъ и язычникамъ:

Съ тѣми, которые служатъ на опрѣснокахъ и въ сырную недѣлю ядятъ мясо и кровь, и удавленину, не должно сообщаться и служить; но ѣсть съ ними, въ случаѣ нужды, ради любви Христовой отнюдь не возбранено. Если же кто хочетъ избѣгать и сего подъ предлогомъ чистоты и немощи: пусть избѣгаетъ. Надобно только блюстися, чтобы отъ этого не произошелъ соблазнъ и не родилась великая вражда и злопамятованіе; надобно вмѣсто большаго зла избирать меньшее (прав. 4) ([450]).

Тѣхъ, которые не причащаются въ Русской землѣ, а въ великій постъ ядятъ мясо и скверное, подобаетъ всячески исправлять и возвращать къ правовѣрію ученіемъ и погруженіемъ, какбы не христіанъ, да со стра-

хомъ отложатся своей злобы и приложатся на вѣру благовѣрную. Если же не приложатся: не давать имъ св. причащенія, но, какъ воистину иноплеменниковъ и вѣрѣ нашей противниковъ, предоставлять ихъ своей волѣ (прав. 5) ([451]).

Не должно и весьма неприлично правовѣрнымъ (князьямъ) отдавать дочерей своихъ замужъ въ иную страну, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ и не отвергаются скверноядѣнія ([452]). И божественный, и мірской уставы повелѣваютъ правовѣрнымъ поимать женъ тоя же вѣры (прав. 13).

Противъ тѣхъ, которые, купивъ себѣ слугъ, имѣютъ съ ними общеніе въ молитвѣ и пищѣ, а потомъ продаютъ ихъ къ поганымъ, законъ говоритъ: христіанина-человѣка не должно продавать ни жидовину, ни еретику; кто продастъ жидамъ, тотъ беззаконникъ ([453]). Купецъ, который освятилъ купленныхъ имъ слугъ молитвою и крещеніемъ, а потомъ продалъ поганымъ, творитъ явное похищеніе у Бога и согрѣшаетъ вмѣстѣ съ тѣми, которые гнали нашу вѣру и многихъ привели къ невѣрію. Нужно всячески наставлять такихъ купцевъ и, если не послушаютъ, имѣть ихъ, какъ язычниковъ и мытарей (прав. 22).

Кто по невѣдѣнію ѣстъ съ погаными и осквернится: того принимать, прочитавъ только надъ нимъ молитву на оскверненіе (прав. 19).

Тѣхъ, которые по своей волѣ ходятъ къ поганымъ для купли и ядятъ скверное, мы признаемъ за лихоимцевъ, мздоимцевъ и сребролюбцевъ; но хотя великъ ихъ грѣхъ, когда ради имѣнія или скотолюбства они оскверняются съ погаными: однакожъ нѣтъ правила, которое отлучало бы ихъ отъ Церкви. Они очищаются отъ своего грѣха только молитвами и моленіемъ, и такимъ образомъ принимаются въ общеніе. Нужно непрестанно ихъ поу-

чать и внушать имъ евангельское слово: *о горе вамъ, яко имя мое васъ ради во языцѣхъ хулится!* (прав. 29).

Какъ ни кратко разсмотрѣнное нами правило митрополита Іоанна, но оно имѣетъ важное историческое значеніе. Оно указываетъ на разные, весьма любопытные случаи, бывшіе въ нашей Церкви, частію замѣченные, а частію незамѣченные древнею лѣтописью, по поводу которыхъ черноризецъ Іаковъ предложилъ свои вопросы митрополиту, а митролитъ далъ ему свои отвѣты. Оно свидѣтельствуетъ, что наши архипастыри руководствовались тогда не только собственно древнимъ церковнымъ канономъ, какъ изложенъ онъ на седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборахъ, но и послѣдующими опредѣленіями восточныхъ соборовъ и патріарховъ, напримѣръ, патріарха Сисинія (1001). Оно наконецъ, по всей вѣроятности, имѣло въ нашей Церкви практическое употребленіе: потому что внесено было въ Кормчую книгу ([454]).

В. Князь Ярославъ I далъ Церкви уставъ уже подъ конецъ своей жизни, при митрополитѣ Иларіонѣ, и далъ по примѣру или, какъ самъ выражается, по данію, по записи своего отца. Церковный уставъ Ярославовъ, подобно Владимірову, не дошелъ до насъ въ первоначальномъ видѣ, а сохранился въ позднихъ, многочисленныхъ и разнообразныхъ, спискахъ, которые впрочемъ удобно раздѣляются на три фамиліи: краткую, среднюю и обширную ([455]) и, по своей общей основѣ, могутъ дать намъ довольно близкое понятіе о первоначальномъ содержаніи устава. Этотъ уставъ, если разсматривать его сравнительно съ Владиміровымъ, имѣетъ свои особенности. Объ однихъ предметахъ, какіе изложены въ послѣднемъ, онъ вовсе не упоминаетъ, именно: о преступленіяхъ противъ

вѣры и православной Церкви, о десятинѣ, опредѣленной для Церкви, о торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ, о тяжбѣ за наслѣдство между дѣтьми и братьями умершаго. Другіе излагаетъ гораздо короче: тогда какъ въ уставѣ св. Владиміра подробно исчислены лица духовнаго вѣдомства, — здѣсь упоминаются только: попъ и попадья, чернецъ и черница, и потомъ вообще: люди *домовные* (т. е. живущіе въ домахъ церковныхъ, страннопріимницахъ и под.), *церковные* (священно-и-церковнослужители) и обитающіе *въ монастыряхъ*. Третьи предметы, собственно преступленія семейныя и противныя чистотѣ нравовъ: похищенія женъ незаконные браки, разводы, любодѣянія, кровосмѣшенія, разныя оскорбленія слабому полу, драки и тому подобныя, исчисляетъ гораздо подробнѣе, нежели какъ они изложены въ уставѣ равноапостольнаго князя. Наконецъ, нѣкоторыя дѣла, вовсе не упомянутыя въ Уставѣ св. Владиміра, подчиняетъ суду церковному вновь, какъ-то: зажигательство, остриженіе головы или бороды, нѣкоторые виды воровства, убійство и душегубство. Но всего этого мало. Отличаясь отъ устава Владимірова частію по предметамъ, назначаемымъ для церковнаго суда, уставъ Ярославовъ еще болѣе отличается отъ того Устава по способу раскрытія ихъ. Тамъ исчисляются только люди церковные и преступленія, подлежащія суду Церкви, но вовсе не опредѣляются наказанія за преступленія: здѣсь, большею частію, опредѣлены самыя наказанія за преступленія или пени. Тамъ вовсе не показана относительная важность преступленій: здѣсь степени преступленій и мѣры наказаній, большею частію, раздѣлены соотвѣтственно: а) важности лицъ, которыхъ преступленія касаются, б) званію и состоянію лицъ виновныхъ и в) роду самыхъ

преступленій. Тамъ, наконецъ, сказано вообще, что извѣстные предметы подлежатъ суду митрополита и епископовъ, и что въ тѣ суды не должно вмѣшиваться ни князю, ни боярамъ его: здѣсь напротивъ разграничено, какіе суды принадлежатъ Церкви, и въ какихъ принимаетъ участіе и власть свѣтская, и притомъ тѣ и другіе суды раздѣлены на классы.

Собственно *церковному суду* предоставлены: 1) лица духовныя и принадлежащія Церкви: объ нихъ замѣчено: «тѣхъ судитъ митрополитъ или епископъ, опричь міряпъ (отдѣльно отъ міряпъ), и во что ихъ осудитъ, воленъ..., а не вступаются княжіи волостели въ то, да вѣдаютъ ихъ митрополичьи волостели»; 2) нѣкоторыя преступленія міряпъ семейственныя и противныя чистотѣ нравовъ. За одни изъ этихъ преступленій, какъ-то: за прелюбодѣяніе мужа и за вступленіе его въ новый бракъ до развода съ первою женою, не положено никакихъ опредѣленныхъ наказаній, а сказано только: «митрополиту у винѣ», т. е., митрополитъ, вѣроятно, долженъ былъ наказывать по общимъ церковнымъ законамъ. За другія опредѣлены одни внѣшнія наказанія: пени въ пользу митрополита или епископа, а иногда и въ пользу обиженной дѣвицы или женщины, и взятіе виновной въ домъ церковный, пока не выкупятъ ее оттуда родственники. Сюда отнесены преступленія: если мужъ отпускаетъ отъ себя жену свою безъ ея вины; если онъ имѣлъ двѣ жены; если мужъ и жена развелись самовольно; если родители насильно заставили своего сына или дочь вступить въ бракъ, и тѣ потомъ что нибудь дѣлали надъ собой; незаконное рожденіе дитяти женщиною или дѣвицею и нѣкоторые виды любодѣянія ([456]). За третьи преступленія, именно: за браки въ близкихъ степеняхъ родства и раз-

ныя кровосмѣшенія, положены не только внѣшнія наказанія, — пени или взятіе виновной въ домъ церковный, но и духовныя епитиміи ([457]).

Изъ преступленій, подлежавшихъ *суду церковному и вмѣстѣ гражданскому*, одни были такія, какія судились собственно духовною властію и за которыя пени шли въ пользу митрополита или епископа и лицъ обиженныхъ, а князь только «казнилъ»; другія — такія, которыя судились равно духовною и свѣтскою властію и за которыя пени дѣлились пополамъ для митрополита или епископа и для князя. Къ преступленіямъ перваго рода отнесены: похищенія и насилія дѣвицъ разныхъ сословій, побои и другія оскорбленія, имъ причиняемыя, также побои и оскорбленія, наносимыя чужимъ женамъ, побои отъ дѣтей родителямъ, поджигательство, остриженіе головы или бороды ([458]). Къ преступленіямъ послѣдняго рода — нѣкоторые виды воровства, разбои и убійства ([459]). Надобно замѣтить, что въ спискахъ среднеі и обширной фамиліи устава Ярославова упоминаются еще нѣкоторыя другія преступленія; но почти всѣ они однородны съ тѣми, какія мы исчислили, и удобно относятся къ тому или другому изъ упомянутыхъ нами отдѣловъ.

Теперь очевидно, что уставъ Ярославовъ есть не повтореніе устава Владимірова, а какбы продоженіе его и подробнѣйшее раскрытіе, и представляетъ собою шагъ впередъ въ исторіи нашего церковно - гражданскаго законодательства. Св. Владиміръ опредѣлилъ въ своемъ уставѣ главные предметы церковнаго суда въ Россіи на основаніи греческаго Номоканона и, если сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія отъ себя, то согласно съ духомъ того же Номоканона и Моусеевыхъ законовъ, входившихъ

въ составъ его. Вел. князь Ярославъ, кромѣ того, что, опираясь на началахъ греческаго Номоканона, подробнѣе изложилъ многіе предметы церковнаго суда, означенные въ уставѣ Владиміровомъ, и присоединилъ къ нимъ новые, — примѣнилъ еще свой церковный уставъ къ началамъ гражданскаго законодательства, дѣйствовавшаго тогда въ Россіи, — разумѣемъ систему выкуповъ или денежныхъ взысканій за преступленія ([460]), — и нѣкоторыя преступленія подчинилъ суду не только духовной, но и гражданской власти. При такомъ характерѣ, Ярославовъ уставъ въ приложеніи могъ имѣть благотворнѣйшія дѣйствія, нежели уставъ Владиміровъ. Преступленія семейныя и противныя чистотѣ нравовъ, до обращенія Русскихъ ко Христу, едва ли и считались за преступленія и вообще не преслѣдовались закономъ; потому для искорененія ихъ въ народѣ, недавно просвѣтившемся св. вѣрою и грубомъ, когда они подчинены были суду Церкви, недостаточными казались однѣ мѣры духовныя — епитиміи, а необходимы были и наказанія внѣшнія: и вотъ мудрый Ярославъ обложилъ эти преступленія денежными пенями. Нѣкоторыя преступленія, подчиненныя суду церковному, какъ нарушавшія правила нравственности христіанской и самые уставы Церкви, въ то же время были противны и общественному порядку и благоустройству: и Ярославъ для пресѣченія этихъ преступленій опредѣлилъ за нихъ сугубыя денежныя пени въ пользу духовенства и въ пользу князя, а иногда и казнь гражданскую. Но, съ другой стороны, въ этомъ же самомъ характерѣ устава Ярославова заключалась для него и двоякая невыгода. 1) Будучи примѣненъ къ системѣ денежныхъ взысканій, господствовавшей у насъ въ извѣстное время, онъ не могъ имѣть

такого обширнаго, повсемѣстнаго и продолжительнаго употребленія въ Церкви, какъ уставъ Владиміровъ, не привязанный своимъ содержаніемъ ни къ какому опредѣленному мѣсту и времени: извѣстно, что сама денежная система отъ дней Ярослава у насъ непрерывно измѣнялась и даже въ разныхъ княжествахъ была различна. 2) Если же оставался, по мѣстамъ, въ употребленіи и послѣ того, какъ означенная система взысканій вмѣстѣ съ денежною измѣнилась: то неизбѣжно долженъ былъ подвергаться измѣненіямъ и искаженіямъ. Отсюда легко объяснить, почему уставъ Ярославовъ встрѣчается гораздо рѣже въ древнихъ Кормчихъ и другихъ памятникахъ нашей письменности, нежели уставъ Владиміровъ, и почему первый является до того измѣненнымъ, напримѣръ, въ такъ называемой западной его редакціи, что почти невозможно узнать его ([461]).

Съ этой точки зрѣнія довольно удобно разрѣшаются главныя недоумѣнія касательно подлинности Ярославова устава ([462]). Онъ, повидимому, не имѣетъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ признаковъ подлинности. Въ содержаніи его находятся слова, выраженія, даже мѣста, которыя не могъ написать в. к. Ярославъ. Но тому и слѣдовало быть: такъ какъ уставъ съ теченіемъ времени неизбѣжно подвергался перемѣнамъ. Впрочемъ, при всѣхъ случайныхъ перемѣнахъ, онъ могъ сохранить въ разныхъ спискахъ первоначальную свою основу, которую нынѣ можно примѣчать въ томъ, въ чемъ всѣ списки согласны между собою. Внѣшнія свидѣтельства объ Ярославовомъ уставѣ довольно рѣдки, даже рѣже, нежели свидѣтельства объ уставѣ Владиміровомъ; но и это естественно: такъ какъ Ярославовъ уставъ не могъ находиться въ постоянномъ

и повсемѣстномъ употребленіи. Впрочемъ, есть свидѣтельства о существованіи его не только въ XVI, но и въ XV и даже въ XIII вѣкѣ ([463]). Странно было бы доказывать цѣлость и неповрежденность извѣстнаго нынѣ Ярославова устава: но отвергать его подлинность въ самой его основѣ, на основаніи того, что онъ дошелъ до насъ измѣненнымъ, было бы также несправедливо, какъ и отвергать подлинность разныхъ греческихъ узаконеній, которыя несомнѣнно подвергались у насъ разнымъ измѣненіямъ съ практическою цѣлію ([464]), какъ вообще отвергать подлинность всѣхъ древнѣйшихъ произведеній нашей словесности, которыя чѣмъ больше находились въ употребленіи, тѣмъ болѣе потерпѣли отъ рукъ переписчиковъ.

Церковный уставъ Ярослава, который мы назвали продолженіемъ и подробнѣйшимъ раскрытіемъ устава Владимірова, могъ имѣть, подобно послѣднему, общее значеніе въ землѣ Русской, какъ данный самовластцемъ ея и великимъ княземъ. Удѣльные князья дѣлали частнѣйшія примѣненія Владимірова устава въ своихъ княженіяхъ по своему усмотрѣнію: по крайней мѣрѣ, такъ можно заключать изъ сохранившихся уставовъ новгородскихъ князей Всеволода и Святослава.

Соорудивъ на собственное иждивеніе каменную церковь во имя св. Іоанна Предтечи на Петрятиномъ дворищѣ, что̀ на Опокахъ, съ придѣломъ во имя пророка Захаріи (1127 — 1132), и предназначивъ ей быть соборною, княжескою, благочестивый Всеволодъ хотѣлъ обезпечить содержаніе какъ самой церкви, такъ и ея причта на будущее время. Съ этою цѣлію онъ, примѣнительно къ уставу св. Владиміра, предоставлявшему духовному вѣдомству наблюденіе за торговыми мѣрами и вѣсами, далъ

означенной церкви право держать въ притворѣ вѣсы, взвѣшивать на нихъ воскъ и, вѣроятно, нѣкоторые другіе товары, и за то брать съ торговцевъ *вѣсчія* пошлины ([465]). Мѣра пошлинъ была назначена различная: иная съ гостей низовскихъ, другая съ полоцкихъ и смоленскихъ, и еще иная съ новоторжцевъ и новогородцевъ. Для производства торга отведено было вокругъ церкви св. Іоанна Предтечи опредѣленное пространство земли, гдѣ мѣста отдаваемы были на откупъ и плата за нихъ шла въ церковь св. Іоанна. Наконецъ, за право торговать здѣсь, или точнѣе, включиться въ постоянное «купечество Иванское», желавшіе должны были вносить прежнимъ купцамъ извѣстную сумму, изъ которой часть отдѣлялась въ казну той же церкви. Чтобы смотрѣть за правильностію вѣсовъ, собирать разныя подати въ пользу церкви, хранить и употреблять ихъ соотвѣтственно назначенію, князь поставилъ ей трехъ старостъ отъ житыхъ людей, одного тысяцкаго отъ черныхъ и двухъ старостъ отъ купцевъ, и повелѣлъ «ни во что Иванское» не вмѣшиваться ни посаднику, ни боярамъ новгородскимъ, ни самому владыкѣ. Изъ доходовъ церкви положено было ежегодное жалованье: священникамъ по осьми гривенъ серебра, діакону по четыре гривны серебра, дьячку три гривны серебра, сторожамъ три гривны серебра, съ тѣмъ, чтобы священники отправляли службу въ церкви св. Іоанна ежедневно и въ придѣлѣ св. Захаріи на хорахъ по воскресеньямъ, а діаконъ служилъ въ каждую субботу и каждое воскресенье. Изъ тѣхъ же доходовъ ежегодно отпускаема была значительная сумма для храмоваго праздника св. Іоанна Предтечи на свѣчи и другія издержки; при чемъ узаконено было — владыкѣ, который приглашался служить

въ первый день праздника, выдавать гривну серебра, кромѣ другихъ подарковъ; настоятелю Юрьевскаго монастыря, служившему на второй день, полгривны серебра; настоятелю Антоніева монастыря, служившему на третій день, также полгривны серебра. Черезъ годъ шло изъ Ивановскихъ доходовъ тридцать гривенъ серебра и въ казну княжескую. Всѣ эти, весьма любопытныя свѣдѣнія по самой рѣдкости ихъ, изложенныя въ грамотѣ князя Всеволода, которую онъ далъ построенной имъ церкви на Опокахъ, дополняются еще однимъ: сказавъ почти въ началѣ грамоты: «даю св. великому Іоанну отъ своего имѣнія великаго на строеніе церкви во вѣки вѣсъ вощаный», князь продолжаетъ: «а въ Торжку даю пудъ вощаный, половина св. Спасу, а половину св. великому Іоанну на Петрятино дворище». Отсюда можно заключить, что и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Новгорода, были церкви, напримѣръ, въ Торжкѣ — Спасская, которыя пользовались жалованьемъ княжескимъ. Надобно замѣтить, что и разсмотрѣнная нами грамата, извѣстная нынѣ по разнымъ спискамъ, дошла до насъ не въ первоначальномъ видѣ, а съ нѣкоторыми измѣненіями и даже несообразностями въ подробностяхъ ([466]).

Кромѣ граматы, данной церкви св. Іоанна Предтечи, Всеволодъ далъ Новгороду еще другую, которою подтвердилъ вообще церковный уставъ Владиміровъ, сдѣлавши въ немъ небольшія дополненія и перемѣны. Въ этой новой граматѣ, послѣ краткаго вступленія, гдѣ упоминается о крещеніи св. Ольги и св. Владиміра, и о десятинѣ, шедшей съ самаго начала на церковь Десятинную въ Кіевѣ и Софійскіе соборы, кіевскій и новгородскій, — можно различать три части ([467]). Первая содержитъ опредѣленіе ка-

сательно торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. Наблюдать за ними въ Новгородѣ обязанъ владыка, съ тѣмъ однакожъ, чтобы вѣсчія пошлины были раздѣляемы на двѣ церкви: Софійскую и св. Іоанна Предтечи. Орудіями владыки въ этомъ дѣлѣ должны быть соцкіе — со стороны Софійскаго собора и старосты — со стороны церкви св. Іоанна Предтечи. Если кто либо изъ нихъ злоупотребитъ при наблюденіи за мѣрами и вѣсами: виновный подвергается тяжкой казни и имущество его дѣлится на трое: треть идетъ св. Софіи, другая — св. Іоанну, послѣдняя — соцкимъ и Новгороду. А владыка, допустившій такое злоупотребленіе, дастъ отвѣтъ предъ Богомъ въ день судный. Во второй части исчисляются суды церковные и пошлины за всѣ эти суды назначаются для одной св. Софіи, т. е., въ пользу самаго софійскаго собора, епископа и всего соборнаго причта: суды здѣсь перечислены тѣ же, что и въ уставѣ св. Владиміра по обширной редакціи, только нѣсколько подробнѣе указаны случаи тяжбы дѣтей умершаго о наслѣдствѣ. Въ третьей части поименованы церковные люди, исключительно принадлежащіе суду епископа, и поименованы также согласно съ уставомъ св. Владиміра, кромѣ того, что къ нимъ присоединены здѣсь еще такъ называемые изгои (люди безродные). Послѣ каждой части Всеволодъ заповѣдуетъ, чтобы въ суды церковные не вмѣшивались ни дѣти его, ни внучата, ни намѣстники, ни тіуны; а въ заключеніи послѣдней, между прочимъ, выражается: «своимъ тіунамъ приказываю суда церковнаго не обидѣти, а съ суда давати: девять частей князю, а десятую св. Софіи за княжу душу». Это показываетъ, что, кромѣ другихъ преимуществъ, предоставленныхъ въ граматѣ соборной церкви и епископу, Всеволодъ давалъ имъ еще десятину

изъ своихъ княжескихъ доходовъ, согласно съ Уставомъ Владиміровымъ. Излишнимъ считаемъ замѣчать, что и эта грамота Всеволода дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Лучшимъ доказательствомъ того, что новгородскіе князья подтверждали для своей области уставъ Владиміра о десятинѣ и сами платили ее, служитъ Уставъ новгородскаго князя Святослава (1137 г.), начинающійся слѣдующими словами: «Уставъ, бывшій прежде насъ въ Руси от прадѣдъ и от дѣдъ нашихъ: имати пискупомъ десятину от даній и от виръ и продажъ, что̀ входитъ въ княжъ дворъ всего... А здѣ в Новѣгородѣ, что есть десятина от даній, обрѣтохъ уряжено *прежде мене бывшими князи*, толико отъ виръ и продажъ десятины зьрѣлъ, олико даній въ руцѣ княжии въ клеть его». Сказавъ, что было прежде, Святославъ продолжаетъ, что онъ самъ, для большей удобности и для епископа и для себя, рѣшился замѣнить десятину опредѣленнымъ жалованьемъ владыкѣ деньгами и другими вещами. Съ этою цѣлію назначаетъ ему въ годъ сто гривенъ кунъ изъ собственныхъ княжескихъ доходовъ и затѣмъ, перечисляя разные погосты онежскіе, обонежскіе и бѣжицкіе, указываетъ, по скольку съ каждаго изъ нихъ должно идти для владыки денегъ, сколько, въ частности, подносить ему при его объѣздахъ епархіи и по скольку въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брать ему пошлины съ соляныхъ варницъ ([468]).

Обращаясь отъ церковныхъ правилъ и уставовъ, появившихся у насъ въ данный періодъ, къ самымъ событіямъ, замѣченнымъ лѣтописью, въ которыхъ болѣе или менѣе выразились какъ эти, собственно русскія, постановленія, такъ и общіе церковные законы, у насъ дѣйствовавшіе,

находимъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія и о внутреннемъ управленіи нашей Церкви, и о внѣшнихъ преимуществахъ ея духовенства.

Главнымъ іерархомъ русской Церкви былъ митрополитъ; но онъ не иначе рѣшалъ важнѣйшія дѣла въ ней, по древнимъ правиламъ (Апост. 34; Ант. 9), какъ съ соборнаго согласія своихъ епископовъ. Правда, лѣтопись не говоритъ прямо о такихъ соборахъ, кромѣ одного, чрезвычайнаго, который созванъ былъ не митрополитомъ, а вел. кн. Ярославомъ, для избранія митрополита Илларіона; но она представляетъ нѣсколько случаевъ, показывающихъ, что епископы наши были собираемы въ Кіевъ и проживали въ немъ, конечно, не безъ воли митрополита и не безъ особенныхъ цѣлей. Такъ въ 1091 году, когда два печерскіе инока, въ 13-й день августа, тайно открыли мощи св. Θеодосія въ пещерѣ, къ нимъ внезапно явился изъ своего кловскаго (кіевскаго) монастыря Стефанъ, епископъ владимірскій, который услышалъ объ этомъ намѣреніи печерянъ только за день, и слѣдовательно не могъ бы поспѣть къ событію изъ Владиміра. А на другой день, т. е., 14 августа, для перенесенія открытыхъ мощей изъ пещеры въ церковь, собрались епископы: Ефремъ переяславскій, Стефанъ владимірскій, Іоаннъ черниговскій, Маринъ юрьевскій, которые, значитъ, всѣ находились въ Кіевѣ. 1093 года, апрѣля 13, скончался въ Кіевѣ вел. князь Всеволодъ, а въ слѣдующій день собрались епископы, игумены и прочее духовенство, и погребли его въ софійскомъ соборѣ. Въ томъ же году утонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ сынъ Всеволода, юный князь Ростиславъ, и когда принесли тѣло его въ Кіевъ, собрались епископы и священники, и погребли его въ томъ же соборѣ ([469]). Впрочемъ нельзя ду-

мать, будто епископы постоянно жили въ Кіевѣ и составляли при митрополитѣ какбы постоянный соборъ: потому что иногда упоминается о прибытіи въ Кіевъ епископовъ для какого нибудь особеннаго случая, напримѣръ, для освященія печерской церкви, иногда представляются въ Кіевѣ только митрополитъ и игумены, а иногда, когда митрополитъ отсутствовалъ, только игумены съ низшимъ духовенствомъ ([470]). Всего чаще собирались въ Кіевъ, какъ и естественно, епископы ближайшихъ къ нему епархій: юрьевской, бѣлогородской, черниговской, переяславской, но иногда и отдаленныхъ: напримѣръ, при освященіи печерской церкви находился св. Исаія ростовскій. Изъ самаго Новгорода епископы по временамъ путешествовали въ Кіевъ и двое изъ нихъ, Стефанъ и Германъ, даже въ Кіевѣ скончались ([471]).

Изъ правъ собственно митрополичьихъ, на сколько они обнаружились въ дѣйствіяхъ нашихъ первосвятителей, извѣстны слѣдующія. Митрополитъ а) созывалъ епископовъ на соборы (по прав. антіох. соб. 19): такъ, когда въ 1089 году нѣсколько епископовъ явились внезапно въ Кіевъ на освященіе печерской церкви и митрополитъ Іоаннъ спросилъ ихъ, зачѣмъ они пришли, не будучи званы, — они отвѣчали: насъ приглашали посланные отъ тебя, и мы не смѣли преслушаться твоего повелѣнія ([472]). б) Поставлялъ нашихъ епископовъ, разумѣется, не одинъ, а при участіи другихъ епископовъ (по прав. 1 всел. 4; IV всел. 28; VII всел. 3 и др.) ([473]). в) Судилъ епископовъ, также не одинъ, а съ соборомъ епископовъ (по прав. Апост. 74; Карѳ. 12 и др.): это показываетъ примѣръ новгородскаго епископа Луки Жидяты, который, будучи оклеветанъ слугою своимъ Дудикомъ, былъ вызванъ въ Кіевъ митрополитомъ Ефремомъ, осужденъ и три года содержался тамъ, пока не обнару-

жилась его невинность и онъ не получилъ вновь своей епархіи. г) Дѣлалъ общія распоряженія, касавшіяся всей Церкви (по прав. антіох. 9): напримѣръ, повелѣлъ всѣмъ епископамъ вписать въ синодикъ пр. Ѳеодосія печерскаго, и они вписали ([474]).

Еще менѣе говорится въ лѣтописи о правахъ нашихъ епископовъ или о примѣненіи къ нимъ древнихъ церковныхъ правилъ. Можно только, на основаніи ея и другихъ свидѣтельствъ, сдѣлать четыре замѣчанія относительно этого предмета. 1) Въ санъ епископа у насъ избираемы были преимущественно игумены разныхъ монастырей и другіе благочестивые иноки: одна печерская обитель дала Церкви болѣе 30 архипастырей ([475]). Впрочемъ иногда избирались и изъ вдовыхъ священниковъ, которые, разумѣется, должны были при этомъ принять монашество, какъ избранъ былъ новгородскій епископъ Іоаннъ, оставшійся извѣстнымъ подъ именемъ *попина* ([476]). 2) Епископы наши не были перемѣщаемы изъ одной епархіи въ другую, а оставались каждый на своей епархіи до самой кончины: по крайней мѣрѣ, лѣтопись не представляетъ ни одного случая такого перемѣщенія, напротивъ весьма часто упоминается о кончинѣ епископовъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, куда они первоначально были поставлены, и о рукоположеніи на эти епархіи новыхъ епископовъ изъ числа игуменовъ и другихъ иноковъ ([477]). 3) Епископы наши не были лишаемы своихъ каѳедръ, даже въ случаѣ тяжкой и весьма продолжительной болѣзни, если сами того не желали: черниговскій епископъ Іоаннъ 25 лѣтъ лежалъ въ болѣзни и вовсе не могъ служить, однакожъ оставался на своей каѳедрѣ до самой своей смерти. Оттого черниговцы весьма рады были преемнику его Ѳеоктисту, что сильно жаждали

видѣть архіерейскую службу ([478]). 4) Впрочемъ, по собственному желанію, въ случаѣ нужды епископы были увольняемы отъ епархій: такъ, новгородскій епископъ Іоаннъ, послѣ двадцатилѣтняго служенія Церкви въ санѣ епископа, «отвержеся епископіи» ([479]).

Въ управленіи Церкви, по примѣру благочестивыхъ царей греческихъ, ближайшее участіе принимали наши князья, особенно великіе. Кромѣ извѣстнаго случая, когда — а) вел. кн. Ярославъ «постави» митрополитомъ Иларіона, «собравъ епископы», князья — б) избирали или утверждали избраніе епископовъ: въ этомъ смыслѣ говорится, что удѣльный князь переяславскій Ярополкъ «постави» епископомъ въ Переславль игумена Марка, рукоположеннаго митрополитомъ Никитою, и потомъ, сдѣлавшись вел. княземъ, *велѣлъ* митрополиту поставить въ Смоленскъ епископа Мануила; — в) утверждали избраніе игуменовъ для обителей: въ этомъ смыслѣ вел. кн. Святополкъ «повелѣ» митрополиту поставить игуменомъ печерскимъ Прохора, избраннаго братіею ([480]). Только съ соизволенія князей могли у насъ — г) открываться новыя епархіи, какъ и открыта епархія смоленская ([481]), и д) перемѣщаться епископскія каѳедры изъ одного города въ другой, какъ перенесена была на время, по повелѣнію вел. князя Святополка, каѳедра юрьевская изъ Юрьева въ городъ Святополчь ([482]). Не иначе, какъ съ дозволенія вел. князя, могли совершаться у насъ — е) перенесеніе св. мощей изъ одной церкви въ другую, что́ особенно обнаружилось по поводу вторичнаго перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба, на которое вел. князь Святополкъ долго не соглашался, а преемникъ его, Владиміръ Мономахъ, немедленно согласился; — ж) даже причтеніе новоявленныхъ Угодниковъ къ лику

Святыхъ: имя преп. Θеодосія вписано въ сνнодикъ послѣ того, какъ вел. кн. Святополкъ, по просьбѣ печерскаго игумена Θеоктиста, *повелѣлъ* митрополиту вписать это имя ([483]).

Принимая такое близкое участіе въ дѣлахъ Церкви, князья, съ своей стороны, предоставляли и духовенству нерѣдко участвовать въ дѣлахъ, касавшихся жизни общественной и государственной. Важнѣйшимъ событіемъ и для князей, и для всего государства, было вступленіе ихъ на престолъ: это вступленіе освящалось благословеніемъ предстоятелей Церкви и молитвою. Обыкновенно новаго князя, если онъ приходилъ изъ другаго княженія, встрѣчали въ Кіевѣ, при безчисленномъ стеченіи народа, самъ митрополитъ, епископы и прочее духовенство (а въ другихъ городахъ мѣстное духовенство) въ церковныхъ облаченіяхъ и съ крестами; потомъ сопровождали его въ соборную церковь, гдѣ первостоятель со всѣмъ освященнымъ соборомъ совершалъ приличное случаю молитвословіе, благословлялъ новаго князя на княженіе и посаждалъ его на великокняжескій столъ: такъ встрѣчены были и вступили на кіевскій престолъ — Владиміръ Мономахъ (1115 г.), Вячеславъ Владиміровичъ (1138), Всеволодъ Ольговичъ (1139), Изяславъ Мстиславичъ (1146); такъ встрѣтили и посадили на столѣ (1138 г.) Псковитяне князя Всеволода — Гавріила, пришедшаго къ нимъ изъ Новгорода ([484]). Нельзя при этомъ умолчать объ одномъ особенномъ случаѣ, который не повторялся у насъ очень долго: преданіе говоритъ, что великій князь кіевскій Владиміръ Мономахъ вѣнчанъ еще былъ на царство животворящимъ крестомъ, царскимъ вѣнцемъ и діадимою дѣда своего по матери, греческаго императора Константина Мономаха, и что это священнодѣйствіе совершено было надъ

нашимъ княземъ въ кіево-софійскомъ соборѣ греческими святителями—антіохійскимъ и ефесскимъ, которые и принесли къ нему изъ Византіи означенныя вещи, вмѣстѣ съ другими регаліями Константина Мономаха,—преданіе достовѣрное въ основной мысли, хотя довольно разнорѣчивое въ подробностяхъ ([485]). Весьма также важны были для отечества договоры нашихъ князей, которые заключали они какъ для предотвращенія внутреннихъ междоусобій, такъ и для совокупнаго противодѣйствія внѣшнимъ врагамъ: на эти договоры приглашаемы были и представители духовной власти. Въ 1096 году, когда земля русская изнемогала отъ княжескихъ усобицъ и отъ набѣговъ дикихъ Половцевъ, вел. кн. кіевскій Святополкъ и переяславскій Владиміръ Мономахъ послали сказать черниговскому князю Олегу: «поиди къ Кыеву, да порядъ положимъ о Руссьтѣй земли *предъ епископы и предъ игумены*, и предъ мужи отецъ нашихъ, и предъ людьми градьскими, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ» ([486]). Если же междоусобія начинались не смотря на всѣ договоры князей: лица духовныя принимали на себя долгъ быть примирителями враждовавшихъ. Такъ въ 1097 году, когда переяславскій князь Владиміръ Мономахъ и князья черниговскіе приближались съ войскомъ къ Кіеву, чтобы наказать вел. кн. Святополка за коварное ослѣпленіе Василька, кіевляне, желая отвратить бѣду, выслали отъ себя къ наступавшимъ князьямъ митрополита Николая вмѣстѣ съ вдовствующею супругою Всеволода, отца Владимірова; ихъ предстательство имѣло успѣхъ: добрый Мономахъ, чтившій мачиху и митрополита, «не преслуша мольбы его» ([487]). Въ 1127 году, когда вел. кн. Мстиславъ собирался, вслѣдствіе прежде даннаго слова, отмстить

черниговскому князю Всеволоду Ольговичу за его жестокій поступокъ съ дядею Ярославомъ муромскимъ: игуменъ Андреевской обители Григорій и съ нимъ весь «соборъ іерейскій» (митрополита тогда не было въ Кіевѣ) убѣждали князя примириться съ Всеволодомъ и говорили: «легче нарушить крестное цѣлованіе, нежели проливать христіанскую кровь; грѣхъ твой мы примемъ на себя» ([488]). И князь послушался. Въ 1136 году митрополитъ Михаилъ примирилъ вел. кн. Ярополка съ Ольговичами черниговскими и тѣмъ прекратилъ брань. Въ 1140 году, вел. кн. кіевскій Вячеславъ выслалъ того же митрополита къ Всеволоду Ольговичу, стоявшему съ войскомъ близъ Кіева, и чрезъ посредство святителя убѣдилъ своего соперника возвратиться съ войскомъ въ Вышгородъ ([489]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда простое слово убѣжденія казалось недостаточнымъ, архипастыри употребляли иногда, для пользы отечества, свою духовную власть. Въ 1135 году митрополитъ Михаилъ, по желанію вел. кн. Ярополка, услышавшаго о возмущеніи новгородцевъ, писалъ къ нимъ посланіе, въ которомъ убѣждалъ ихъ прекратить смятеніе, а на нѣкоторыхъ налагалъ клятву. Мѣра эта подѣйствовала: новгородцы присылали въ Кіевъ юрьевскаго игумена Исаію и другихъ пословъ, чтобы испросить прощеніе. Въ слѣдъ за тѣмъ самъ митрополитъ путешествовалъ въ Новгородъ, былъ принятъ жителями съ особенною честью, хотя вскорѣ буйные изъ нихъ начали снова своевольничать, не смотря на всѣ убѣжденія архипастыря ([490]). Черниговскій епископъ Онуфрій въ 1146 г., желая предохранить удѣльныхъ князей отъ нарушенія присяги, данной ими вел. кн. кіевскому Игорю, сказалъ своимъ священникамъ: «если кто нарушитъ это крестное цѣлованіе, да будетъ проклятъ». Такая

мѣра вынуждалась обстоятельствами времени, когда враждовавшіе князья то и дѣло нарушали данныя ими клятвы ([491]). Оставалось еще за нашимъ духовенствомъ древнее право Церкви — защищать притѣсняемыхъ, ходатайствовать за несчастныхъ. Въ 1097 г., когда вел. кн. Святополкъ обманулъ князя Василька и заключилъ его въ темницу, чтобы потомъ ослѣпить, — игумены, услышавъ объ этомъ, «начаша молитися о Василькѣ Святополку», хотя вѣроломный князь и не послушалъ ихъ мольбы. Въ 1111 г., когда тотъ же Святополкъ схватилъ на Берестьи непокорнаго Ярослава и скованнаго привелъ въ Кіевъ, митрополитъ и игумены ходатайствовали за виновнаго и умолили Святополка простить его; потомъ водили его къ ракѣ св. мучен. Бориса и Глѣба, сняли съ него оковы и отпустили ([492]). Новгородскій епископъ, кажется, начиналъ уже имѣть ближайшее участіе въ дѣлахъ гражданскихъ своей епархіи, которое впослѣдствіи такъ усилилось: по крайней мѣрѣ, въ 1140 года, когда новгородцы посылали къ вел. кн. Всеволоду просить себѣ новаго князя, главнымъ дѣйствователемъ при этомъ, главнымъ посломъ былъ епископъ ([493]).

Почитая духовный санъ и предоставляя, особенно архипастырямъ, разныя преимущества въ обществѣ, князья заботились доставлять духовенству средства содержанія. Изъ церковныхъ уставовъ и граматъ, данныхъ князьями, мы видѣли, что такими средствами служили: а) судныя пошлины, которыя собственно шли въ пользу митрополита и епископовъ; б) вѣсчія пошлины, которыми пользовались иногда, кромѣ архіерейскихъ каѳедръ или соборовъ, и другія церкви съ своимъ причтомъ; в) десятина, удѣлявшаяся изъ княжескихъ доходовъ на содержаніе каѳедральныхъ церквей и самихъ архіеревъ; г) иногда, въ за-

мѣнъ десятины, опредѣленное жалованье отъ князя деньгами и другими вещами. Свидѣтельства лѣтописей объ этомъ предметѣ крайне скудны. Только мимоходомъ онѣ говорятъ, что тотъ или другой князь весьма любилъ духовныхъ и подавалъ имъ, «яже на потребу»; что владимірскій князь Ярополкъ ежегодно давалъ десятину отъ всего своего имѣнія св. Богородицѣ, т. е. на церковь св. Богородицы, вѣроятно, не кіевскую, а бывшую во Владимірѣ; что суздальскій епископъ Ефремъ подарилъ кіево-печерской лаврѣ дворъ въ Суздалѣ съ церковію св. Димитрія и съ «селы», — слѣдовательно, имѣлъ во владѣніи какія-то села; что, наконецъ, митрополитъ имѣлъ свои митрополичьи города: Милитину, Синелицу и другіе «съ уѣзды, и съ волостьми, и съ селы» (494). Послѣднее извѣстіе, хотя оно въ позднихъ лѣтописяхъ, весьма вѣроятно, если припомнимъ, что наши князья начали уже тогда жертвовать духовенству волости и села, и что такими волостями и селами, какъ мы видѣли, пользовались даже нѣкоторые наши монастыри, напримѣръ, кіево-печерскій и юрьевскій новгородскій.

ГЛАВА VI.

СОСТОЯНІЕ ВѢРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ.

Обозрѣвая доселѣ отечественную Церковь съ разныхъ сторонъ въ избранный нами періодъ и особенно разбирая уцѣлѣвшіе памятники нашей духовной письменности и церковнаго законодательства, мы уже имѣли случай видѣть, хотя по частямъ, многія черты, относящіяся къ христіанской жизни нашихъ предковъ. Теперь остается намъ только снести эти разрозненныя черты вмѣстѣ, присоединить къ нимъ новыя, однородныя, какія сохранила исторія, чтобы получить возможно-полное и вѣрное понятіе о тогдашнемъ состояніи вѣры и нравственности въ русской Церкви.

Были еще между русскими христіанами такіе, которые придерживались языческихъ преданій и суевѣрій. Нѣкоторые собирались у рѣкъ, болотъ, колодцевъ и тамъ совершали свои моленія, приносили жертвы идоламъ; другіе предавались волхвованіямъ и чародѣяніямъ: вѣра въ силу волхвовъ была такъ велика, что по мѣстамъ являвшіеся волхвы увлекали за собою цѣлыя толпы, несмотря на все безразсудство своего ученія и даже явное противленіе христіанству. Язычество проникало всѣ народныя игры и увеселенія, перешедшія отъ предковъ, и часто случалось, что во дни праздниковъ церкви христіанскія оставались

пусты, а на игрищахъ толпился народъ, раздавались русальи пѣсни, гусли, сопели, происходили пляски, скоморошества, кулачные бои. Язычество оставалось сильнымъ и въ домашнемъ быту: многіе изъ простаго народа, какъ велось изстари на Руси, похищали себѣ женъ и вступали съ ними въ бракъ безъ церковнаго благословенія и вѣнчанія, довольствуясь только языческимъ обрядомъ плесканія; другіе безъ стыда имѣли разомъ по двѣ жены; третьи часто перемѣняли своихъ женъ, отпуская однѣхъ и принимая другихъ. Язычество удерживало свое вліяніе и на торговыя дѣла: по крайней мѣрѣ, обычай торговать рабами, начавшійся у насъ еще во дни язычества, оставался и теперь. Нѣкоторые, покупая невольниковъ, обращали ихъ къ христіанству и потомъ снова продавали поганымъ, т. е. язычникамъ и жидамъ. Изъ того же вліянія язычества можно объяснять, почему нѣкоторые изъ русскихъ христіанъ были столько холодны къ новой вѣрѣ, что ни разу въ теченіе года не причащались св. Христовыхъ Таинъ ([495]). Но главными пороками и недостатками того времени можно назвать пьянство, противъ котораго съ такою силою вооружались наши пастыри, и княжескія междоусобія, происходившія почти непрерывно.

Во время этихъ послѣднихъ нерѣдко самыя низкія страсти человѣческаго сердца — своекорыстіе, злоба, мщеніе и другія обнаруживались въ высшей степени. Случалось, что сынъ возставалъ противъ отца, братья противъ братьевъ, дяди противъ племянниковъ, племянники противъ дядей, и кровь лилась рѣкою, не было пощады даже мирнымъ жителямъ. Князья часто заключали между собою договоры, цѣловали крестъ во свидѣтельство истины

своихъ словъ, — и также часто нарушали клятву, обманывали другъ друга. Случалось, что и народъ, увлекаясь примѣромъ князей, предавался буйству иногда противъ самихъ князей. Нельзя не припомнить здѣсь особенно двухъ поразительныхъ случаевъ, съ одной стороны, вѣроломства и жестокости князей, съ другой — буйства народа. Въ 1097 году князья, какбы утомленные междоусобіями, собрались въ Любечѣ и заключили между собою торжественный договоръ: жить впредь въ мирѣ и любви и дѣйствовать общими силами противъ внѣшнихъ враговъ отечества — Половцевъ, вновь распредѣлили между собою области и всѣ единодушно утвердили договоръ присягою. Но тогда же, возвращаясь изъ Любеча, владимірскій князь Давидъ Игоревичъ заѣхалъ въ Кіевъ и началъ внушать вел. князю Святополку, будто теребовльскій князь Василько и переяславскій Владиміръ Мономахъ суть ихъ тайные враги и замышляютъ отнять у нихъ удѣлы. Святополкъ сначала понялъ-было истинную причину этой клеветы — зависть и злобу Давида; но вскорѣ, увлеченный убѣжденіями послѣдняго, согласился сдѣлаться вѣроломнымъ. Василько проѣзжалъ тогда мимо Кіева и остановился для ночлега близъ выдубецкой обители. На утро Святополкъ и Давидъ прислали звать его къ себѣ, и, хотя Василько спѣшилъ домой, однакожъ, по неотступной просьбѣ родичей, далъ слово повидаться съ ними. Когда онъ въѣзжалъ въ Кіевъ: одинъ изъ вѣрныхъ отроковъ встрѣтился ему и объявилъ, что его замышляютъ схватить; но Василько, спокойный по совѣсти, вспомнивъ недавнюю присягу князей, перекрестился и продолжалъ путь. Къ несчастію, едва онъ прибылъ къ вел. князю, повидался съ нимъ и Давидомъ, какъ былъ окруженъ воинами, за-

ключенъ въ тяжкія оковы и оставленъ подъ стражею. Напрасно игумены на другой день, услышавъ о вѣроломствѣ, молили Святополка пощадить невиннаго. Святополкъ, устрашенный новыми внушеніями Давида, отдалъ ему жертву въ руки. Скованнаго Василька перевезли ночью въ Бѣлгородъ и тамъ въ тѣсной хижинѣ насильно повергли его на землю, раздавили ему грудь досками, изранили лице и вырѣзали оба глаза... «Такого злодѣйства, справедливо воскликнулъ Владиміръ Мономахъ, услышавъ о немъ, никогда не было въ землѣ русской ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ» ([496]). Другой подобный примѣръ представляетъ мученическая кончина князя Игоря Ольговича. По смерти брата своего вел. князя Всеволода (въ 1146 г.), онъ вступилъ-было, по завѣщанію покойнаго, на кіевскій престолъ; но Кіевляне, недовольные вообще Ольговичами — князьями черниговскими и расположенные къ роду Владиміра Мономаха, тайно пригласили къ себѣ на княженіе внука его Изяслава Мстиславича изъ Переяславля. Во время происшедшей между соперниками битвы Игорь взятъ былъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Переяславль и заключенъ въ темницу, въ обители св. Іоанна. Здѣсь, изнуренный скорбію и тяжкою болѣзнію, онъ рѣшился осуществить давнее свое желаніе отказаться отъ свѣта, былъ постриженъ въ монашество отъ епископа Евѳимія и вскорѣ, переселившись въ Кіевъ, принялъ схиму въ обители св. Ѳеодора. Между тѣмъ Ольговичи требовали отпустить къ нимъ брата Игоря и объявили Изяславу войну. Изяславъ, не находившійся тогда въ Кіевѣ, прислалъ возвѣстить о томъ брату своему Владиміру, митрополиту и всему кіевскому вѣчу. Кіевляне единодушно выразили готовность идти противъ Ольговичей и тутъ же подали го-

лось прежде всего умертвить несчастнаго Игоря. Напрасно князь Владиміръ говорилъ имъ, что это противно волѣ Изяслава: «мы знаемъ, отвѣчали Кіевляне, что онъ того не хочетъ, да мы хочемъ». Напрасно митрополитъ и тысяцкіе убѣждали безразсудную толпу: народъ не послушался и съ крикомъ бросился къ Ѳеодоровскому монастырю. Игорь былъ за литургіею и молился предъ иконою Богоматери: его извлекли изъ церкви и съ неистовствомъ повлекли вонъ изъ обители. Подоспѣвшій Владиміръ хотѣлъ освободить злополучнаго и, подвергаясь самъ ударамъ, прикрылъ его собственною одеждою, привелъ въ домъ своей матери и заперъ ворота. Но злодѣи вломились во дворъ, нашли Игоря, умертвили и нагаго съ безчестіемъ волочили по улицамъ и площадямъ. Не прежде, какъ уже утихло народное изступленіе, невинный страдалецъ былъ внесенъ въ церковь, одѣтъ въ свои схимническія одежды и по обряду христіанскому погребенъ въ обители св. Сумеона (497).

Впрочемъ, не будемъ слишкомъ строги въ судѣ о нравственныхъ недостаткахъ нашихъ предковъ. Если нѣкоторые, даже многіе изъ нихъ, придерживались еще суевѣрій и обычаевъ язычества: то придерживались только по привычкѣ и по крайнему невѣжеству, а отнюдь не по намѣренному противленію вѣрѣ Христовой: потому-то митрополитъ Іоаннъ въ своемъ церковномъ Правилѣ заповѣдывалъ прежде всего наставлять такихъ людей, и наставлять не однажды или дважды, а какъ можно чаще и болѣе. Порокъ нетрезвости, тогда очень замѣтный, былъ издавна укорененъ между Русскими и перешелъ также отъ дней язычества: не удивительно, если пастырямъ Церкви много предлежало труда бороться и противъ этого порока.

Духъ кровопролитія, вѣроломства, жестокости и буйства, обнаруживавшійся въ нашихъ междоусобіяхъ, былъ тогда общимъ духомъ времени, столько же господствовавшимъ и въ другихъ странахъ міра. Но замѣчательно, что св. вѣра весьма благотворно дѣйствовала у насъ и противъ этого господствовавшаго духа времени и, по крайней мѣрѣ, облегчала тяжесть тѣхъ бѣдствій, какія производилъ онъ. Много разъ, какъ мы уже видѣли, наши пастыри Церкви словомъ кротости и убѣжденія примиряли враждовавшихъ князей, укрощали народныя страсти, предотвращали междоусобія. Иногда и сами князья, движимые чувствами христіанской любви, добровольно смирялись предъ своими соперниками и соглашались на ихъ требованія, чтобы только избѣжать кровопролитія. Такъ въ 1136 г. вел. князь кіевскій Ярополкъ, когда Ольговичи приближались къ его столицѣ съ своимъ войскомъ, хотя имѣлъ у себя многочисленную рать, не выступилъ противъ нихъ, «ни створи кровопролитья, но убояся суда Божія, сотворися мнііі въ нихъ, по рекшему: *любите враги ваша*», — и, несмотря на хулу и укоризны отъ всѣхъ своихъ братьевъ, заключилъ съ Ольговичами миръ, уступивъ имъ даже собственную отчину (Курскъ), которой они домогались. Въ 1140 г. другой вел. князь кіевскій Вячеславъ, услышавъ о приближеніи къ Кіеву Всеволода Ольговича съ полками, «противу не изыде, не хотя крове проліяти, но створися мнііі», и безъ кровопролитія уступилъ ему великокняжескій престолъ, удалившись въ свой частный удѣлъ Туровъ ([498]). Важно и то, что князья, хотя не всегда возвышались надъ духомъ времени и часто предавались междоусобіямъ, сами однакожъ понимали, что они поступаютъ не хорошо, не по-христіански, сами иногда оплакивали

свои усобицы, старались прекращать ихъ, и именемъ вѣры и отечества убѣждали къ тому другъ друга. Со всею ясностію это можно видѣть изъ трогательнаго письма Владиміра Мономаха къ черниговскому князю Олегу, который умертвилъ уже во время брани одного сына Владимірова, крестника своего Изяслава, и продолжалъ ратовать противъ другаго своего крестника и сына Владимірова Мстислава. «Долго, писалъ благочестивый князь, — долго печальное сердце мое боролось съ закономъ христіанина, обязаннаго прощать и миловать: Богъ велитъ братьямъ любить другъ друга; но самые умные дѣды, самые добрые и блаженные отцы наши, обольщаемые врагомъ Христовымъ, возставали на кровныхъ... Пишу къ тебѣ, убѣжденный твоимъ крестнымъ сыномъ (Мстиславомъ), который молитъ меня оставить злобу для блага земли Русской и предать смерть его брата на судъ Божій. Сей юноша устыдилъ отца своимъ великодушіемъ! Дерзнемъ ли, въ самомъ дѣлѣ, отвергнуть примѣръ божественной кротости, данный намъ Спасителемъ, — мы, тлѣнныя созданія? Нынѣ въ чести и славѣ, завтра въ могилѣ, и другіе раздѣлятъ наше богатство! Вспомнимъ, братъ мой, отцевъ своихъ: что они взяли съ собою, кромѣ добродѣтели? Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядшій цвѣтъ, ты не пожалѣлъ объ немъ; не пожалѣлъ о слезахъ отца и матери; не хотѣлъ написать ко мнѣ письма утѣшительнаго; не хотѣлъ прислать бѣдной невинной снохи, чтобы я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не видавъ ихъ радостнаго брака, не слыхавъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсней... Ради Бога, отпусти несчастную, да сѣтуетъ, какъ горлица, въ домѣ моемъ; а меня утѣшитъ Отецъ небес-

сный. Не укоряю тебя безвременною кончиною любезнаго мнѣ сына: и знаменитѣйшіе люди находятъ смерть въ битвахъ; онъ искалъ чужаго и ввелъ меня въ стыдъ и печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, еслибы ты, взявъ Муромъ, не бралъ Ростова, и тогда же примирился со мною. Разсуди самъ: мнѣ ли надлежало говорить первому, или тебѣ? Если имѣешь совѣсть; если захочешь успокоить мое сердце, и съ посломъ или священникомъ напишешь ко мнѣ грамату безъ всякаго лукавства: то возьмешь добрымъ порядкомъ область свою, обратишь къ себѣ наше сердце, и будемъ жить еще дружелюбнѣе прежняго. Я не врагъ тебѣ и не хотѣлъ крови твоей у Стародуба (гдѣ Святополкъ и Мономахъ осаждали сего князя): но дай Богъ, чтобы и братья не желали пролитія моей. Мы выгнали тебя изъ Чернигова единственно за дружбу твою съ невѣрными; и въ томъ каюсь, — послушавъ брата (Святополка). Ты господствуешь теперь въ Муромѣ, а сыновья мои въ области своего дѣда. Захочешь ли умертвить ихъ? — Твоя воля. Богу извѣстно, что я желаю добра отечеству и братьямъ. Да лишится на вѣки мира душевнаго, кто не желаетъ изъ насъ мира христіанамъ! Не боязнь и не крайность заставляетъ меня говорить такимъ образомъ, но совѣсть и душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе» ([499]).

Если, съ одной стороны, оставались еще между Русскими нѣкоторые слѣды павшаго язычества и довольно сильны были нѣкоторые пороки, зависѣвшіе преимущественно отъ господствовавшаго духа времени: за то, съ другой, существовали уже и новые благочестивые нравы и обычаи, плоды собственно вѣры христіанской. Прежде всего, при взглядѣ на эту свѣтлую сторону жизни нашихъ

предковъ, поражаетъ насъ ихъ величайшее усердіе къ построенію храмовъ Божіихъ и св. обителей: мы видѣли, что и князья, и бояре, и другіе достаточные люди не щадили для того никакихъ издержекъ, и что въ одномъ Кіевѣ было уже 600 церквей и 13 монастырей. Усердіе тѣмъ болѣе достохвальное, что, при недавности обращенія нашихъ предковъ къ христіанству и при ихъ малообразованности, церкви и монастыри могли служить для нихъ лучшими, а для многихъ и единственными, училищами вѣры и благочестія. Любя созидать храмы, благочестивые предки наши любили и посѣщать ихъ, какъ можно чаще, даже ежедневно. «Первое дѣло — къ церкви, — писалъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ наставленіи дѣтямъ, — да не застанетъ васъ солнце на постели; спѣшите принесть заутренюю хвалу Богу и потомъ, при восходѣ солнца, прославить Его съ радостію и испросить у Него благъ для души и тѣла: такъ поступалъ блаженный отецъ мой и поступали всѣ добрые мужи». Молитвою начинали день, молитвою и оканчивали, въ молитвѣ, по возможности, старались и проводить его. «Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами, — наставлялъ тотъ же благочестивый князь, — и дѣлайте это не только въ церкви, но и ложась спать; не забывайте ни одну ночь класть земныхъ поклоновъ, потому что ночными поклонами и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ діавола и освобождается отъ грѣховъ, которые совершилъ въ теченіе дня. Когда и на лошади сидите, да ни съ кѣмъ не разговариваете: то, если не умѣете другихъ молитвъ, непрестанно повторяйте въ умѣ лучшую изъ нихъ: Господи, помилуй, — вмѣсто того, чтобъ думать нелѣпицу».

Съ усердіемъ къ храмамъ Божіимъ и св. обителямъ естественно соединялось уваженіе къ пастырямъ Церкви

и подвижникамъ: отъ нихъ испрашивали благословенія, къ нимъ обращались за совѣтомъ не только въ дѣлахъ духовныхъ, но часто и гражданскихъ, имъ доставляли средства для содержанія, и правило Владиміра Мономаха дѣтямъ: «съ любовію принимайте благословеніе отъ епископовъ, священниковъ и игуменовъ, не устраняйтесь отъ нихъ, по силѣ любите и снабжайте ихъ, да молятся за васъ Богу» — было правиломъ многихъ ([500]). Къ такимъ подвижникамъ, каковы были: Антоній и Θеодосій, Варлаамъ, Прохоръ и другіе, часто притекали съ почтеніемъ сами великіе князья: Изяславъ, Святославъ, Святополкъ, Владиміръ Мономахъ. И не только первосвятитель Никифоръ, не только великій игуменъ печерскій Θеодосій, но и безвѣстный инихъ Іаковъ писали князьямъ свои посланія, преподавали наставленія. Вслѣдствіе любви и уваженія къ иноческой жизни, многіе изъ всякаго состоянія — земледѣльческаго, купеческаго, боярскаго, даже княжескаго, оставляли міръ и заключались въ стѣнахъ монастырскихъ келій. Изъ числа князей, принявшихъ монашество, извѣстны двое: Святославъ, въ иночествѣ Николай Святоша, сынъ черниговскаго князя Давида, раздавшій все свое имѣніе нищимъ и съ величайшимъ смиреніемъ и мужествомъ, впродолженіе многихъ лѣтъ (1106 — 1143), подвизавшійся въ кіевопечерской обители, — и св. Игорь (схимникъ), другой князь изъ рода черниговскихъ, потерпѣвшій (1146 г.) мученическую смерть отъ Кіевлянъ. Не упоминаемъ о несчастномъ сынѣ равноапостольнаго Владиміра Судиславѣ, который, послѣ двадцати-четырехлѣтняго заключенія въ темницѣ, будучи освобожденъ изъ нея въ 1059 г. своими племянниками, сдѣлался чернецомъ едва ли по доброй волѣ ([501]). Изъ числа княгинь-инокинь извѣстны: а) двѣ до-

чери великаго князя Всеволода: Анна или Янка, управлявшая основанною имъ (1086 г.) женскою обителію, и Евпраксія, принявшая постриженіе въ 1106 году; б) дочь великаго князя Святослава — Преслава, скончавшаяся въ 1116 г., и в) двѣ дочери Владиміра Мономаха: Евѳимія, бывшая въ супружествѣ за королемъ венгерскимъ Коломаномъ и скончавшаяся въ 1138 г. монахинею, и Марія, бывшая въ супружествѣ за греческимъ царевичемъ Леономъ и скончавшаяся инокинею въ 1146 г. ([502]).

Отправляясь въ походъ противъ невѣрныхъ, князья обыкновенно призывали себѣ на помощь Бога и, въ случаѣ побѣды надъ врагами, приносили Ему благодареніе. Въ 1068 г. три брата Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, выступая противъ Половцевъ, приходили въ пещеру къ преп. Антонію просить его благословенія и молитвъ. Въ 1103 г., собираясь на тѣхъ же Половцевъ, князья и всѣ воины единодушно молили Бога «и обѣты вдаяху Богу и Матери Его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогимъ, иніи же монастыремъ требованья». Въ 1107 г. великій князь Святополкъ, одолѣвъ Половцевъ, пришелъ въ печерскій монастырь къ заутрени, и братія съ великою радостію привѣтствовали его съ побѣдою надъ невѣрными, по молитвамъ Богородицы и препод. Ѳеодосія. Тотъ же Святополкъ вообще имѣлъ обычай, предъ отправленіемъ на войну или еще куда либо, молиться у гроба препод. Ѳеодосія и брать благословеніе у печерскаго игумена. Въ 1111 г., во время знаменитаго похода нашихъ князей въ землю половецкую, они торжественно цѣловали крестъ, возлагая свою надежду на Бога и Его пречистую Матерь, а князь Владиміръ Мономахъ повелѣлъ еще своимъ священникамъ ѣхать предъ полками и пѣть тропари и кон-

даки честному кресту и канонъ Богородицѣ. Одержавъ первую побѣду надъ врагами (24 марта), князья въ тотъ же день возблагодарили Бога; послѣ второй и окончательной побѣды (27 марта), снова прославили Его ([503]).

Любовь нашихъ предковъ къ вѣрѣ и христіанской святынѣ, между прочимъ, выражалась въ ихъ путешествіяхъ къ св. мѣстамъ Палестины. Такъ путешествовалъ въ 1062 г. игуменъ Дмитріевскій Варлаамъ, а въ началѣ XII вѣка игуменъ Даніилъ, который въ то же время видѣлъ и другихъ русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ изъ Кіева и Новгорода, и въ описаніи своего путешествія показалъ, какими высокими чувствами одушевлялись наши благочестивые паломники, о комъ молились они, какъ, и вдали отъ родины, Русская земля съ ея князьями и пастырями была главнымъ предметомъ ихъ помысловъ и попеченій.

Съ любовію къ Богу естественно соединялась любовь къ ближнимъ, и въ особенности къ меньшимъ братіямъ Христовымъ — бѣдствующимъ и страждущимъ. Освященная примѣромъ самого равноапостольнаго Владиміра и потомъ препод. Ѳеодосія печерскаго, который устроилъ при своемъ монастырѣ особый дворъ для призрѣнія нищихъ и каждую недѣлю посылалъ цѣлый возъ хлѣбовъ заключеннымъ въ темницахъ, — добродѣтель нищелюбія была тогда одною изъ господствующихъ въ нашемъ отечествѣ. Какъ высоко цѣнили ее, видно изъ наставленій Владиміра Мономаха дѣтямъ: «всего паче убогихъ не забывайте, но, елико могуще, по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами». Нѣкоторые (наприм. преп. Исаакій, Ѳеодоръ и Евстратій печерскіе) раздавали все свое имущество нищимъ предъ поступленіемъ въ обитель и дѣлались иноками ([504]). Самая щедрая милостыня раздаваема

была по покойникамъ: по смерти вел. кн. Святополка (въ 1114 г.), княгиня его сдѣлала такія богатыя пожертвованія на монастыри, духовенство и на нищихъ, что всѣ дивились ея безпримѣрной милости. Другіе истощали свое богатство для выкупа плѣнныхъ изъ неволи: послѣ опустошительнаго набѣга Половцевъ на Кіевъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Боняка (въ 1096 г.), когда уведены были въ плѣнъ многіе и изъ Печерянъ, нѣкто христолюбецъ изъ Кіева приходилъ въ страны половецкія и, «искупивъ многи плѣнники», возвратился съ ними въ свое отечество ([505]).

Правда, нѣкоторые даже изъ князей ограничивали свое благочестіе соблюденіемъ только благочестивыхъ обычаевъ и внѣшними добрыми дѣлами, а когда дѣло шло объ удовлетвореніи страстямъ, открыто нарушали христіанскія заповѣди. Напримѣръ, вел. кн. Святополкъ, съ такимъ, по видимому, усердіемъ строившій церкви и монастыри, съ такимъ смиреніемъ ходившій въ печерскую обитель просить себѣ молитвъ и благословенія иноковъ предъ каждымъ походомъ противъ враговъ, явно нарушалъ христіанскій законъ о бракѣ и имѣлъ наложницъ, былъ до того сребролюбивъ, что не стыдился даже грабить богатыхъ Кіевлянъ и, во время случившагося въ Кіевѣ недостатка соли, самъ продавалъ ее за высокую цѣну къ отягощенію народа; наконецъ заточилъ въ Туровъ печерскаго игумена Іоанна, осмѣлившагося обличать его за ненасытимое користолюбіе и притѣсненіе подданныхъ ([506]). Сынъ Святополка Мстиславъ, преданный той же страсти, услышавъ, что препод. Ѳеодоръ печерскій нашелъ въ своей пещерѣ много серебра и драгоцѣнныхъ сосудовъ, сталъ требовать отъ него этихъ сокровищъ и, когда инокъ отвѣчалъ, что онъ,

во избѣжаніе искушенія, снова зарылъ найденныя вещи и не помнитъ, гдѣ, — князь приказалъ мучить его до смерти и въ то же время пустилъ стрѣлу въ друга Ѳеодора Василія ([507]).

За то были и князья, были и подданные, которые имѣли истинно христіанскія добродѣтели. Такъ, юный князь новгородскій Глѣбъ Святославичъ, преждевременно погибшій въ Заволочьѣ (1078), по словамъ лѣтописи, былъ теплъ по вѣрѣ и кротокъ, милостивъ къ убогимъ и страннолюбивъ, имѣлъ усердіе къ церквамъ. Великій князь Изяславъ (1078) украшался нравомъ тихимъ, любилъ правду, ненавидѣлъ криводушіе, не воздавалъ зломъ за зло: простилъ Кіевлянъ, изгнавшихъ его и разграбившихъ домъ его; простилъ и брата своего Всеволода, князя черниговскаго, участвовавшаго во вторичномъ его изгнаніи, и, защищая этого князя отъ враговъ, полный любовію къ нему, положилъ за него свою голову, — почему, замѣчаетъ лѣтописецъ, если и сотворилъ въ жизни какое согрѣшеніе, простится ему за его поистинѣ христіанскую любовь. Сынъ Изяслава Ярополкъ, князь владимірскій, скончавшійся (1086 г.) отъ руки злодѣя, былъ тихъ, кротокъ, смиренъ и братолюбивъ, давалъ ежегодно десятину св. Богородицѣ отъ всего имѣнія своего и всегда молилъ Бога о томъ, чтобы удостоилъ его умереть смертію св. мучениковъ Бориса и Глѣба и омыть мученическою кровію свои грѣхи.

Еще болѣе отличались благочестіемъ, какбы наслѣдственнымъ въ ихъ семействѣ, великіе князья: Всеволодъ Ярославичъ, сынъ его Владиміръ Мономахъ, сынъ Мономаха Мстиславъ и новгородскій князь, сынъ Мстислава, Всеволодъ-Гавріилъ. О Всеволодѣ читаемъ въ лѣтописи: «издѣтства былъ боголюбивъ, любилъ правду, надѣлялъ

убогихъ, воздавалъ честь епископамъ и пресвитерамъ, особенно же любилъ черноризцевъ, дѣлая имъ пожертвованія, самъ воздерживался отъ пьянства и отъ похоти, за что и любилъ его отецъ болѣе всѣхъ своихъ дѣтей.» Владиміръ Мономахъ, по свидѣтельству той же лѣтописи и современнаго первосвятителя Іоанна II, всею душею любилъ Бога, старался соблюдать заповѣди Божіи, постоянно имѣлъ въ сердцѣ страхъ Божій. Не возносился, не величался, но возлагалъ надежду на Бога и, по заповѣди Его, добро творилъ самимъ врагамъ своимъ, отпуская ихъ отъ себя съ дарями. Никогда не заботился о пріобрѣтеніи сокровищъ и богатства, но съ молодыхъ лѣтъ былъ милостивъ выше мѣры, раздавая обѣими руками имѣніе свое требующимъ и употребляя на созиданіе и украшеніе храмовъ; приходящихъ къ нему кормилъ и поилъ, какъ отецъ дѣтей; если кого видѣлъ въ печали или въ какомъ зазорѣ: не осуждалъ, но утѣшалъ и покрывалъ любовію. Чтилъ святительскій санъ и іерейскій, любовь имѣя къ митрополитамъ и епископамъ, и игуменамъ, особенно же къ черноризцамъ, подавая имъ, что служитъ на потребу, и принимая отъ нихъ молитвы. Былъ весьма умѣренъ въ пищѣ и питіи, соблюдалъ посты и другія постановленія Церкви съ такою строгостію, что всѣ дивились. Не любилъ украшать и покоить тѣло свое: носилъ, большею частію, простую одежду и спалъ на землѣ. Обладалъ сердечнымъ христіанскимъ умиленіемъ, такъ что, когда входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, тотчасъ испускалъ слезы и со слезами возносилъ мольбы свои къ Богу. Достойный сынъ Владиміра Мономаха Мстиславъ представлялъ собою въ тѣ дни постоянныхъ княжескихъ междоусобій образецъ христіанскаго великодушія, незлобія, миролюбія; съ живою

вѣрою и пламенною ревностію о славѣ Божіей созидалъ церкви и монастыри; отличался совершенною нестяжательностію, нищелюбіемъ и другими добродѣтелями, такъ что нѣкоторые не сомнѣвались признавать его за святаго ([508]). Наконецъ, истинная святость сына Мстиславова Всеволода-Гавріила засвидѣтельствована нетлѣніемъ его св. мощей и причтеніемъ его самою Церковію къ лику Святыхъ ([509]).

Изъ числа подданныхъ, какъ на примѣръ христіанскаго благочестія, можно указать на воеводу кіевскаго Яна съ его супругою Маріею. Лѣтописецъ, лично знавшій Яна, замѣчаетъ объ нихъ вообще, что преп. Ѳеодосій печерскій часто посѣщалъ и любилъ ихъ: «занеже живяста по заповѣди Господни». Потомъ, въ частности, говоритъ объ Янѣ: «преставился Янъ, старецъ добрый, поживъ 90 лѣтъ; жилъ онъ по закону Божію и былъ не хуже первыхъ праведниковъ: былъ мужъ благой, кроткій, смиренный и охранялся отъ всякаго искушенія» ([510]).

Не упоминаемъ здѣсь о св. архипастыряхъ и учителяхъ нашей Церкви, о которыхъ говорили уже въ своемъ мѣстѣ, равно какъ и о великихъ подвижникахъ кіевопечерскихъ, которые и тогда служили, и доселѣ остаются высокими образцами христіанскаго благочестія и подвижничества. Но чтобы яснѣе видѣть, какъ понимали тогда у насъ благочестіе даже лучшіе и изъ міръянъ, не можемъ не привести еще нѣкоторыхъ отрывковъ изъ извѣстнаго поученія Владиміра Мономаха дѣтямъ. «Первое: ради Бога и души своей, страхъ Божій имѣйте въ сердцѣ и творите милостыню неоскудную, ибо здѣсь начало всякому добру... Научись, по слову Евангелія, управлять очами, удерживать языкъ, смирять умъ, порабощать тѣло, побѣж-

дать гнѣвъ, имѣть чистый помыслъ, понуждать себя на добрыя дѣла для Господа. Будучи лишаемъ чего либо, не мсти; ненавидимъ или гонимъ, терпи; хулимъ, моли; умертви грѣхъ. Избавьте обидимаго, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу... Тремя добрыми дѣлами мы можемъ побѣждать врага нашего діавола: покаяніемъ, слезами и милостынею. Бога ради, не лѣнитесь, дѣти мои, — молю васъ, не забывайте тѣхъ трехъ дѣлъ: они не тяжки; это не то, что одиночество или чернечество, или голодъ, какіе терпятъ нѣкоторые добрые люди; но малымъ дѣломъ можете заслужить милость Божію... Когда вы говорите о чемъ либо, никогда не клянитесь Богомъ: нѣтъ въ томъ никакой нужды; если случится вамъ цѣловать крестъ для братьи или кого либо: цѣлуйте, разсудивши, можете ли сдержать слово, и, поцѣловавши, соблюдайте клятву, чтобы не погубить души своей. Пуще всего не имѣйте гордости въ умѣ и сердцѣ, но говорите: всѣ мы смертны; нынѣ живы, а завтра въ гробѣ; все, что Ты далъ намъ, Господи, не наше, но Твое, и Ты поручилъ намъ на малое число дней. Старыхъ чти, какъ отца; молодыхъ, какъ братью... Блюдитесь лжи и пьянства, и блуда, отъ которыхъ гибнутъ тѣло и душа... Больнаго посѣтите и къ умершему идите: потому что всѣ мы смертны. Человѣка не минуйте безъ привѣта; всякому скажите доброе слово. Женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти. А вотъ вамъ и конецъ всему: страхъ Божій имѣйте выше всего»... Излишне прибавлять, что жизнь, проникнутая такими правилами, могла назваться истинно-христіанскою ([511]).

ГЛАВА VII.

ОТНОШЕНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ДРУГИМЪ ЦЕРКВАМЪ И ОБЩЕСТВАМЪ РЕЛИГІОЗНЫМЪ.

Въ исторіи внѣшнихъ отношеній нашей Церкви, въ разсматриваемый періодъ, самымъ замѣчательнымъ событіемъ было то, которое мы поставили во главѣ этого періода: разумѣемъ избраніе и рукоположеніе митрополита Иларіона соборомъ отечественныхъ іерарховъ. Св. вѣра была принесена къ намъ изъ Царьграда; первые проповѣдники ея приходили оттуда же и дѣйствовали по распоряженіямъ константинопольскаго патріарха. Очень естественно, если и первые наши архипастыри, не только митрополиты, но даже епископы, пока Церковь основывалась, были избраны и рукоположены константинопольскимъ патріархомъ: иначе быть не могло. Но когда Церковь русская довольно устроилась, когда въ ней явилась своя іерархія: неизбѣжно должно было придти къ вопросу: какъ же смотрѣть на эту Церковь? Считать ли ее одною изъ митрополій цареградскаго патріарха, совершенно такою же, какія существовали въ предѣлахъ греческой имперіи и были подчинены ему правилами древнихъ соборовъ и властію греческихъ императоровъ, — или признавать ее Церковію самостоятельною, какъ образовавшуюся въ народѣ, имѣвшемъ собственное правительство, которая не могла быть

подчинена константинопольскому патріарху ни правилами соборовъ, бывшихъ еще до основанія ея, ни тѣмъ болѣе властію греческихъ императоровъ? Великій князь русскій Ярославъ хотѣлъ рѣшить вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, хотѣлъ видѣть отечественную Церковь самостоятельною и, по смерти митрополита Ѳеопемпта, повелѣлъ собору своихъ епископовъ избрать и рукоположить для Россіи новаго митрополита, безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ. Попытка, какъ мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, справедливая и согласная съ древними канонами. Но попытка, скажемъ теперь, преждевременная: Церковь русская была еще такъ юна, такъ не богата средствами для самобытнаго существованія, что не могла обойтись безъ пособій своей матери — Церкви цареградской, безъ попеченій ея первосвятителя. Потому-то, когда скончался Ярославъ, на Церковь русскую мало по малу привыкли смотрѣть, какъ на совершенно зависимую отъ константинопольскаго патріарха: онъ и избиралъ, съ своимъ патріаршимъ соборомъ, и поставлялъ для нея митрополитовъ, какъ и для всѣхъ другихъ, подвластныхъ ему, митрополій, безъ всякаго участія въ томъ со стороны русскихъ князей и духовенства, — и всѣ тогдашніе наши митрополиты, за исключеніемъ одного Ефрема, были Греки. Получая отъ константинопольскаго патріарха духовную власть, наши митрополиты, подобно другимъ, находились въ непосредственномъ подчиненіи ему ([512]) и обязаны были во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ обращаться къ нему съ его соборомъ ([513]). Поэтому иногда они должны были путешествовать въ Царьградъ и, по волѣ патріарха, присутствовать на его соборахъ. Такъ, въ 1073 г. ѣздилъ въ Царьградъ митрополитъ нашъ Георгій; въ 1087 или въ 1102

году русскій митрополитъ (слѣд. Іоаннъ II или Николай) присутствовалъ на константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ при патріархѣ Николаѣ Грамматикѣ; въ 1145 г. отправился въ Царьградъ митрополитъ нашъ Михаилъ II ([514]). Какое мѣсто занимала тогда русская митрополія въ ряду другихъ митрополій, подчиненныхъ константинопольскому патріарху, неизвѣстно; но безъ сомнѣнія, какъ одна изъ митрополій новыхъ, она должна была стоять ниже всѣхъ древнихъ и старѣйшихъ ([515]).

Вслѣдствіе такого единства русской Церкви съ византійскою, сношенія между Греціею и Россіею были непрерывныя. Греки приходили къ намъ, одни вмѣстѣ съ нашими митрополитами, другіе для богомолья, третьи даже переселялись въ Россію съ своими семействами, чтобы обучать Русскихъ церковному пѣнію; нѣкоторые удостоивались у насъ и епископскихъ каѳедръ ([516]). Русскіе, съ своей стороны, также путешествовали въ Константинополь, и одни проживали въ тамошнихъ монастыряхъ (пр. Ефремъ), изучая иноческую жизнь, другіе (преп. Варлаамъ) покупали тамъ иконы и церковную утварь, третьи списывали благочестивыя книги и приносили въ отечество, какъ принесенъ былъ, по порученію преп. Ѳеодосія печерскаго, Уставъ Студійскій. Брачные союзы нашихъ князей съ греческимъ дворомъ служили новою связію между Греціею и Россіею даже въ церковномъ отношеніи. Вел. князь кіевскій Всеволодъ былъ женатъ на дочери греческаго императора Константина Мономаха, и дочь этого князя, извѣстная инокиня Янка, путешествовала въ Царьградъ и привела съ собою оттуда новаго митрополита (Іоанна III). Дочь князя Володаря выдана была въ 1104 г. за греческаго царевича, сына императора Алексѣя. Дочь

Владиміра Мономаха была за греческимъ царевичемъ Леономъ ([517]).

Сношеній съ другими восточными православными Церквами, — александрійскою, антіохійскою и іерусалимскою, прямыхъ и непосредственныхъ, Церковь наша, какъ и прежде, не имѣла. Знаемъ только, что по временамъ нѣкоторые наши соотечественники путешествовали ко св. мѣстамъ Палестины и проживали тамъ довольно долго. Сношенія съ Церковію болгарскою или, точнѣе, съ Болгаріею продолжались: оттуда приносимы были къ намъ церковно-славянскія рукописи, приходили иногда иноки и жили въ нашихъ монастыряхъ ([518]); оттуда же, по всей вѣроятности, появился — было у насъ (1123 г.) еретикъ Дмитръ (Димитрій). Судя по тому, что этотъ еретикъ отвергалъ всѣ церковные уставы, не безъ основанія догадываются, что онъ принадлежалъ къ сектѣ Богомиловъ, господствовавшей тогда въ Болгаріи. Впрочемъ, лжеученіе Дмитра не могло пустить у насъ глубокихъ корней: митрополитъ Никита, по повелѣнію вел. князя, немедленно испыталъ еретика и обличилъ, а потомъ сослалъ его на заточеніе въ свой митрополичій городъ — Синелецъ ([519]).

Сношенія съ Римомъ были: изъ нихъ извѣстны два. Въ 1073 г. вел. князь Изяславъ, вторично выгнанный братьями своими изъ Кіева, обратился сначала съ просьбою о помощи къ польскому королю Болеславу; но Болеславъ, принявъ поднесенныя ему сокровища, помощи не оказалъ и сокровищъ не возвратилъ. Потомъ горестный изгнанникъ отправился къ нѣмецкому императору Генриху IV; но и участіе Генриха не принесло ему никакой пользы. Наконецъ, онъ послалъ сына своего въ Римъ. Этотъ сынъ (неизвѣстный по имени) жаловался папѣ

Григорію VII на польскаго короля и будто бы, отъ имени отца и своего собственнаго, далъ обѣщаніе покориться римскому престолу, если только папа властію св. Петра вручитъ ему — сыну Изяславову русское царство. Гильдебрандъ немедленно написалъ два посланія: одно къ польскому королю, прося его и убѣждая возвратить Изяславу взятыя сокровища; другое къ самому Изяславу (Дмитрію) съ супругою. Въ послѣднемъ папа, между прочимъ, писалъ нашему князю и княгинѣ: «мы согласились на просьбу и обѣщаніе сына вашего, которыя казались намъ справедливыми какъ потому, что даны съ вашего согласія, такъ и по искренности просителя, и вручили ему кормило вашего государства отъ имени св. Петра, съ тѣмъ намѣреніемъ и благожеланіемъ, чтобы блаженный Петръ своимъ ходатайствомъ предъ Богомъ хранилъ васъ и ваше царство, и всѣ ваши блага, и содѣйствовалъ вамъ до конца жизни вашей удержать царство ваше во всякомъ мирѣ, чести и славѣ». Затѣмъ папа изъявлялъ полное согласіе оказывать нашему князю и на будущее время такія же пособія въ случаяхъ нужды; говорилъ о своихъ послахъ, которыхъ отправилъ вмѣстѣ съ посланіемъ для того, чтобы они и яснѣе изложили написанное въ немъ, и передали многое не написанное; наконецъ, просилъ принять этихъ пословъ съ любовію и вѣрить всему, что только они скажутъ или постановятъ отъ имени апостольскаго сѣдалища ([520]). Нельзя до нѣкоторой степени не усомниться въ справедливости словъ настоящаго посланія. Очень могло быть, что Изяславъ отправилъ въ Римъ сына своего жаловаться на польскаго короля, исповѣдывавшаго римскую вѣру, или даже просить, чтобы папа своею духовною властію побудилъ Болеслава оказать помощь на-

шему князю за взятыя у него сокровища. Но какъ могъ русскій князь просить себѣ престола русскаго у римскаго первосвященника, когда зналъ, что слово послѣдняго не имѣло въ Россіи никакой силы, что его не послушались бы ни народъ, ни князья? Какъ могъ Изяславъ, бывшій уже двукратно вел. княземъ и имѣвшій неотъемлемое право на кіевскій престолъ, просить у папы престола не себѣ, а сыну своему, когда зналъ, что это послужило бы только новымъ, неодолимымъ препятствіемъ къ достиженію цѣли, при существовавшихъ тогда княжескихъ отношеніяхъ? Довольно ли выразумѣлъ Гильдебрандъ слова сына Изяславова? Не далъ ли имъ своего, болѣе обширнаго, смысла? Не хотѣлъ ли только воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы дѣйствовать на русскаго вел. князя, а чрезъ него и на русскую Церковь, для привлеченія ихъ въ свои сѣти? Впрочемъ, и не отвергая достовѣрности посланія папы, мы должны сказать, что оно не принесло ему никакого успѣха. Братъ Изяслава Святославъ, занимавшій его престолъ, скончался (въ 1076 г.), и Изяславъ, съ согласія оставшагося своего брата Всеволода, безпрепятственно вошелъ въ Кіевъ и сдѣлался великимъ княземъ: тѣмъ и кончилось его сношеніе съ Римомъ ([521]). «Стязаніе съ Латиною» тогдашняго митрополита Георгія, вѣроятно, вызвано было изложенными обстоятельствами.

Въ другой разъ посольство было не къ князю нашему, а къ митрополиту Іоанну II, отъ папы или, вѣрнѣе, отъ антипапы Климента III. Климентъ желалъ единенія съ восточными іерархами, хвалилъ православную вѣру, прислалъ къ нашему первосвятителю своего епископа для переговоровъ. Іоаннъ съ любовію отозвался на доброе желаніе папы, убѣждалъ его отказаться отъ заблужденій

латинскихъ и совѣтовалъ обратиться для окончательнаго рѣшенія дѣла къ цареградскому патріарху съ находящимися при немъ митрополитами (522). Были ли какія послѣдствія этого сношенія, свѣдѣній не сохранилось.

Очень вѣроятно, что попытки папы привлечь на свою сторону русскихъ князей повторились во дни Владиміра Мономаха. Иначе, трудно понять, съ чего это вздумалъ самъ Владиміръ сдѣлать митрополиту Никифору запросъ о причинахъ отлученія Латинянъ отъ православной Церкви, и почему митрополитъ, написавъ отвѣтъ и показавъ заблужденія Латинянъ, заповѣдалъ князю: «ты же, княже мой, прочитай посланіе сіе не однажды, не дважды, а многократно; прочитай ты, пусть читаютъ и сыны твои». Или что значатъ слова Никифора въ другомъ посланіи къ тому же князю: «по разуму я нашелъ тебя благовѣрнымъ, благодатію Божіею, и не уклоняющимся отъ правой вѣры; по чувству — ревнующимъ о Богѣ до сего дня; и молю Бога, да соблюдаетъ тебя таковымъ навсегда, *если не допустишь войти волку въ стадо Христово и не дашь насадить тернія въ виноградѣ Божіемъ*, но сохранишь древнее преданіе своихъ отцевъ»? Отъ кого тогда могла быть опасность для нашей Церкви, какъ не отъ одного папы съ его клевретами? Наконецъ, почему это митрополитъ Никифоръ нашелъ нужнымъ въ то же время писать посланія и къ другимъ русскимъ князьямъ, равно направленныя противъ Латинянъ, и, обличая ихъ заблужденія, повторять: «вотъ почему не пріемлетъ ихъ св. соборная Церковь въ единеніе и общеніе, но, какъ членъ гнилой и неисцѣльный, отрѣзала отъ себя и отвергла; намъ же, православнымъ христіанамъ, не должно съ ними ни ѣсть, ни пить, ни привѣтствовать ихъ» (523)?

То несомнѣнно, что исповѣдники римской вѣры, именно — нѣкоторые Варяги и Поляки, жили въ Русской землѣ, и что наши князья оказывали имъ вѣротерпимость и христіанскую любовь. Преп. Θеодосій печерскій, въ извѣстномъ посланіи о вѣрѣ варяжской къ вел. кн. Изяславу, между прочимъ, писалъ: «исполнилася и наша земля злыя тоя вѣры людій: понеже по всей земли Варязи суть; велика нужда правовѣрнымъ христіаномъ, иже межи тѣхъ живуще въ единомъ мѣстѣ; да аще кто ублюдется отъ нихъ, чисту вѣру нося, предъ Богомъ станетъ одесную радующеся». И далѣе внушалъ князю: «будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого либо нагимъ или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію: то, хотя бы то былъ Латинянинъ, всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь». Еще далѣе заповѣдывалъ: «когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры, помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, и ты избавишь овча отъ устъ львовыхъ». Значитъ, Латинянамъ (ибо изъ хода рѣчи видно, что здѣсь говорится объ нихъ) позволительно было у насъ открыто исповѣдывать свою вѣру и даже они состязались иногда объ ней съ правовѣрными. Но съ другой стороны, также несомнѣнно, что сами Русскіе вовсе не держались римской вѣры, не считали ея правою, не были въ подчиненіи римскому первосвященнику, какъ ни стараются доказать противное ревнители папства ([524]). Преп. Θеодосій печерскій, митрополиты: Георгій, Іоаннъ II и Никифоръ, въ извѣстныхъ намъ посланіяхъ, подробно опровергаютъ разныя заблужденія Латинянъ, выражаются, что они за эти заблужденія отлучены, отвержены отъ

Церкви православной, заповѣдуютъ всячески блюстися ихъ ученія, не участвовать въ ихъ богослуженіи, не слѣдовать ихъ обычаямъ, не заключать съ ними брачныхъ союзовъ, не имѣть съ ними общенія даже въ пищѣ и питіи, и, въ случаѣ нужды, давать имъ то и другое въ особыхъ сосудахъ, или, если ѣсть съ ними и вмѣстѣ, то только ради любви Христовой. Напрасно указываютъ на брачные союзы нашихъ князей съ государями польскими, венгерскими и другими, державшимися латинскаго исповѣданія, какъ на свидѣтельство ихъ единовѣрія ([525]). Митрополитъ Іоаннъ II ясно не одобрялъ такихъ союзовъ, говоря, что весьма неприлично правовѣрнымъ князьямъ отдавать дочерей своихъ замужъ въ страны, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ, и что, по закону, православные должны сочетаваться только съ православными: знакъ, что князья римской вѣры у насъ не считались православными. Наконецъ, самымъ разительнымъ опроверженіемъ мысли, будто Церковь русская находилась тогда въ единеніи съ римскою, служитъ обращеніе къ православію Шимона Варяга. Онъ родился и былъ воспитанъ въ римской вѣрѣ; но потомъ, когда пришелъ въ Кіевъ, будучи наставленъ здѣсь преп. Ѳеодосіемъ печерскимъ и поражаясь чудесами его и преп. Антонія, оставилъ «буесть латынскую» и истинно увѣровалъ въ Господа Іисуса Христа со всею своею дружиною, простиравшеюся до 3000 человѣкъ, и съ своими іереями ([526]). О праздникѣ 9-го мая, какъ и почему онъ установленъ нашею Церковію въ память перенесенія мощей св. Николая Чудотворца, мы уже говорили.

Не одни только послѣдователи римской Церкви пользовались вѣротерпимостію въ нашемъ отечествѣ, но и Армяне, и даже Евреи, хотя вѣра тѣхъ и другихъ не

считалась истинною. Въ житіи преп. Агапита печерскаго, врача безмезднаго, разсказывается, что въ Кіевѣ, къ концу XI или въ началѣ XII в., былъ знаменитый врачъ, «родомъ и вѣрою Арменинъ», какого прежде не бывало; что этотъ врачъ, завидуя славѣ препод. Агапита, врачевавшаго чудесно, научилъ «иновѣрники своя» поднести иноку смертное зелье, которое однакожъ оказалось безвреднымъ, и что впослѣдствіи, когда Армянинъ пришелъ къ Агапиту и послѣдній хотѣлъ угостить его своею скудною пищею, Армянинъ сказалъ: «мы, отче, сего мѣсяца четыре дня постимся, и нынѣ у насъ постъ». Тогда Агапитъ спросилъ: «да кто ты и какой вѣры»? Гость отвѣчалъ: «развѣ ты не слышалъ обо мнѣ, что я Армянинъ»? Послѣ этого преподобный воскликнулъ: «какъ же смѣлъ ты войти и осквернить келлію мою и держать за грѣшную мою руку? Изыди отъ мене, иновѣрне и нечестиве». По смерти Агапита, которую онъ самъ предсказалъ Армянину за три мѣсяца, этотъ Армянинъ, пораженный чудеснымъ событіемъ, пришелъ въ печерскій монастырь и сказалъ игумену: «отселѣ и я сдѣлаюсь чернецомъ; оставляю вѣру армянскую и истинно вѣрую въ Господа Іисуса Христа». И, дѣйствительно, былъ постриженъ, и скончался инокомъ ([527]). Евреи жили въ Кіевѣ во дни Святополка и Владиміра Мономаха, и занимали тамъ особую улицу или часть, — и преп. Ѳеодосій печерскій, по свидѣтельству Нестора, имѣлъ обычай весьма часто ходить къ нимъ ночью, тайно отъ всѣхъ, препирался съ ними о вѣрѣ во Христа, укорялъ и обличалъ ихъ, называлъ отметниками и беззаконниками, желая потерпѣть отъ нихъ смерть за исповѣданіе имени Христова ([528]).

Вообще, въ Россіи не было притѣсненія никакой вѣ-

рѣ, и ко всѣмъ людямъ, какой бы кто вѣры и племени ни былъ, пастыри Церкви заповѣдывали любовь. «Если ты увидишь, писалъ препод. Θеодосій къ вел. князю Изяславу, кого либо въ бѣдствіи, — будетъ ли то *жидовинъ, ли сорочининъ, ли болгаринъ, ли еретикъ, ли латининъ, ли отъ поганыхъ:* всякаго помилуй и отъ бѣды избави». Но единою истинною, спасительною вѣрою считалась только православная. «Нѣтъ, читаемъ въ томъ же посланіи Θеодосія, — нѣтъ иной вѣры лучше, какъ вѣра наша, едина чистая и честная, и святая, т. е., вѣра правовѣрная. Живущіе въ сей вѣрѣ могутъ и освободиться отъ грѣховъ, и избѣгнуть вѣчной муки, и быть причастниками вѣчной жизни, и безъ конца радоваться со Святыми. А сущему въ иной вѣрѣ, ли въ латинской, ли въ арменьской, ли въ срачиньской, нѣсть видѣти жизни вѣчныя, ни части съ Святыми».

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. КЪ ГЛАВѢ ПЕРВОЙ.

(1) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 67. При ясномъ свидѣтельствѣ древней лѣтописи о возведеніи Иларіона въ санъ митрополита въ 1051 году, безъ сомнѣнія, ничего не значитъ показаніе такъ называемаго «Свитка Ярославля», сохранившагося въ рукописи XV вѣка, будто Иларіонъ былъ митрополитомъ еще въ 1032 году (Акт. Запад. Росс. I, № 166, стр. 191).

(2) Лѣт. Никон. I, 139. Татищ. II, 110.

(3) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66—67; Карамз. II, 30—33, изд. 2.

(4) *Le Quien*, Oriens Christ. I, 137. 141. 143.

(5) Митрополитъ Ѳеопемптъ скончался, по московскому каталогу митрополитовъ, въ 1049 г., а по другимъ еще въ 1047 г. (Истор. Росс. Іерархіи I, 83, изд. 11).

(6) *Stilting*. Diss. de convers. et fide Russorum, § VI, n. 68 (in Act. Sanctorum, Septembr. t. II); *Преосв. Филар.* Истор. Русск. Церк. § 34, стр. 166, изд. 2.

(7) *Baron*. Annal. ad an. 1054, in t. II, p. 198. 204. 211.

(8) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 67.

(9) Апост. прав. I; Ник. Собор. прав. IV; Антіох. прав. 9, Халкид. прав. 28.

(10) Въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго сказано, что митрополитъ Иларіонъ, какъ только открылась возможность, «зъ послу-

шенствомъ своимъ отозвался до патріарха, за чимъ отъ него благословеніе и отверженіе одержалъ» (част. III, розд. II, артикул. I). Откуда Захарія заимствовалъ это извѣстіе не знаемъ; но онъ имѣлъ подъ руками многочисленные и очень разнородные источники, которые самъ исчислилъ въ началѣ своей книги. Въ рукописномъ «каталогѣ всѣхъ россійскихъ архіереевъ постепенно», находящемся въ Новг. Соф. библ. (№ 230), говорится даже, будто М. Иларіонъ поставленъ русскими епископами «чрезъ грамату святѣйшаго Михаила, патріарха цареградскаго» (гл. I.). Но это, конечно, только догадка составителя каталога: судя по самому тону рѣчи древняго лѣтописца объ избраніи Иларіона В. Кн. Ярославомъ и поставленіи въ митрополита Русскими епископами, нельзя допустить, чтобы то и другое совершилось вслѣдствіе или вопреки предварительной граматы отъ патріарха. Припомнимъ, что означенный каталогъ составленъ только въ прошломъ столѣтіи и списки нѣкоторыхъ архіереевъ доводитъ до 1720 г., другихъ до 1731, а нѣкоторыхъ даже до 1740 г. Наконецъ, Густинская лѣтопись, безъ сомнѣнія, совершенно ошибочно свидѣтельствуетъ, будто бы Иларіонъ поставленъ бысть митрополитомъ Кіеву отъ патріарха Михаила Керуларія (Полн. Собр. Р. Лѣт. II, 268).

(11) По однимъ сказаніямъ это случилось въ 1051 г. (Никон. Лѣт. I, 142; Степ. кн. I, 222), по другимъ—въ 1052 г. (Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 212; V, 138), по третьимъ въ 1053 г. (Татищ. II, 114).

(12) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 67; Приб. къ Твор. Св. Отцевъ II, 205 и слѣд.

(13) См. Посланіе Симона къ Поликарпу въ рукописн. Кіевопечерск. патерикѣ. Самъ Иларіонъ въ своемъ исповѣданіи, по избраніи въ митрополита, говоритъ о себѣ: «Азъ *мнихъ* и пресвитеръ Иларіонъ.

(14) Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ II, 253 — 255.

(15) Объ этомъ сохранилось сказаніе въ рукоп. и печатн. Прологахъ подъ 26 Ноября (Кіевлян. III, 66; Рукоп. моей библ. № 2, л. 313).

(16) Полн. Собр. Р. Лѣтоп. III, 122; V, 139; Никон. I, 150. Имя М. Ефрема вслѣдъ за именемъ М. Иларіона, по свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго, стояло и въ Кіевскомъ помянникѣ (Палин. ч. III, разд. II, артик. I), встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ росписяхъ митрополитовъ XV и XVI в. (*Восток.* Опис.

рук. Рум. Муз. 509. 572), хотя нельзя не сказать, что эти росписи и помянники не во всемъ согласны между собою, и потому не вполнѣ заслуживаютъ довѣріе (снес. тамъ же стр. 509. 571. 572. 581. 582).

(17) Истор. Росс. Іерарх. I, 84; Опис. Кіево-Соф. Соб. 71. Правда, въ нѣкоторыхъ каталогахъ Русскихъ митрополитовъ сказано, будто Иларіонъ управлялъ церковію около 20 лѣтъ и скончался въ 1071 г. Но мы уже знаемъ, что всѣ эти каталоги составлены въ позднѣйшее время, не чужды догадокъ, ошибокъ и иногда очень важныхъ разногласій между собою, а потому, подобно помянникамъ, не во всемъ заслуживаютъ вѣры, когда они не основываются на древнихъ лѣтописяхъ.

(18) Такъ въ каталогѣ Росс. архіереевъ Новгор. Соф. библ. (№ 230) говорится объ Иларіонѣ: «преставися въ лѣто 6579 и положенъ бысть въ печерскомъ монастырѣ, и крайнія ради его добродѣтели бысть *святъ* и чудотворецъ предивенъ. Сей *святый* Иларіонъ митрополитъ первѣе начатъ копати пещеру» (гл. I.). Въ сборникѣ моей библіот. XVI в., № 51, помѣщено «поученіе *святого* Иларіона о пользѣ души»—то самое, которое напечатано въ прибавл. къ Твор. Св. Отц. II, 293. Тамъ же указаны и другія рукописи, гдѣ Иларіонъ названъ *святымъ* (стр. 217. 219). Можетъ быть Иларіонъ дѣйствительно погребенъ въ Кіево-печерскомъ монастырѣ, какъ положившій начало копанію пещеръ; но признавать за несомнѣнное, будто мощи неизвѣстнаго преп. Иларіона схимника, покоющіяся въ Ѳеодосіевой пещерѣ, суть мощи именно митрополита Иларіона (***Преосв. Филар.*** Ист. Русск. Церкви I, примѣч. 343), нѣтъ основанія, тѣмъ болѣе, что въ печерскомъ монастырѣ еще во дни преп. Ѳеодосія подвизался другой Иларіонъ черноризецъ, который «по вся дни и нощи писаше книгы въ кельи преподобнаго» и былъ къ нему очень близокъ (см. въ патер. Нестор. Житіе преп. Ѳеодосія).

(19) Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ рукописныхъ нашихъ мѣсяцеслововъ XIII, XIV и послѣдующихъ вѣковъ имя митрополита Иларіона не встрѣчается.

(20) Въ житіи преп. Ѳеодосія, написанномъ преп. Несторомъ лѣтописцемъ, представляется, что первымъ дѣломъ Ѳеодосія, когда переселился онъ въ 1062 г. съ своею братіею изъ пещеръ въ новоустроенныя келліи, было то, чтобы достать и ввести въ новомъ монастырѣ уставъ Студійскій, для чего и посланъ былъ одинъ изъ

братій въ Константинополь къ Ефрему евнуху съ порученіемъ списать этотъ уставъ (см. рукоп. патер.). А въ лѣтописи говорится, что этотъ уставъ, между тѣмъ, преп. Ѳеодосій нашелъ и списалъ для своей обители у черноризца Студійскаго монастыря Михаила, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 69). Татищевъ пишетъ даже, будто митрополитъ Георгій пришелъ къ намъ еще въ 1053 г. (II, 114); но извѣстія Татищева о нашихъ тогдашнихъ митрополитахъ, какъ увидимъ, не чужды погрѣшностей. Кульчинскій, ссылаясь на Стрыйковскаго (lib. III, c. 5), относитъ прибытіе къ намъ митрополита Георгія къ 1068 г. (Specimen eccles. Ruthenic. p. 195, Romae 1733).

(21) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 78 — 79.

(22) Впрочемъ этотъ годъ кончины митрополита Георгія не показанъ въ лѣтописяхъ, а значится только въ нѣкоторыхъ каталогахъ нашихъ митрополитовъ.

(23) По Густинской лѣтописи (Полн. Собр. Р. Лѣт. II, 276), такъ же по каталогамъ: Новгор. Соф. библ., Кульчинскаго и обширному каталогу св. Димитрія Ростовскаго въ 1080 г., а по краткому каталогу того же св. Димитрія въ 1082 г.

(24) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 88 — 89; II, 276 — 277.

(25) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 89; II, 277; III, 3; V, 149.

(26) Древнія лѣтописи не говорятъ, кто былъ родомъ митрополитъ Ефремъ; но въ житіи преп. Ѳеодосія Несторъ лѣтописецъ ясно свидѣтельствуетъ, что этотъ Ефремъ каженикъ былъ природный русскій, изъ придворныхъ В. Кн. Изяслава, и что, сдѣлавшись печерскимъ инокомъ, онъ «отъиде въ Костянтинъ градъ и ту живяше въ единомъ монастыри, послѣди же изведенъ бысть въ страну сію и поставленъ бысть митрополитомъ въ градѣ Переяславлѣ» (такъ во всѣхъ, извѣстныхъ намъ, спискахъ Кіево-печерскаго патерика). Симонъ, епископъ Владимірскій XIII в., въ своемъ извѣстномъ посланіи къ Поликарпу относитъ такъ же этого Ефрема переяславскаго къ числу иноковъ Кіево-печерскихъ (см. рук. патер.). Слѣд. сказанія нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописей и каталоговъ, которые называютъ М. Ефрема Грекомъ, не заслуживаютъ довѣрія (сн. *Карамз.* II, примѣч. 160).

(27) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 89. 90. 128; Ник. Лѣт. I, 192.

(28) По каталогамъ св. Димитрія Ростовскаго и Новг. Соф. библ. Ефремъ поставленъ митрополитомъ въ 1091 г. По каталогу Кульчинскаго и по Густинской лѣтописи въ 1092 г.; а по лѣто-

писи Татищева Ефремъ пришелъ къ намъ изъ Царьграда уже въ 1095 г. (II, 156). Время кончины М. Ефрема показано только въ двухъ первыхъ каталогахъ и въ лѣтописи Татищева (II, 196) и отнесено къ 1096 г. Копыстенскій напротивъ говоритъ, будто въ 1096 г. Ефремъ былъ еще только посвященъ и присланъ къ намъ; но у этого писателя годы посвященія и послѣдующихъ митрополитовъ, какъ увидимъ, показаны совершенно ошибочно.

(29) *Банное строеніе* мы не колеблемся, вслѣдъ за М. Евгеніемъ (Опис. Кіево-Соф. Собор. 72 — 73), понимать въ буквальномъ смыслѣ, не видя никакого побужденія отступать отъ него. Бани, безъ сомнѣнія, у насъ были и прежде М. Ефрема; но были ли бани каменныя? были ли бани общенародныя? И если, по словамъ самаго лѣтописца, Ефремъ «украси градъ Переяславьскый» не только «зданьи церковными», но «и прочими зданьи»: то онъ могъ въ числѣ этихъ послѣднихъ построить и каменную, общенародную баню. Мнѣніе же Болтина и Карамзина (II, примѣч. 160), будто подъ баннымъ строеніемъ надобно разумѣть крестильницу (βαπτιστήριον), издревле устроявшуюся при церквахъ, намъ кажется очень искусственнымъ и не имѣющимъ никакого основанія. Спрашиваемъ: 1) не странно ли, что нашъ лѣтописецъ простое Греческое названіе βαπτιστήριον — крещальня вздумалъ замѣнить другимъ, переноснымъ и обоюднымъ названіемъ — банное строеніе? 2) Откуда извѣстно, что у насъ до М. Ефрема не устроялись при нѣкоторыхъ церквахъ крещальни? Напротивъ, не безъ основанія допускаютъ, что она была при Кіевскомъ Соф. Соборѣ, устроенномъ по образцу Византійскаго, имѣвшаго при себѣ крещальню, и даже указываютъ донынѣ сохранившуюся древнюю пристройку къ Кіевскому Собору, которая видна на правой сторонѣ его и внутри имѣетъ (совершенно сообразно съ назначеніемъ крещальни) фресковыя изображенія — къ востоку — крещенія Христова, а къ южной сторонѣ 40-ка мучениковъ, въ Севастійскомъ озерѣ стоящихъ и крестившихся въ немъ огненнымъ крещеніемъ (Опис. Кіево-Соф. Собора по обновленіи его въ 1843 — 1853 г. стр. 12. Кіевъ 1854).

(30) Никон. Лѣт. I, 192; Степ. кн. I, 229.

(31) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 128; Никон. Лѣт. I, 192; Степ. кн. I, 229; Опис. Кіево-печерской Лавры 101, изд. 2.

(32) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 112. На этотъ же 1097 годъ, какъ годъ поставленія М. Николая, приблизительно къ древней лѣ-

тописи, указываютъ каталогъ митрополитовъ Новг. Соф. библіотеки и обширный каталогъ св. Димитрія Ростовскаго, говоря, что Николай пасъ церковь «лѣтъ яко десятъ и скончася въ лѣто 1106». Прочіе каталоги всѣ здѣсь впадаютъ въ ошибки: по каталогу Захаріи Копыстенскаго Николай поставленъ къ намъ митрополитомъ въ 1106 г.; по краткому каталогу св. Димитрія Ростовскаго въ 1114 году; по каталогу Кульчинскаго въ 1102 г. и правилъ церковію только два года; по каталогу Лёкеня — поставленъ въ 1105 г. и управлялъ церковію до 1112 г. Татищевъ даже вовсе не упоминаетъ о митрополитѣ Николаѣ, а говоритъ, что по смерти М. Ефрема, въ 1096 г. избранъ на его мѣсто, по волѣ В. Князя, Полоцкій епископъ Никифоръ и поставленъ Соборомъ русскихъ епископовъ (II, 169). Въ имени Никифора, вмѣсто Николая, можно предполагать описку: потому что о приходѣ къ намъ собственно митрополита Никанора изъ Греціи Татищевъ говоритъ далѣе подъ 1105 г. (II, 203), если только онъ не допускалъ у насъ двухъ митрополитовъ Никифоровъ сряду. Но откуда взялъ онъ, будто бы первый Никифоръ или Николай былъ избранъ и поставленъ у насъ въ Россіи, подобно митрополиту Иларіону? Это извѣстіе было бы очень любопытно и важно, если бы чѣмъ либо подтвердилось. Надобно замѣтить, что и въ Никон. Лѣтоп. подъ 1097 г., вмѣсто митрополита Николая упоминается Никифоръ (II, 24), хотя далѣе говорится о приходѣ къ намъ другаго митрополита Никифора (II, 38).

(33) П. Собр. Р. Лѣт. I, 117.

(34) И годъ прибытія къ намъ, и время кончины этого митрополита ясно означены въ древнихъ лѣтописяхъ (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 119 и 128; III, 3. 122. 123; IV, 2); такъ же и въ Никон. Лѣтоп. (II, 38), и въ каталогахъ св. Димитрія Ростовскаго и Кульчинскаго. Въ другихъ каталогахъ время правленія митрополита Никифора показано неправильно. Въ переяславскомъ лѣтописцѣ подъ 1108 г., когда у насъ былъ митрополитъ Никифоръ, упоминается о русскомъ митрополитѣ Ѳеоктистѣ (стр. 52); но это, вѣрно, описка.

(35) Полн. Собр. Лѣт. I, 128. 130; II, 9. 10. 292; III, 123; IV, 2. 3; V, 156; Никон. Лѣт. II, 54. 59; Татищ. II, 223. 232. Такъ и въ каталогахъ св. Димитрія и Новг. Соф. библіотеки.

(36) П. Собр. Р. Лѣт. I, 136; II, 12. 293; Никон. Лѣт. II, 64. 87; Татищ. II, 241. 278; Переяслав. Лѣт. 56. По каталогамъ св. *Димитрія*, Новг. Соф. библ. и Кульчинскаго, М. Михаилъ

прибылъ къ намъ еще въ 1127 г., а по каталогу Лёкеня уже въ 1142 г. и управлялъ церковію до 1161 года: все это несогласно съ лѣтописями. О кончинѣ Митрополита Михаила въ Царьградѣ говоритъ только каталогъ Новг. Соф. библіотеки. А Татищевъ пишетъ, будто М. Михаилъ сконч. въ Кіевѣ въ 1147 г. (II, 301). Что вѣрнѣе, опредѣлить нѣтъ возможности.

(37) Въ *Новгородѣ* были епископами: Лука Жидята (1036—1059 г.), Стефанъ (1061—1069), Θеодоръ (1069—1078), Германъ (1078—1096), Никита (1096—1109), Іоаннъ (1108 или 1110—1130) и Нифонтъ (съ 1130 г.). См. Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 65. 109; III, 2. 3. 4. 121—124. 179. 210—214; V, 136. 139. 140. 148. 155. То же въ Лѣт. Никон. и у Татищева: есть только небольшая разность въ показаніи годовъ.

(38) Изъ числа *Ростовскихъ* епископовъ этого времени извѣстны: св. Леонтій, (поставл. около 1051 г. умеръ прежде 1077), св. Исаія (1077 — 1090), Иларіонъ II, Θеогностъ I, Θеодоръ II (сомнительные) и Ефремъ I (при В. Кн. Владимірѣ Мономахѣ). См. Посл. Симона къ Поликарпу, въ Памятн. Росс. Слов. XII в. стр. 256; Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 89; Истор. Росс. Іерарх. I, 240, изд. 2.

(39) *Черниговскіе* епископы: Мартирій и Θеодулъ (неизв. времени), Неофитъ (упом. въ 1072 г.), Іоаннъ I (упомин. въ 1089 и 1091 г. умеръ въ 1112 г.), Θеоктистъ (1112 — 1123), Гераклидъ (сомнительный), Пантелеимонъ (ум. въ 1142 г.), Онуфрій (съ 1143 г.). См. Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 89. 90. 127. 128; II, 3. 9. 18. 19; III, 4, 146; Истор. Росс. Іерарх. I, 296.

(40) *Бѣлгородскіе* епископы: Стефанъ (упом. въ 1072 г.), Лука (упомин. въ 1089 г.), Никита (рукоп. въ 1113 и упомин. въ 1115 г.). Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 89; II, 4. 6; V, 146; Никон. I, 165; Истор. Росс. Іер. I, 407.

(41) *Владимірскіе* епископы: Стефанъ II (1091 — 1094), Амфилохій (1105 — 1122), Симеонъ (1123 — 1136). Θеодоръ (съ 1137 г.). Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 90. 96. 119. 128. 133; II, 9; Истор. Росс. Іерарх. I, 403.

(42) Извѣстенъ по имени только одинъ епископъ *Тмутораканской* епархіи Николай, упомин. въ посланіи Симона къ Поликарпу и въ житіи преп. Никиты, затворника печерскаго.

(43) *Переяславскіе* епископы: Николай (упомин. въ посланіи Симона къ Поликарпу), Петръ (упом. въ 1072 г.), Ефремъ (упом.

въ 1091 г.), Лазарь (1105 — 1118), Сильвестръ (1118 — 1123), Іоаннъ I (1123 — 1125), Маркъ или Маркеллъ (1126 — 1134), Евѳимій (съ 1141). П. Собр. Р. Лѣт. I, 78. 90. 119. 128. 130. 132; II. 6. 8. 9. 12. 17. 338; Истор. Росс. Іерарх. I, 385.

(44) *Юрьевскіе* епископы: Михаилъ (упомин. въ 1072 г.), Антоній (упом. въ 1089), Маринъ (упом. въ 1091 г. конч. 1095), Даніилъ (1114 — 1122). Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 78, 89. 90. 97. 128; II, 4. 6. 9; Истор. Росс. Іерарх. I, 409.

(45) Извѣстны *Полоцкіе* епископы: Мина (1105 — 1116), Илія (ок. 1128), Косьма (съ 1143 г.). П. Собр. Р. Лѣт. I, 119. 128; II, 19. Истор. Росс. Іерарх. I, 415; Житіе преп. Ефросиніи Полоцкой — въ Степ. кн. I, 273. Въ этомъ житіи говорится, что во дни Полоцкаго князя — Бориса, роднаго дяди Ефросиніи, который, какъ извѣстно (П. Собр. Р. Лѣт. III, 5), скончался въ 1128 г., епископъ Полоцкій Илія уступилъ ей для монастыря мѣстечько Сельце, принадлежавшее архіерейскому дому, и уступая, сказалъ: «есть тамъ церкви всемилостиваго Спаса, идѣже братія наша лежать, *преже насъ бывшіи епископи*». Отсюда заключаемъ не только о времени жизни Полоцкаго епископа Иліи, но и томъ, что у него былъ не одинъ только предшественникъ Мина (1105 — 1116), но было ихъ нѣсколько. И потому основаніе Полоцкой епархіи можно относить не къ началу XII в., а къ болѣе древнему времени.

(46) Извѣстны *Туровскіе* епископы: Кириллъ (рукоп. 1114 г.) и Іоакимъ I (рук. въ 1144 г.). Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 127; II, 19; Никон. II, 44; Истор. Росс. Іерарх. I, 421. Снес. нашей Истор. т. I, примѣч. 83.

(47) Первымъ епископомъ былъ въ *Смоленскѣ* Мануилъ — грекъ (Собр. Р. Лѣт. I, 139; II, 14; Никон. II, 72; Татищ. II, 253; Дополн. къ Акт. Истор. I, № 4).

(48) П. Собр. Р. Лѣт. II, 14; Дополн. къ Акт. истор. I, № 4.

(49) П. Собр. Р. Лѣт. I, 170: «Занеже есть Рязань черниговьская-епископья».

(50) Дополн. къ Акт. Ист. I, № 4.

(51) П. Собр. Р. Лѣт. I. 97. 119.

(52) Въ 1089 г. при освященіи печерской церкви, епископы считаются послѣ митрополита въ такомъ порядкѣ: Бѣлгородскій, Ростовскій, Черниговскій, Юрьевскій; въ 1091 г., при перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія Печерскаго, въ такомъ: Переяславскій,

Владимірскій, Черниговскій, Юрьевскій; въ 1115 г. при перенесеніи мощей св. мучениковъ Бориса и Глѣба, въ такомъ: Черниговскій, Переяславскій, Бѣлгородскій, Юрьевскій (П. Собр. Р. Лѣт. I, 89. 90; II, 6).

(53) П. Собр. Р. Лѣт. I, 65; III, 121. 122. 179. 211. 212; V, 139. Въ чемъ состояла клевета Дудика на епископа Луку, неизвѣстно; но клеветнику въ наказаніе отрѣзали часть носа и отсѣкли обѣ руки, послѣ чего онъ убѣжалъ къ Нѣмцамъ (тамъ же).

(54) Объ обрѣтеніи мощей епископа Луки говорится въ обширномъ Житіи преп. Никиты, епископа Новгородскаго (рукоп. Сборн. моей библ. № 14, л. 178—179). Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: «обрѣтоша гробъ шестью дсками каменными содѣланъ, на верхней же каменной дскѣ воображеніе бѣ честнаго креста..., и отверсти его повелѣ (архіепископъ) и абіе видѣ мощи святительски, свидѣтельствующему омофору, яко быти епископу лежащему во гробѣ томъ. Веземъ же мощи оны, архіепископъ внесе въ притворъ великія церкве и положи я въ епископскихъ гробѣхъ одесную страну великія церкве, иже суть притворъ с полуденныя страны. Взыскающе же по памятованіемъ и обрѣтоша, яко ту погребенъ есть епископъ Лука, иже бѣ отъ крещенія нашего вторый епископъ великому Новуграду».

(55) См. «о Никитѣ затворницѣ» въ рукописныхъ печерскихъ патерикахъ; такъ же Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 109; II, 3. 122. 179. 213.

(56) Еще въ началѣ XIII в. черноризецъ Поликарпъ писалъ о Никитѣ: «за многую же его добродѣтель поставленъ быть епископомъ Новуграду, иже и мьнога чудеса створи: помолився дождь сведе, и пожаръ града угаси, и нынѣ со святыми чтутъ блаженнаго Никиту» (рукоп. Патерик.).

(57) Житіе св. Никиты намъ извѣстно въ четырехъ видахъ: 1) Житіе, написанное черноризцемъ Поликарпомъ въ посланіи его къ архимандриту Акиндину, въ XIII в.; 2) Житіе, написанное неизвѣстнымъ въ XVI — XVII, повѣствующее и объ обрѣтеніи мощей преп. Никиты и о послѣдующихъ чудесахъ его (рукоп. моей библ. № 14, л. 165—197); 3) Житіе, написанное игуменомъ Даниловой обители Іоасафомъ (въ рукоп. моей библіотеки № 64, л. 1); 4) Краткое житіе, написанное неизвѣстнымъ и встрѣчающееся въ рукопис. сбор. моей библ. № 51, л 74, и въ печатномъ прологѣ подъ 31 Генваря. Для Церковной Исторіи могутъ имѣть значеніе только два первыя житія.

(58) См. о Стефанѣ въ житіи преп. Θеодосія, составленномъ Несторомъ, такъ же П. Собр. Р. Лѣт. I, 80. 85. 90. 96. 266.

(59) Свѣдѣнія о св. Леонтіѣ Ростовскомъ довольно разнорѣчивы. Самое древнее находится въ посланіи Симона къ Поликарпу, но читается въ разныхъ спискахъ посланія неодинаково. Въ однихъ, по редакціи Кіево-Печерскаго Патерика Кассіановской, Симонъ говоритъ: «отъ того печерскаго монастыря пречистыя Богородица Матере мнози епископи поставлени быша, яко же отъ самаго Христа Бога нашего апостоли во всю вселенную послани быша, и, яко свѣтила свѣтлая, освѣтиша всю русскую землю святымъ крещеніемъ. Первый Леонтій, епископъ ростовскій великій святитель, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, и се бысть первый престолникъ, его же невѣрніи много мучивше и бивше,—и се третій гражанинъ бысть рускія земля со онѣма Варягома вѣнчася у Христа, его же ради пострада; Иларіона жъ митрополита и самъ челъ еси въ житіи святаго Антонія, яко отъ того постриженъ бысть и тако священства сподобленъ; посемъ же Николае и Ефремъ Переславлю, Исаія Ростову» и проч. (Патер. печерск. рукопись моей библ. № 37, и 124; такъ же Новг. Соф. библ. № 502, л. 86 об.). Въ другихъ спискахъ, по редакція Патерика Акакіевской, тоже читается:»... первый Леонтій епискупъ ростовьскій, его же Богъ прослави нетлѣніемъ, — и съ бысть первый престолникъ, его же невѣрніи много мучивше, и се третій гражданинъ бысть роускаго міра, съ онѣма Варягома вѣнчася отъ Христа, его ради убіена быста», и проч. (рукоп. Новг. Соф. библ. № 503, л. 132 об.). Въ третьихъ спискахъ еще иначе: «Первый ростовскій Леонтій священномученикъ, его Богъ прослави нетлѣніемъ, и се бысть первопрестольникъ, его невѣрніи, много мучивше, убиша: и се третій гражанинъ небесный бысть Русскаго міра, съ онѣма Варягома вѣнчався отъ Христа, его же ради убіенъ бысть»... и проч. (Памятн. Росс. Слов. XII в., стр. 256; Сборн. Новг. Соф. библ. № 410, л. 114). Изъ этихъ выписокъ видно: а) что Леонтій постриженъ въ Кіевопечерской обители, б) что онъ былъ первый престольникъ т. е. первый епископъ, не ростовскій, а первый изъ числа Кіево-печерскихъ иноковъ (вторый Иларіонъ, третій Николай и т. далѣе), удостоившійся престола епископскаго, и — в) что, по двумъ чтеніямъ Симонова свидѣтельства, Леонтій былъ только много мученъ отъ невѣрныхъ, вслѣдствіе чего и увѣнчанъ отъ Христа съ двумя Варягами мучениками, а по третьему чтенію, былъ даже умерщ-

вленъ. Другія свѣдѣнія о св. Леонтіѣ сообщаются въ его житіи, которое извѣстно намъ по четыремъ редакціямъ. Въ спискахъ первой, самой краткой, редакціи повѣствуется: «сей бѣ блаженный Костянтина града рожденіе и воспитаніе и за премногую добродѣтель епископомъ поставленъ бысть Ростову» (а гдѣ постриженъ въ монашество, гдѣ поставленъ во епископа, не упомянуто); прибывъ въ Ростовъ и видя упорство взрослыхъ людей въ невѣріи, Леонтій преимущественно началъ обучать вѣрѣ дѣтей и обращать ихъ ко Христу, и когда жители возстали на него за это съ оружіемъ и дреколіемъ и хотѣли не только выгнать его изъ города, но и умертвить, Леонтій, явившись предъ ними изъ церкви въ полномъ облаченіи съ освященнымъ соборомъ до того поразилъ ихъ, что они сами покорились ему и приняли отъ него крещеніе; послѣ чего, сотворивъ многія другія чудеса, онъ «съ миромъ къ Господу отъиде». (Макаріев. Чети-Мин. Новг. Соф. библ. за Май подъ 23 числомъ; Сборн. моей библ. № 4, л. 97). Въ спискахъ второй редакціи, начинающейся словами: «бѣ блаженный, иже во святыхъ отецъ нашъ великій Леонтій, рождейся въ Константинѣ градѣ», излагается сполна то же самое содержаніе, только пообширнѣе и въ началѣ прибавлено, что Леонтій «отъ уны версты» оставилъ міръ, пошелъ въ монастырь и «бысть мнихъ», и что «за премногую его добродѣтель и блаженнаго ради разума» поставленъ былъ епископомъ Ростову (рук. Рум. Муз. № 434, л. 425; Новг. Соф. библ. № 410, л. 411; моей библ. № 39, л. 170). Въ спискахъ третьей редакціи, начинающихся словами: «иже во святыхъ отецъ нашъ великій Леонтій»... и не мало разнящихся между собою, сдѣлано, при томъ же главномъ содержаніи, еще болѣе распространеній и прибавленій, — именно сказано, что онъ постригся съ юныхъ лѣтъ и подвизался въ одномъ изъ Константинопольскихъ монастырей, что здѣсь онъ имѣлъ видѣніе о назначеніи его епископомъ въ Ростовъ, что, вслѣдствіе такого же видѣнія, патріархъ Фотій поставилъ его епископомъ въ Ростовъ, что жители Ростова, вооружившись противъ Леонтія, изгнали его отъ себя, и онъ, удалившись изъ города, неподалеку отъ него построилъ себѣ малую церковь во имя архистратига Михаила близъ потока, называвшагося Брутовщица, что здѣсь-то онъ привлекалъ къ себѣ дѣтей кутьею и другими ласками и обучалъ ихъ вѣрѣ, а потомъ, когда возстали на него за это жители Ростова, обратилъ и всѣхъ ихъ и наконецъ скончался въ мирѣ (рукоп. Рум. Муз. № 160, л. 1; Новг. Соф. библ. № 503, л.

360 обор.; моей библ. № 50, л. 53). Въ спискахъ четвертой и послѣдней редакціи, изъ которыхъ одинъ напечатанъ въ Прологѣ подъ 23 числомъ Мая и представляетъ собою только сокращеніе третьей редакціи со всѣми ея особенностями, сдѣлано еще прибавленіе о св. Леонтіѣ въ самомъ началѣ: «россійскій и греческій языкъ добрѣ разумѣяше, книгамъ же россійскимъ и греческимъ вельми хитрословесенъ и сказатель отъ юности бысть». Согласно съ житіемъ св. Леонтія говоритъ о немъ и Степ. книга (I, 153). Чтобы примирить сказаніе житія св. Леонтія съ сказаніемъ о немъ Симона, епископа Владимірскаго, необходимо исключить нѣкоторыя особенности третьей редакціи житія, наприм. касательно патріарха Фотія и под., и тогда мы согласимъ оба сказанія, если допустимъ, что Леонтій могъ быть родомъ Грекъ, но потомъ пришелъ въ Россію, жилъ въ Кіевѣ, принялъ здѣсь постриженіе въ пещерѣ Антоніевой и когда сдѣлался ростовскимъ епископомъ, много пострадавъ отъ невѣрныхъ, просвѣтилъ ихъ крещеніемъ и съ миромъ отошелъ къ Богу.

(60) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 89. Несторъ въ житіи преп. Θеодосія замѣчаетъ о св. Исаіи: «Посемъ же христолюбивый князь Изяславъ, отъ монастыря великаго Θеодосіа избравъ единаго отъ братія, иже в чернеческомъ житіи просіявша, Исаію наречена, того же изведъ игоумина постави оу святаго Димитріа въ своемъ монастыри, иже послѣди добрыхъ ради нравъ его поставленъ бысть епископомъ Ростовю граду, и тамо съ святыми чтутъ его, пріятъ бо отъ Бога чюдотвореніа даръ» (рукоп. Патер. Новг. Соф. библ. № 502, л. 34). Подробнѣе — въ житіи св. Исаіи, епископа Ростовскаго (рукоп моей библ. № 39, л. 163; Рум. Муз. № 160, л. 14; Новг. Соф. библ. № 503, л 392). Здѣсь, между прочимъ, говорится: «и видѣ тамо (въ Ростовѣ) люди новокрещеныи не оутверженны в̓ вѣрѣ, яко же новонасажденый виноградъ и напаяетъ оубо тѣхъ своимъ оучениемъ блаженый Исаіа и возращаетъ в̓ добродѣтелехъ, плодъ сторицею благомоу Владыцѣ приноситъ, яко же благый онъ рабъ. И объходитъ оубо и прочая грады и мѣста, иже в̓ ростовьстѣй и соуздальстѣй области, и невѣрныхъ оувѣщаетъ вѣровати въ святоую Троицю, Отца и Сына и Святаго Духа, просвѣщаетъ ихъ святымъ крещениемъ, вѣрныхъ укрѣпляетъ непоколебимым и недвижимым быти в̓ вѣрѣ; гдѣ же идолы обрѣтаетъ, вся огню предаваше и велико тщаніе о томъ имѣяше, нищихъ же милоуя и оудовля пищею и одеждами».

(61) Рукоп. Житіе св. Благов. князя Муромскаго Константина и чадъ его Михаила и Θеодора (Сбор. моей библ. № 62; Рум. Муз. № 364).

(62) Карамз. III, 81. 89, изд. 2.

(63) Тамъ же примѣч. 153, стр. 108.

(64) П. Собр. Р. Лѣт. I, 108 — 109.

(65) Имя это могъ онъ получить или еще при крещеніи или при постриженіи въ монашество предъ своею кончиною. А Ярославъ было его мірское имя: извѣстно, что наши князья того времени имѣли обычай носить по два имени: одно христіанское, другое мірское — княжеское, и въ лѣтописяхъ всего чаще называются послѣднимъ.

(66) Карамз. II, 69, примѣч. 151.

(67) Татищ. II, 140, снес. 135.

(68) П. Собр. Р. Лѣт. I, 108 — 109. 131; III, 3; Карамз. II, 119 — 120. 172.

(69) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 89. 119; III, 3. Какъ могъ составитель житія св. князей Муромскихъ впасть въ такую хронологическую ошибку? Очень легко. Онъ писалъ это житіе уже спустя болѣе пяти вѣковъ послѣ ихъ кончины, по случаю открытія мощей ихъ, писалъ, вѣроятно, только на основаніи устныхъ преданій, сохранившихся въ Муромѣ о первыхъ князьяхъ просвѣтителяхъ, или и краткихъ записокъ, въ которыхъ однакожъ время прибытія князей въ Муромъ не было означено. Рѣшившись потому опредѣлить самъ это время, онъ, безъ дальнихъ соображеній, по невѣжеству и могъ признать Константина Святославича Муромскаго сыномъ того Святослава, который княжилъ въ Кіевѣ къ концу XII в. († 1195), не предполагая, чтобы Константинъ могъ быть сыномъ Святослава Черниговскаго. Житіе составлено очень неискусно и отличается только напыщенностію, разглагольствіями и заимствованіями: такъ весь приступъ и нѣкоторыя мѣста въ заключеніи буквально взяты изъ извѣстнаго житія Владиміра мниха Іакова, другія мѣста, хотя не съ такою буквальностію, изъ лѣтописи Несторовой и изъ похвалы митрополита Иларіона св. Владиміру.

(70) Посл. Симона къ Полик. (въ рукоп. Патер.); П. Собр. Р. Лѣт. I, 6.

(71) Посланіе Поликарпа къ архим. Акиндину (въ рукоп. Патер.), — см. статью: о Никитѣ затворникѣ. Въ Описаніи Кіево-пе-

черской Лавры замѣчено, что Пименъ-постникъ былъ игуменъ Лавры съ 1132 г. и скончался именно въ 1141 г. (стр. 133, изд. 2). Объ игуменствѣ Пимена свидѣтельствуетъ и Поликарпъ въ Сказаніи о Спиридонѣ Просфирникѣ (см. рукоп. Патерик.).

(72) Истор. Росс. Іерарх. III, 693—695; VI, 654—655.

(73) «О блаженнѣмъ Евстратіѣ постникѣ», въ послан. Симона къ Поликарпу (рукоп. Патер-). Къ концу сказано: «окаяннiи же жидове видѣвше чудо страшно и крестишася».

(74) «И ктому не возвратися въспять, но крестися и бысть мнихъ и съ родомъ своимъ, и ту скончa животъ свой въ покаяніи». См. въ томъ же посланіи Симона къ Поликарпу: «о смиренѣмъ и многотръпѣливѣмъ Никонѣ черноризцѣ».

(75) П. Собр. Р. Лѣт. I, 96. 120; Никон. II, 40. 67; Татищ. II, 205; Карамз. II, 109; Примѣч. 203.

(76) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 75—78. 92; V, 143—146; Лѣт. Переяслав. 47—48; Никон. I, 160 и др.

(77) Подробнѣе о волхвахъ и ихъ значеніи см. въ Разсужденіи *Руднева*: «О ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ Русской Церкви».

2. КЪ ГЛАВѢ ВТОРОЙ.

(78) Всѣ послѣдующія свѣдѣнія о Кіево-печерскомъ монастырѣ заимствованы частію изъ лѣтописи (П. Собр. Р. Лѣт. I, 67—69. 79—85 и др.), а преимущественно изъ рукописнаго житія преп. Θеодосія, составленнаго Несторомъ, и изъ такихъ же посланій Симона и Поликарпа о Кіево-печерскихъ подвижникахъ. Помѣстамъ, вмѣсто голыхъ указаній, мы будемъ приводить самыя свидѣтельства изъ этихъ драгоцѣнныхъ и не всякому доступныхъ рукописей. Тѣ же свѣдѣнія, съ нѣкоторою только перемѣною въ слогѣ и небольшими перестановками, сокращеніями и дополненіями, изложены и въ печатномъ Кіево-печерскомъ Патерикѣ.

(79) Это имя показано въ лѣтописяхъ Переясл. Суздал. (стр. 45) и Супральской (стр. 164).

(80) *Мурав.* Письма съ Востока, ч. I, письмо 10, стр. 208—214. Спб. 1851; *Григоров.* Очерк. Путеш. по Европ. Турціи стр. 57. Казан. 1848.

(81) Сказаніе «о началѣ печерскаго монастыря», приписываемое преп. Нестору, и вмѣстѣ о преп. Антоніѣ, извѣстно въ двоя-

комъ видѣ: краткомъ и обширномъ. Краткое сказаніе находится въ лѣтописныхъ Сборникахъ XIII — XIV в. (П. Собр. Р. Лѣт. I, 167; Лѣтоп. Переясл. Суздальск. 44) и въ рукописныхъ Кіево-печерскихъ патерикахъ Ѳеодосіевской и Акакіевской редакціи XV в.; обширное встрѣчается въ рукописныхъ патерикахъ Кассіановской редакціи XV вѣка и вошло въ составъ Патерика печатнаго (Обз. редакц. Кіево-печер. Патерика, въ Извѣст. 2-го отд. Ак. Наукъ, т. V. 138. 148. 153). По краткому сказанію Антоній ходилъ на Аѳонъ однажды и, возвратившись оттуда въ Кіевъ при в. кн. Ярославѣ, поселился на Берестовскомъ холму въ 1051 г., вскорѣ послѣ того, какъ Иларіонъ былъ возведенъ въ санъ митрополита. По сказанію обширному Антоній ходилъ на Аѳонъ дважды: въ первый разъ еще при св. Владимірѣ, когда, возвратившись въ Кіевъ, поселился-было въ пещерѣ Варяжской; въ другой — по смерти Владиміра, когда начались въ Россіи кровопролитія отъ Святополка. Антоній бѣжалъ отъ этихъ смутъ на св. гору и возвратился въ отечество уже при Ярославѣ, по возведеніи Иларіона на митрополитскую каѳедру въ 1051 г. Какому изъ двухъ сказаній отдать предпочтеніе? Мы думаемъ, краткому: во-первыхъ, потому, что оно встрѣчается гораздо ранѣе, а во-вторыхъ, потому, что обширное сказаніе во всей своей первой половинѣ, которою, собственно, оно и отличается отъ краткаго, представляетъ собою только очевидную и довольно неискусную придѣлку къ краткому сказанію. Вотъ эта половина: «Въ княженіе самодръжца рускіа земля, благовѣрнаго великаго князя Владимера Святославичя, благоволи Богъ явити свѣтилника роустей земли и наставника иночествоующимъ, яже о немъ намъ сказаніе. Бысть оубо нѣкто благочестивый моужъ отъ града Любеча, яже в онь измлада вселися страхъ Божій, желаше во иноческій облещися образъ. Человѣколюбивый Господь възложи семоу въ сердцы въ страноу ити греческоую и тамо острищися; абіе поутномоу шествію оустремися, страньствоуа за страньвшаго Господа и троужьдшагося нашего ради спасеніа, и достиже царьствующаго града и во святую гору доиде. И обшедъ святаа монастыря, яже на Аѳонѣ, и видѣ монастыря соущаа тоу, яже на святѣй горѣ, и пребываніе тѣхъ отецъ выше человѣческаго естества, въ плоти ангельское житіе подражающе, паче разжеся Христовою любовію, желаа тѣхъ отецъ житію поревновати, и пріиде въ единъ монастырь отъ соущихъ тамо монастыревъ, и моли игоумена, дабы на нь възложилъ ангельскій образъ иноческаго чина. Игоуминъ же, прозря яже въ немъ

хотящаа быти добродѣтели, послушавъ. Постриже его и нарече имя емоу Антоніе и наказавъ и наоучи его иноческому житію. Антоніе же всѣмъ Богу оугажая и прочаа подвизаяся въ покореніи и послушаніи, яко всѣмъ радоватися о немъ. Рече же ему игуменъ: Антоніе, иди паки в Русію, да тамо прочимъ на оуспѣхъ и оутверженіе боудеши, и боуди ти благословеніе святыя горы. Антоніе же отъиде в Русію, пріиде въ градъ Кіевъ и мышляше, гдѣ бы пребыти, и походи по монастыремъ и не възлюби ни во единомъ же, гдѣ бы жительствовавати, Богоу не волящу; и нача ходити по дебромъ и по горамъ и по всѣмъ мѣстомъ и на Брестовое пріиде. И обрѣте печероу и вселися в ню, юже бяше ископали Варязи, и в ней пребысть въ велицѣмъ въздержаніи. По сихъ же, преставльшоуся великому князю Владимеру, и пріа власть безбожный Святополкъ и сѣде в Киевѣ нача избивати братію свою, оуби святаго Бориса и Глѣба. Антоній же видя таковое кровопролитіе, иже сдѣла окаянный Святополкъ, паки бѣжа въ святоую гору. Егда же благочестивый князь Ярославъ побѣди Святополка и сѣдѣ в Кіевѣ, боголюбивомоу (отселѣ начинается краткое сказаніе) князю Ярославу, любящоу Берестово и церковь св. Апостолъ и священники многи набдящоу, в ней же бѣ прозвтеръ именемъ Иларионъ (здѣсь легко видѣть, какъ неискусно соединена новая придѣлка къ старымъ сказаніямъ) моужъ благочестивъ, божественымъ писаніемъ разоуменъ и постникъ, и хожаше з' Берестова на Днѣпрь печерскій и тоу молитвы творяше; бѣ бо тамо лѣсъ великъ і ископа печер'коу малоу 2 сажени и приходя з' Берестова, псалмопѣніе пояше, моляшеся Богоу втайнѣ. Посемже благоволи Богъ възложити на сердце благовѣрномоу князю Ярославоу и, собравъ епископы влѣто 6559, поставиша его митрополитомъ въ святѣй Соѳіи, а сіа его печер'ка оста. Антонію же соущоу въ святѣй горѣ въ монастыри, идѣ же острижеся (здѣсь измѣнено краткое сказаніе), и бысть отъ Бога извѣщеніе игоуменоу: поусти, рече, Антоніа въ Русію, яко требую его. Призвавъ его игуменъ и рече: Антоніе, иди паки въ Русію, Богоу тако хотящоу, и боуди благословеніе имѣа отъ святыя горы, яко мнози отъ тебе черноризцы имоуть быти, и благословивъ его, отпоусти и рекъ емоу: иди с миромъ. Антонію же пришедшоу к' Кіеву, и пріиде на холмъ, идѣ же бѣ Иларіонъ печер'ку ископалъ, и взлюби мѣсто то и вселися в немъ, нача молитися Богоу съ слезами».... и т. далѣе согласно съ краткимъ сказаніемъ. Впрочемъ какого бы кто ни держался сказанія, краткаго или обширнаго,

о началѣ печерскаго монастыря, важно то, что оба сказанія согласно относятъ это начало ко времени возведенія на митрополитскій престолъ пресвитера Иларіона. Разъ или два былъ на Аѳонѣ преп. Антоній, но то несомнѣнно, что онъ основалъ знаменитую Кіевопечерскую обитель въ 1051 году. Разборъ другихъ мнѣній объ этомъ предметѣ см. у г. *Казанскаго:* Исторія Русск. монашества, приложеніе I, стр. 187 — 197, Москв. 1855.

(82) Если преп. Антоній, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ, самъ не постригалъ никого, не имѣя свящ. сана, а всѣхъ, приходившихъ къ нему, предоставлялъ постригать Никону, какъ пресвитеру: то слѣдуетъ, что и Иларіона Антоній постригъ не непосредственно, а чрезъ посредство Никона, и, значитъ, Никонъ находился уже вмѣстѣ съ Антоніемъ въ 1051 году.

(83) Въ спискѣ житія преп. Ѳеодосія XII — XIII в. (рукоп. Москов. Успенск. Собор.) сказано: «сице же пребысть 12-ть лѣтъ и болѣ творя», и число 12-ть написано буквами. Въ позднѣйшихъ спискахъ того же житія, вмѣсто двѣнадцати лѣтъ, читается два лѣта.

(84) Житіе преп. Моусея Угрина, написанное Поликарпомъ черноризцемъ въ XIII в., находится въ рукописи и печатныхъ Патерикахъ

(85) Объ этомъ событіи упоминается и въ Лаврент. Лѣтописи (П. Собр. Р. Лѣт. I, 64).

(86) Въ нѣкоторыхъ рукоп. Патерикахъ (Новгор. Соф. библ. №№ 502, 503 и 578) и въ печатномъ (л. 108) сказано о Моусеѣ Угринѣ: «скончася о Господѣ...., пребывъ въ монастырѣ лѣтъ 10, а въ плѣненіи страдавъ въ узахъ 5 лѣтъ, 6-е же лѣто за чистоту». Но если Моусей Угринъ плѣненъ 1018 г. и оставался въ Польшѣ до смерти Болеслава — въ 1030 г., какъ гласятъ и сами эти списки житія: то надобно полагать не шесть, а одинадцать лѣтъ всего его пребыванія въ Польшѣ. Посему справедливѣе слѣдующее чтеніе Патерика Новг. Соф. библ. Арсеніевской редакціи (поступ. изъ Ѳерапонтова монастыря за № 28): «пребывъ 10 лѣтъ въ монастырѣ, 5 лѣтъ въ плѣнѣ страдавъ окованъ, 6 лѣтъ за чистоту страдавъ страсти», — и списка, находящагося въ одномъ сборникѣ (XVI в.) Болотова: «пребысть (Моусей) въ монастыри 10 лѣтъ, и въ железахъ 5 лѣтъ и въ пленепьи пребысть, а 6 лѣтъ пострада за чистоту и томимъ отъ Ляховицы». Такъ же сказано и въ печатномъ Прологѣ (Іюля 26).

(87) Въ Патерикахъ, рукоп. и печатномъ, объ этомъ не замѣчено; но въ Прологѣ читаемъ: «по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ оздравѣ и пріиде въ печерскій монастырь» (Іюля 26).

(88) П. Собр. Р. Лѣт. I, 68. «Въ тоже время, иже бѣ первый у князя въ болярехъ, именемъ Іоаннъ, и того сынъ часто прихождаше къ преподобнымъ»... (Рукоп. житіе преп. Ѳеодосія).

(89) «Старецъ же рече къ нему: блюди, чадо, къ кому обѣщеваешися и чій воинъ хощеши быти; се бо невидимо предстоятъ ангели Божіи, пріемлюще обѣщанія твоя; но егда како отецъ твой, пришедъ съ многою властію, і изведетъ тя отсюду» (тамъ же).

(90) «Онъ же (Никонъ), по обычаю молитвовавъ, остриже его и въ мнишескія ризы облече его, — Варлаамъ имя тому нарекъ» (тамъ же).

(91) «Отпусти великаго Никона, повелѣвъ ему въ печеру ити. По онѣхъ же посла, рекій: да съ мольбою възвратятся въспять, — еже едва по тріехъ днехъ увѣщани быша, възвратгшася въ печеру свою» (тамъ же).

(92) «Снемъ съ него св. мантію, вверже ю въ ровъ глубокъ; тако же и шлемъ спасенія, иже бѣ на главѣ его, снемъ, заверже его» (тамъ же).

(93) «Таже оттолѣ мнозимъ приходити въ печеру благословенія ради, еже отъ Отецъ тѣхъ, и другіа отъ нихъ бываху мниси Божіею благодатію» (тамъ же). Снес. П. Собр. Р. Лѣт. I, 68.

(94) Во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ Патерика печерскаго XVI в. говорится: «черноризецъ монастыря св. Мины Болгарина, тако нарицаема»; самъ черноризецъ называется «Болгаринъ» и островъ, гдѣ онъ подвизался, называется «Болгариновъ», или «Болгаровъ». Но въ харатейномъ спискѣ Патерика XV в., вмѣсто «Болгаринъ» читается «бояринъ», а вмѣсто «Болгаровъ» стоитъ «боляровъ» (Русск. Истор. Сборн. Моск. 1842, т. IV, кн. 4, стр. 417).

(95) «По отхожденіи отецъ тѣхъ святыхъ, блаженный отецъ нашъ Ѳеодосій поставленъ бысть прозвутеромъ повелѣніемъ преп. Антонія, — и бѣ по вся дни божественную службу створяя» (рукоп. Житіе преп. Ѳеодосія).

(96) Именно по Лѣтописи — 12 (I, 68), а по житію преп. Ѳеодосія — 15.

(97) Построеніе этого монастыря въ лѣтописи преп. Несторъ приписываетъ игумену Варлааму, а въ житіи преп. Ѳеодосія сему

послѣднему. Естественно предпочесть сказаніе лѣтописи, какъ сочиненія позднѣйшаго, въ которомъ Несторъ могъ самъ исправить прежнюю свою неточность. Но говоря, что монастырь совершенно отстроенъ еще при Варлаамѣ, лѣтопись отнюдь не говоритъ, чтобы при немъ же послѣдовало и переселеніе въ монастырь братіи изъ пещеръ. Потому нельзя не вѣрить сказанію Житія преп. Θеодосія, что это пересеніе совершилось уже при его игуменствѣ, и именно въ 1062 г. Вѣроятно около того самаго времени, какъ монастырь отстроенъ и оставалось переселиться въ него, преп. Θеодосій и смѣнилъ на игуменствѣ Варлаама. Калнофойскій, неизвѣстно почему, утверждаетъ, будто построеніе монастыря окончилось въ 1058 г. (Опис. Кіево-печер. Лавры 127, изд. 2).

(98) П. Собр. Р. Лѣт. I, 69.

(99) «Тѣмъ же смиряшеся, мній всѣхъ ся творя, и всѣмъ слуга, и собою образъ всѣмъ дая, и на дѣло прежде всѣхъ исходя, и въ чину святыя литургіи предстоя, и оттолѣ цвѣтяше и уможашеся мѣсто то праведника молитвою» (рукоп. Житіе преп. Θеодосія).

(100) См. выше примѣч. 97. «По сихъ же посла единаго отъ братіи блаженный въ Костянтинъ градъ къ Ефрему скопцу, да весь уставъ студійскаго монастыря принесетъ, исписавъ. Онъ же повелѣніе преп. отца нашего сотвори, — и весь уставъ монастырскій списавъ, посла къ нему» (рукоп. Житіе преп. Θеодосія).

(101) Такъ можно соглашать два различныя сказанія — Лѣтописи и Житія Θеодосіева, изъ которыхъ первая говоритъ только о полученіи Θеодосіемъ устава Студійскаго отъ инока Михаила, а послѣднее о полученіи его только отъ Ефрема скопца (снес. Патер. печатн. л. 29 об. Кіев. 1791).

(102) Эти поученія и завѣщаніе въ славянскомъ переводѣ старца Паисія Величковскаго изданы Оптиною пустынею въ Москвѣ, 1853 г.

(103) Преп. Никонъ черноризецъ (ум. около 1000 г.), въ своемъ Тактиконѣ или Типиконѣ, въ предисловіи говоритъ: «потребно есть вѣдѣти, яко же изначала сущая со мною братія свѣдятъ, яко различны типики Студійскія же и Іерусалимскія прочтохъ и собрахъ, и не согласишася единъ ко другому, ниже Студійскій съ друзѣмъ Студійскимъ, ни Іерусаслимскій съ другимъ Іерусалимскимъ» (рукоп. моей библ. № 63, л. 11). И далѣе въ словѣ шестомъ повторяетъ: «такожде и Студійскіи обрѣтохомъ типики различны, и ниже сравняются другъ другу, и ради несравненія сего,

и паче же ни отъ Божественныхъ писаній имѣяху свидѣтельства нѣкая, и точію глаголюще сице: «яко сотворяемъ се и се» (— л. 63 об.)

(104) Уставъ этотъ сохранился въ перг. рукоп. Моск. Син. библ. № 330. Рукопись содержитъ въ первой части общій церковный уставъ Студійскій, во второй — уставъ собственно монастырскій. Послѣдняя часть оглавляется такъ: «Уставникъ, разсмотряяй о брашнѣ же и о питіи мнихомъ, и о всяцѣмъ иномъ чину, и о пребываніи и въ церкви и въсьдѣ, уставленъ убо не по писанію въ монастыри Студійстѣмъ преподобнымъ отцемъ нашимъ исповѣдникомъ Θеодоромъ, преданъ же писаніемъ отъ Алькcія, святаго и вселенскаго патріарха, въ поставленнѣмъ имъ монастыри во имя Божественныя Матери». Если патріархъ Алексѣй (1025—1043) для своего монастыря счелъ нужнымъ вновь изложить въ письмени уставъ Студійскій, а не списалъ его съ готоваго рукописнаго устава Студійскаго, который, по свидѣтельству Никона черноризца, несомнѣнно тогда уже существовалъ въ разныхъ спискахъ: то кто поручится, что и этотъ, вновь изложенный, уставъ не имѣлъ своихъ особенностей и былъ тотъ самый, какой употреблялся въ Студійскомъ монастырѣ? Содержаніе этого устава представлено въ сочиненіи г. Казанскаго: «Исторія Русскаго монашества до основанія Троицкой Сергіевой Лавры», стр. 30 — 40, М. 1855.

(105) П. Собр. Р. Лѣт. I, 69.

(106) Тамъ же 69 и 258.

(107) «Вся приходящая съ радостію пріимаше. Но не тогда абіе постригаше его, но повелѣваше ему въ своей одежди ходити, дондеже извыкняше весь строй монастырьскій. Тожде по сихъ облачаше его въ мнишескую одежду и тако паки въ всѣхъ службахъ искушаше его. И тогда остригъ, облачаше его въ мантію, дондеже паки бываше чернецъ искусенъ житіемъ чистымъ, — и тогда сподобяше его пріяти великій ангельскій образъ и тако полагаше нань куколь» (рукоп. Житіе преп. Θеодосія).

(108) «Да не даси, — говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи игумену, — кому оно, еже глаголютъ малъ образъ, та же великій: образъ бо единъ есть, яко же и крещеніе» (Θеодора Студита оглаcит. слова, изд. Оптиною пустынею, стр. 283).

(109) Чинъ постриженія монашескаго у насъ съ самаго начала былъ тотъ же, какой существуетъ доселѣ. Это видно частію изъ словъ преп. Антонія Варлааму (см. выше примѣч. 89), а со всею

ясностію изъ сказанія Поликарпова о постриженіи Пимена многострадальнаго небесными посланниками. «И се, пишетъ Поликарпъ, въ едину нощь всѣмъ спящимъ внѣ, — и се внидоша къ нему, аки скопци свѣтли со свѣщами, идѣже лежаше Пименъ, нося съ собою Евангеліе и свиту, и мантію, и куколь и все, еже на потребу постриганію и глаголаша ему: хощеши ли, пострижемъ тя? Онъ же съ радостію обѣщася имъ, глаголя: Господь вы посла, господіе мои, исполнити желаніе сердца моего. Они же ту абіе начаша въпросы творити: что пріиде, брате, припадая ко святому жертвеннику сему и святѣй дружинѣ сей? Желаеши ли сподобитися мнишескому великому аггельскому образу, — и прочая вся поряду сътвориша, яко же есть писано. Таже и въ великій образъ постригоша его, и облъкше его въ мантію и въ куколь, и все, еже требѣ, пѣвше великаго аггельскаго образа, управивше и устроивше, и цѣловавше его, — Пимена того нарекши, и, свѣщу вжегше, рѣша, до 49 дній и нощію сіа свѣща да неугаснетъ. Сіа вся сдѣявше, отъидоша въ церковь; власы же вземше въ убрусѣ положиша на гробѣ св. Θеодосія» (рукоп. Патерикъ).

(110) «Яко отца его себѣ имѣяше; тѣмже і аще коли гдѣ отходя, поручаше тому братію, и еже тѣхъ поучати и съблюдати, яко старѣйшу тому сущу всѣхъ. І егда же паки самъ поучаше братію въ церкви духовными словесы, и повелѣваше паки великому Никону, яко се отъ книгъ почитающе поученіе творити братіи. Таже паки преп. отцу нашему Стефану, уставнику тогда сущу, послѣди же игуменъ бысть того монастыря» (рукоп. житіе преп. Θеодосія).

(111) «Аще убо видяше нища или убога, въ скорби суща и въ одежи худѣ, жалиси его ради и вельми скорбяше о томъ, и съ слезами того миловаше, и сего ради сътвори дворъ близь монастыря своего, и церковь въгради въ немъ святаго первомученика Стефана, — и ту повелѣ пребывати нищимъ и слѣпымъ и хромымъ и трудоватымъ, и отъ монастыри подаваше имъ, еже на потребу, и отъ того всего сущаго монастырскую десятую часть даваше имъ. Еще же и по вся субботы посылаше возъ хлѣбовъ иже въ темницахъ сущимъ въ узахъ» (рукоп. житіе преп. Θеодосія).

(112) Рукоп. жит. преп. Θеодосія; Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 81. 261.

(113) Рукоп. житіе преп. Θеодосія и Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 81, 262.

(114) Доселѣ еще никто не объяснилъ удовлетворительно, какъ понимать тѣ 40 лѣтъ, которыя, по лѣтописи, будто неисходно провелъ въ этой одной пещерѣ преп. Антоній (разн. мнѣнія о семъ см. у *Казанскаго.* въ Истор. Русск. Монашества, прилож. I, стр. 195 — 197). Но неизвѣстно, почему доселѣ не обращено внимания на свидѣтельство Татищева: «о лѣтѣхъ его (Антонія) во уединеніи въ древнѣйшихъ — 8, а въ иныхъ — 40 положено, что неосторожностію повреждено, и послѣднее со обстоятельствомъ сходно быть не можетъ» (Истор. Росс. II, стр. 111, примѣч. 256). Если дѣйствительно преп. Антоній сдалъ настоятельство Варлааму и поселился въ новой пещерѣ около 1060 г.: то до вынужденнаго удаленія своего въ Черниговъ въ 1068 г. онъ точно находился въ этой пещерѣ, не выходя изъ нея, ровно 8 лѣтъ.

(115) Несторъ въ житіи преп. Θеодосія и въ лѣтописи (1, 68. 82—84, 260); Симонъ въ Сказаніи о созданіи печерской церкви; Поликарпъ въ сказаніи объ Агапитѣ.

(116) П. Собр. Р. Лѣт. I, 82—85. 259—261.

(117) Сказаніе объ Агапитѣ въ рукоп. посланія Поликарпа къ архимандр. Акиндину.

(118) П. Собр. Р. Лѣт. I, 91.

(119) «Наипаче же се любяше блаженнаго Христолюбивый князь Изяславъ, предержай тогда столъ отца своего, и часто же прихождаше къ нему, и тако духовныхъ тѣхъ словесъ отъ того насыщаяся, и паки отхождаше..., и тако имаше его, яко единаго отъ первыхъ святыхъ отецъ, и вельми послушаше его, и все творяше повелѣнная ему отъ великаго отца нашего Θеодосіа преподобнаго» (Житіе преп. Θеодосія).

(120) «Глаголаше (Святославъ) преподобному: се, Отце, истину ти глаголю, яко аще бы ми възвѣстили отца въставша отъ мертвыхъ, то не бы тако порадовался, яко же о приходѣ твоемъ, — и не бyхся того тако боялъ или усумнѣлъ, яко же преподобныа твоея души» (тамъ же).

(121) «И се слышавше князи и боляре доброе ихъ житіе, и прихождаху къ великому Θеодосію, исповѣдающе тому грѣхи своя, — иже и велику пользу пріемше, отхождаху; и тако паки приношаху ему отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастырю, друзіи же *села* вдающе на церковную потребу монастыреви и братіи» (тамъ же).

(122) «И нужа бысть славному отцу нашему Θеодосію распро-

странити монастырь на поставленіе келіямъ множества ради приходящихъ и бывающимъ мнихомъ, —и самъ бѣ работая съ братіею и градя дворъ монастырскій» (тамъ же).

(123) «И извѣстися святое то мѣсто росою съ небесе, и паки сушею, и огня попаленія трьпія» (тамъ же). Подробнѣе о бывшихъ при этомъ знаменіяхъ — въ Сказаніи Симона о созданіи печерской церкви.

(124) Несторъ въ Житіи преп. Ѳеодосія и въ Лѣтописи (I, 78 — 80); Симонъ въ Сказ. о созданіи печерской церкви.

(125) «Се же яко бѣ близъ себе сущима обѣма монастырема; есть же и посредѣ ихъ дворъ, иже блаженный отецъ нашъ Ѳеодосій створи на пріятіе нищимъ, — яко же и всѣмъ тѣмъ единѣмъ съграженіемъ съгражену быти, разножъ дворы» (рукоп. Жит. преп. Ѳеодосія).

(126) Несторъ въ Житіи преп. Ѳеодосія и въ Лѣт. I, 80. 85.

(127) Несторъ въ Житіи преп. Ѳеодосія и въ Лѣт. I, 89. Симонъ въ сказаніи о созданіи печерской церкви.

(128) Кіев. Синопсисъ, стр. 65, Кіевъ 1813.

(129) «Захарія же дастъ все игумену Іоанну, да растратитъ, яко же хощетъ; самъ же постригся сконча животъ свой. Ту сіи бысть церкви святаго Іоанна Предтечи, удужъ на полата въсходятъ въ имя Іоанна боярина и сына его Захаріи, его же бысть злато и сребро» (Сим. въ Сказ. о созд. печерской церкви).

(130) П. Собр. Р. Лѣт. I, 99; Симонъ въ Сказаніи о блаж. Евстратіи и многотерп. Никонѣ.

(131) П. Собр. Р. Лѣт. I, 120. «Се же столпъ первѣе ста на трапезницѣ (печерской) каменнѣй, яко не видѣти бысть креста» (тамъ же 121).

(132) Опис. Кіево-печерск. Лавры стр. 37, изд. 2.

(133) Рукоп. Житіе преп. Ѳеодосія.

(134) П. Собр. Р. Лѣт. II, 82. Лѣтопись выражается: «Ярополкъ вда всю жизнь свою, Небольскую волость» и проч., что можно понимать такъ: «отдалъ все свое достояніе въ жизни, или всѣ свои владѣнія».

(135) Тамъ же I, 108.

(136) Тамъ же II, 82; снес. Карамз. II, примѣч. 223.

(137) Тамъ же II, 12; Патер. печатн. л. 52, Кіевъ 1761; Описан. Кіево-Печер. Лавры 133.

(138) П. Собр. Р. Лѣт. I. 85.

(139) Поликарпъ въ Сказ. о преп. Лаврентіѣ. Лаврентій, по словамъ Поликарпа, подвизался въ Изяславовомъ монастырѣ св. Димитрія; но этотъ монастырь, находившійся вблизи печерскаго (*Коссов*. Патер. на Польск. яз. стр. 180), кажется, былъ упраздненъ въ 1128 г., или, по крайней мѣрѣ, на время присоединенъ печерянами къ своему монастырю, какъ частная церковь: «въ се же лѣто, говоритъ Лѣтопись, преяше церковь Димитрія печеряне, и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо» (—I, 131).

(140) См. въ Послан. Поликарпа къ Акиндину; такъ же въ печ. Патерикѣ о св. Григоріѣ чудотворцѣ.

(141) См. въ томъ же посланіи и Патерикѣ.

(142) См. тамъ же.

(143) П. Собр. Р. Лѣт. I, 120; III, 3; 155; Симонъ въ Сказ. о преп. Святошѣ, князѣ черниговскомъ.

(144) См. въ Послан. Симона и Поликарпа, также въ печат. Кіев. Патерикѣ.

(145) П. Собр. Р. Лѣт. I, 72; II, 6.

(146) На-примѣръ, Кіевскій Дмитріевскій Варлаама и Исаію, Кловскій — Стефана, Тмутораканскій Никона.

(147) Св. Симонъ пишетъ: «отъ того печерскаго монастыря пречистыя Богоматере мнози епископи поставлени быша... (см. выше прим. 59)... Первый Леонтіе, епископъ ростовскій. Иларіона же митрополита и самъ челъ еси въ Житіи св. Антонія. Посемь же Николае і Ефремъ Переяславлю, Исаія Ростову, Германъ Новуграду, Стефанъ Владимерю, Нифонтъ Новуграду, Маринъ Юрьеву, Мина Полотску, Никола Тмуторакани, Өеоктистъ Чернигову, Лаврентей Турову, Лука Бѣлуграду, Ефремъ Суздалю; и аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца стараго ростовьскаго, есть бо всѣхъ боле треидесять, а еже потомъ и до насъ грѣшныхъ — мню близъ 50» (рук. Пат. Нов. Соб. библ. № 502, л. 87; снес. Пам. Росс. Слов. XII, изд. *Калайдов*. стр 256). Лѣтописецъ старый ростовскій, въ которомъ исчислялось болѣе 30 епископовъ, вышедшихъ изъ Кіево-печерскаго монастыря, очевидно, различенъ отъ всѣхъ, нынѣ извѣстныхъ, нашихъ лѣтописей, изъ которыхъ ни въ одной этого не находимъ. Онъ оканчивается гораздо прежде времени св. Симона (ум. 1226 г.), вѣроятно, около половины XII в., если по прекращеніи этого лѣтописца до св. Симона, вышло изъ Кіевскаго монастыря еще до 20 епископовъ.

(148) Собр. Р. Лѣт. I, 69. Сильвестръ Коссовъ свидѣтель-

ствуетъ (Патер. печ. на Польск. яз. стр. 180, Кіевъ 1635), что въ его время видѣнъ еще былъ плацъ (мѣсто) Дмитріевскаго монастыря близъ Кіево-печер. Лавры.

(149) «Заповѣдавъ сущимъ съ нимъ, да допровадятъ тѣло его въ монастырь блаженнаго Ѳеодосія, и ту положатъ его вся сущая, яже бѣ купилъ въ Костянтинѣ градѣ, — іконы і ино, еже на потребу, повелѣ сіа вдати блаженному» (рук. Житіе преп. Ѳеодосія).

(150) «Посемъ же христолюбивый князь Изяславъ отъ монастыря великаго Ѳеодосія избравъ единаго отъ братія, иже въ черноческомъ житіи просіявша, Исаію наречена, того же изведъ игумена постави у св. Димитрія въ своемъ монастыри» (тамъ же).

(151) П. Собр. Р. Лѣт. I, 88. 131. Снес. примѣч. 139. Впрочемъ въ началѣ XIII в. опять упоминается Дмитріевскій монастырь, въ которомъ нѣсколько времени былъ игуменомъ Поликарпъ, хотя неизвѣстно, гдѣ находился этотъ монастырь, въ Кіевѣ или другомъ мѣстѣ, и не отличенъ ли онъ отъ основаннаго княземъ Изяславомъ I (Пам. Росс. Слов. XII в., стр. 254).

(152) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 75. 87. Снес. этой исторіи т. I, примѣч. 311.

(153) Тамъ же I, 78. 99; II, 6; Карамз. II, прим. 240; III, примѣч. 9. 81.

(154) «Везе (Игоря) на конецъ града въ монастырь святому Семеону: бѣ бо монастырь отца его и дѣда его Святослава». (П. Собр. Р. Лѣт. II, 34). Снес. *Карамз.* II, примѣч. 401.

(155) Жит. преп. Ѳеодосія; П. Собр. Р. Лѣт. I, 90. 99. 121. 266; II, 3. 6.

(156) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 88. 120. 121. О смерти Янки — 127.

(157) Тамъ же I, 130; II, 6; *Карамз.* III, примѣч. 3.

(158) Валсамонъ въ толкованіи на 20 правило VII вселенскаго собора.

(159) П. Собр. Р. Лѣт. I, 136; II, 12; *Карамз.* II, прим. 269.

(160) П. Собр. Р. Лѣт. II, 4.

(161) Тамъ же I, 131; II, 12. 28. 33. 34; *Восток.* Опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 452.

(162) П. Собр. Р. Лѣт, I, 136. 173, II, 143—144.

(163) Тамъ же I, 75, 89. 120; *Карамз.* II, прим. 125. 158.

(164) Рукоп. Житіе преп. Ѳеодосія; Истор. Росс. Іерарх. IV, 522; *Фундукл.* Обозр. Кіева, стр. 69.

(165) П. Собр. Р. Лѣт. II, 24.

(166) П. Собр. Р. Лѣт. III, 4. 6. 10. 123. 124. 213. Подробнѣе о преп. Антоніѣ и основаніи имъ обители сказано въ житіи его, написанномъ ученикомъ и преемникомъ его на игуменствѣ Андреемъ. Тамъ повѣствуется, что находясь еще въ Италіи, Антоній бросилъ въ море делву (бочку), въ которой положилъ разные церковные сосуды, золотые, серебряные и хрустальные, и много сребра и золота изъ своего родительскаго имѣнія, а самъ чудесно по морямъ приплылъ на камнѣ въ Новгородъ; что рыбаки, имъ здѣсь нанятые, закинувъ сѣти, вытащили означенную бочку изъ рѣки Волхова, и что потомъ Антоній воспользовался своими сокровищами для устроенія обители. Объ этомъ житіи, которое извѣстно намъ по Сборн. Новг. Соф. библ. XVI в., № 758, л. 240, также о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, какимъ подвергалось оно впослѣдствіи, скажемъ въ своемъ мѣстѣ—въ томѣ III. См такъ же Прологъ Августа 3.

(167) Списки съ двухъ граматъ преп. Антонія, хранящіеся въ его монастырѣ, напечатаны у Карамзина (II, примѣч. 210). Въ житіи Антонія объ этомъ говорится: «И начатъ строити обитель и коупи землю около монастыря оу посадниковъ градскихъ и со живущими, иже ту на той земли, людми прилучившимися и до скончаніа вѣка, доколѣ Божіимъ строеніемъ міръ вселенныя стоитъ. И при великой рѣцѣ Волховѣ рыбную ловитву купи на потребу монастырю, и межами отмеживъ, и писму вдавъ, и в' духовную свою грамоту написавъ». И далѣе: «имѣніа же преподобный ни отъ кого же не воспріятъ, ни отъ князь, ни отъ епископа, ни отъ велможъ градскихъ, но токмо благословеніе отъ чюдотворца Никиты епископа, но все строяше изъ бочки сея, еже изъ Рима Богъ постави водами въ великомъ Новѣградѣ, и поты и труды своими, и аще кто что принесетъ Бога ради потребная ото имѣниа своего, или пищу, преподобный же тѣмъ братію питая, еще же и сиротъ, и вдовицъ убогыхъ, и нищихъ, питая. И потомъ преподобный з' братіею и с' сиротами с' своими начатъ прилагати ко троудомъ труды». (Сборн. Нов. Соф. библ. № 758, л. 261 об.).

(168) П. Собр. Р. Лѣт. III, 5. 214.

(169) Дополн. къ Акт. Истор. I, № 2. Кромѣ села Буицъ, которое и впослѣдствіи считалось «селомъ св. Георгія», монастырю пожертвованы тогда: а) *Вѣно Вотское*, т. е. вѣроятно, помѣстья князя, взятыя имъ въ приданое при бракосочетаніи и находившіяся

въ Вотской пятинѣ; б) *осеннее полюдіе даровное* (т. е., вѣроятно, подарокъ, какой подносили осенью, по окончаніи жатвы, всѣ люди своему владѣльцу) полътридесяте гривенъ (т. е. 25 гривенъ); и в) собственно отъ князя Всеволода — блюдо серебрено въ 30 гривенъ. См. примѣч. на эту грамату *М. Евгенія* въ Труд. Общ. Истор. и древн. Росс. ч. III, кн. I, стр. 10. 19 — 24, М. 1826 г.

(170) П. Собр. Р. Лѣт. III, 6. Игуменъ *Исаія* упоминается и въ граматѣ Мстислава (предыд. примѣч.).

(171) Дополн. къ Акт. Истор. I, № 3. П. Собр. Р. Лѣт. III, 13. 215. Впрочемъ настоятель Юрьевскаго монастыря могъ носить оба имени — и игумена и архимандрита, какъ издавна дѣлалось это въ Греціи и какъ было потомъ и у насъ со второй половины XII в. (см. въ томѣ III этой Исторіи главу о монастыряхъ).

(172) Объ основаніи этого монастыря сказано въ рукописной повѣсти: «чудо св. Николы о князѣ Мстиславѣ....» (сборн. моей библ. № 14, л. 147—150). Здѣсь читаемъ: «Потомъ же князь Георгій, именованный Мстиславъ, по завѣщанію св. чюдотворца Николы, стяжая вѣру к цѣлбоподательному образу его, сотвори церковь каменну з бабою своею благовѣрною княгинею Анною, на дѣдинѣ Ярославлѣ дворѣ, прекрасну и пространну во имя великаго архіерея и чюдоноснаго отца святителя Николы, и подписа ю стѣнным изуграоствомъ, и чюдотворную ону икону тамо постави; тако же и на мѣстѣ потока Липенскаго, идѣже чюдотворная та икона обрѣтеся, церковь воздвиже въ его же святое и многочюдесное имя каменну же, и монастырь возгради, и братію собра, и селы одарова» (л. 149). Лѣтописи упоминаютъ о Липенскомъ монастырѣ подъ 1292 г., когда новг. архіепископъ Климентъ построилъ здѣсь (вѣроятно, новую) каменную церковь св. Николая (П. Собр. Р. Лѣт. III. 65. 221).

(173) Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 7. 8. 214. 215. Ист. Росс. Іерарх. III, 473.

(174) Полн. Собр. Р. Лѣт. III, 10. 124.

(175) Истор. Росс. Іерарх. V, 454.

(176) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 130, гдѣ упоминается игуменъ этого монастыря Маркъ; II, 24; Истор. Росс. Іерарх. IV, 308; *Карамз.* II, примѣч. 256.

(177) П. Собр. Р. Лѣт. I, 89; Истор. Росс. Іерарх. V, 79. Въ 1072 г. упоминается «Никола, игуменъ Переяславскій», но неизвѣстно, какого монастыря (П. Собр. Р. Лѣт. 78).

(178) Истор. Росс. Іер. IV, 84. 297; VI, 488; *Макаров* О достопамятн. Чернигова, въ Чтен. Москов. Истор. Общ. 1847, № 1, отд. IV, стр. 9—14.

(179) «Таже доиде града Володимеря, и вниде въ монастырь, ту сущій близь града, иже нарицаютъ его *святая гора* и ту успе съ миромъ о Господѣ, житію конецъ пріятъ» (рукоп. Житіе преп. Θеодосія).

(180) «Великій же Никонъ отъиде въ островъ тмутораканьскій, и ту обрѣте мѣсто чисто близъ града, и сѣде на немъ и Божіею благодатію възрастѣ мѣсто то, и церковь святыя Богородицы възгради на немъ. И бысть монастырь славенъ, иже и донынѣ есть, *прикладъ же имый* в сій печерскій монастырь» (тамъ же).

(181) П. Собр. Р. Лѣт. I, 108; III, 8 и 10.

(182) Истор. Р. Іерарх. VI, 958.

(183) Тамъ же III, 693—695; VI, 654—655.

(184) П. Собр. Р. Лѣт. I, 78; II, 4. 6; III, 14.

(185) Несторъ въ началѣ житія преп. Θеодосія назвалъ его игуменомъ Печерскаго монастыря и «архимандритомъ всеа Руси»; но потомъ постоянно называетъ его, какъ и въ лѣтописи, только игуменомъ. Невольно раждается вопросъ: не вставлено ли въ житіе имя архимандрита позднѣйшими переписчиками? Равнымъ образомъ и названіе Юрьевскаго настоятеля архимандритомъ въ граматѣ князя Всеволода не поставлено ли уже впослѣдствіи вмѣсто имени игумена (спес. примѣч. 171)?

(186) Тамь же I, 69. Или, какъ это выражено въ житіи препод. Θеодосія: «по сихъ же блаженный Варлаамъ, игуменъ сый въ Печерѣ, *изведенъ* бысть *княжимъ повелѣніемъ* въ монастырь св. муч. Димитрія и тамо игуменомъ *поставленъ бысть*» (См. такъ же выше, примѣч. 150).

(187) П. Собр. Р. Лѣт. I, 90. 266.

(188) Тамъ же I, 69. 80; III, 10; рукоп. Житіе преп. Θеодосія и Житіе Антонія Римлянина. Въ послѣднемъ житіи повѣствуется: «И нача преподобный з' братіею совѣтъ совѣщавати, дабы избрати игумена себѣ во обитель. Многу же избранію бывшу и необрѣтоша такова человѣка. Начаша братія молити преподобнаго Антоніа: Отче преподобный Антоніе! молим' тя послушай насъ нищихъ, да пріимеши чинъ священническій, еще же совершенный намъ отецъ буди игуменъ... Преподобный же рече: буди воля Господня. Аще что восхощетъ Богъ, то и сотворитъ; шедше же бра-

тія ко архіепископу Нифонту съ преподобнымъ Антоніемъ, бѣ бо в' то время ему святительскій престолъ держащу, и возвѣщаютъ ему о вещи. Святитель же Нифонтъ велми радъ бысть благому совѣту ихъ, бѣ бо любляше преподобнаго за премногую его добродѣтель, и поставляетъ преподобнаго въ діяконы, потомже во священници, таже игуменомъ» (Сборн. Новг. Соф. библ. № 758, л. 264—265).

(189) П. Собр. Р. Лѣт. II,, 3.

(190) *Карамз.* II, прим. 210. Въ Житіи Антонія объ этомъ говорится: «предлагаетъ преподобный братіи заповѣдь: аще лоучится избрати игумена, но избирати отъ братіи, иже кто на мѣстѣ семъ терпитъ; и аще князь нашлетъ игумена или епископъ, по насилію или по мздѣ, и тѣхъ преподобный проклятію предаетъ» (л. 267).

(191) П. Собр. Р. Лѣт. I, 78; II, 6.

(192) См. выше, примѣч. 180.

(193) Дополн. къ Акт. Истор. I, № 3.

(194) «Отъ того монастыря переяша вси монастыреве уставъ» (I, 69. 258).

3. КЪ ГЛАВѢ ТРЕТЬЕЙ.

(195) Истор. Росс. II, 138. 144. 181. Нельзя, говоримъ, принять за достовѣрныя, но нельзя и отвергать этихъ извѣстій, потому что они не подтверждаются и не отвергаются ни одною изъ извѣстныхъ намъ древнихъ лѣтописей и никакимъ другимъ свидѣтельствомъ. Есть, правда, у Татищева сказанія, хотя не встрѣчающіяся въ другихъ, извѣстныхъ нынѣ, спискахъ лѣтописей, но оказавшіяся справедливыми (*Бутков.* Обозр. Лѣт. Нестора, 224). Но есть и такія, которыя оказываются ложными (см. на-прим. выше, примѣч. 32). Слѣд. касательно Татищева можно принять такое правило: извѣстій, исключительно принадлежащихъ его лѣтописи, не должно ни принимать за достовѣрныя, ни отвергать дотолѣ, пока они не будутъ подтверждены или опровергнуты другими сторонними свидѣтельствами.

(196) П. Собр. Р. Лѣт. I, 65.

(197) Поученіе о пользѣ душевнѣй, какъ и исповѣданіе вѣры митрополита Иларіона, напечат. въ Прибавл. къ Твор. св. Отцевъ II, 285. 293. Тамъ же замѣчено, что поученіе это усвояется нашему митрополиту Иларіону въ двухъ рукописяхъ (— 219—293).

(198) Усвояется святому или преп. Иларіону — а) въ Прол. Новг. Соф. библ. XIII в. и б) другомъ Прологѣ той же библіотеки XIV в. (откуда недавно напечатано оно въ Изв. 2-го Отд. Акад. Наукъ, V, 222); в) въ Сборникѣ Царскаго XVI в. (Опис. рукоп. Царск. стр. 401); г) въ сборникѣ Моск. Дух. Академіи (Приб. къ Тв. св. Отц. II, 219); д) въ сборн. моей библ. № 51, л. 68 об. и друг. О другихъ сочиненіяхъ, усвояемыхъ св. Иларіону, см. Опис. рукоп. Румянц. Муз. 618; Опис. рукоп. графа Толстова стр. 123; Опис. рук. Царск. стр. 166. 300. 408. 734; Сборн. моей библ. № 72, л. 319 и друг.

(199) Опис. рукоп. Гр. Толстова, стр. 535. О другихъ сочиненіяхъ Иларіона великаго — тамъ же 134. 343. 439. 588; Опис. рукоп. Румянц. Муз. стр. 626; Опис. рукоп. Царск. 153. 580 и др.

(200) См. печатн. Прологъ подъ 21 числомъ Октября и снес. примѣч. 198 — о рукописныхъ Прологахъ.

(201) Въ однихъ рукописяхъ Иларіону святому, а въ другихъ великому, усвояются, на-примѣръ: а) поученіе о отверженіи міра (Опис. рукоп. Рум. Муз. стр. 618; Опис. рукоп. Толстова, 588); б) Наказаніе къ отрекшимся міра Христа ради (Опис. рук. Царск. 153. 166. 580; Опис. Рум. Муз. 626; Опис. рукоп. Толстова 439); в) Поученіе о безмолвіи (Опис. рук. Царск. 153. 408).

(202) Извѣстно намъ только по одному списку XV вѣка — въ Торжеств. Рум. Муз. № 435, л. 340 — 344, гдѣ оно помѣщено подъ 3 числомъ Мая, когда празднуется Церковію успеніе препод. Ѳеодосія печерскаго. Другіе списки этого самаго поученія съ именемъ Ѳеодосія печерскаго встрѣчалъ въ древлеписьменныхъ славянскихъ Прологахъ митрополитъ Евгеній (Словарь Дух. Писател. II, 284, изд. 2). Кстати замѣтимъ, что всѣ сочиненія преп. Ѳеодосія, которыя будемъ разсматривать, мы помѣстили въ подлинномъ текстѣ въ Учен. Записк. 2-го Отд. Акад. Наукъ, т. II, вып. 2.

(203) Что Несторъ пользовался, при составленіи своей лѣтописи, сочиненіями другихъ и даже заимствовалъ изъ нихъ цѣлые отрывки, — это не подлежитъ сомнѣнію. Что онъ могъ воспользоваться, описывая бѣдственное нашествіе Половцевъ на землю Русскую въ 1067 г., отрывкомъ изъ поученія, сказаннаго по сему самому случаю достоуважаемымъ игуменомъ Печерскимъ, — это очень естественно. И если поученіе существовало въ спискахъ съ именемъ Ѳеодосія и было общеизвѣстно, то лѣтописцу и не нужно

было упоминать этого имени. Предполагать же, будто кто либо впослѣдствіи выписалъ изъ лѣтописи Несторовой размышленіе о казняхъ Божіихъ, придѣлалъ къ нему другую, значительнѣйшую половину поученія и приписалъ всё поученіе преп. Θеодосію Печерскому, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія.

(204) Помѣщ. въ рукоп. Импер. Публ. библ., поступившей изъ Древлехран. Погодина, подъ названіемъ: «Матица Златая», № 1024, л. 220 об. Слово начинается: «И се, *вѣдуще*, братія»... А въ концѣ слова нѣтъ обычнаго заключительнаго оборота или славословія. Помѣщ. такъ же въ Сборн. Новг. Соф. библ. XV вѣка № 578, л. 224, подъ заглавіемъ: «поученіе св. Панкратія о крещеніи обѣда и питія въ первую недѣлю поста св. Апостолъ, списано *Θеодосіемъ худымъ мнихомъ*». Въ числѣ святыхъ извѣстны только два Панкратія: священномученикъ Панкратій, жившій въ первомъ вѣкѣ и не оставившій никакого писанія, и препод. Панкратій Кіево-печерскій, извѣстный по одному имени. По этому выраженіе: «поученіе св. Панкратія» можно считать выдумкою или ошибкою писца, а самое поученіе приписать тому, о комъ сказано: «списано Θеодосіемъ худымъ мнихомъ», и кому оно дѣйствительно приписывается въ другомъ вышеупомянутомъ спискѣ.

(205) Вслѣдъ за этимъ словомъ Г. Професс. Шевыревъ въ своей Истор. Русск. Слов. приводитъ еще другое слово о пьянствѣ изъ того же рукописнаго Сборника, замѣчая, что и послѣднее сочиненіе, можетъ быть, такъ же принадлежитъ Θеодосію (ч. II, стр. 46). Но такъ какъ въ рукописи оно не усвояется преп. Θеодосію; такъ какъ это слово, не смотря на свое названіе, есть собственно посланіе духовнаго Отца къ духовному сыну (нач.: «благословеніе отца духовнаго къ сынови. Вѣси, сыну»... И далѣе: «написахъ ти, чадо мое любимое, о зломъ піанствѣ, — не внялъ еси»...): то мы и не рѣшаемся отнести означенное слово къ словамъ или поученіямъ преп. Θеодосія Печерскаго.

(206) П. Собр. Р. Лѣт. I, 79. При внимательномъ чтеніи этого мѣста можно замѣтить, что лѣтописецъ приводитъ здѣсь не одинъ, а три отрывка изъ поученія Θеодосіева предъ началомъ В. поста.

(207) Патер. печер. рукоп. Новг. Соф. библ. № 502, л. 37 об.

(208) Тамъ же л. 44.

(209) Тамъ же л. 32.

(210) Сборн. Рум. Муз. № 406. См. Восток. Опис. Муз. стр. 615.

(211) Несторъ въ житіи преп. Θеодосія.

(212) Въ Сборн. Рум. Муз. (см. примѣч. 13) поученіе это озаглавлено такъ: «Въ среду третьей недѣли поста слово св. Θеодосіа на часѣхъ о терпѣніи и о любви». Здѣсь не совсѣмъ точно показано содержаніе слова и произвольно назначено время для его произнесенія: извѣстно, что преп. Θеодосій предъ наступленіемъ В. поста удалялся изъ обители и проводилъ весь постъ въ пещерѣ (П. Собр. Р. Лѣт. I, 79), слѣд. не могъ произносить ко братіи поученій въ теченіе всего поста. Это же самое должно замѣтить и касательно четырехъ послѣдующихъ словъ, помѣщенныхъ въ томъ же сборникѣ.

(213) Этотъ, какъ и послѣдующіе, тексты приведены въ рукописи не точно: мы оставляемъ ихъ, какъ приведены.

(214) Въ Сборникѣ оно озаглавлено: «Въ четвертокъ 3-й недѣли поста св. Θеодосія слово о тързпѣніи и о любви и о постѣ».

(215) Въ Сборникѣ озаглавлено: «въ четвертокъ 3-й недѣли поста на часѣхъ св. Θеодосія поученіе о търпѣніи и милостыни».

(216) Его заглавіе въ Сборникѣ: «въ пятокъ 3-й недѣли поста св. Θеодосія поученіе о трьпѣніи и о смиреніи».

(217) Оно озаглавлено: «Въ пятокъ 3-й недѣли поста св. Θеодосія о хоженіи къ церкви и о молитвѣ».

(218) Это поученіе сохранилось въ рукописи Новг. Соф. библ. XIV—XV в., подъ заглавіемъ: «Зборница разная разныхъ св. отецъ», по старому катал. № 94, л. 121. И такъ какъ оно не было прежде нами напечатано въ числѣ сочиненій преп. Θеодосія (въ Учен. Зап. 2-го отд. Ак. Наукъ, т. II): то мы представилъ его здѣсь:

«Поучение слово къ келарю святаго Θеодосия, игумна печерьскаго монастыря въ Кыевѣ.

Брате! се отъ рукы Христовы и отъ престола славы Его приемлеши сию службу. Имѣй страхъ Его предъ очима си, потщися порученое тобѣ дѣло непорочно свершити, да и вѣнца отъ Христа достоинъ будеши. И да мнитьтися онъ престолъ вышний, его же видѣ Исаія, къ нему же единъ отъ Серафимъ посланъ бысть, имѣяй угль, не опаляяй пророка, но просвѣщаяй: тако же и ты, брате, вземляй ключь, акы огнь, а се отъ престола, на немъ же жреться Христосъ по вся дни. Аще сию службу, имрк, въ чинъ монастырьскыи съ душевною приязнию исправиши, щадитьтися праведныи вѣ-

нецъ, и будеть ти сий ключь, просвѣщаяй и спасаяй душю твою. Аще ли уклониши сердце твое преобидѣти что монастырьское, или окрадити что и себѣ притяжати и сбирати паче, а не манастыреви, и будетъ ти сий ключь, опаляяй душю твою здѣ и въ будущий вѣкъ. Геона тя приметь и судъ Ананьинъ и Самфиринъ постигнеть тя; та бо, уемша у цѣны села своего, напрасно умроста: ты же горчеи муче достоинъ будеши, крадый чюжая, или раздаваяй безъ чину своимъ. Геезино прокажьство найдеть на тя, не тѣлесно, но душевно. Внимай себѣ, брате, и службѣ своей, да спасетъ тя Господь отъ-о всѣхъ молитвами святыя Богородица и святою отцю нашею Антонья и Ѳеодосия, и всѣхъ святыхъ Твоихъ и нынѣ и присно»,

(219) «Не престаше обличая его, овогда *епистолія* пишя, посылаше къ нему.... Сице же и послѣ въписа къ нему *епистолію велику зѣло*, обличая того и глаголя: гласъ крове брата твоего въпіетъ на тя къ Богу, яко Авелева на Каина».... и проч. (Жит. преп. Ѳеодосія).

(220) Вопросъ, должно ли соблюдать постъ въ среду и пятокъ, когда въ эти дни случится какой либо Господскій или Богородичный праздникъ, былъ возбужденъ въ Греческой Церкви еще въ XI вѣкѣ, хотя усилился уже въ XII (*Руднев.* О ерес. и раскол. въ Русск. Церк. М. 1838, 51 — 55). Списокъ изложеннэго посланія Ѳеодосіева, которымъ мы пользовались, помѣщенъ въ Сборникѣ XV — XVI в. Новгор. Соф. библ. № 522, л. 100, и напечатанъ нами въ Учен. Зап. 2-го отд. Ак. Наукъ, т. II. Другой списокъ, находящійся въ такъ — названномъ Паисіевскомъ Сборникѣ Кирилло-Бѣлозер. монастыря XIV — XV в., и представляющій нѣкоторыя отличія, помѣщаемъ здѣсь:

«Въспрашанье Ізяславле князя, сына Ярославля, внука Володимеря, ігумена Ѳедосья Печеръскаго монастыря.

Что возмыслилъ еси, Боголюбый княже, воспрашати мене не книжна и худа о таковоі вещи: аще есть недѣля, то подобно ли въ день воскресенья заклати волъ, или овенъ, іли птици, іли иное что? Аще подобно ясти? Недѣля убо не наречеться, яко же вы глаголете, но а҃ день, в҃ понедѣлникъ, г҃ вторникъ, д҃ среда, є҃ четвергъ, ѕ҃ пятница, з҃ субота. Все створи Богъ въ ѕ҃-ть днiі: небо и землю, і вся, яже суть на ней; послѣди же надъ всѣми царя человѣка, да обладаеть всѣмъ тѣмъ на земли. А в недѣлю воскресе із мертвыхъ Христосъ Богъ нашъ; того дѣля честити воскресенья Христова. А дотолѣ ци не было дни того? Былъ, но ни нарицалъся

неделя. Исходящимъ же Израильтяномъ изъ Египта отъ работы Фараоня і прошедшимъ Чрьмное море по суху, і введе я въ пустыню, і пита я ту м҃ лѣтъ, законъ имъ давъ на досцѣ каменѣ Божіимъ імъ перстомъ написанъ, і данъ Моисею, — суботу хранити повелѣно, отинудъ не дѣлати, ни огня возгнѣщати, ни заклати, но вечеръ въ пятокъ все приготовити, заутра ясти, ни приходити исъ храмины въ храмину, — еже хранятъ і до днешняго дни Ізраильтяне. И сниде Господь Богъ на землю: жидовьская вся умолкоша; ни есми бо чада Аврамля, но чада Христа Бога нашего, и святаго крещенья, вонже самъ Господь крестися; крещеньемъ бо оцѣщаеться грѣси отъ рождества. А иже реклъ ти внедѣлю нерѣзати, ни того ясти; но не отъ святаго писанья рекохти, но отъ своего сердца. Рече бо святый Павелъ Апостолъ: іже хто благовѣститъ вамъ паче насъ, а не яко мы благовѣстихомъ, тотъ да будеть проклятъ. Ни есть ти возбранно, ни грѣхъ, еже рѣзати внедѣлю і ясти. Понеже мя еси воспрашалъ: того ради молю тя, імѣя преданье святыхъ Апостолъ; аще бо кто тако творить всуботу рѣзати, а внедѣлю ясти, то явѣ жидовлствуетъ. Аще кто отречеся всереду іли въ пятницю мясъ не ясти, добро — велми полезно не ясти. Не я сего завѣщаю, но святіи Апостоли; тако бо законъ положиша: да всякъ крестьянинъ постився въ среду і впятокъ, — бѣлци отъ мясъ і отъ молока, черньци отъ сыра; всереду бо жидове свѣтъ створиша на Іисуса, а впятокъ распяша Господа. Ты же, княже моі, аще бо которыя вины зареклъся еси, іли напасти ради, въ середу іли впятокъ мясъ не ясти; глаголеть бо пророкъ Давидъ: обѣщаітеся Господеви і воздадите славу, — не достоить, чадо, человѣку крестьяну собе связати, но оже связанъ будетъ отцемъ духовнымъ. Мы бо імамъ преданья святыхъ Апостолъ во Господьскихъ праздьницѣхъ и святыя Богородици, и всѣхъ святыхъ, праздниковъ впамять святыхъ Апостолъ, праздновати духовно, і отъ избытка вашего питати убогихъ. Понеже еси мене въспрашаль недостойнаго: аще связанъ еси отцемъ духовнымъ, всереду и впятокъ мясъ не ясти, отъ того же разрѣшенье пріими; іли самъ ся еси зареклъ, Богъ мене ради простить тя. Егдаже ся приключить Господскиі праздьникъ всереду іли впятокъ, любо святыя Богородици, или в҃і Апостолъ, то яжь мяса. Богъ мира буди с вами. Аминь».

Въ началѣ Паисіевскаго Сборника по листамъ сдѣлана надпись: «Князя Стефана Васильевича Колугина 6920 (1412) года», — надпись болѣе поздняя сравнительно съ почеркомъ самаго Сборника

(Сравн. *Шевырева* Поѣздка въ Кирил.-Бѣлозер. монастырь, II, 32. 38).

(221) Списки первой фамиліи находятся въ тѣхъ же двухъ Сборникахъ, вслѣдъ за посланіемъ Ѳеодосія, нами разсмотрѣннымъ (см. предыдущ. примѣч.), и начинаются словами: «Азъ, Ѳедосъ, худый мнихъ, рабъ есмь пресвятой Троицѣ, Отца и Сына и Святаго Духа».... Списки второй фамиліи — въ Кормч. Рум. Муз. XVI в., № 233, л. 377 (*Восток*. Опис. 308), такъ же въ Сборн. Царскаго № 393, л. 513 об. (*Строев*. Опис. 461), и начинаются: «Вопрошеніе князя Изяслава, сына Ярославля, внука Володимерова, игумена Печерскаго Ѳеодосія о Латинѣ. И рече Изяславъ: скажи ми, отче, вѣру Варяжскую».... Списки третьей фамиліи — во всѣхъ Патерикахъ Кассіановской редакціи 1462 года (напримѣръ, Импер. Публ. библ. № 271; Новгор. Соф. библ. № 502 и др.), такъ же въ Сборникахъ (см. Опис. рукоп. *Толстова* отд. III, № 70, стр. 599 и 600) и начинаются словами: «Въспросъ благовѣрнаго князя Изяслава о Латынѣхъ. Пріиде нѣкогда благовѣрный и великій князь Изяславъ, сынъ Ярославль, внукъ Володимеровъ къ святому отцу нашему Ѳеодосію».... Судя по началу, первая фамилія представляется наиболѣе близкою къ подлиннику, а въ двухъ остальныхъ фамиліяхъ начало видимо измѣнено стороннею рукою. При сравненіи этихъ двухъ послѣднихъ фамилій третья кажется только распространеніемъ второй. Списки всѣхъ трехъ фамилій посланія мы напечатали въ Учен. Зап. Ак. Наукъ. Теперь помѣщаемъ другой списокъ первой редакціи, котораго тогда мы не имѣли подъ руками, изъ Сборника Паисіевскаго Кирилло Бѣлозер. библіотеки, какъ имѣющій свои отличія:

«Слово Святаго Ѳедосья, игуме Печерьскаго монастыря о вѣрѣ крестьяньской і о Латыньскоі. Господи благослови.

Слово ми есть к тобѣ, княже Боголюбивый! Азъ Ѳедосъ, худый рабъ пресвятыя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа, вь чистѣі і правовѣрнѣі вѣрѣ роженъ, и воспитанъ в добрѣі наказанья правовѣрнымъ отцемъ и матерью, наказываюче мя добру закону, вѣрѣ же Латыньстѣй не прелучаітеся, ни обчая іхъ держати, і комканья ихъ бѣгати, і всякаго ученья ихъ бѣгати, і порова іхъ гнушатися, и блюсти своихъ дочереі не давати за нихъ, ни у нихъ поімати, ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни с нимъ ізъ единаго судна ясти, ни пити, ни брашна ихъ приймати. Тѣмже паки у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити — дати имъ, но въ

ихъ судѣхъ; аще ли не будеть у нихъ судна, въ своемъ дати; потомъ измывши, дати молитву: занеже не право вѣруютъ, и не чисто живуть: ядять со псы и с кошками, і пьють бо свой сець; ядять лвы і дикие кони, і ослы, і удавленину, і мертвечину, і мѣдвѣдину, і бобровину, і хвостъ бобровъ, і въ говѣнье ядять мяса, пущаюче в воду; а е҃ недѣлю поста во вторникъ черньци іхъ ядять лой і всуботу постяться, і постившеся вечеръ ядять молока и яіца. А согрѣшають, — не отъ Бога просять прощенья, но прощають попове ихъ на дару. А попове ихъ не женяться законною женитвою, но сробами дѣти добывають, и служать невозбранно; а пискупи іхъ наложници держять, і на воіну ходятъ, і оплаткомъ служать. Іконъ не цѣлуютъ, ни мощей святыхъ; а крестъ цѣлують написавше на земли, і въставше попирають его ногами. А мертвеца же кладуть на западъ ногами, а руцѣ подснь подложивше; женяще же ся у нихъ, поімають в҃ сестрѣ; а крещаются во едино погруженье, а мы въ г҃; мы крещающеся мажемся мvромъ і масломъ, а они соль сыплютъ крещаемому вроть; имя же не нарицають святаго, но како прозовуть родители, вто імя крестять. А глаголють Духа Святаго исходяща отъ Отца и отъ Сына. Іна многа злая дѣла суть у нихъ; развращеная погибель полна вѣра іхъ. Его же ни Жидове творятъ, то они творятъ. Много же и в Савьску ересь вступлютъ. Мнѣ же рече отець моі: ты же, чадо, блюдися кривовѣрныхъ, і всѣхъ іхъ словесъ; занеже исполнилася і наша земля злыя тоя вѣры; да кто спасая спасеть душю свою, въ правовѣрнѣі вѣрѣ живучи. Нѣсть бо іноя вѣры лучше нашеі, яко же наша чиста и свята вѣра правовѣрная. Сею бо вѣрою живущи грѣховъ избыти і муки вѣчныя гознути, но жизни вѣчныя причастнику быти і бес конца со святыми радоватися; а сущему въ иноі вѣрѣ іли въ Латъньстѣі, іли въ Арменьстѣі, нѣсть видѣти імъ жизни вѣчныя. Не подобаетже, чадо, хвалити чужее вѣры. Аще хвалить хто чужю вѣру, то обрѣтаеться свою вѣру хуля. Аще ли начнетъ непрестанно хвалити и свою, і чужю, то обрѣтаеться таковыі двоевѣрець: близъ есть ереси. Тыже, чадо, блюдися іхъ, и свою вѣру непрестанно хвали. Ни свойся книмъ, но бѣгаі ихъ, і подвизаіся въ своеі вѣрѣ добрыми дѣлы; милостынею милуі не токмо своея вѣры, но и чужыя. Аще ли видиши нага, іли голодна, іли зимою или бѣдою одержима: аще ли ти будетъ Жидовинъ, іли Срацинъ, іли Болгаринъ, іли еретикъ, іли Латинянинъ, іли ото всѣхъ поганыхъ, — всякого помилуі, и отъ бѣды избави я, яже можеши: и мъзды отъ Бога не лишенъ бу-

деши. Богъ бо и самъ нынѣ поганыя набдитъ, яко же и крестьяны. Поганымъ же іновѣрцемъ в семъ вѣцѣ попеченье отъ Бога, а в будущемже чюжи будутъ добрыя дѣтели; мы же, живуще въ правовѣрнѣі вѣрѣ, здѣ есмы набдими Богомъ, а в будущемъ вѣцѣ спаса спасае Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ. Рече же ми отець моі: чадо, аще ти ся случить умрети по святѣі сеі вѣрѣ і Господа ради, то умри съдерьзновеньемъ за вѣру Христову; святиі бо по вѣрѣ умроша, да живи суть о Христѣ. Ты же, чадо, аще узриши нѣкия іновѣрныя свѣрнымъ прю дѣющи, лестью хотяща отвести отъ правыя вѣры, ты же вѣдая не скрый всобѣ, но помози праворѣрнымъ; аще имъ поможеши, то яко овча ізбавиши отъ устъ львовыхъ; аще ли умолчиши, то, яко отъемь у Христа, предаеши іхъ сотонѣ. Аще ти речеть прець: сию вѣру і ону Богъ далъ есть, ты же, чадо, рцы: то ты кривовѣренъ, мниши Бога двоевѣра, то не слышиши ли, оканяне, разъвращене злыя вѣры? Писанье глаголеть: единъ Богъ, едина вѣра, едино крещенье, — рече Господь: тако бо дѣпо есть намъ ісконгчати всю правду; да ее все ісполнивъ, толи вознесеся, і ученики посла на проповѣданье. Ты же по проповѣданью Апостольскому толико лѣтъ державъ правую вѣру, совратился еси на зловѣрье по наученью сотонину. Не слышители Апостола Павла глаголюща: аще ангелъ пришедъ снебесе благовѣстить вамъ, а не яко же мы благовѣстихомъ, да буди проклятъ? Вы же отринувше проповѣданье Апостольское і святыхъ отець ісправленье, і приясте неправду і вѣру развращену, полну многия погибели; того ради отъ насъ бысте отвержени; того ради имъ свами недостоіно сужитья прiмати, ни къ Божественнымъ таінамъ обще приступати, — ни імъ к нашеі, ни намъ къ ихъ: зане мертвымъ тѣломъ служите, мертва Бога призывающа. А мы служимъ живымъ тѣломъ, самого Господа жива видящи, одесную Отца сидяща: и паки придеть судити живымъ и мертвымъ. Вы же есте мертвиі, мертву жертву здѣваете: а мы живу Богу живу жертву приносимъ, чисту, непорочну, і животъ вѣчный обрѣсти. Тако бо писано: воздасться комуждо по дѣломъ его, о Христѣ Іисусѣ, о Господѣ нашемъ, Ему же слава. Аминь». — (Сборн. л. 21 — 28). О самомъ Сборникѣ замѣтимъ еще, что онъ писанъ на хлопчатой бумагѣ въ 8-ю долю, на 202 листахъ, и по описи 1841 года значится подъ № 46.

(222) Посланіе находится не только въ Патерикахъ Кассіановской редакціи, — что заставляло нѣкоторыхъ сомнѣваться въ его подлинности, — но и въ Кормчихъ и другихъ Сборникахъ (см.

предыдущ. примѣч.). А рѣзкій тонъ посланія, какъ увидимъ, совершенно согласный съ духомъ того времени, не только не можетъ служить признакомъ неподлинности посланія, напротивъ скорѣе ручается за его подлинность.

(223) См., напримѣръ, символъ вѣры, преподанный В. Кн. Владиміру по крещеніи его (П. Собр. Р. Лѣт. I, 48 — 50); Посланіе Константин. патріарха Михаила Керулларія къ Петру, Антіох. патріарху, особенно п. XII и XIII (*Coteler.* Eccl. Graecae Monum. II, 135 — 145; снес. 581 — 584); Обличенія противъ Латинянъ, особенно 25, 43, 55, 57, 59 (*Coteler.* ibid. III, 495 — 509).

(224) Кромѣ означенныхъ (въ предыдущ. примѣч.) сочиненій, припомнимъ такъ же отзывъ митрополита нашего Іоанна II (1080 — 1088), который, подобно Θеодосію Печерскому, запрещалъ православнымъ вступать въ браки съ Латинами (Русск. Достопам. I, 94).

(225) Напримѣръ, молитва преп. Θеодосія о стадѣ своемъ, т. е. объ инокахъ, и молитва, какую произнесъ онъ предъ своею кончиною (Патер. печатн. л. 39, 44 об. Кіев. 1791).

(226) Свѣдѣнія объ этой Псалтири и самая молитва недавно напечатаны въ статьѣ г. Буслаева: «Палеогр. и филог. матеріалы для исторіи письм. Славян.», стр. 23 — 29 (См. Сборн. «Матеріалы для Ист. письм.» М. 1855).

(227) Указываемъ на примѣры, представленные г. Кубаревымъ и очень близкіе къ настоящему случаю, какъ въ печерскихъ Патерикахъ, гдѣ говорится собственно объ одномъ Антоніѣ, переписчики вовсе не кстати присовокупили имя Θеодосія (Патер. печер. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847 № 9, отд. I, стр. 15).

(228) Разрѣшительная молитва надъ умершимъ читалась въ церкви издревле (*Діонис. Ареопаг.* о Церковной Іерархіи гл. VII, отд. III, и п. 4, и *Пахимер.* толков. на означенную главу). Гоаръ представляетъ даже образецъ этой молитвы, употреблявшійся въ Греціи, нѣсколько несходный съ тою, какая употребляется у насъ (Euchol̄og. Graec. p. 544, Venet. 1730). Но со временъ препод. Θеодосія разрѣшительная молитва, по прочтеніи надъ усопшимъ, начала влагаться въ его руки.

(229) *Симонъ* въ Сказаніи о Печер. церкви.

(230) Похвала напечатана въ Хр. Чт. 1849, II, 317 — 329. А посланіе къ В. К. Димитрію извѣстно только по рукописямъ

Румянц. Муз. №№ 233. 234 (*Восток.* Опис. Муз. 304. 309). Въ началѣ послѣдняго списка читается: «Въсеблагаго и преблагаго Бога нашего и Царя: добро бо отъ Бога, — и къ Божію слузѣ *великому князю* Дъмитрію оть многогрѣшнаго чрънца Іакова». Въ началѣ перваго списка словъ: «великому князю», нѣтъ въ самомъ текстѣ; но надъ словомъ: «Дъмитрію» — сдѣланы киноварью три черточьки, которыя повторены въ верху страницы и вслѣдъ за ними написано: «нача къ великому князю» — тѣмъ же почеркомъ, какъ и весь текстъ.

(231) Вотъ слова Іакова: «тако же и азъ, — худый мнихъ Іаковъ, слыша отъ многихъ о благов. князѣ Володимерѣ..., и мало собравъ отъ многіа добродѣтели его, *написахъ,* и о сыну его, реку же св. и славную муч. Бориса и Глѣба». Здѣсь слово — *написахъ,* безъ сомнѣнія, указываетъ не на самую похвалу, въ началѣ которой оно стоитъ и которую Іаковъ только собирался писать, а на другое прежде написанное сочиненіе о св. Владимірѣ: иначе въ этой же похвалѣ надлежало бы искать и написанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, къ которымъ равно относится означенное слово, — чего однакожъ вовсе нѣтъ, — и Іакову въ такомъ случаѣ приличнѣе было бы выразиться: *написахъ о Владимірѣ и о бабѣ его Ольгѣ,* потому что въ Похвалѣ дѣйствительно содержится сказаніе и о св. Ольгѣ. Что же именно написалъ Іаковъ о Владимірѣ прежде Похвалы ему и св. Ольгѣ?» Написахъ, — отвѣчаетъ онъ далѣе, — *како просвѣти благодать Божія сердце князю рускому Володимеру, и взлюби ѝ человѣколюбивый Богъ и вжада св. крещенія».*

(232) Соображенія объ этомъ см. въ Хр. Чт. 1849, II, 302 — 308; такъ же въ статьѣ г. *Погодина*: «Іаковъ мнихъ» (Изв. Импер. Ак. Наукъ по отд. Русскаго языка и слов. т. I, стр. 326—334), и въ нашей статьѣ: «Еще объ Іаковѣ мнихѣ» (тамъ жъ т. II, 145—157).

(233) Оба напеч. въ Хр. Чт. 1849, II, 329—386.

(234) Какъ, напримѣръ, въ рукописи, съ которой напеч. въ Хр. Чтеніи.

(235) «Прочая же того (Владиміра) добродѣтели *индѣ скажемъ;* нынѣ же нѣсть время», — замѣчаетъ Іаковъ на первыхъ строкахъ этого Сказанія.

(236) См. статьи, означенныя въ примѣч. 232, и еще статью г. *Срезневскаго:* «Древнія жизнеописанія Русскихъ князей X—XI

вѣка» въ Изв. Имп. Ак. Наукъ по отд. Русск. яз. и слов. II, 113—130.

(237) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 80.

(238) Русск. Достопам. I, 86; ***Востоков.*** Опис. Румянц. Муз. стр. 304; ***Неволин.*** о Митрополитѣ Іоаннѣ II въ Изв. Импер. Ак. Наук. по отд. Русск. яз. и слов. II, 101.

(239) «Мужества бо не дошедль, ни разума еще имѣя, что съблазнихомся, абы не попустилъ нынѣ юности грабити съ собою?...» Впрочемъ надобно замѣтить, что современникъ черноризца Іакова преп. Несторъ продолжаетъ называть препод. Өеодосія въ житіи его *отрокомъ,* когда ему было уже около 30-ти лѣтъ.

(240) Таковы списки — въ Торжеств. Рум. Муз. № 435, л. 400; № 436, л. 275; въ Сборник. моей библ. № 2, л. 189 об., № 39 — два списка — л. 97 и л. 234. Четыре такихъ же списка въ библіот. Моск. Сѵнодальной и Троицк.-Сергіев. Лавры (Записк. отдѣл. Русск. и Слав. Археолог. т I, перечень засѣд. стр. 27).

(241) Таковъ списокъ въ Сборн. моей библ. № 4, л. 217.

(242) Таковы: списокъ Софійскій (Изв. Импер. Ак. Наукъ по 2-му отд. II, стр. 162) и напеч. въ Хр. Чт. 1849, II, стр. 359.

(243) Таковы списки: Сѵнодал. (Изв. Импер. Ак. Наукъ по 2-му отд. II, стр. 162 — 164), Румянц. (***Восток.*** Опис. Муз. 202 — 203), помѣщ. въ Новг. Макар. Чети-Мин. за Іюль и въ Степ. книгѣ 184—214.

(244) Наприм. въ спискахъ Сѵнодал. (Изв. Импер. Ак. Наукъ по 2-му отд. II, 124 — 127) и напеч. въ Хр. Чтеніи.

(245) Въ спискахъ: Софійск. (Изв. Импер. Ак. Наукъ — 124), и помѣщ. въ Сборн. моей библ. № 2, л. 189; № 4, л. 217; № 39, и л. 234.

(246) Изв. Импер. Ак. Наукъ по 2-му отд. II, 219—222.

(247) Описаніе перваго чуда онъ начинаетъ словами: «что бо сего чудесе дивнѣе, *еже нынѣ есть* исповѣмь». Описаніе втораго заключаетъ: «се же все исповѣда ми сама (жена), сѣдящи, яже бѣ съ нею». Предъ описаніемъ третьяго выражается: «и се паки инъ повѣдаше ми, глаголя».

(248) Такъ въ Сборн. *Сахаров.,* откуда напеч. они въ Хр. Чт. (1849, II, 302 — 336); въ Сборн. *Болотов.,* по которому показаны къ нимъ въ Хр. Чт. варіанты (— стр. 367 — 369) и въ Новгор. Макар. Чет. Мин. подъ 15 числ. іюня.

(249) Таковы списки житія, означенные въ предыд. примѣчаніи. А списокъ, отличный отъ нихъ, въ Торжеств. Рум. Муз. № 436, л. 264 (*Восток.* Опис... 697).

(250) Таковы списки Сахаров. и Новг. Соф. библ. за Іюль (см. примѣч. 248).

(251) Таковъ списокъ Болотов. (см. тамъ же).

(252) Таковъ списокъ въ Торжеств. Румянц. Муз. № 434, л. 486 (*Восток.* Опис. 677).

(253) Именно въ Торжеств. Рум. Муз. № 434, л. 486.

(254) Помѣщаемъ здѣсь это посланіе, какъ нигдѣ еще не напечатанное, сполна — по списку Рум. Муз. № 233 л. 321—323:

«Нѣкоего отца ко духовному сыну.

«Въсеблагаго и преблагаго Бога нашего и царя, добро бо отъ Бога, — и къ Божію слузѣ Дъмитрію отъ многогрѣшнаго чрьнца Іакова. Написалъ еси посланіе свое велми смиренно и жалостно слышати; понеже много спопаденіемъ, да вѣсть умъ твой, иже тя разумомъ кръмитъ. Рече Господь: о покаавіи единого человѣка вьси радуются ангели на небеси, и Самъ хощетъ обращеніа, а не смерти; и на земля сніиде не праведныхъ дѣля, но грѣшныхъ. Жрьтва Богу духъ сокрушенъ, и сердца смиренна николиже не уничижить, жрьтва бо есть его подъязыкомъ ти, и законъ есть посредѣ чрева ти. А что ся дѣяло про мене, того вьсего проститъ тя Богъ, вьсего міра грѣхы въземый, и отъ тайныхъ твоихъ очиститъ тя. Молися ему отъ сердца. Что ли ужъ минуло, то мы слабѣе будемъ? Ну буди всегда бодръ стражъ тѣлу своему. Блюдися убо запойства: того бо Духъ Святый бѣгаетъ, и грьдости: сему убо Господь противляется, и безаконнаго смѣса: всякъ бо грѣхъ кромѣ насъ есть, а блудяй свое тѣло скврьнитъ; ни мужъ честенъ не вніидетъ въ калную храмину, нежли Богъ. Соломонъ бо искусомъ пріимъ вьсѣмъ заповѣда, глаголя: не вънимай любодѣици; медъ бо каплетъ отъ устъ ея, а послѣжде желчи и чемери горче; ни срѣчай жены соничавы и отврати очи отъ жены красны; любодѣяніе бо жены красны да не удолѣетъ ти похоть чужей доброты и въ слѣдъ ока да не идетъ ти сердце; видъ бо любодѣици стрѣла есть чемери: та уязви лицемъ и ядъ въ сердце вложи, и мысли акы мухи вязнутъ у поставъ паучіихъ; и акы искра медливши въ половахъ пламень вспалится. Неводъ бо есть сердце ея и сѣти уды ея, и узы въ руку ея, и ловленіе бесѣды ея; и силы успенными заведетъ въ блудъ, акы вопоарьсть

послѣдуетъ ей на заколеніе, и акы пес жежелемъ, а не вѣсть, якъ о души течетъ. Въ добротѣ бо женстѣй мнози заблудиша и поплъзнушася въ пагубу съмертію въ адъ; жены бо честныхъ мужъ душа уловляють. Египтяныни не възору ли Іосуфову въсхотѣ скрѣб и до смерти въведе; и про сестру его Дину Сикимляне погибоша; и Самсонъ, съ нимже Духъ Святый хождаше, и Давидъ, его же Богъ обрѣте по сердцу си: и бысть рабочному взору, и двое зло сътвори; и Амонъ сестры ради Ѳамары злѣ убіенъ, и Съломонъ, паче въсѣхъ имѣя мудрость, женами погибе; и старцю суди Вавилону похотѣста Сусанѣ побіена отъ людій. И Господь, провѣдый душетлѣнный вредъ, и рече: весь възрѣвый на жену, яко похотѣти ея, уже прелюбодѣйствова въ сердци. Гнушаетъ бо ся Господь нечистыхъ помыслъ, паче же раждающаго я сердца и мудряющаго съ сластохотіемъ, акы Евва съ безсловеснымъ гадомъ бесѣдуя зміе; поплъзни бо суть зміевы мысли, и въ дрязгахъ темныхъ вредовъ почивая гнѣздятся, и свѣта не видятъ, ну акы нептыреве въ тму нырютъ; въ тмѣ бо есть учитель. Мужества бо не дошедль, ни разума еще имѣя, что съблазнихомся, а бы не попустили нынѣ юностіи грабити съ собою; варуйся чрезъ есте.тевныхъ. Сверѣпа бо есть похоть акы дикая быль, особѣ възникши на недѣланнѣй земли. Имаши силу удолѣти ей страхомъ Божіимъ, акы тяжаръ отребляти садъ желѣзомъ чюжа прилогы, и акы крьмчій, волны минующа, правимъ благодатію не съступити праваго пути. Имаши жену, матерь похотемъ, ея же ради остави отца и матерь, и по Апостолу не токмо не скверьно ложе, но и честно; не съравнитъ бо ея смрадъ съ вонею, ни зла воня съ смрадомъ, ни безаконіе съ закономъ. Живи въ чистотѣ, акы въ церкви святѣй, потыканіемъ съвѣстію въ горній Іерусалимъ и тамо въ прьвѣдницихъ уписанъ быти; помня оного и по възлеженіи чрьтожнѣмъ изгонима, гнѣвъ и ярость на съгрѣшившую удрьжи похоть, умалиши грѣхъ, яко молишися Богу: остави ми, яко же оставихъ. Благоразсужденъ буди, да не отъ единаго вреда на многи възыидетъ; ни мѣщай врагу: пожди Господа, да ти поможетъ. Трьпѣніе бо не на лици обрѣтается, но въ сердци, не рѣчію издается, но языкомъ. А бы не припорно ти слышати чюдно указаніе: ѣздя на херувимѣхъ Въседрьжецъ воины водимъ, связанъ; сѣдя одесную Отца, на судѣ архіерею, Пилатю предстоитъ въпросимъ, и слышавъ отъ Него истинну, и гнѣваются; лице просвѣтивша си паче солнца безаконникы ударяемъ плевахю, храчюще на лице Его, плюновеніемъ отъ рода слѣпаго исцѣливъ: а прочая вѣ-

дома ти. Аще Богъ, Божій Сынъ и мышьца·Господня подятъ отъ человѣкъ, безъ грѣха сый, за насъ: да мы человѣци отъ человѣкъ стража не благодать въздаемь, иже искупаемся длъгу. Да не в годы мирныя Іисусу другъ буди, а въ годъ ратемъ върогъ. Малъ квасъ око смутитъ, мало слово ярость родитъ, и малыми болѣзньми бльшихъ избыти. Мужъ убо ученый трьпѣнію знаетъ. Соломонъ рече: трьпѣливъ лучше крѣпкаго, обладый душею своею. Мюка есть въ мысли тайна; симъ и безъ желѣза можемъ быти мученици. Аще бо молился за пакостьникы, того и бѣси боятся. А о любви Христа послушай глаголюща къ Апостоломъ: отъ сего вы разумѣютъ въси, яко Мои есте ученици: аще любите другъ друга, а не аще чюдеса творите. И Павелъ рече: аще имѣю вѣру, яко горы преставляти, и раздаю въсе имѣніе мое, ти любви не имѣю, ничтоже успѣю. Богословець рече: любяй Бога прежъ братію възлюбитъ: указъ бо прьваго второе. Любы Богъ, и сынотвореніе человѣкомъ досяжено море смиренію; бездна бо блъготворенію; источникъ огненъ елико въскипитъ, толико жаждущаго душа запалитъ. Аще и чюдеса подражати Апостолы хощете, — и се мощно: они хромыи ходити сътвориша и рюки сухи исцѣлиша: а ты храмлящая о вѣрѣ научи и ноги текущихъ на игры къ церкви обрати, рюцѣ исохшіи отъ скупости къ нищимъ на даніе простирети сътвори. И святыихъ подражатель хотя быти, аще борeнiа такого нѣсть, ню вѣнцемъ такимъ не отступило время; не стала бо рать діаволя: не гонятъ бо человѣци, но бѣси, не мучитель, но діаволъ. Они тръпѣша огнь, звѣри, мечи острыя: ты и похоть възгарающуюся, и мысли звѣринныи изнутрь устающа, языкы злыхъ человѣкъ по реченному: объостриша, яко копіе, языки своя. Сего дѣля Павелъ велить присно въоруженымъ быти. Милостивіи бо помиловани будутъ; милость на судѣ при всемъ лише хвалима и съмерти избавляетъ. И сѣяй и щадя, щадя и пожнетъ, рече Павелъ. Все ваше любовію да бываетъ. И се ти буди указъ — Еффая князя единородная дщи убогаго, и вдовы двѣ мѣдници, не видя сровналъ ли будетъ, кому то принесени быша правила своего противу силы. Се же бы добро въ тайнѣ дѣвица богохранима, люба есть внѣшнимъ; аще ли исходитъ, не всѣмъ годѣ есть, отъ инѣхъ пудима. Буди, акы бчела, изъ воня носящи цвѣты, а внутрь стовіе дѣлая, да не дымъ въ солнца мѣсто прiиметъ. Не рци, что зло творя; аще бы се неугодно Богу, не попустилъ бы самовластіе. Да и есть человѣку нераскаяненъ даръ; ню тръпитъ идоломъ служащимъ, и отметающимся его ерети-

комъ и діаволу, или готову цѣлу имѣя покаяніе; и будеши часто оброжаася, еже не любо Богу. А безъ вѣсти утрьній день, а реку и днешній, и нѣсмы властели тому. Никто же вѣсть въ тайныхъ о себѣ о Божіихъ судѣхъ, да вьси трепещемъ о своемъ дѣлѣ. И ангели знаменаются на всякъ день, кто что предложитъ. И ты вьникъ въ сердце си, и проди мыслію всю тварь, и расмотри торгъ человѣча житіа, како ся расходитъ по писанному: вьсе стѣни немощнѣе, и зри Господа съ небесъ уже на судъ грядущаго человѣчамъ тайнамъ, и въздати вьсѣмъ по дѣломъ. Вѣдомо ти буди, яко огнь насъ ждетъ, и огнемъ питану быти, и огнемъ крыется житіе наше, и огнемъ искушена будутъ дѣла наша; буди акы въ геенѣ уже врящи. Се жестоко глаголя, да жестоко не искусишь, и преже времене зготовимъ ищемаго въ время; по е҃ дѣвиць мудрыхъ: се есть цѣла ума дѣло и съвершеныхъ совершеное совершенство. Аще знаема ти будутъ Божіа, то въ свѣтѣ еси Божіи и свѣтъ мирови, и възлюбитъ доброту сердца ти, и благословитъ мощь твою, и дѣла руку ти пріиметъ. Се не ласкаяся тебѣ явити хотя, что вѣдая, или самъ что добро творя, — Сердцевидѣцъ есть Богъ, — но отъ любви и отъ печали о души твоей, абы ты на добро успѣлъ. И моего ума самъ вѣси разумъ не съврьшенъ и всякого невидѣніа исполнь, — крыти не мощно. Павелъ къ Коринѳеемъ рече: аще изумѣхомся, то Богови; аще ли умудрихомся, то вамъ. Не уничижаю силы Божіа вьсемощьныя, ни отмещу дара туне даннаго ми. Отъ скврьнаго дѣла, и отъ скареда сердца, и отъ нечисты души и груба ума, нестройны мысли, отъ бестудна языка, и отъ нищу усту слово богатое силою разумомъ Святыя Троица умноженно. Ни на небеси горѣ, ни на земли долѣ, ничтоже боле сего, еже знати Господа, повиноватися десници Его и творити волю Его, и блюсти заповѣди Его; имя бо велико не въведетъ въ царство небесное, ни слово бездѣлно плъзу слышащимъ: слово бо дѣлы утворено вѣры достойно ся творитъ.»

(255) П. Собр. Р. Лѣт. I, 69. См. тамъ же Житія преп. Ѳеодосія въ концѣ.

(256) П. Собр. Р. Лѣт. I, 90. 99. 120.

(257) Болѣе подробныя свѣд. о Несторѣ, какъ лѣтописцѣ, см. у *Погодина* въ I т. его Изслѣд. и Лекц.; *Бутков*. Обозр. лѣтоп. Русск., и *Кубарев*. въ Русск. Истор. Сборн. IV, кн. 4.

(258) Мы пользовались имъ по двумъ спискамъ, находящимся въ Сборн. Москов. Сунодал. типогр. XIV вѣка, и въ Сборн. Румянц.

Муз. № 152, л. 110. Оно надписывается: «Чтеніе о житіи и погубленьи блаженую стратерьпицу, Бориса и Глѣба.» Извѣстно, что оба древнія житія Св. Муч. Бориса и Глѣба, какъ написанное Несторомъ, такъ и составленное мнихомъ Іаковомъ, приготовляются къ изданію Импер. Археологическ. Обществомъ: потому мы и не представляемъ выписокъ изъ этихъ житій.

(259) Такъ въ обоихъ спискахъ, нами указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи.

(260) Извѣстно по весьма многимъ спискамъ, встрѣчающимся въ рукоп. Печер. Патерикахъ.

(261) Кромѣ указанныхъ (примѣч. 257) изслѣдованій о лѣтописи пр. Нестора, здѣсь слѣдуетъ назвать еще сочиненіе Г. *Сухомлинова*: «о древней Русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ.» Спб. 1856.

(262) Издана *Сахаровымъ* въ Сборникѣ подъ заглавіемъ: «Путешествія Русскихъ людей по св. землѣ,» Спб. 1839. Въ предисловіи къ изданію, между прочимъ, перечисляются и многочисленные списки ***Паломника.***

(263) Оно напечатано М. Евгеніемъ въ Труд. Моск. Истор. Общ. ч. IV, стр. 123 — 129.

(264) Болѣе подробныя соображенія объ этомъ Житіи см. въ статьѣ: «Нѣкоторые Памятники Славян. Письм. до — Монг. Періода,» помѣщ. въ Москвитян. 1845, ч. VI, № 12, стр. 140.

(265) Въ Сказаніи о чудѣ Св. Николая надъ новг. княземъ Мстиславомъ въ 1113 г. замѣчено, что чудо, совершенное тѣмъ же Святителемъ въ Кіевѣ надъ утопшимъ младенцемъ, случилось въ тѣ самые дни, когда было перенесеніе мощей Угодника изъ Мvръ Ликiйскихъ въ городъ Бэръ, и что кіевское чудо предшествовало новгородскому (Рук. Сборн. моей библ. № 14, л. 147).

(266) Намъ извѣстны шесть списковъ этого слова, которые всѣ не мало различны между собою. Лучшими, наиболѣе сохранившими слѣды подлинника, указывающіе на время происхожденія слова, представляются списки — въ Сборн. моей библ. № 69, л. 12 и № 2, л. 93 об. Потомъ слѣдуютъ списки, довольно сохранившіе тѣ же слѣды, въ Торжеств. Румянц. Муз. № 435, л. 344 и № 436, л. 217. Наконецъ списки, наиболѣе измѣненные и уже не сохранившіе этихъ слѣдовъ, — въ Сборн. моей библ. № 4, л. 156, и № 14, 136. Вотъ начало этого слова по первому списку, съ показаніемъ болѣе важныхъ варіантовъ въ скобкахъ изъ втораго:

«Присно убо должни есмы (есмя), братіе, праздникы Божіа въ честь творяще дръжати, подобити же ся святымъ Его (и) подвижно искати спасеніа, прилѣжно испытавше, дръжати: како по образу Божію (Божіею) руками (рукою) Его сътворени быхомъ, и славою неизреченною почтени быхомъ, угодная предъ Нимъ сътворша; якоже и блаженый сей сътвори великый словущій Архіерей Христовъ — святый Николае, его же трапезу, братіе, нынѣ (хощу вамъ) представити, отъ нея же вкусите и увѣдѣте (видите), яко благъ Господь, и благъ Господь уповающимъ нань, и благъ Господь творящимъ волю Его; благъ Господь любящимъ волю Его; Юже (иже) бѣ прежде дарствовалъ (далъ) Мурскому граду и области ихъ Владыка нашь Христосъ, иже въ многы лѣта своя щедроты излія из ня (нихъ) чюдеса творяй, чюдеса дивная и преславная, ицѣле (исцѣляя) неоскудно. Сущимъ въ бѣдахъ и напастехъ велій помощникъ и заступьникъ показася по морю же и по суху, болныя исцѣляя, плѣнники свобождая, слѣпымъ дая прозрѣніе, хромымъ хожденіе, глухымъ слышаніе (слышати), прокаженныя очищая, бѣсы изганяя, и всѣмъ бяше всякъ, яко же рече Господь: вѣруяй въ мя и дѣлая (дѣла), иже (яже) азъ творю, и тъ сътворитъ и болша сихъ створитъ яко се угодникь Его святый архіерей Николае. Егда же благоволи благостыню (благодать) и человѣколюбіе Божіе вьсіати (на ны) солнцю правды своея и явитися благодати, даннѣй намъ отъ Владыкы Вседръжителя Бога: показа намъ въ нынѣшняя времена (въ нынѣшнее время), и въ дни лѣта наша, и въ память нашю, чюдо преславно и паче ума человѣчьска о преподобнемъ и велицѣмъ архіерѣи, святѣмъ Николѣ, въ тысящное (тысящное) лѣто и ч҃е (и въ девятдесять шестое) отъ въплощеніа самого Бога, еже въ человѣцѣхъ отъ браконеискусомужныя святыя Богородица приснодѣвица Маріа, при цари Гречестѣмъ и самодръжци Константина града Алексѣи Комнинѣ (Алексеѣ), и патріарсѣ его Николѣ; а въ лѣто Рускыхъ нашихъ князей — Христолюбиваго и великаго князя нашего Всеволода в Киевѣ, и благороднаго сына его Володимера въ Черниговѣ. Нашедшимъ убо Изъмалтескымъ людемъ»... и проч.

(267) Какъ свидѣтельствуютъ Симонъ и Поликарпъ, писатели XIII вѣка, въ своихъ сказаніяхъ о кіевопечерскихъ инокахъ. (*Кубарев.* о Патерик. Печер. стр. 14 — 15, въ Чт. Моск. Ист. Общ. 1847, № 9, отд. 1). Въ XI вѣкѣ читалъ это житіе преп. Θеодоръ Печерскій, о которомъ Поликарпъ повѣствуетъ: «князь рече: много ли, отче, злата и сребра и съсудовъ (въ пещерѣ), и кимъ,

слышится, то съкровено есть? Ѳеодоръ же рече: *в житіи святаго Антонія повѣдается,* Варяжскіи поклажа и есть, понеже съсуды Латыньстіи суть, и сего ради Варяжская печера зовется и донынѣ, злата же и сребра бесчислено множество...» (см. по рукоп. Патерикамъ — въ житіи преп. Ѳеодора и Василія).

(268) Тогда два раза сослался на это писаніе извѣстный Кирикъ въ своихъ вопросахъ Новгор. епископу Нифонту (см. вопрос. по рукопис. и снес. Памятн. Росс. Слов. XII вѣка, стр. 195).

(269) Сборн. Новг. Соф. библ. № 522, л. 102—106. Число *винъ* показано 70 вмѣсто 27: это, конечно, описка.

(270) Читаемъ, напримѣръ, — а) *у Ѳеодосія:* «иконъ не цѣлуютъ, ни св. мощей, и крестъ цѣлуютъ лежаще, написавше на земли, а вставше попираютъ ногами»; а) *у Георгія:* «иже св. иконъ воображенья на помостѣхъ церковныхъ написаютъ, не да я почтятъ, но попираютъ ногами»; б) *у Ѳеодосія:* «имени не нарицаютъ Святаго, но како прозовутъ родители, въ то имя и крестятъ»; б) *у Георгія:* «не наричаютъ имени въ крещеньи епископи и попове ихъ по имени Святаго или Святыя, но имъ же мати наречеть, въ тоже имя и крестятъ»; в) *у Ѳеодосія:* «ядятъ съ псы..., ядятъ жьлвы, и дикіи кони, и ослы, и удавленину, и мертвьчину, и медвѣдину, и бобровину»; в) *у Георгія:* «ядятъ и жълвь нечистую...., ядятъ медвѣдину и ослы, и попове ихъ ядятъ въ говѣніе бобровину...., ядятъ съ псы въ одиномъ сосудѣ, сами ядше, а избытокъ поставляютъ псомъ»; г) *у Ѳеодосія:* «попове ихъ не женятся законьною женою, но съ робами дѣтей добываюче, и служать невъзбраньно;» г) *у Георгія:* «попове ихъ наложници имутъ..., и дѣти добываютъ, и служать невъзбранно».

(271) Напеч. въ Памятн. Росс. Слов. XII в., стр. 157—163.

(272) Въ посланіи М. Никифора нѣтъ, между прочимъ, тѣхъ пунктовъ, которые представлены нами въ примѣч. 270 изъ посланія Георгія.

(273) Текстъ въ сохранившемся спискѣ посланія Георгіева очень искаженъ. Но судя потому, что этотъ списокъ посланія единственный, мы не колеблемся помѣстить его здѣсь сполна:

«Георгія Митрополита Кіевского стязанье съ Латиною винъ числомъ 70.

Понеже великый Костянтинъ отъ Христа пріимъ царство и вѣра крестьянская нача оттолѣ болѣ расти же и распростиратися всюду, и преложися Римьское царство ветхаго Рима въ Констан-

тинъ градъ: то семи святыхъ и вселенскихъ зборовъ бы҃ на семый соборъ: Папѣ жъ великаго стараго Рима, иже въ тъ чинъ любо самъ идяше, любо присылаше епископы своя: и единьство и совокупленье съ собою имяху святыя церкви, тоже глаголюще, тоже мыслящe. Потомъ же преяша стараго Рима Нѣмьцы, и обладаша землею тою и по малѣ времени старии мужи правовѣрнии, иже храняху и държаху законъ Христовъ и святыхъ Апостолъ, и святыхъ отецъ, и отъидоша. По умертвии же тѣхъ молодии не утвержении прельсти Нѣмчьстiи въслѣдоваша, и впадоша въ вины различны многы, отрѣчены отъ Божественнаго закона и похулены, и тѣхъ ради винъ въ жидовьство явленѣ впадоша, и съ многыми у тѣхъ и съвѣты инѣхъ церквъ; остатися зла творимаго ими не въе схотѣвше, отвержени быша отъ насъ. Евангелие же ихъ убо, акы доброе и поклоняемое, почитается въ велицѣй церкви, на обличеньихъ и на стыдъ почитается, яко не живуть, како велить.

1) Иже опрѣснокы служать и ядять, иже есть жидовскы. Христосъ бо не предалъ есть того, ниже съверши тайны, юже предасть опрѣснокы святы имъ, нъ хлѣбомъ свершенымъ и кислымъ. 2) Иже постригають бороды своя бритвою, иже есть отсѣчено отъ Моисеева закона и отъ Евангельска. 3) Иже въ святѣй литургiи въ время причащенья единъ отъ служащихъ, ѣдъ опрѣснокы, цѣлуетъ прочыхъ, его же Христосъ не далъ есть, ни рече: приими и яжь, и цѣлуй прочихъ, нъ рече: приимѣте и ядите. 4) Иже въ святѣй службѣ на переносъ не выходять — ни на великый, ни на малый, а службу творять не въ олтари, нъ по всей церкви три, и 4, и 5 въ единъ день, а гробы въ олтарѣхъ ихъ. 5) Иже въ святѣмъ правилѣ, рекше: *вѣрую въ единаго Бога*, таковаго приложенья творити злое, злѣ и бѣднѣ смысляще. Святiи бо отци написавше еще: и Духа Святаго Господа животворящаго, отъ Отца исходяща, а си особѣ приложиша: иже отъ Отця и *отъ Сына*, — иже есть зловѣрье великое и на жидовьство правовѣдять, и въ Савльскую ересь. Сего бо приложивше, отсѣкають вѣру святыхъ отець пьрваго собора и втораго, и того слова Христова, иже о приходѣ Святаго Духа глагола ученикомъ; яко же Iоанъ Евангелистъ глаголеть, тако рече: егда Утѣшитель прiидеть — Духъ истины, иже отъ Отця исходитъ, тъ научитъ вы на всяку правду. Христосу бо не рекшу: иже отъ насъ: тако ти приложиша. Зловѣрье бо то есть и ересь велика. 6) Иже въ святѣй литургiи: единъ святъ, единъ Господь съ святымъ Духомъ глаголати, — его же ни отъ святыхъ отець, ни отъ

святыхъ апостолъ пріяхомъ; мы же сице глаголемь: единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца. Аминь; тии же ново приложиша: съ Святымъ Духомъ; нъ сего святіи отци не рѣша. 7) Иже измѣнити слово святаго Апостола Павла, глаголюща сице: малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ; а си тако глаголють: малъ квасъ все смѣшеніе тлить. Да въньми, Латинине, како о той вещи лъжете. Квасъ бо, влагаемый въ смѣшеніе, сирѣчь въ муку, наипаче растить и квасить, и велико творить, а не растаеть, ни тлить, иже ся наречеть губить и обумаряеть; стыдяще бо ся ти, имъ же причащаються и служатъ опрѣснокы. Тѣмь премѣниша слово Апостольское, и въ квасить мѣсто написаша тлить. 8) Иже възбраняти женитися дьякомъ, иже хотять стати попы. и не хотяще ставити женатыхъ попы, ни причащатися отъ нихъ. Нъ о томъ первый святый соборъ повелѣ: падьяконы и дьяконы и попы ставити законнымъ бракомъ правымъ, поемьшая жены дѣвами, а не отъ вьдовьства, ли отъ пущеницъ. И Апостолъ бо Павелъ вельми вопіетъ о томъ: чьстенъ бракъ и ложе не скверно. Христосу бо благословившу бракъ, и Апостолу Его тако почтьшу, и святымъ отецьмь пріемъшьмь его: то тіи, же его не пріемлють, противяться правѣй вѣрѣ. 9) Иже двѣ сестреницѣ поимати мужеви: поимъ бо первую и по смерти же тоя поимать сестру ей. 10) Иже носить перстень епископу на руцѣ, яко извѣтъмь жены церкви поимающа, его же ни Христосъ, ни святіи Апостоли повелѣша, нъ просто любяще и смиреное въ вьсемь. 11) Иже на войну ходити епископомъ и попомъ, и свои руцѣ кровію оскверняти, — его же Христосъ не повелѣ. 12) Иже епископи ихъ женятся, а попове ихъ наложници имуть, и женимы аможе колиждо идутъ: тамо ся женять, и дѣтій добывають, и служать нъвъзбранно. 13) Иже по суботы и поститися въ ня: и то жидовскы, яже Христосъ яко злая раздрушаше, и святіи Апостоли и святіи отци възбраниша, тако написавше: яко аще который Христіанинъ постится въ субботу, развѣ великыя субботы, да будетъ проклятъ. 14) Иже въ первую недѣлю святаго поста мясопустъ и маслопустъ единою творити, и потомъ пакы постящеся въ субботу и въ недѣлю ядять яица и сыръ и молоко. 15) Иже ядять удавленину и мертвечину, его же не творяху ни Жидове. Себо отречено Моисевымъ закономъ и Евангельскымъ, и отъ святыхъ отець явно возбраняется въ правилѣхъ ихъ. 16) Иже не чисто ясти отъ реченыхъ животинъ: ядять бо и жьлвь нечистую, нарищающе кокошью. 17) Иже не чисто есть черньцомъ ихъ ясти

сало свиное, иже при кожи; повелѣваютъ бо имъ епископи ихъ ясти и ина мяса чрньцомъ, егда имъ повелять, еже есть отречено. 18) Иже ядять медвѣдину и ослы, попове ихъ ядять въ говѣніе бобровину; глаголють бо, яко отъ воды есть и рыба всякь есть. 19) Иже ядять съ псы въ одиномъ сосудѣ, сами ядьше, а избытокъ поставляють пьсомъ, да полижють; и потомъ пакы сами ядять, еже хотять. 20) Иже не пріимають святыхъ и великихъ отець нашихъ и учитель архіереи, аки святыихъ: великаго, реку, Василія и Григорія Богословця и Златоустьця, ни ученья ихъ имѣють, высости ради ихъ, и жестокаго ради труднаго житья ихъ, и добродѣтельнаго. 21) Иже въ святѣмъ крьщеніи крестятся въ едино погруженіе, рекше: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, иже есть криво, акы жидовьское крещенье, или паче Арьяньское, не крьстяще въ трю погруженья и глаголюще три имена не единочьстно, ни единославно, ни единосущно Отца и Сына и Святаго Духа повелѣвають, ни трисъставно Божество исповѣдають; нъ аки еретикъ Савелій единосъставно и троеименно. Онъ бо глаголаше: единъ Отець есть; именуется же Отецъ и Сынъ и Святый Духъ. Правъвѣрная же вѣра три съставы проповѣдаеть и исповѣдаеть свершеный и присносущный, единославный и сопрестольный, въ единомъ Божествѣ нераздѣльно покланяемый. 22) Иже сыпати крещаемымъ отъ нихъ соль во уста и не наричають имени въ крещеньи епископи и попове по имени Святаго или Святыя; нъ имъ же мати наречеть, въ то же имя и крестять, а не якоже святіи отци уставиша. 23) Иже не хотять мощемъ святымъ кланятися, друзіи же отъ нихъ ни святыхъ иконъ, — иже есть гноётьзоименитаго ересь и проклятыхъ онѣхъ, иже иконы пожгоша. 24) Иже святыхъ иконъ воображенья на мраморѣхъ и на помостѣхъ церковныхъ написають, не да я почтать, нъ попирають ногами, не токмо прости, нъ и попове, нъ и черньци ихъ. 25) Яко не отлучаютъ святаго отъ скевернаго, ни чьтять святаго олтаря болѣ, яко же пріяхомъ и научихомся отъ святыхъ, а прибожьнокъ придверіе въ иномъ чину имѣемь и въ немъ стояти велимъ простѣ и чади и женамъ; внутренніи же церкви пакы и инѣхъ книжникъ ставляемъ, въ вышнѣй же странѣ мъньшая книжнѣйшая, въ святѣмъ же олтари въ время святыя литургія толико архіерееве и попове, и дьякони, и падьяци: а ти святый олтарь тако именують, яко и прибожникъ. 26) О сей бо древней Божественнѣй святѣй службѣ Богоотець Давидъ Духомъ Святымъ предзря, рече: ты еси Ерей во вѣкы по чину Мельхиседекову. Егда

великый праотець Авраамъ богопознательный въ хода Гомора отець сущихъ съ нимъ изяти Лота сыновця своего и възвращьшюся ему отсѣче во удоль савгинъ себѣ поле царь и Мелхиседекъ, царь Салимескъ изнесе хлѣбъ и вино, бѣ же іерей Бога вышняго и благослови Авраама и рече: благословенъ Авраамъ Богу вышнему, иже створи небо и землю; и благословенъ Богъ вышній, иже предасть врагы твоя подъ руку твою; и тогда хлѣбы и вино подасть ему и сущимъ съ нимъ домочадьцомъ, сущимъ тремьстомъ и осьминадесяти, прообразуя сію святую и богоблагодатную Господа нащего Іисуса Христа службу. Слышали, Латинине, како ти не опрѣснокы съ виномъ растворенымъ изнесе святый првый ерей Бога Вышняго Мельхиседекъ, егда благослови великаго отцомъ начальника Аврама, нъ хлѣбъ изнесъ съ квасомъ смѣшеный. Сего ради пророкъ Давидъ рече: ты еси іерей въ вѣкы по чину Мельхиседекову. 27) Оклеветаютъ же сущая отъ насъ честныя и преподобныя отця чрньця, глаголюще, яко яица ядять, и отъ тѣхъ животныи птицы ражаются, молокоже отъ четвероножныхъ скотъ такоже ядять, и тѣхъ бы не подобало ясти черньцомъ; наши черньци ядять сало: се бо есть житьный и травный цвѣтъ. Да аще тако суть сія, вами глаголемая, послушайте, да мало нѣчто отъ сихъ речемъ вашему нареченью. Егда бо яица отъ птицъ чистыхъ ражаются, кромѣ кръве мясныя зачинаются и ражаются, и суть чиста; и молоко такоже отъ выменъ скотъ чистыхъ четвероногыхъ истекаяй, тако же и яица суть кромѣ крове есть, и се есть чисто. Ваша же тучная сала процвитаютъ съ либѣвыми мясы и преходять, и кръвавиця купно срослася суть съ собою; вся сія тучная съквозѣ либѣвыхъ, и та либѣвая сквозѣ тучныхъ проходять, и обоя кръвью съцвьлася, и суть съединена обоя, и наричутся тучная мяса, и не имуть иного разнества имени, едино въкупь суща. Сихъ бо тука не повелѣша божественніи закони святыхъ отець мнихомъ вкушати, яко кръви причеталася суть и ражають стрась. Сего ради не узакониша ихъ ѣсти правило святыхъ отець, иже въ Никеи 300 и 18 Богоносныхъ и пречистыхъ отець, и въ всѣхъ купно семи святыхъ и вселенскихъ соборѣхъ, иже вѣру утвьрдиша и вси въ едино съгласье рекоша, и заповѣдаша повелѣнными имъ отъ Святаго Духа уставы. Понеже убо мнози прельщахуся о правѣй вѣрѣ, сего ради съристашуся на отьятье двоумья, еже ты, Латинине, имѣеши въ собѣ и еси смущенъ. И въ едино то исповѣданье и въ единогласье вси снидошася и глаголаша единодушно; Духъ бо бѣ святый купно гла-

голяй въ нихъ. Сихъ же вашихъ туковъ не повелѣша, яко и преди рекохомъ, ясти мнихомъ страсти ради, а не скаредьства ради. Миру же вся чиста суть предъ Богомъ. Аще ли симъ не вѣруеши, о Латинине, то вложимъ яица въ одинъ горньць и вложимъ сала тучная въ иный горньць, и си обоя особь варимы яиця и сало, да сереблемь же мы ухо яичную; нъ елма убо вариши яиця въ чистѣй водѣ, абіе та, якоже есть и бываетъ чиста вода, ака не варена, така же и варена. Вы же пакы да сереблете вашихъ салъ уху, да видимь убо кыхъ насъ завьици толъще будуть, да будеть вы не невѣрно, да разумѣете, кое вздержанью есть и изъмъждить страсть тѣльсьную, или кое, утучнивъ тѣло, вздрастить на душу страсти и скврьнять храмъ Божій; яко же и Павелъ написа, рекый: аще кто оскверниітъ храмъ Божіи, осквернитъ того Богъ. Храмъ Божій святъ есть, еже есте вы, и не вѣсте ли, яко Духъ Божій живетъ въ васъ, Его же вы, о Латинеане, отъ себе отгнасте. Богу же нашему слава».

(274) Подробнѣе см. у *Неволина:* «о Митрополитѣ Іоаннѣ II, какъ сочинителѣ посланія къ Архіепископу Римскому Клименту о опрѣснокахъ» (Изв. Импер. Ак. Наукъ по 2-му Отд. II, 96), и у г. *Григоровича:* «Посланіе Митрополита Іоанна II», при чемъ напечатанъ и Греческій текстъ посланія и Славянскій (Учен. Зап. 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ I, отд. III, стр. 1—20). Это посланіе напечатано такъ же въ Памятн. Росс. Слов. XII вѣка, стр. 205.

(275) Напеч. въ Русск. Достопам. I, 86 — 103. Слово — προφήτης — *пророкъ* издревле означало въ Церкви Христовой не только провозвѣстника будущихъ событій, прорицателя, но и истолкователя Слова Божія, *проповѣдника*. Нашъ Митрополитъ Іоаннъ могь быть названъ *пророкомъ Христа* еще въ Греціи, какъ отличный *проповѣдникъ* вѣры Христовой.

(276) Напеч. въ Памятн. Росс. Слов. XII вѣка, стр. 153.

(277) Извѣстно намъ по Кормч. Румянц. Муз. № 233, л. 371 — 375, подъ заглавіемъ: «слово святаго Никифора, Митрополита всея Рускыя земля». Помѣщаемъ здѣсь это слово:

«Понеже, чадо блаженне и сыну свѣта, понеже земля Лядская въ судѣхъ у тебе есть, живущій, еже на ней суть, оплатки служащей, Латинское пріали есте ученіе, добрѣ рекоша, извѣщаю ти, каа ради вины святыя съборныа и Апостольскіа Церкви отступиша. Изначала бо ветхій прежде Римъ съ Константиномъ градомъ единомудрьствовавшей и патріаршество, идѣже дрьжаще весь миръ въ вѣрѣ на седми съборѣхъ святыхъ всея вселенныя, въкупѣ бяху,

яко же папа Римскій, патріархъ Константина града, и патріархъ же Александрьскій, патріархъ Іерусалимскій ученіе и предавіе святыхь Апостолъ съхраняху въкупѣ многа лѣта. По томъ же въ кончинѣ бывше Римлянежъ Латина наречутся, Нѣмци устомишася на инныя обычаи паче церковныхъ обычай.

Яже есть се *прьвое* зло, еже преступивше святое преданіе, иже есть: *вѣрую въ единого Бога Отца*, и святыхъ 1-го собора 300 и 18 Богоносныхъ иже въ Никеи, вонже снидошася на соборъ съ инѣми отци и святители святый Селевестръ папа Римскій, на вторѣмъ, бывшемъ во Костянтинѣ градѣ, въ неже и со прочими отци иде и Дамасъ папа Римскій, и написа о Святѣмъ Дусѣ, яко вѣруемъ въ Святый Духъ Господень и животворящій, иже отъ Отца исходитъ. Латина же приложиша ко глаголу своему: иже отъ Отца исходитъ, и иже *отъ Сына* исходитъ, еже есть зло еретическое; не исходитъ бо отъ Сына Духъ, но токмо отъ Отца, якоже Іоанъ Богословъ въ Евангеліи Господни: рече Господь ко ученикомъ своимъ: егда пріидетъ Духъ истинный, иже отъ Отца исходитъ, онъ возвѣститъ вамъ вся, яже о Мнѣ. Видиши ли, яко не рече Христосъ, яко отъ Отца и отъ Мене — Сына, но токмо отъ Отца единаго. И тако по словеси Христову научиша Апостоли и святіи отци, и рекоша тако: аще кто приложитъ, или уйметъ, да будетъ проклятъ. Имѣютъ же проклятьство Латина, яко приложише. *2-е* еже приносятъ въ хлѣба мѣсто оплатки, и молвятъ хулу на святаго великаго Апостола Петра, яко той предалъ намъ се, и лжутъ въ томъ; отъ писаніа или отъ преданіа не могутъ показати того, но отъ Нѣмець пріали суть; да тобѣ бо будетъ извѣстьно отъ мене, отъ главизнь сихь, отъ Евангеліа и отъ Апостола обличиша и яко и лжутъ. *Третее* зло, яко въ время брани вьюютъ епископи ихъ и с простыми людми; не вѣдаютъ бо, которое дѣяло епископьство и святительство, которое ли воинское, яко Господь въ время преданіа Его Петрови ножъ извлекшу, и запрети Господь, и воложи, рече, ножъ свой въ ножница; и апостоломъ паки рече: аще кто тя ударитъ по ланитѣ, обрати ему другую. Никакоже брани творити, ни противитися не повелѣ Господь апостоломъ. *Четвертое* — постятся елико суботъ, а пріали суть то отъ Жидовъ и отъ ученикъ Симона волхва, тѣмъ яко въ Суботу спираашеся Петръ со Симономъ волхвомъ, въ суботу побѣжденный обѣщася возыйти на небо, отъ бѣсовъ возносимъ, и запрети бѣсомъ святый Петръ, и отпустиша бѣси Симона; падъ на землю издше: оттоля постятся уче-

ници и друзи Симона волхва. Мы же имѣемъ уставъ святыхъ Апостолъ, глаголюще: иже кто въ суботу постится, развѣ единые великіа суботы, да будетъ проклятъ, яко Господь нашъ еще въ гробѣ лежаше. Иже постится, кромѣ великія суботы, да будетъ проклятъ. Того ради мы постимся въ едину токмо великую суботу. А се инное зло: аще ключится въ суб. ли въ среду, ли въ пятокъ Рожство Христово, ли Богоявленіе, ли Господскый праздникъ, поста не разрѣшаютъ, но акы жалѣютъ жениху сущу с тѣми. Паки же почитается постъ ихъ въ среду пръвыа недѣли честныа, еже есть зло и грубо; ни мясопуста вѣдаютъ, ни до святыа и великіа недѣли не постятся, но въ великій четвертокъ яйца и масло и сырь ядятъ, и святымъ иконамъ не кланяются, и ни цѣлуютъ; въ церковь въходяще на лицехъ падаютъ, и шепчуще кресть начертающе прьсты своими на земли, цѣлуютъ, и въстающе попираютъ ногами своими. Иконъ святыхъ въ церкви не дрьжатъ, но токмо распятіе едино; престыа Владычица нашея Богородица Маріа не Богородицею наречутъ: а то есть ересь Несторіева. Въ олтари церковнѣмъ въ время литургіа — кто хощеть, входить, — жена ли, мужъ ли и дѣти, — егоже не достоитъ творити, но токмо единѣмъ іереомъ не отлучно есть въ олтарь въходити; а жены ихъ аще быша въходили, и на престолѣхъ бы сѣдѣли. Удавленину ядятъ и звѣроядину, и мрьтвичину, и кровь, и медвѣдину, и вывѣрчину, и бобровину, и вся гнусная. А Латина въ едино погруженіе крестятъ, ни масло на воду ліютъ, но соль сыплютъ въ уста крестящагося, и по крещеніи кого любо плюютъ на руку десную его; потомъ крьстомъ размѣсивъ слины, и мажутъ крестящагося въ мура мѣсто. Егдаже крестився възрастетъ и въпадетъ въ грѣхъ человѣческый, ни покаяніемъ, ни сповѣданіемъ исцѣляютъ его, но помажутъ его масломъ древянымъ на оставленіе грѣхомъ; а покаяніе отметаютъ. А крестящимся не наречутъименъ святыхъ, но звѣрина имена: левъ, пардусъ, и прочихъ звѣревъ; но крестятъ пятію прьсты, и послѣди палцемъ лица своя мажутъ. Ти отъ среда недѣли пасхи Евангеліа не чтутъ. Ти ставляеми діакони ихъ и попове и епископи своя жены пущаютъ въ земли своей; такожде повелиши творити, но они не послушаютъ ихъ, но аще умрутъ прьвыя жены ихъ, и поимаютъ 2-ю и 3-ю и служатъ: а то есть зло. И молвятъ бо тіи, яко не достоитъ иннѣмъ языкомъ хвалити Бога, но токмо трими языкы: жидовскимъ языкомъ, ти Елинскимъ и Римскимъ; блядутъ бо въ томъ. А Христосъ за вся умре, пророцы вся языкы научаютъ. Глаголетъ бо Да-

видъ: вси языци восплещайте руками, вси языци пріидутъ и поклонятся предъ Тобою, Господи, всяко дыханіе да хвалитъ Господа: яко всякимъ языкомъ достоинѣ хвалити Господа; ни единого бо не отгонитъ Господь отъ хваленіа и отъ пѣніа Его. Ниже умирающаго епископа ихъ не погребаютъ въ той день, но држжать до 8 дній, дондеже пріидетъ область его вся; ту принесутъ, колико можетъ почесть его, и тогда погребаютъ его: не крестообразно руцѣ его полагаютъ ему, но, якоже Жидове, подъ его же плагаютъ руцѣ; и очи, и ноздри, и уши затыкаютъ воскомъ. Тако же творятъ и простьцемъ. Тіи же въ единой церкви литургію творятъ и до 3-ж днемъ: се же есть зло. Въ единой церкви еще будетъ олтарь, то едину литургію творити днемъ въ святѣй церкви. Сіи же творятъ и се: измѣну творити въ сватьбахь; дщерь свою давъ за мужъ, и поимаютъ паќы свата своего дщерь за своего сына, или за брата, или за ближнихъ своихъ. А чрьнци ихъ, аще будетъ епископь, мяса ясти, и вся прочая творятъ безъ боязни, яко же и простьци; и прочіи человѣчи ихь аще разболятся, и повелѣваетъ имъ мясо ясти. Того ради не пріемлетъ ихь Церкви святаа съборная въ единеніе, пріобщеніе, но акы удъ изгнилъ неисцѣленіе отврьше и отрѣзаша ихъ отъ себе святіи Апостоли и отци. Намъ же православнымъ христіаномъ не достоитъ снимн ни ясти, ни пити, ни цѣловати ихъ; но аще случится православнымъ сними ясти по нужди, да кромѣ поставитъ имъ трапезу и сьсуды ихъ: Христа бо исповѣдуютъ, и не добрѣ творятъ. Глаголя бо Христосъ: не всякъ, глаголяй ми: Господи, вънідетъ царство небесное, но творяй волю Отца моего; и пакы глаголя: не въходя дверми тать есть и разбойникъ. Чтожъ то молвитъ, и что двери нарицаетъ Евангельская писаніа, то двери нарицутся; и приходай въ вѣру христіанинъ бывая, яко же Божественное писаніе глаголеть, но кромѣ тѣхъ творятъ, тать есть и разбойникъ; якоже Латинане творяще по Божественному писанію и по Апостольскому преданію, татіе суть и разбойници.

А о оплатцѣхъ вѣдая буди, яко оплаткы жидовскіа ветхіа жрьтвы суть, а не евангельска Христова закона; яко 4 Евангелисти и святіи Апостоли и Павелъ послушествуеть, не опрѣснокъ Господь нашъ вземъ въ тайную вечеру; благодаривъ, и благословилъ, и разломивъ, дасть своимъ ученикомъ хлѣбъ кисль и теплу воду, и рече имъ: пріимѣте и ядите: се есть тѣло Мое, ломимое за вы въ оставленіе грѣховъ. Се же о семъ Павелъ глаголеть, яко единъ хлѣбъ едино тѣло мнози есмы; вси бо отъ единаго хлѣба пріемлемъ. Ви-

дини ми, яко хлѣбъ нарицаетъ, а не оплатокъ пріимая? или нося съ жиды суть и на трапезѣ жидовстѣй есть, а не Христовѣ. Христосъ самъ егда ученикы своя учаше молитися: Отче нашь, иже еси на небесѣхъ, и прочаа, — а не рече: оплатокъ насъ насыщь, но хлѣбь нашь рече. Да въпрошаютъ нынѣ о опрѣсноцѣхъ тѣхъ, якоже рече Христосъ: и есть тѣло Мое, ломимое за вы въ оставленіе грѣховъ. Тѣло Христово съврьшенно ли есть, или не съврьшенно; обаче не повѣдаютъ, яко съврьшенно: съврьшенъ человѣкъ, съврьшенъ Богъ; да съвершеннымъ подобаетъ пожрети Богу, а не съврьшеннымъ. Которое бо есть съврьшенно — хлѣбъ ли, или оплатокъ? Вѣдай, яко слѣпи суть явѣ, яко хлѣбь есть съврьшенъ; есть бо мука, акы тѣломъ, а квасъ, акы душа, а соль акы умъ, водаже акы духъ животень; зане пріимаютъ животное въ схожденіе съгрѣваяся хлѣбь, а опрѣснокъ мертво есть и бездушно, въсхожденіе не имаютъ ни съгрѣваяся; того ради безживотно наречется: оплатокъ живота не имаетъ. Хлѣбь животный Христосъ, яко же и Самъ рече: азъ есмь хлѣбь животный. А обличаеми суть отъ Павла, пишуща къ Коринѳомъ сице, еже чтемъ въ великый четвертокъ на литургію: азъ пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь нашь Іисусъ Христосъ въ нощь, въ нюже предаашеся, пріемъ хлѣбь, и благодаривъ, и рече преломль: пріимѣте и ядите: се есть тѣло Мое, ломимое за вы и за многы въ оставленіе грѣхомъ: се творите въ Мое воспоминаніе. Противужъ того что можете отвѣщати, имѣюще ктому тьму въ свѣтъ? Но святый Павелъ Апостолъ нѣсть ли учитель всеа вселенныа? Не прьвый ли Апостолъ? Нѣсть ли уста Христова, котораго и отъ кого приносятъ яснѣйша и свѣтлѣйша ученіа? Хлѣбь нарече; хлѣбь, рече, пріемь, а не оплатокъ былъ то: оплаткы бы нарекль. Въ нощь бо, рече, въ нюже предаашеся, хлѣбь пріемъ сътвори тайную жрьтву, а не оплаткы принесе Господь, но хлѣбь ядяше. А когда накорми 5000, не оплатки ихъ накорми, но пятію хлѣбы. Кто жъ бо ихъ смысля оставивше съврьшенный животный хлѣбь, оплаткы ястъ? Съврьшенны бо мужи хлѣбъ ядятъ, малыи же дѣти несоврьшенъ опрѣснокъ ядятъ: и се и до послѣднего дне есть дѣтемъ; убо и матери въ время мѣшеніа уимаютъ прежде и пекутъ дѣтемъ; а и се опрѣснокъ, его же бо мужи съврьшени и не ядятъ, но многажды же въ дому отъ тогожъ не ясть мужь уменъ кромѣ нужды како можетъ пріати на жрьтву Господь, иже Жидове толико время единой пасхы творяху опрѣснокы по закову Моусеову; егда Христосъ новый за-

конъ даеть, тогда опрѣснокъ не бяше. Въ время же нарочито опрѣсноки бываахю, то есть пасхи жидовскіа. Тогда же пасцѣ не сущи, ни опрѣснокъ бяше, по по числу, како повелѣ Моусей въ 14 марта мѣсяца отъ сред вечерніи и пасху же Господню єі день того же мѣсяца праздникъ опрѣсночный Господень 7 дній опрѣснокъ да ясть. Такожъ повелѣ Моусій въ 14 мѣсяца марта зарѣзати овенъ, въ 15 день творяху опрѣсноки; а Христосъ въ 13 день сотвори вечеру. А гдѣ обрѣтеся опрѣснокъ? Въ четвертокъ бо нощи преданъ бывъ, заутра въ пятокъ вечеръ бѣ — время зарѣзаніа агньцю, а всуботу творити опрѣсноки. Христосъ въ пятокъ въ 9 часъ предасть духь, и въ тъйже день положенъ бысть во гробѣ. Егда же праздникъ бѣ опрѣсночный, тогда творяху опрѣсноки: онъ въ гробѣ лежааше. Гдѣ обрѣте опрѣсныкы въ время вечери своей, прежде праздника опрѣсночнаго? Не смѣаше бо никтоже творити опрѣснокъ прежде праздника, аще въструбяху жрьци ихъ; послушай, како ти бысть. Аще луна не щнется, не бываетъ пасху отъ жидовъ; егда же щпеніа луньнаго тріе законници у трапезы нѣкако и стоаху, смотряюще луню; егда же будетъ щпеніа луны, въструбятъ отъ трубы твоя; имѣаха вѣру жерци, и трубяху паки къ людемъ. Людіе же молвяху другъ ко другу: пасхю Господня, пасху, и тако зарѣзоваха агньца, и опрѣсночныа готовяхю. Того же не разумѣете, слѣпая Латино; да не учатся отъ слова Господня, яко егда рече ученикомъ своимъ, яко — се единъ отъ васъ предасть мя; они же мятошася о словеси томъ, и не смѣ въпрашати Его, ну токмо Іоанъ Богословець, яко дерзновеніе имѣаше къ Нему паче всѣхъ, възлегъ на прьси Его и вопрошааше: Господи, кто есть предаяй тя? Господь же рече ему: ему же азъ дамъ омочивый хлѣбъ, тъ есть предаяй мя. И по обѣдѣ вонійде вонь сотона. И послушай Евангелиста, како ти хлѣбъ нарече. Едино бо есть артусъ и хлѣбъ, а оплатокъ ино есть. Тако и Павлу глаголющу, и Евангелистомъ, и тому самому Евангелисту Луцѣ возлюбленному и сроднику Петрову, пишуща дѣаніа Апостольская и глаголющу во дѣаніихъ, чтомомъ въ четвертокъ свѣтлыа недѣли, учащу святому Петру люди, и вѣроваша 3000, и крестишася во той день, и бѣаху ждуща ученіа апостольска, и пріобщеніа, и преломленіа хлѣбу, и молитву. Видиши ли? Изначала то и Апостоли пріаша отъ Господа, и творяху; то откуду пріали суть оплатки? Отъ Петра ли? Тогда написаше Петръ тако; а покажутъ бо ти тако. Такожде и Евангеліе имѣютъ, яко же мы имѣемъ, дондеже имяху, и тіи въкупѣ бяху снами на 7

соборѣ; по семомъ же соборѣ отступиша отъ насъ. Ребра избавителя нашего Іисуса Христа, кровь и воду — службу тайную намъ являя. Ибо Іаковъ по плоти братъ Христа Бога нашего, отъ Спаса священіе пріемъ, и Божественную службу преданіа и святаго приношеніа Святый Великій Василіе, Кесарійскій епископъ, Іоанъ Златоустый, ихже слава по всей земли проидетъ, вся Богомъ въ души написанную тайную службу намъ предааше сице, и совершатися Божественнѣй службѣ отъ вина и отъ воды священную тайну отдаша, и во Карѳагени иже собрашася святіи отци преподобніи 207 сице явѣ помянувъ святыхъ, ничтоже болѣй тѣла и крови Господня принести. Яко Самъ Господь предасть своимъ ученикомъ, и рече хлѣбъ и вино съ водою смѣшенно».

(278) ***Карамз.*** Ист. Госуд. Росс. I, 203; II, 25, изд. 2.

(279) Оно встрѣчается еще въ Кормчей XIII в. и, какъ догадываются, есть переводъ съ Греческаго (***Розенкампф.*** о Кормч. книгѣ, примѣч. стр. 250; ***Калайдов.*** Памятн. Росс. Слов. XII в., стр. 155); потомъ — въ Кормчихъ XV — XVI в. (Рум. Муз. №№ 232. 233 и др.) и помѣщено въ печатной Кормчей гл. 47.

(280) Замѣчательно, что въ одной и той же Кормчей Рум. Муз. № 233 помѣщены обѣ эти статьи; не смотря на ихъ сходство: сперва «о Фрязѣхъ» (л. 248), а далѣе «слово св. Никифора, Митрополита всея Рускыя земля» (л. 371).

(281) Помѣщено въ Макар. Чети — Мин. подъ 31 числомъ Август. (Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 4, отд. IV, стр. 74; ***Строев.*** Указ. матер. отечеств. Истор. въ Ж. М. Н. П., 1834, № 2, стр. 154). Предлагаемъ списокъ этого посланія изъ Макар. Чети-Мин. Моск. Успенск. Собора (—л. 2765):

Посланїе ѿ Никифора митрополита кие҆вьскаго всеа̀ роускыа̀ землѧ, написанїе на Латыноу, ко Ярославоу кнѧѕю̀ моурьскомꙋ С҃тославичю с҃на Ярославлѧ, ѡ҆ е҆ресѣхъ.

Вопрошалъ еси былъ на҃, градный кнѧже, како ѿвержени быша латына ѿ с҃тыа̀, сборныа̀, правовѣрныа̀, а҆постольскыа̀ цр҃кви, ѿстоупиша: и҆ се ꙗкоже ѡ҆бѣщавсѧ бл҃городствоу твое҆моу повѣдати ѡ҆ нихъ. Понеже, чадо бл҃жене и҆ с҃поу свѣта, землѧ Лѧскаа̀ в соусѣдахъ ꙋ тебе е҆сть, живоущи и҆же на неи̇ соуть ѡ҆платки слоужащеи̇, Латинскоѐ пріали оу҆ченїе, — добрѣ рекохъ. ʼИзначала бо преже вѣкъ ветхыи̇ Римь с Костѧнтиномь градомь е҆диномꙋдрьствовавше и҆ є҃ патриаршествъ, и҆же дръжаша весь миръ в вѣре. Понеже великїи Констѧнтинъ прии҆мь цр҃тво и҆ крестїе, и҆ поча рости, — и҆

приложися римьское цр҇тво ветхаго Рима въ Костантинъ градъ. На се҇ми сты҇х всеа вселеньскыа соборехъ вкоупѣ бахоу, іакоже папа римскый, и патріархъ Костантина града, и патриархъ александрьскіи, и патриархъ іерлмьскіи, и оученіа и преданіа сты҇х ап҇лъ сохранахоу вкоупѣ лѣта многа да ꙁ҇ сбо҇ръ. Бысть на ꙁ҇ зборы или еже вестараго Рима, еже быто чиноу, любо самъ идіаше, любо своа еп҇пы приставлаше, и единьство и совокоупление имѣахоу сты҇а цр҇кви, тоже глаголющи, и тоже мыслаще. Потомже пріаша стараго Рима Нѣ҇мци, и покорени быша Римлане, иже Латына наричются, ѿ Оуандилъ, иже и нарицаются Нѣмци, — и оустремишаса на ины ѡбычаи паче цр҇ковныхъ. Іаже соуть се.

А҇-е зло, ѡже престоупиша ст҇ое преданіе, еже есть: *вѣроую во единого Бг҇а и Оц҇а*, ст҇ыхь ѿц҇ь а҇-го сбора т҇ и и҇і бг҇оносивы҇х, •же в Неи (Никеи), вонже сбори снидошаса со инѣми со дроугыми ѿц҇ы и ст҇ыи Селивестръ папежъ римскый; и на дроугыи сборъ, бывшемь в Костантинѣ градѣ, в онже иде съ прочими ѿц҇ы и Дамасъ папа римьскый, и написа ѡ ст҇мь Дѹсѣ, іако вѣроуемь во ст҇ыи Дх҇ъ Гн҇ь и животворащии, иже ѿ Оц҇а исходить. Латыни же приложиша ко гл҇ѹ семоу: иже ѿ Оц҇а исходи҇т, инииже ѿ Сына исходи҇т, и еже есть зло еретическое: не исходить бо ѿ Сына Дх҇ъ, но токмо ѿ Оц҇а. Іакоже написа Іѡаннъ ев҇алистъ бг҇ословець въ ев҇аліи: рече Гь҇ ко оученико҇м своимь: егда приидеть Дх҇ъ истинный, иже ѿ Оц҇а исходить, ѡнъ возвѣстить вамъ вса, іаже ѡ мнѣ. Видиши ли, іако не рече Хс҇ ѿ Оц҇а и ѿ мене — Сн҇а, но ѿ Оц҇а единого? Тако по словеси Хв҇оу наоучиша ап҇ли и ст҇іи ѿц҇ы, и рекоша тако: и кто приложить и оуиметь, да боудеть проклатъ. Имѣють проклатьство Латына, іакоже преложиша. *Второе*, ѡже приносать во хлѣба мѣсто ѡплатокъ и молвать хѹлоу на ст҇го и великаго апостола Петра, іако тои преда намь се, и лжоуть в томь: ѿ писаніа или ѿ преданіа не могоуть показати того, но ѿ Нѣмець пріали соуть. Да тобѣ боудеть извѣсто ѿ мене ѿ главизнъ сихъ и ѿ ев҇аліа, и ѿ ап҇ла, и ѡбличишіа, іако лжоу҇т. *Третьее* зло іако во време брани воюють епископи ихъ с простыми людми: не вѣдають бо которое есть дѣло еп҇пьство и ст҇льство, которое ли воиньское. Іако Гь҇, во време преданіа его, Петрови ножь изъвлекшю запрети: вложи ножь свои в ножници. Апостоломь паки рече: иже кто вы оударить в десноую скранию, ѡбрати емоу и лѣвоую и никакоже брани творити, ни противитиса повелѣ Гь҇ апостоломъ. *Четвертое*, постатса елико соубо҇т; а переіали ѿ Жи-

довь и ѿ оученикъ Симона волхва: Жидове бо постатса в соуботꙋ и оученици Симона волхва, тѣмь ıако в соуботоу спирашеса стыи Петръ с Симономъ волъхвомь; в соуботоу бо безбожьный ѡбѣщаса на небо взыти ѿ бѣсовь возносимь, и запрети бѣсомъ стыи Петръ, и поустиша бѣси Симона, и падъ на земли изъдше, и ѿтолѣ постатса оученици и дроузи Симона вълхва. Мы же имѣемь оуставъ стыхъ апостолъ, глаголюще: иже кто в соуботоу поститса, развѣ единыа великыа соуботы, ıако Гь нашь и еще во гробѣ лежаше, да боудеть проклать. А того ради постимса во единоу великоую сꙋботоу. А се дрꙋгое зло: аще ключитса или в соуботоу, или в средоу, или в пато^к^, или ржтво Хво, или бгоıавленіе, или инъ Гдьскый праз^д^никъ, поста не раз^д^роушають, но аки желѣють женихоу сꙋщю с тѣми. Паки же постъ ихъ почитаетса ѿ среды а не^д^ли чистыа, — иже есть зло и гроубо; ни масло поу^щ^ вѣдаеть не^д^ли, ни до стыа не^д^ли великыа пасхы постатса, но в великый четвергъ ıайца и масло и сыръ адать. И стмъ иконамъ не поклонаютса, ни цѣлоують; въ црквь въходаще, на лице^х^ падають, шепчюще, и крестъ начертають, и востають; иконъ стыхъ въ црькви не дръжать, но токмо распатие едино. Пречистыа нашеа вл^д^чца и Бца Мрїа не Бцꙋ нарицають, но токмо стоую Мрию наричють: а то есть ересь Несторьева. А во ѡлтари црковнѣмь во времa литоургиа кто хочеть, входить, жена ли, моуж ли, дѣти ли, егоже не достоить творити, но токмо единѣмь їерѣемь ѿлученъ есть. А жены ихъ, аще быша хотѣли, и на престолѣхъ быша сѣли. Давлениноу ıада^т^, и звѣроıадиноу, и мрътвечиноу, и кровь, медвѣдиноу и вѣверичиноу, бобровиноу и вса гноуснѣйша сего. И ти Латина во ѡдино погроуженїе в водѣ крестать, ни масла на водоу льють, но соль крестащагоса во оуста влагають. А по крщении кого любо, плюють на роукꙋ его десноую, потомь, перстомь размѣсивь слины, мажють кртившагоса в мvра мѣсто. Егдаже крестивса возрастеть и въпадеть въ грѣхъ чл҃ьскый: не покаанїемь и исповѣданиемь исцѣлають его, но помажють и маслѡ^м^ древаныма на ѡставленїе грѣховь, а покаанїе ѿметають. А крестащимса не наричють именъ стыхъ, но звѣрина имена наричють: левъ пардоусъ и прочихъ звѣрей. Крtатса патью перстъ, послѣди же палцемь мажеть лице свое. Ти ѿ сре^д^ а не^д^ли до пасхи аллvıа не поють; ти ставлаеми дїакони, и попове, и еппы, своа жены поущають и^з^ земли своеи: такоже повелѣша творити, но ѡни не послушають ихъ; но аще оумрꙋть первыа жены, поимають и дроугоую, и третьюю,

и̓ слꙋжать, а̓ то е̓сть зло. Молвѧть бо ти, ꙗко не достоит и̓нѣмь ꙗзыкомъ хвалити Бг҃а, но токмо треми ꙗзыки: Жидовьскимь ꙗзыкѡм, Еллиньскимь, Римскимь; бладоуть же в тѡм. Хс҃ же за всѧ оумре, и̓ пророци всѧ ꙗ̓зыки наричють, и̓ гл҃ть Дв҃дъ: вси ꙗ̓зыци восплещете роуками, и̓ вси ꙗзыци прїидоуть и̓ поклонѧтсѧ пред тобою̓, Гн҃; всѧко дыхание да хвалить Бг҃а; ꙗкоже всѧкомь ꙗзыкомь достоитъ хвалити Бг҃а, ни е̓диного же бо ѿгонить Гь҃ ѿ хваленїа и̓ли ѿ пѣнїа е̓гѡ. Ти же оу̓мирающаа̓ е̓ппи и̓хъ не погребаю̓ть в тои дн҃ь, но держать до и̓҃ днїи, дондеже приидеть ѡ̓бласть е̓го всѧ; ти принесоуть, кто что може, почесть, и̓ тогда пѡгребоуть е̓го. И не крестоѡбразно рꙋцѣ покладаю̓ть и̓мъ, но, ꙗ̓коже Жидове, подольгъ е̓сть покладаю̓ть роуцѣ; а̓ о̓чи и̓ нозри и̓ оу̓ши затыкаю̓ть воскомъ: такоже творѧть и̓ простцемь. Ти же во е̓диной црк҃ви литоургию̓ творѧть дважды и̓ г҃ жды и̓ четыржды днемь, е̓же е̓ зло. Въ е̓диной бо црк҃ви, а̓ще боудеть ѡ̓динъ ѡ̓лтарь, то е̓диноу литоургию̓ творити и̓ по чиноу е̓диноу литоургию̓ пѣти: чего ради ꙗ̓ко е̓динъ заиь распѧтсѧ Хс҃, е̓диною̓ распѧтсѧ, да того ради попови подобае̓ть е̓диноу литꙋргїю̓ творити днемь въ црк҃ви ст҃ей. Ти же творѧть и̓ се и̓змѣноу, творѧть в садбахъ: давъ дщерь свою̓ за моужь, поимають паки свата свое̓го дщерь за свое̓го сн҃а и̓ли за брат свой, и̓ли за близокъ свѡй. О черньцѣх же их: и̓же бꙋдеть е̓ппъ, мѧсо ѣсть и̓ всѧ прочаѧ творить без бозни, ꙗкоже и̓ простци; и̓ прочїи черньци и̓хъ а̓ще разболѧтсѧ, повелѣваю̓ть и̓мъ мѧсо ꙗ̓сти. Того ради не прие̓млеть и̓хъ ст҃аа церкви соборнаа̓ вс е̓диненїе причѡщенїю̓, но, а̓ки оудъ и̓згнилъ не и̓сцѣленъ, ѿвергоша и̓ ѿрѣзавше ѿ себе ст҃ии а̓п҃ли и̓ ѡ̓ц҃и. А тѣ же правовѣрнымъ не достоить пити, ни ꙗ̓сти с ними, ни цѣловатисѧ; но а̓ще слоучитсѧ ѣсти правовѣрьнымь с ними по ноужи, да кромѣ поставити трапезоу и̓мъ и̓ сосоудѣ и̓хъ. Ха҃ бо и̓сповѣдаю̓ть, но не добрѣ творѧт. Гл҃ть бо Хр҃тосъ: не всѧкъ гл҃ѧй ми: Гн҃, Гн҃, вниде въ цр҃тво нб҃ное̓, но творѧй волю̓ мою̓. И паки гл҃ть: не входѧ дверми тать е̓сть и̓ разбои̓никъ. Что же то молвить и̓ что дверь нарицае̓ть? Еуа҃льскаа̓ писанїа и̓ а̓постолскаа̓ писанїа тѡ̓ двери нарицае̓ть; а̓ приходѧй в вѣроу и̓ кр҃тїанъ быва̓а̓, не ꙗкоже божественаа̓ писанїа гл҃ть, но кромѣ тѣхь творѧть, тать е̓сть и̓ разбои̓никъ: ꙗкоже и̓ Латына, не творѧще по бж҃твеномоу писанїю̓ и̓ по а̓постольскомоу преданїю̓, татїе соуть и̓ разбоиници.

А ѡ̓платцѣх же вѣдаа̓ боуди, ꙗко ѡ̓платцѣ ветхыа̓ жидовскыа̓ жертвы соуть, а̓ не е̓уа҃лїа Хв҃а законъ, ꙗ̓коже четыри е̓уа҃листа

и҆ ст҃ый а҆постолъ Павелъ послѹшествоуе҆тъ. Не ѡ҆прѣснока бо Гь҃ нашь вземь в таиноую вечерю, бл҃годаривь и҆ разломивь, и҆ дасть своимь оу҆ченикомь и҆ рече: пріимѣте и҆ ꙗ҆дите: се е҆сть тѣло мое҆, ломимое҆ за вы во ѡ҆ставленіе грѣховъ. Сеже и҆ ѡ҆ семь Павелъ г҃лтъ: ꙗ҆ко е҆динъ хлѣбъ и҆ е҆дино тѣло мнози е҆смы, вси бо ѿ е҆диного хлѣба прии҆мае҆мъ. Видиши ли ꙗ҆ко хлѣбъ нарицае҆тъ, а не ѡ҆платки пріима[а] или приноса? С Жиды соу[т] и҆ на трапезѣ жидовстѣи҆ ꙗ҆сть, а҆ не на Хвѣ. Хс҃ самъ е҆гда оу҆ченики своа҆ оу҆чаше молитисѧ: *Оч҃е нашъ, иже еси на небесѣхъ* и прочаа҆, — а҆ не рече: ѡ҆платокъ нашь насыщь, но хлѣбъ нашь рече. Да пращаю҆тъ нынѣ о҆прѣсночникь тѣхъ, ꙗ҆коже рече Хс҃: се е҆сть тѣло мое҆, ломимое҆ за вы, — тѣло Хво свершено ли е҆сть и҆ли не свершено? Обаче и҆сповѣдать, ꙗ҆ко свершено, свершенъ ч҃лкъ и҆ свершенъ Бг҃ъ, да свершенымъ подобае҆тъ жрети Бг҃оу, а҆ не несвершенымь. Которое҆ бо е҆сть свершено: хлѣб ли и҆ли ѡ҆платокъ? Вѣдаи҆, ꙗ҆ко и҆ слѣпи соуть, ꙗ҆ко ꙗ҆вѣ, ꙗ҆ко хлѣбъ е҆сть свершенъ: е҆сть бо моука, а҆ки тѣло, а҆ ква҃, а҆ки дш҃а, а҆ соль, а҆ки оу҆мъ, вода же, а҆ки дх҃ъ животъ. Тако приимае҆тъ животное҆ восхоженіе, согрѣваꙗ҆сѧ, хлѣбъ; а҆ ѡ҆прѣснокъ мертво и҆ бездоушно, восхоженіа҆ не прии҆маа҆ ни согрѣваасѧ; того ради безживотно наричет҃ь, ѡ҆платокъ живота не и҆мѣе҆тъ. Хлѣбъ бо животныи҆ Хс҃, ꙗ҆ко и҆ самъ рече: а҆зъ е҆смь хлѣбъ животныи҆. Обличае҆ми же соуть ѿ Павла, пишоуща къ коринфиѡ[м] сице, е҆же чтемь в великыи҆ четвергъ на литоургіи: а҆зъ приа҆хъ ѿ Гд҃а и҆ предахъ вамъ, ꙗ҆ко Гь҃ Іс҃ в но[щ], в цю же предаꙗ҆шесѧ, и҆ пріимь хлѣбъ и҆ бл҃годаривь и҆ рече, прелѡмль: пріимете и҆ ꙗ҆дите, се е҆сть тѣло мое҆, ломимое҆ на ѡ҆ставленіе грѣховъ, се творите в мое҆ воспоминаніе. Противоу томоу что могоу ѿвѣщати и҆мѣю҆щии҆ свѣтъ тмоу? Но ст҃ыи҆ Павелъ нѣсть ли оу҆читель всеа҆ вселенныа҆? не а҆҃ и҆ а҆п҃лѡмъ? нѣсть ли оу҆ста Хв҃а, котораго и҆ ѿ кого просѧть ꙗ҆снѣиша и҆ свѣтлѣишаго оу҆ченіа҆? Хлѣбъ нарече: хлѣбъ бо, рече, приимъ, а҆ не ѡ҆платокъ. Аще бы ѡ҆платокъ былъ, то ѡ҆блатки бы и нареклъ; в нощь бо, рече, в нюже и҆ предаашесѧ, хлѣбъ приимъ, таиноую҆ створи жертвоу, а҆ не ѡ҆платки принесе Гь҃, но хлѣбы ꙗ҆дѧше. И когда накръми ,є҃, не ѡ҆платки и҆хъ насыти, но ѿ є҃ хлѣбъ. Никтоже бо смыслѧ, ѡ҆ставль свершеныи҆ животныи҆ хлѣбъ, ѡ҆платки ꙗ҆сть: свершени бо моужи хлѣбъ ꙗ҆дѧть, ꙗ҆коже свершено; малыа҆ дѣти, не свершеныа҆, ѡ҆прѣсноки ꙗ҆дѧть, — и҆ се и҆ до нынѣшнаго дни е҆сть; и҆ се дѣтемь бо и҆ матери во времѧ мѣшеніа оу҆имають и҆ пекоуть преже дѣте[м]. А и҆ сеи҆ ѡ҆прѣснокъ, е҆гоже бо моужь свершенъ не ѣстъ, но

многаж^д^ы въ гла^д^, ѿ того же неѣстъ моужь оумѣ, кромѣ ноужи. Како можеть Гь прїати на жертвоу, иже Жидове толико во времѧ ѥдино пасхы творѧхоу ѡпрѣсноки по закону Моисиѡвоу? Егдаже Хс вечерю створи, тогда ѡпрѣснокъ не баше; во времѧ бо нарѡчито ѡпрѣсноцы бывахоу, то ѥсть времѧ пасхи жидовскыа. Тог^д^а же пасцѣ не соущи, ни ѡпрѣснокъ баше; но послушаи, како повелѣ Моисеи: въ ді мца ѿ сре^д^ вечернїи пасхи Гнѧ въ еі днь того же мца праз^д^никъ ѡпрѣсночныи Гнь, з днїи ѡпрѣснѡки да іасте. Також повелѣ Моисїи въ ді днь мца марта к вечероу зарѣзати ѡвенъ въ еі днь творѧхоу ѡпрѣсноки. Хс же въ гі днь створи вечерю; а гдѣ ѡбрѣтесѧ ѡпрѣсноки? В четвертокъ бо в нощи преданъ бысть; заоутра в пѧтокъ вечероу бѣ времѧ зарѣзати агнци, а в соу^б^тоу хотѧхꙋ творити ѡпрѣсноки. Хс в пѧ^к^ въ ѳ и ча предасть дхъ и в тои днь положенъ бысть во гробѣ; ѥгдаже праз^д^никъ бѣ ѡпрѣсночныи, ѥгда творѧхꙋ ѡпрѣсноки, ѡнъ во гробѣ лежаше. Гдѣ ѡбрѣте ѡпрѣсноки во времѧ вечери своеи, преже празника ѡпрѣсночнаго? Не смѣашеть бо творити никтоже ѡпрѣснокъ преже праз^д^ника, аще востроубѧлоу жерци и^х^. Послушаи, како то бы: аще лоуна не щнетсѧ, не бывашеть пасха ѿ Жидовъ. Егдаже щненїа лоуннаго трие законници оу трапезы нѣкоторои стоıаще, смотрѧхоу на лоуноу, ѥгда боудеть щноунїе лоуны, и востроубѧхоуть ѿ троубы тоа, имѣахоу вѣроу жерци щненїю лоунному. И въземше троубы жерци троубѧхоуть паки к людемь, людїе же молвѧхоу дроугъ ко дрꙋгоу: пасха Гнѧ пасха и тако зарѣзывахꙋ агньци и ѡпрѣсночнаѧ готовѧхоу. Того же ли не разоумѣете слѣпїи Латыне? Да наоучатсѧ ѿ слова Гнѧ, ıако ѥгда рече ко ꙋченикомъ: ıако ѥдинъ ѿ ва предастъ мѧ, ѡни же возматошасѧ ѿ словеси томъ и не смѣ кто вопрошати ѥго, но токмо Іѡаннъ бгословець, ıа^к^ дерзновенїе имыи к немꙋ паче инѣхъ. И возлегъ на перси ѥго, вопрошаше: Гн, кто ѥсть предаѧи тѧ? Гь рече к немоу: емꙋ же азъ дамъ ѡмочивь хлѣбъ, тои ѥсть предаѧи мѧ. И по ѡбѣдѣ вниде в ѡнь сотона. И послоушаю^т^ ѥваглиста, како хлѣбъ наричеть: ѥдино бо ѥсть артоусъ и хлѣбъ, а ѡплатокъ ино ѥсть. Тако Павлоу глющоу и ѥваглисто^м^ и томꙋ самомꙋ ѥваглистꙋ Лоуцѣ возлюбленномоу и сродникоу Петровоу, пишюще дѣанїа апльскаа и глаголющꙋ в дѣанїихъ, чтомѣмь в че^к^ свѣтлыа не^д^ли: оучащꙋ стомꙋ Петроу люди и вѣроваша ‚г и кртишасѧ в тои днь, и бѧхꙋ ждꙋ^ще^ оученїа апостольска, и приѡпщенїа, и преломленїа хлѣбоу, и млтвы. Видиши ли, изначала хлѣбъ бѣ, и ѥже прїаша ѿ Га, то и апли

творахоу: то ѿкꙋдоу прїали соуть ѡплатки? Отъ Петра ли? То гдѣ написа Петръ тако или наоучи, а покажют ти: ти бо такоже еѵаⷢ҇лїе имоуть, ꙗже и мы имѣемь, до тꙋдоу имѣꙗхоуть и ти, дондеже бахоу в коупѣ с нами и на з҃ сборъ. А иже ѿстоупиша насъ, бꙋдоуть ѡбрели ины книгы, не вѣдѣ, ꙗже ѿвергла стаа зборнаа црькви еретическыа книгы. Да вѣдают же таковїи, иже ѡплатки ꙗдоущїи, ꙗко пси мрꙋть, а не живоу ꙗдꙋще плоть; и въ ересь впадають проклатаго и Аполинарїа: ѡнъ бо, безоумно и бездꙋшно тѣло прїа Гь҃, рече; неже бездоушнїи ѡплатки в тѣла мѣсто Гна҃ прїимають, подобни соуть Аполинарию; тако бо е҇: не имѣеть бо ни доуша, ни оума; ни кваса бо, ни соли не имѣеть, ꙗже соуть въ хлѣбѣ, ꙗко дша҃. И оумъ не хоулить соли, ни творать малы безꙋмнїи, молвить бо къ аплом Гь҃: вы есте соль мирови, аще соль ѡбуаеть, чѣмь ѡсолитса. И апостолъ Павелъ глть҃: да бꙋдеть слово ваше солию ѡсолено, которꙋю соль слово приемлеть не плотное соуще, но ѡблчесе глетъ: да боудꙋть слово ваше имѣа и оумъ, а не боуди безь-лѣпа, ꙗко и ѿ безлѣпичнемь слово воздати ны есть, да аще не пременатса таковїи, и с Полинариемь причтени боудуть.

Латына же стоую слꙋжбоу виномь единомъ приносать без воды: такоже и во арменстѣи земли еретици виномь точию во стѣи трапеѕѣ приносать, воды в не несмѣшше. Да тѣмь стыи Іѡаннъ златоутыи рече, что ради не воды востапить, но вино. Инїи бо еретици в вина мѣсто водоу единоу приносать в жертвоу. Понеже и в своеи црькви Златаоустыи, ѿнюдоуже и пастырское прїа влачьство, слоужбоу стварла, водоу в вино предасть. Внегда же сокровенноую жертвоу приносать пѡ ѡбразоу: изыде бо, рече, въ прободенїи пречистаго ребра Избавитела нашего Спса Ха҃ Бга҃, кровь и вода, слоужбоу таиноую намь ꙗвлаа. Ибо Іаковъ, по плоти братъ Ха҃ Бга҃ нашего, ѿ Спса сщение приатъ и божественоую слоужбꙋ и приношенїа стаго преданїе. Стыи Василїи кесарїискїи епископъ, Іѡаннъ златоустыи, их же слава по всеи вселеннѣи прїиде, ти вси Бгомъ вдошени, написанꙋ таиноую слоужбоу, намь предаша сице свершати бжтвенѣи слоужбѣ, ѿ вина и ѿ воды сщенноую таиноу ѡдаша. И в Карфагенѣ, иже собравшеса стїи ѡци и прпбнїи с҃ и з҃, сице ꙗвѣ поманоуша во стыхъ: ничто же болѣ тѣла и крови Гни принести, ꙗкоже и самъ Гь҃ предасть своимь оученикомъ, сирѣчь хлѣбъ и вино, с водою смѣшено. Аще кто, епископъ или попъ, не по преданомоу ѿ аплъ чиноу творить и, воды с виномь не смѣш-

ше, сице пр҇чтоую приноситъ жертвоу: да извержен буде҇т іерейства.»

(282) Напеч. въ Русск. Достопам. I, 59—75.

(283) Находится въ рукоп. Чиновникѣ или Уставѣ Новгор. Соф. библ., XVII вѣка, безъ № (*Евген.* Слов. Дух. Писат. II, 96, изд. 2), гдѣ оно читается такъ: «Веліихъ поученій, о любимицы и возлюбленные ми дѣти о Христѣ, языкомъ своимъ бесѣдовати къ вамъ и водою Его напоити благую вашу землю, и землю плодовитую, глаголю бо ваша душа; но не данъ ми бысть даръ язычный, по Божественному Павлу, яко тѣмъ языкомъ творити ми порученная, и того ради безгласенъ посредѣ васъ стоя, и молчу много. Потребну же сущу поученію нынѣ приходящимъ ради дней святаго великаго поста, того ради писаніемъ поученію лѣто быти размыслихъ. Лѣто убо, возлюбленніи, текій выну и свой кругъ обходя, приведе насъ въ пречистые дни сія святаго поста и предъ дверми я положи. Сія дни въ радости пріимемъ и обще возопіемъ съ Пророкомъ: пріидите возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасу нашему; предваримъ лице Его исповѣданіемъ; восплачемся предъ Господемъ, сотворшемъ насъ, яко Той есть Богъ нашъ и мы людіе паствы Его и овца руку Его. Никто же да не лишенъ буди добраго пѣнія, никто же да не буди дряхлъ, но вси тихи и свѣтли, но токмо буди о грѣсѣхъ печаленъ; аще здѣ постраждемъ, да благо мы пріимемъ. Никто же да не мнитъ безъ болѣзни очистити грѣхи и безъ поста омыти скверны. Очистилъ тя есть Христосъ крещеніемъ, и омы твоя скверны: паки ли осквернился грѣхи? Паки ли омзазася? Паки ли огниша ти струпы злобы?—Прослезися, горько восплачися, воздохни, всяку потерпи страду на земли—леганіе, бдѣніе, неяденіе; крѣпки молитвы покажи, пѣніе, милостыню къ нищимъ, отдаждь должникомъ долги. Аще ли то немощно, поне да великій рѣзъ остави, еже яко же змія изъѣдаютъ окаянніи убогія. Аще ли постишися, емлеши рѣзъ на братѣ, никоея же ти пользы бысть; постя бо ся мниши себѣ, а мясо ядый, — не мяса овчая, ни инѣхъ скотъ, ихъ же ти повелѣно, но плоть братню; рѣжа бо жилы и закалая его злымъ ножемъ — лихоиманіемъ неправедныя мзды тяжкаго рѣза. Смирися смирившагося тебе ради Бога дажь и до рабіяго образа; остави всѣмъ скорби оскорбившимъ тя; отдаждь, елика на нихъ имаши, да ти отдадятъ грѣси, да чиста будетъ молитва и кромѣ поминанія зла. Аще и молится, всуе труждается, всуе алчетъ; изъ устъ бо зло упоминающаго Богъ милостыни не пріимаетъ: не мое слово сіе,

но слово Христа и Бога, Иже дара не принимаетъ принесенныхъ къ церкви отъ таковаго, аще не первѣе со братомъ ся смиритъ,—Иже и днесь учитъ ны отдавати грѣхопаденія. Аще бо, рече, оставите человѣкомъ прегрѣшенія ихъ, оставитъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; аще ли не оставите человѣкомъ прегрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный оставитъ вамъ прегрѣшеній вашихъ. Аще ли тако въ постѣ постражеши, яко слово тя учитъ, сподобишися пѣти съ Давидомъ: растерзалъ еси вретище мое и препоясалъ мя еси веселіемъ, яко да поетъ тебѣ слава моя, и не умилюся. Вретище знаменіе есть покаянію; пострадапія ради и онаго озлобленія Богъ раздираетъ прогрѣховное отсѣченіе и препоясаетъ веселіемъ радость же безстрастія, и тогда поемъ Ему во славѣ, иже есть чистою совѣстію, — во славѣ, рече, юже имѣя Адамъ прежде преступленія. Облецемся въ добраго вретища сего, да препояшемся въ веселіе; потрудимся, да прославимся, да вѣнчаемся. Трудове рожаютъ славу, дѣла приносятъ вѣнцы; тако бо и Господь рече: въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши. Потерпимъ и сохранимъ даемыя намъ отъ Отецъ епитимія; разумѣемъ и мы, яко же пѣвецъ рече: знаемъ во Іудеи Богъ. Истязуемъ, что рече, но и знаменуетъ: Іудей бо исповѣданіе наречется, и тѣмъ Бога знаемъ. Тѣмъ повелѣваетъ входити во врата Его, во дворы Его съ пѣсньми. Не усрамимся явити грѣхи, да не пребудутъ неисцѣльни, да не въ срама мѣсто временнаго, вѣчнаго обрящемъ осужденія, да не предъ избранными Ангелы Божіими и всѣхъ отъ вѣка человѣкъ посрамимся; вси бо предстанемъ судищу Христову и коегождо дѣло огнь искуситъ. Умолимъ Судію прежде осужденіа, убоимся претимыя муки; Богъ не лжетъ,—не льстимся; услышимъ Павла, великія Христовы трубы, днесь насъ учаща: нынѣ близь намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ; нощь успе, а день приближися: отложимъ дѣла тьмы и облечемся во оружіе свѣта, яко во дни благообразнѣ ходимъ, не объяденіемъ, ни піянствомъ, ни блуженіемъ, ни прелюбодѣяніемъ, ни завистію, но облецытеся въ Господа нашего Іисуса Христа и плотіугодія не творите въ похотѣхъ. Нощь есть се житіе любящимъ е и не въ день взирающимъ судный, или свѣта онаго вѣка. Возлюбимъ свѣта онаго, яко сынове свѣту, походимъ благообразнѣ, яко во дни ходяще. Отложимъ дѣла темныя и облечемся во оружіе свѣта, всю злобу отъ душъ нашихъ отгоняюще, всяку добродѣтель всаждающе; не довлѣетъ бо злаго отшествіе, но сотворити доброе истязаетъ; уклонися, рече, отъ зла и сотвори благо — не козлогла-

сованіемъ, ни блуженіемъ. Здѣ у слова сего пришедъ зазираю нѣкія, яко Божественному ученію Христопроповѣдника Апостола не внимающе; извѣствуютъ извѣты во грѣсѣхъ, дерзающе глаголати, яко въ піянствѣ ничтоже зла творимъ, сугубы себѣ пріобрѣтающе грѣхи, яко же піянствомъ побѣждаеми, и яко да его срамоты убѣжатъ. Слышите Апостола глаголюща, піянство нарицающе матерь всякія злобы и всякія нечистоты и блуда, а ты ничто же согрѣшати глаголеши. Піянство—вольный бѣсъ, піянство—дщи діавола, піянство — уму смерть; погубивый бо умъ скотины пущи есть. Скоти бо разумъ токмо имуще не погубляютъ его; словеснымъ же, данъ ему умъ отъ Бога, любовію питая, продаетъ, яко же Исавъ, первенство малою ядію. И мертвъ таковый бывъ, и безуменъ и нечувственъ, и смѣху бысть достоинъ отъ всѣхъ, яко же и Сампсонъ отъ иноплеменнихъ остриженъ златыхъ оныхъ власъ отъ иноплеменницы наложницы своей. Аще ли таковымъ и иныхъ дѣля речено бысть слово пророческое Исаіино, глаголющее: мертвіи живота не имутъ видѣти, ни врачеве могутъ воскресити. Мертвыя убо тыя нарицаетъ піянствомъ умершихъ; врачевъ же глаголетъ учителей, иже не могутъ помощи имъ, аще не останутся отъ піанства. Сія Апостолъ рече, и азъ сказалъ есмь, да не своихъ посрамлю: да не буди то; како бо я отъ души люблю? — но да таковое зло отжену отъ нихъ въ постное время—піянство: помогаетъ бо и Господь намъ. Се, возлюбленніи, время пріятно, се день спасенію, се весна душъ нашихъ пріиде; нынѣ бѣси боятся; нынѣ мірскій князь, видя насъ, гнѣвается, но зубы своими скретчетъ и растается, и желаніе его, иже на нашу пагубу, погибнетъ, аще тщимся и бдимъ. Нынѣ Божественныя силы Ангельскія радуются; нынѣ Апостолы веселятся, праведныхъ всѣхъ взыграются души;—реку и больше: и самъ Богъ радуется о нашемъ покаяніи, не хотя нашея смерти, но обращенія ожидая. Сего ради молюся,—времени сего и преходящаго ожидаемъ безвѣстно; аще и не дождемь, смерть бо урока не имать, и лучше: еже въ рукахъ благое, паче ожидаемаго. Единодушно убо вси на вражію брань приступимъ, силою Святаго Духа; того бо нашего врага оружія оскудѣша въ конецъ, и тверди его разори Господь, на крестѣ вознесыйся. Дерзайте вси; на подвигъ сей во Христа крещеніемъ облекостеся. Той самъ Божественный Павелъ возставляетъ насъ и вооружаетъ глаголя: облецытеся въ оружія Божія, да возможете стати на козни діавола. Станите убо препоясани чресла ваша истиною и оболкшеся во броня правды, и обувше ноги во уготованіе

Евангелія мира, надъ всѣми вземше щитъ вѣры, о немъ же возможете вся стрѣлы лукаваго раздеженныя угасити, и шлемъ спасенія пріимите и мечь духовный, еже есть глаголъ Божій. Аще ли въ та оружія облицемся и тако вооружени ополчимся къ невидимому врагу и ратнику; то посѣчемъ и̓, и, добрѣ вѣмъ, мечемъ духовнымъ, и, побѣду пріимше на ньчистаго получимъ, покоя и дойдемъ въ господскій день истинныя пасхи, не осужденно причастимся святой Господней плоти, глаголю, и честныя Его крови въ сей вѣкъ, въ будущій же вѣчныхъ насладитеся благъ и сладкаго свѣта онаго насладимся, и Святѣй и Богоначальнѣй Троицѣ, въ трехъ составѣхъ воспѣваемѣй и во единомъ Божествѣ покланяемѣй, иже въ разлученіи неразлучнѣ разлучаемой и въ совокупленіи не разливаемѣй, Ей же подобаетъ всяка слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь».

(284) П. Собр. Р. Лѣт. I, 66.

(285) Рук. Патер. Новг. Соф. библ. № 502, л. 105.

(286) О Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ — въ Москвитян. 1843, III, стр. 432, прим. 34.

(287) Рук. Патер. Новг. Соф. библ. № 502, л. 35.

(288) П. Собр. Р. Лѣт. I, 107.

(289) Упоминаетъ именно въ предисловіи къ Сказанію о чудесахъ св. муч. Бориса и Глѣба и приводитъ свидѣтельство изъ Богосл. Дамаскина, кн. IV, гл. 15.

(290) *Калайдов.* объ Іоанн. экз. Болгар., стр. 17.

(291) Хранится въ Импер. Спб. Публ. Библ. и издано въ свѣтъ Востоковымъ, Спб. 1843.

(292) Въ Москов. Арханг. Соборѣ (*Калайдов.* Іоанн. экз. Болгар. 28—30, 107. 110. 214; *Шевыр.* Истор. Русск. Слов. II, 146).

(293) Въ Моск. Сунод. библ. (*Калайд.* и *Шевыр.* тамъ же).

(294) Нынѣ въ Импер. Публ. Библ. изъ книгохр. Погодина (*Кеппен.* списокъ Русск. Памят. 22 — 24; *Калайд.* Іоанн. экз. 97. *Восток.* Опис. Рум. Муз. 469, и Опис. Евгеніев. рукописей, въ Учен. Зап. 2-го отд. Акад. Наукъ, т. II, вып. 2, стр. 59).

(295) Импер. Публ. Библ. изъ книгохр. Погодина (*Погодин.* Изслѣд. о Русск. Ист. III, 347).

(296) Въ Импер. Публ. Библ. (*Востоков.* Библіогр. Листк. Кеппена. 1825, № 7, 86—91; такъ же въ Учен. Записк. 2-го отд. Ак. Наукъ, т. II, вып. 2, 75—80).

(297) Экземпляръ этого Сборника отысканъ въ Супрасльскомъ монастырѣ (*Восток.* въ Библ. Листк. Кеппена, 191—199, и въ Учен. Записк. 2-го отд. Ак. Наукъ, т. II, вып. 2, стр. 80—91). А другой экземпляръ будто бы находится въ Лицейской библ., въ Люблинѣ (*Шафарик.* Разцв. Слав. Письм., въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1848, № 7, отд. III, стр. 57). Супрасльская рукопись издана сполна *Миклошичемъ*, подъ названіемъ: Monumenta linguae Palaeoslovenicae e codice Suprasliensi. Vindobon. 1851.

(298) *Шафар.* тамъ же, стр. 54; *Востоков.* Граммат. при Остром. Еванг. стр. 8. 9. 24.

(299) Одно въ Сборн. Успен. Собора, а три въ Сборн. Троицк. Лавры (*Ундольск.* въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1848, № 7, отд. II, стр. X—XI).

(300) *Калайд.* объ Іоанн. экз. стр. 26.

(301) *Калайд.* тамъ же, 95—96.

(302) *Восток.* Опис. Рум. Муз. 253—255.

(303) *Калайд.* Іоанн. экз. 102—104. 213; *Восток.* Опис. Рум. Муз. 499—506; *Шевыр.* Поѣздк. въ Кирилло-бѣлоз. монастырь, II, 30—32.

(304) *Кеппен.* Спис. Русск. Памятн. стр. 29.

(305) *Кеппен.* тамъ же стр. 24; *Погодин.* Изслѣд. о Русск. Истор. III, 346; *Востоков.* Опис. Евгеніев. рук., въ Учен. Записк. 2-го отд. Ак. Наукъ, т. II, вып. 2, стр. 64—66.

(306) Помѣщены въ Супрасльской рукописи (см. прим. 297).

(307) Въ Сборн. Моск. Успен. Собора (*Ундольск.* въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1848, № 7, отд. II, стр. XI).

(308) Поздній списокъ этого сочиненія нашелъ въ Моск. Синод. библ. Карамзинъ (Истор. Гос. Росс. II, примѣч. 64).

(309) *Шафар.* Разц. Слав. Письм., въ Чтен. М. Истор. Общ.... стр. 47. Въ послѣдствіи Шафарикъ это самое житіе, по спискамъ XV — XVII в., издалъ въ Сборникѣ, подъ заглавіемъ: Památky drewniho pisemstwi Jihoslowanuv, Praha, 1851. См. такъ же *Бодянскаго:* О времени происх. Славян. письменъ, прим. 29, 31 и особенно 42.

(310) *Калайд.* Іоанн. экз. стр. 97.

(311) *Бодянск.* Славяно-Русск. сочин. въ пергам. Сборн. Царскаго, Чтен. М. Ист. Общ. 1848, № 7, отд. II, стр. XV—XXII и дал.

(312) «Иларіонъ... бѣаше книгамъ хитръ писати, и сій по вся

дни и нощи писаше книги въ келіи блаженнаго отца нашего Θеодосія» (рук. Жит. Пр. Θеодосія).

(313) «Многажды великому Никону сѣдящу и строящу книги и блаженному (Θеодосію) вскрай его сѣдящу и прядущу вервіе, еже на потребу таковому дѣлу» (тамъ же).

(314) «Видѣша кротость его, и неспаніе по вся нощи, и почитаніе съ прилѣжаніемъ святыхъ книгъ» (тамъ же).

(315) «Не бѣ бо иного ничто же имѣа, развѣ книгъ.... И, шедъ, дасть книги властелину, татіе же отпусти, прочая же книги продавъ и раздасть убогимъ» (о Григ. чудотв. въ рукоп. посл. Поликарпа).

(316) «Суть же и книгы его и донынѣ у васъ», говоритъ св. Симонъ въ посл. къ Печерскому иноку Поликарпу (см. о Николѣ Святошѣ).

4. КЪ ГЛАВѢ ЧЕТВЕРТОЙ.

(317) П. Собр. Р. Лѣт. I, 75. 88. 116. 117. 120. 128. 129; *Карамз.* II, примѣч. 238. О церкви Ростовской, созданной Владиміромъ Мономахомъ, св. Симонъ Владимірскій говоритъ: «и въ своемъ княженьи Христолюбець Владимеръ, вземъ мѣру Божественныя тоа церкви Печерскіа всѣмъ подобіемъ, създа церковь въ градѣ Ростовѣ въ высоту и въ ширину и въ долготу; но и письма на хартіи написавъ, идѣже кійждо праздникъ, въ коемъ мѣстѣ написанъ есть, сія вся въ чинъ и въ подобіе сътвори по образу великіа тоа церкви Богознаменныя» (рукоп. Патер. Новгор. Соф. библ., № 502, л. 8).

(318) *Мних. Іаков.* въ Сказ. о чудесахъ св. Бориса и Глѣба по обширной редакціи. То же въ Степ. книг. I, 212.

(319) Степ. кн. I, 235; П. Собр. Р. Лѣт. II, 90 — 91.

(320) П. Собр. Р. Лѣт. I, 132; II, 4. 12. 14; III, 122.

(321) Св. Симонъ въ рук. Патерикѣ: «сынъ же того (Владиміра Мономаха) Георгій князь... и той въ своемъ княженіи созда церковь въ градѣ Суздалѣ въ туже мѣру» (см. выше прим. 317).

(322) Доп. къ Акт. Истор. I, № 3; П. Собр. Р. Лѣт. II, 14; III, 5. 7. 9. 123. 124. 214. Кромѣ того упоминается о церкви св. Георгія, построенной въ 1144 г. княземъ Всеволодомъ въ Каневцѣ (П. Собр. Р. Лѣт. II, 21).

(323) П. Собр. Р. Лѣт. I, 89, 128.

(324) Никон. Лѣт. I, 192; Степ. кн. I, 229.

(325) П. Собр. Р. Лѣт. III, 4. 7. 123. 124. 213.

(326) Тамъ же II, 9. 19; III, 6. 10. 214.

(327) См. въ рук. Патер. посланіе Поликарпа.

(328) П. Собр. Р. Лѣт. II, 26—27.

(329) Тамъ же I, 129; II, 10; III, 6. 123.

(330) *Симона* Послан. въ Печер. Патер.; П. Собр. Р. Лѣт. III, 214; *Нестор.* Рукоп. Сказ. о св. Борисѣ и Глѣбѣ.

(331) *Симон.* Посл. въ рук. Патер. Новгор. Соф. библ. № 502, л. 9 обор.

(332) П. Собр. Р. Лѣт. I, 119. 128. О двухъ послѣднихъ церквахъ, Ростовской и Суздальской, св. Симонъ въ началѣ XIII вѣка замѣтилъ: «яже по лѣтѣхъ вся та распадошася, сія же (Кіево-Печерская) едина Богородица въ вѣкы пребываетъ» (Рук. Патер.). А черноризецъ Поликарпъ свидѣтельствуетъ, что паденіе Ростовской церкви случилось при немъ, когда онъ самъ находился въ Ростовѣ (Сказ. объ Алипіѣ въ рук. Патер.).

(333) Полик. въ Сказ. о преп. Алипіѣ. А св. Симонъ именно говоритъ: «вдаша же (Цареградскіе купцы) и мусію, иже бѣ принесли *на проданіе*, ею же святый олтарь устроиша» (рук. Патер.).

(334) *Фундукл.* Обозр. Кіева, стр. 52. 53.

(335) См. выше примѣч. 333.

(336) П. Собр. Р. Лѣт. I, 89. 129.

(337) Какъ видно изъ словъ Лѣтописца при описаніи нападенія Половцевъ на Печерскій монастырь: «намъ бѣжащимъ за домъ монастыря, а другимъ възбѣгшимъ на *палати*». (—I, 99).

(338) *Симон.* Послан. къ Полик. о Созд. Печерск. церкви (рук. Патер.).

(339) *Мних. Іаков.* Сказан. о чудесахъ св. Бориса и Глѣба по обширной редакціи. То же—Степ. Кн. I, 212.

(340) П. Собр. Р. Лѣт. III, 3. 5. 9. 123. 213. 214.

(341) Св. Симонъ въ началѣ XIII в. писалъ: «суть же *нынѣ свиты* ихъ на полатахъ (на хорахъ) и *книги* ихъ Греческіа блюдомы въ память чудеси» (рукоп. Патер.). Живописцы, всего естественнѣе, могли принести съ собою не другіе свитки и книги, какъ тѣ, которые имъ необходимы были для руководства въ иконописаніи, т. е. подлинники, которые въ церкви Восточной тогда уже существовали и употреблялись (*Didron*, Manuel d'iconogr. Chret. Grecque et Latine, introduction p. XX—XXIX, Par. 1845).

Сильвестръ Коссовъ свидѣтельствуетъ, что даже въ его время (въ XVII в.) еще цѣлы были эти книги Греческихъ иконописцевъ въ Кіево-печерской кладовой (Опис. Кіево-Печер. Лавры, стр. 108, изд. 2).

(342) *Полик.* въ Сказ. о преп. Алипіѣ: «Вземъ же Владимеръ (Мономахъ) едину святую Богородицу, и пославъ въ градъ Ростовъ въ тамо сущую церковь, юже самъ созда, иже и донынѣ стоитъ, ейже азъ самовидецъ быхъ: се же при мнѣ сотворися въ Ростовѣ, церкви той падшися, и та икона безъ вреда пребысть, и внесена бысть въ древяную церковь, яже изгорѣ отъ пожара; икона же та безъ вреда бысть, ни знаменія огненнаго на себѣ имущи.» (рук. Патер.).

(343) Тамъ же и Патер. печатн. л. 97 об.

(344) *Нестор.* въ Житіи преп. Θеодосія.

(345) *Симон.* въ Сказ. объ Еразмѣ: «Бысть черноризецъ, именемъ Еразмъ, въ томъ же Печерьскомъ монастырѣ, имѣа богатство много; и все, еже имѣ, на церковъную потребу истроши, и иконы многы окова, иже и донынѣ суть надъ олтаремъ» (рукоп. Патерик.).

(346) *Марков.* О достопам. Чернигова, въ Чтен. Императ. Москов. Истор. Общ., годъ III, № 1, отд. IV, стр. 9 — 11.

(347) Опис. Кіево-Печер. Лавры, стр. 11 и 83, изд. 2. Самое изображеніе этой чудотворной иконы можно видѣть у *Фундукл.* въ Обозр. Кіева, стр. 66.

(348) *Мурзакев.* Достопам. города Смоленска, въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1846, № 11, стр. 7; *Карамз.* Ист. Гос. Росс. V, примѣч. 386.

(349) *Гр. Толстова,* Древн. Святын. Ростова великаго, въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 2, отд. I, стр. 21. Снес. примѣч. 342.

(350) П. Соб. Р. Лѣт. I, 132. 138; II, 12. 78; *Карамз.* II, примѣч. 383. Слѣд. несправедливо у насъ нѣкоторые смѣшивали икону Владимірской Богоматери и съ иконою Богоматери Пирогощею (Степ. кн. I, 253).

(351) Соф. Врем. II, 295; Степ. кн. I, 534 — 555; Сказаніе о чудотв. иконѣ Богоматери, именуемой Владимірской. М. 1849.

(352) Опис. К.-Печер. Лавры, стр. 32, изд. 2; снес. П. С. Р. Лѣт. II, 33. Копія съ иконы у *Фундуклея*— въ Обозр. Кіева, стр. 66 — 67.

(353) Опис. К.-Соф. Собора, стр. 50, Кіев. 1825. Сказаніе о самомъ чудѣ встрѣчается въ рукописяхъ (Сборн. моей библіот. № 14, л. 141 и др.) и въ печати — при службѣ и акаѳистѣ св. Николаю.

(354) П. С. Р. Лѣт. III, 213. Подробнѣе все событіе изложено въ рукописной повѣсти: «Чудо иже во святыхъ отца нашего Николы, архіепископа Мѵръ Ликійскихъ, бывшее въ великомъ Новѣградѣ о князѣ Мстиславѣ круглою дскою образа его»... и проч. (Сборн. моей библ. № 14, л. 147).

(355) *Снегирев.* Памятн. Московск. древн., стр. 12.

(356) Подробное описаніе этихъ иконъ напеч. въ «Записк. отд. Русск. и Славянск. Археологіи», т. I, от. IV, стр. 21—24.

(357) *Крыжановск.* Кіевскіе Мозаики, въ Записк. Археолог. Общ. VIII, 261—270.

(358) Изображеніе этого креста у *Фундукл.* тамъ же стр. 66 — 67.

(359) *Сементовск.* Кіевскія пещеры, открытыя въ Маѣ 1853 года (Сѣверн. Пчел. 1853, № 216, стр. 863).

(360) Сборн. этотъ въ Импер. Публ. Библ., in Q. № 16 См. л. 376.

(361) *Снегирев.* Памятн. Москов. древн., стр. 91. Тамъ же самое изображеніе оклада Мстиславова Евангелія, стр. 33. снес. 78.

(362) *Снегирев.* тамъ же стр. 36. Достойно замѣчанія, что на эти кресты, въ обличеніе раскольниковъ, указывалъ Патріархъ на Москов. Соборѣ 1682 года. О каменномъ крестѣ пр. Антонія въ Записк. Отдѣл. Русск. и Славянск. Археолог. I, отд. IV, 23.

(363) *Фундукл.* Обозр. Кіева, стр. 90 — 91 и 111.

(364) Вѣрныя изображенія этихъ перстосложеній приложены въ книгѣ: «Облич. неправды раскольническія», л. 20—21.

(365) Бесѣды къ глагол. старообрядцу, стр. 120, изд. 3; *Филар.* Истор. Р. Церкв. I, примѣч. 254.

(366) Бесѣды къ глагол, старообр. 208 — 209. 220; *Питирим.* Пращица, отв. 100. 107; Стихирарь Импер. Публ. Библ. in Q. № 15, л. 51 об.; *Архим. Савв.* Указатель для обозр. Моск. Сѵнод. библ. и ризницы, стр. 142. Москв. 1855.

(367) *Симон.* Сказ. о созданіи К.-Печерск. церкви (рукоп. Патер.): «и мощи святыхъ (семи поименованныхъ) подо всѣми стѣнами положени быша, идѣже и сами написаны суть надъ мощьми по стѣнамъ»....

(368) Чети-Мин. 4 Декабря. Опис. К.-Соф. Собора, стр. 49.

(369) Никон. Лѣтоп. I, 192.

(370) *Нестор.* въ Сказ. о житіи и чудес. св. Бориса и Глѣба; *Мних. Іаков.* въ такомъ же Сказаніи; П. С. Р. Лѣт. I, 78; V, 146; Никон. Лѣт. I, 165; Степ. кн. I, 205.

(371) Несторъ въ лѣтописи именуетъ, кромѣ Митрополита, только двухъ епископовъ: Переяславскаго и Юрьевскаго; но въ житіи св. Бориса и Глѣба самъ же выразился: «и събра Митрополитъ *вся* епископы и вся церковники, идѣже бѣста рацѣ святою, хотя пренесеніе сътворити». Потому вѣроятно показаніе мниха Іакова и позднѣйшихъ лѣтописей, что при этомъ находились также епископы: Черниговскій и Бѣлгородскій.

(372) Въ Житіи св. Бориса и Глѣба Несторъ влагаетъ при этомъ въ уста Митрополита слѣдующія слова: «прости мя, Господи, яко съгрѣшихъ, невѣрьствовахъ къ Святыма Твоима, и помози невѣрованію моему: се бо вѣрую во истину, яко свята еста страстотерпица Твоя».

(373) Нельзя здѣсь опустить безъ вниманія то, что Несторъ въ своей лѣтописи повѣствуетъ объ изложенномъ нами событіи совершенно согласно съ мнихомъ Іаковомъ, хотя разсказъ послѣдняго нѣсколько подробнѣе, какъ потомъ повторяютъ то же и позднѣйшія лѣтописи. Но въ своемъ сказаніи о житіи и чудесахъ св. Бориса и Глѣба Несторъ отчасти разногласитъ и съ мнихомъ Іаковомъ и съ своею лѣтописью. Онъ именно говоритъ, будто еще до перенесенія мощей изъ старой церкви въ новую, какъ только пришли въ первую, открыта была рака св. Бориса, распространившая благоуханіе, и Митрополита объялъ ужасъ; будто еще въ этой же старой церкви Митрополитъ взялъ руку не Глѣба, а Бориса, и благословлялъ ею себя, князей и всѣхъ, и будто потомъ уже перенесли раки Угодниковъ въ новую церковь. Сказаніе лѣтописи, какъ сочиненія позднѣйшаго, гдѣ Несторъ могъ поправить себя, мы предпочитаемъ въ настоящемъ случаѣ, — тѣмъ болѣе, что открывать раку св. Бориса (деревянную) въ старой церкви вовсе не было побужденія, а открыть ее въ новой церкви было необходимо, чтобы переложить мощи во вновь приготовленную каменную раку. Да и благословлять всѣхъ рукою Угодника было естественнѣе уже по перенесеніи св. мощей на новое мѣсто.

(374) П. С. Р. Лѣт. I, 127; II, 6; V, 155; Никон. Лѣт. II, 50. Подробнѣе — *Мних. Іаков.* въ Сказ. о чудесахъ св. Бо-

риса и Глѣба по обширной редакціи и то же въ Степ. Кн. I, 209 — 213.

(375) Лѣтопись не именуетъ Мины Полоцкаго (— II, 6), а мнихъ Іаковъ — Никиты Бѣлогородскаго. Изъ игуменовъ, по лѣтописи, здѣсь присутствовали: Прохоръ Печерскій, Силвестръ — св. Михаила, Савва — св. Спаса, Григорій — св. Андрея, Петръ Кловскій и «прочіи игумени» (— II, 6). Мнихъ Іаковъ присоединяетъ къ поименованнымъ еще Өеофила — игумена св. Димитрія.

(376) П. С. Р. Лѣт. I, 89 — 90. 120.

(377) Праздникъ 3-го Мая показанъ еще въ мѣсяцесловѣ при Евангеліи 1144 года (Опис. Славянск. рук. Сѵнод. библ., отд. I, стр. 208. 263). Оба праздника упоминаются въ мѣсяцесловѣ XIII вѣка; но, къ изумленію, праздновать перенесеніе мощей св. Өеодосія здѣсь положено не 14 Августа, а, неизвѣстно почему, 31 Мая (*Востокъ*. Опис. Рум. Муз. стр. 405).

(378) П. С. Р. Лѣт. II, 12 и Печерск. Патерик.

(379) П. С. Р. Лѣт. II, 277; III, 213; Никон. Лѣт. I, 191; Степ. кн. I, 228.

(380) См. выше примѣч. 266. Снес. Опис. Славянск. рукоп. Москов. Сѵнодал. библ. I, стр. 208. 263.

(381) Въ словѣ, между прочимъ, читаемъ. «и отъидоша отъ града Мирьска мѣсяца Апрѣля въ 11 день, и доидоша Бара града мѣсяца Маіа въ 9 день, а въ день недѣльный, а въ годину вечернюю. Видѣвше же Баряне, яко придоша отъ Миръ съ мощми святаго Николы, и събрашася, и изыдоша вси граждане въ срѣтеніе ему, мужи и жены, отъ мала и до велика, съ свѣщами и стемьяномъ, и пріаша й с радостію и съ великою честію, и положиша й въ церкви святаго Іоанна Предтеча при мори. Да послушаите, братіа, молю вы, колико сътвори чюдесъ святый Николае, дошедъ града Барска; въ недѣлю бо вечеръ приде, и заутра в понедѣльникъ исцѣли 40 и 7 больныхъ различными недугы и болѣзньми, — ины главою, а другыя очима, другыя сердцемъ и чревною болѣзнію или всѣмъ тѣломъ, и стражющихъ отъ духъ нечистыхъ; а въ 3 день въ вторникъ исцѣли 20 и 2 больныхъ, а въ среду исцѣли 20 и 9 болящихъ; въ четвергъ же заутра рано ицѣли у юношу, глуха и нѣма суща, имуща уже 5 лѣтъ в недузѣ томъ. И по семъ явися святый Николае нѣкоему черноризцю духовну глаголя тако: яко волею Божіею пріидохъ къ вамъ въ страну сію. В день суботный, а въ часъ 9 пріаша ицѣленіа 10 и единъ человѣкъ, еще же и по вся дни тво-

ритъ чюдеса святый Николае, якоже се источьникъ кипя, и коньцз не имый. Многа же дяяніа приношааху къ святому, — злато же и сребро и ризы многоцѣнныа. Видѣвше же гражане преславная его чюдеса, възрадовашася радостію великою зѣло, и создаша ему церковь, преславну и велику сущю, и красну, въ имя святаго и преподобнаго отца нашего Николы. Скова же ему раку сребрену; и въ третее лѣто принесеніа его отъ Миръ, и послаша и къ Римскому папѣжеви Герману, яко да пріидетъ съ епископы своими и съ всѣмъ клиросомъ своимъ церковнымъ, и да перенесутъ мощи святаго Николы, якоже и бысть; и пріидоша, и взяша мощи святаго, и вложиша я в раку сребреную. И вземше и̓ епископи с вельможами ихъ, и несоша и̓ въ новую великую церковь его, и положиша и̓ подъ олтаремъ въ скровенѣ мѣстѣ мѣсяца Септевріа въ 29 день. Перенесоша же ветхій гробъ его, въ немже бѣ перенесенъ отъ Мѵръ, и поставиша и̓ въ церкви, и положиша же кости руку его мощій его; и многъ народъ людій, приходяще, покланяхуся и цѣловаху мощи его и раку святаго. Римьскій же папежь Германъ и епископи вси и гражане вси и людіе вси праздникъ сътвориша въ тъ день и похвалу, юже творятъ въ той день святому людіе вси и до сего дни. Яша же и пиша, и веселишася въ тъ день, и многа дааніа дяяше убогымъ, и тако отъидоша въ домы своя с миромъ, хваляще и славяще Бога, и святаго преподобнаго Угодника Его Николу» и проч. (Сборн. моей библ. № 69, л. 14 об. — 16). Въ спискѣ Румянц. Муз. № 435, вмѣсто 29 Сентября, показано 9 Сентября, а въ Сборн. моей библ. №№ 2. 4. 14 — 9 Мая.

(382) Надобно замѣтить, что на основаніи этого слова, только по спискамъ наиболѣе измѣненнымъ, составлены и извѣстныя сказанія о перенесеніи св. мощей святителя Николая изъ Мѵръ Ликійскихъ въ городъ Баръ, вошедшія въ составъ Пролога и Чети-Минеи подъ 9 ч. Мая.

(383) Именно: въ лѣтоп. Густинской — 1087, въ третьей Новгородской — 1088, въ Никон. и Степ. книг. — 1089; въ спискахъ слова — моей библ. № 69 — 1095, №№ 2 и 4 — 1096. А въ спискѣ Рум. Муз. № 435 сказано: «въ тысящное лѣто *9-сотное* отъ воплощенія самаго Бога». Девятьсотное не есть ли описка вмѣсто девяностое? Наконецъ, въ спискѣ моей библ. № 4 еще болѣе грубая описка, — написано: «въ тысущное бо и въ 26 лѣто (не вмѣсто ли 96?) отъ воплощенія самого Бога». Судя потому, что въ разныхъ спискахъ одного и того же слова годъ

перенесенія мощей св. Николая показанъ различно, можно думать, что въ подлинномъ спискѣ годъ этотъ не былъ вовсе означенъ, а уже переписчиками внесенъ въ слово по догадкамъ.

(384) *Fleurii* Histor. Eccles. t. XV, ad ann. 1087, p. 542 — 548, ed. 1761.

(385) Наприм. Штилтингу (de convers. et fide Russor. in Act. SS. Septembr. t. II), Кулѣшу (Wiara prawosławna..., ed. 1704) и другимъ западнымъ писателямъ, ревнителямъ папства; а изъ нашихъ — самому Карамзину (Истор. II, стр. 104, изд. 2).

(386) Изъ всѣхъ лѣтописей одна только Никонова упоминаетъ объ имени нашего Митрополита, при которомъ совершилось перенесеніе мощей святителя Николая, и называетъ этого Митрополита Іоанномъ (— I, 191). Что же касается до мнѣнія, будто праздникъ 9-го Мая установленъ у насъ при Митрополитѣ Ефремѣ: то оно основывается только на каталогѣ Россійск. Архіереевъ (*Карамз.* II, примѣч. 161), составленномъ въ позднѣйшее время и не чуждомъ многихъ ошибокъ. Составитель древнѣйшаго каталога нашихъ Митрополитовъ, Захарія Копыстенскій говоритъ напротивъ въ статьѣ о Митрополитѣ Ефремѣ: «аже бы за того Ефрема, праздникъ перенесія мощей св. Николы въ Баръ, мѣлъ быти приніатый въ Россіи, до того часу не читалемъ нигдѣ, то есть, которого бы року въ Россіи той праздникъ свіаченъ быти постановленъ былъ: кгдыжъ, моимъ зданемъ, фалшъ то есть, абде Урбанъ вторый папежъ тое свіато святити установилъ, поневаже свіата того и Римскій костелъ не заховуетъ» (Палинод. ч. III, разд. II, артик. 1).

(387) Даже въ лѣтописяхъ Баронія не упоминается объ учрежденіи этого праздника (см. t. XI, an. 1087 — 1096). А Флёри пишетъ: in martyrologio quidem haec translatio commemoratur, sed in nostris partibus nec festum, nec officium recitatur (*Fleurii* — Hist. Eccles. t. XV, p. 548, ad an. 1087).

(388) *Nil. Doxopatr.* apud *Allat.* De eccl. occid. et orient. perpetua cons. lib. I, cap. 25, p. 414—415. См. такъ же списки епархій, подвѣдомыхъ Константин. Патріарху, Императора Андроника 1282.

(389) См. выше примѣч. 353. Въ Сказаніи объ исцѣленіи святителемъ Николаемъ Новг. князя Мстислава въ 1113 г., между прочимъ, повѣствуется: «слышавъ же о чудесѣхъ великаго архіерея и чудотворца Николы, бывшихъ во времена та въ Барстѣмъ градѣ, егда пренесены честныя его мощи тамо изъ Мѵръ; къ тому же и

во градѣ Кіевѣ *во оны же дни* чудо той великій Отецъ сотвори: утопшее отроча предъ образомъ своимъ въ церкви святыя Софіи обрѣсти дарова, мокротѣ воднѣй отъ него истекающей; сими увѣривcя, князь той, и по призваніи многихъ святыхъ въ цѣлбу свою, призва въ помощь сего преславнаго чудотворца, великаго архіерея Николу» (Сборн. моей библ. № 14, л. 147). Другое чудо святителя Николая, во дни того же вел. кн. Всеволода I, случилось надъ одною женщиною изъ Дорогобужа и записано современниками (*Нест.* въ Сказ. о чудесахъ св. Бориса и Глѣба, и *Мних. Іаков.* въ такомъ же сказаніи).

(390) П. С. Р. Лѣт. III, 212.

(391) При Евангеліяхъ: Остромировомъ и Мстиславовомъ. А при Евангеліи 1144 г. помѣщенъ даже мѣсяцесловъ *полный*, обнимающій всѣ дни года (Опис. Слав. рукоп. Моск. Сѵнод. библ. I, стр. 208. 262).

(392) См. выше въ отдѣлѣ: «Дух. просвѣщеніе, ученіе и письменность».

(393) См. посл. преп. Ѳеодосія о вѣрѣ Варяжской, такъ же посланія противъ Латинянъ М. Георгія и Никифора.

(394) Припомнимъ, какъ записалъ имена Русскихъ князей для поминовенія у гроба Господня игуменъ Даніилъ.

(395) Ѳеодосій въ посл. о вѣрѣ Варяжской; Митрополиты: Георгій и Никифоръ — въ посл. противъ Латинянъ.

(396) Посл. М. Іоанна II къ папѣ Клименту.

(397) См. выше примѣч 69.

(398) См. выше разборъ означенныхъ сочиненій.

(399) См. посл. противъ Латинянъ преп. Ѳеодосія и Митрополитовъ: Георгія, Іоанна и Никифора.

(400) *Иларіонъ*, въ своемъ Исповѣд. вѣры; П. Собр. Р. Лѣт. I, 119; II, 3.

(401) *М. Іоанн.* Прав. Церковн. къ Іакову черпор., пр. 31, въ Русск. Достоп. I, 101.

(402) П. С. Р. Лѣт. I, 81.

(403) *Нестор.* въ житіи преп. Ѳеодосія и въ Сказ. о чудесахъ св. Бориса и Глѣба; *Мних. Іаков.* въ такомъ же сказаніи; *преп. Ѳеодос.* въ своихъ поученіяхъ.

(404) Такъ, Михайловская церковь въ Выдубицкомъ монастырѣ освящена (въ 1088 г.) Митрополитомъ Іоанномъ, а великая Кіево-Печерская церковь освящена (въ 1089 г.) тѣмъ же Митро-

политомъ съ епископами: Лукою Бѣлгородскимъ, Исаіею Ростовскимъ, Іоанномъ Черниговскимъ и Антоніемъ Юрьевскимъ (П. С. Р. Лѣт. I, 89). Сходство же тогдашняго чина освященія церквей съ настоящимъ видно изъ сказанія св. Симона о томъ, какъ происходило освященіе этой «небеси подобной» церкви (см. рукоп. Патер.).

(405) П. С. Р. Лѣт. I, 88. 93. 94; II, 10.

(406) Доп. къ Акт. Истор. I, стр. 3.

(407) *Архим. Саввы* — Указат. къ обозр. Моск. Сνнод. ризницы и библ. стр. 143; такъ же Бесѣд. къ глаголем. старообрядцу, стр. 253, изд. 3.

(408) Этотъ Кондакарь, который мы имѣли подъ руками, озаглавленъ: «Кондарь съ Богомъ починаемь». Писанъ на плотномъ пергаминѣ въ 4-ку мелкимъ уставомъ. Помѣченъ не по листамъ, а по тетрадямъ внизу у корешка буквами. Нѣсколько листовъ въ немъ потеряны, а всѣхъ уцѣлѣвшихъ, какъ показываетъ позднѣйшая помѣтка, 130. Въ слѣдствіе потери листовъ нѣсколько кондаковъ въ немъ на Декабрь, Генварь и особенно на Августъ, начиная со втораго числа до конца мѣсяца, недостаетъ. Мѣсяцесловъ, по которому расположены кондаки въ первой части, почти ничѣмъ не отличается отъ нынѣшняго, кромѣ того только, что въ первомъ показаны: подъ 10 числомъ Ноября память Мины, подъ 16 того же мѣсяца память Евпатія и подъ 16 Мая память пророка Захаріи. Самое позднее событіе, внесенное въ этотъ мѣсяцесловъ, есть 3-е обрѣтеніе главы св. Іоанна Крестителя (842 — 857). Праздникъ Всемилостивому Спасу 1-го Августа, установленный въ XII в., не показанъ, хотя кондакъ на это число есть.

(409) Объ азматикахъ или о *пѣсненномъ* послѣдованіи вечерни и утрени, нѣкогда употреблявшемся въ церквахъ восточныхъ, подробно говоритъ св. Сνмеонъ Солунскій, хотя у него не находится собственно того чина или тѣхъ псалмовъ, какіе изложены въ нашемъ Кондакарѣ (см. его Разговоръ о священнод. и таинствахъ церковн. гл. 266. 309. 311 — 314, стр. 403. 442. 480 — 490, въ Русск. перев. Спб. 1856). Отъ кондака преп. Θеодосію уцѣлѣло одно слово: *Θеодосія*, стоящее въ самомъ началѣ на л. 41, тогда какъ предшествовавшіе листы, одинъ ли или два, потеряны. А что дѣйствительно это слово есть конецъ бывшаго кондака Θеодосію Печерскому: видно изъ того, что на предыдущемъ, сохранившемся листѣ помѣщенъ кондакъ подъ 2 числомъ Мая св. Аθанасію

великому, а вслѣдъ за словомъ: *Өеодосія* на л. 41 слѣдуетъ кондакъ подъ 5 числомъ Мая св. Ирины. Явный знакъ, что на потерянномъ листѣ находился кондакъ тому Өеодосію, которому церковь празднуетъ 3-го или 4-го Мая, и слово: *Өеодосія* есть окончаніе послѣдняго кондака. Но 3-го Мая празднуется память именно нашего преп. Өеодосія Печерскаго (а 4-го Мая не празднуется никакому Өеодосію), и кондакъ его, донынѣ употребляющійся въ церкви, точно оканчивается словомъ: *Өеодосія.* Отсюда то и опредѣляется, что Кондакарь могъ быть написанъ не прежде конца XI или начала XII вѣка, когда преп. Өеодосій прославленъ. Кондаки св. Борису и Глѣбу помѣщены въ Кондакарѣ на л. 52—53, и читаются такъ:

S. 199 «М҃сца того въ 24 му^ч Борис и Глѣба ко҃ гла҃ 3 по҃. Два҃ днь҃.

Въсия дьньсь преславьная памать ваю, мученика Христова, Романе и Давыде, съзывающи насъ на похваление славѣ Христа Бога нашего; тѣмь и притекающе къ рацѣ мощии ваю, ицѣленія дары приемлемъ: вы бо Божьствьная врача еста.

в^т т^жму гла 8. по҃ Аще и въ гр...

Аще и убьена быста и въ гробѣ положена, нъ на вышьнее цьсарьство приступиста, и копиемь насоунуша, се другаго акы агньца незълобива ножьмь заколоша; тѣмь и кръвь ваю бысть ицѣление миру, ваю призывающе, святая, на помощь».

(410) Вообще ноты этого Кондакаря имѣютъ сходство съ нотами Греческихъ книгъ X — XII вѣка, напеч. въ концѣ книги: De cantatu et musica sacra... a Martino *Gerberto*, t. II; tabul. VI; но имѣютъ и свои особенности, какъ-то рѣзче, многосложнѣе и крупнѣе; написаны большею частію не вкось надъ буквами текста, а въ прямомъ направленіи, какъ и самыя буквы текста. Надъ нѣкоторыми кондаками, впрочемъ весьма не многими, нотъ не надписано.

S. 200 (411) Вотъ примѣры растянуности и вмѣстѣ употребленія музыкальныхъ знаковъ: «*алъ*ньнаааненьнанѣтанѣгиянѣтапанѣвианѣааленнаанѣтанегиянѣтананѣнианееннее*лугиа*». Это одно слово: *аль-лугіа!* (л. 116). Или: «*Христосъ въскр*ььнепанѣхеѹееееееесееанѣихихихихіиигиз *мь*ѹьььььь*ртвыихъ*ѹъъъхъхънъхъъаанѣаанаи». Это три слова: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!* А вотъ начало ипакои на Воздвиженіе по-Гречески и по-Славянски для сравненія числа слоговъ: σημερον το προθητηκον πεπληροτε λογον: ηδου γαρ προσκυνουμεν... Дьньсь пророчьское събысться слово: се бо покланяемся... (л. 84).

(412) Значится по каталогу Толстов. отд. II, № 1.

(413) Эта Минея, какъ относящаяся къ XI в., упоминается подъ именемъ *мѣсячной*, г. Востоковымъ во введеніи къ грамматикѣ при Остромировомъ Евангеліи.

(414) Рукоп. Импер. Публ. Библ. въ листъ, отд. I, № 36. Вотъ нѣкоторыя пѣсни изъ нея: «Пѣ̃ д̃. ирмо̃. Пришьствова отъ дв̃ы не ходатаи, ни англъ, нъ Ты самъ Гь въплътися, и спасе вьсего мя человѣка; тѣмь въпию ти: слава силѣ Твое (л. 6 об.). Пѣ̃ е. Ходатаи Бо̃у и члвкомъ бысть Хе̃ Бе̃; Тобою бо, Влко, къ свѣтоу начальникоу Оцю̃ ти отъ ношти невѣдѣнию прѣведѣние обрѣтохомъ, яко роса Божию (л. 7). Пѣ̃ ѕ. Въ бездьнѣ грѣховьнѣ одьржиимъ неислѣдьноу милосрьдию твоего призываю бездьноу: отъ тьля, Боже мя изведи, чоудесъ дарование приимъ (л. 7 об.). Пѣ̃ и̃. Пешть огньна иногда въ Вавилонѣ дѣтели раздѣляше, Бжиимь велѣниимь халдея опаляюшти, вѣрныя же прохлажаюшти и поюшти: блгслвте вься дѣла Господьня Га̃ (л. 9). Ка̃н. гла̃. е. пѣ̃. а. ирмо̃. Коня и въсадьникы въ море чьрмьное съкроушаяи брани мышьцею высокою Хс̃ъ истряслъ есть, Изл̃я же спсе, побѣдьноую пѣснь поюшта (л. 13 об.)».

(415) Подъ такимъ именемъ упоминаетъ о немъ черноризецъ Поликарпъ въ XIII в. (Сказ. о пр. Никитѣ затворникѣ въ рукоп. Патер.).

(416) Полная служба преп. Ѳеодосію печерскому сохранилась въ Минеи мѣсячной за Май, Москов. Сѵнод. библ. XII в., № 166. А отдѣльныя стихиры Преподобному находятся въ нѣскольких стихирарях XII в. (Моск. Сѵнод. библ. №№ 572. 279). Мы представимъ здѣсь стихиру Преподобному изъ стихираря Новг. Соф. библ., писаннаго при епископѣ Аркадіѣ: «Придѣте сътьцѣмъся вьси къ чьстьнѣи памяти отьца нашего Ѳеодосия; тъ бо отъ уности зъвание свыше приятъ: отъ иерѣя бо богодатьныи намъ даръ; тѣмь бывъъъъхъхъхъъъъъъъ Христолюбивыимъ княземъ яко учитель правыя вѣры, вельможемъ твьрдое защищение, сирымъ яко отьць милосьрдъ, вьдовицамъ же яко теплое заступление, скърбящиимъ утѣшение, нищимъ съкръвище, мьнишскуумуже лику лѣствица възводящи на высоту небесьную, вьсѣмъ же къ нему притѣкающемъ яко источьникъ приснотекущия воды, ея же насъ сподоби въкусити, Христе Боже, по велицѣи Твоеи милости». (№ 12, л. 97).

(417) См. выше примѣч. 11; Степ. кн. I, 224. Снес. *М. Ев-*

генія — Разсужд. о древне-хр. Богосл. и пѣніи и особенно о пѣніи Росс. Церкви, М. 1817; *Сахаров.* Изслѣд. о Русск. церковн. пѣснопѣніи (Ж. М. Нар. Просвѣщ. 1849, № 7 и 8).

(418) П. С. Р. Лѣт. I, 80; Труды Моск. Истор. Общ. IV, 122 — 130.

(419) На хоръ пѣвчихъ при Новгор. Софійскомъ Соборѣ, по видимому, указываютъ слѣдущія слова лѣтописи: «бысть знаменіе, Новѣгородѣ, въ святѣи Софіи отъ грома, мѣсяца маія въ 14, въ часъ 10: вечерню поющимъ, единъ отъ дьякъ зараженъ бысть отъ грома, а клиросъ въсь съ людьми падоша ници, нъ живи быша» (П. С. Р. Лѣт. III, 4). Выраженіе: *клиросъ въсь* заставляетъ предполагать не двухъ только или трехъ, а многихъ пѣвцовъ, стоявшихъ на клиросѣ.

(420) Несторъ выражается: «идѣже есть дворъ деместниковъ за святою Богородицею надъ горою».... П. С. Р. Лѣт. I, 23.

(421) П. С. Р. Л. II, 14.

(422) *Мних. Іаков.* въ Сказ. о чудес. св. Бориса и Глѣба; Степ. кн. I, 213; П. С. Р. Лѣт. II, 22.

(423) *Снегирев.* Памятн. Москов. древн. 35 — 36; Записк. отд. Русск. и Славян. Археол. I, отд. IV, 23. Въ житіи преп. Антонія говорится, что онъ досталъ изъ своей бочки «сосуди церковніи злати и сребряніи, и хрусталніи потири и блюда, и иная многая отъ священныхъ вещей церковныхъ, и злато и сребро отъ имѣній родителей» (Сборн. Новгор. Соф. библіот. № 758, л. 260 об.).

(424) *Метафраст.* Опис. Новгор. Соф. Собора, стр. 56.

(425) П. С. Р. Лѣт. II, 27; III, 2; *Нестор.* въ житіи преп. Θеодосія.

(426) «И приста камень, на немже преподобный стоя и моляшеся, при брезѣ великія рѣки, нарицаемѣй Волхова, на мѣстѣ семъ в третьюю стражу нощи, в селцы, еже пменуемо Волховскомъ. И во время заутреняго пѣнія начаша во градѣ звонити к заутренему пѣнію; и услыша преподобный звонъ великъ по граду, и стояше во страсѣ многѣ и в недоумѣніи отъ страха же начатъ быти в размышленіи» (Сборн. Новг. Соф. библ. № 758, л. 251).

(427) П. С. Р. Л. I, 70. 85. 86. 88. 93. 94 и друг.

(428) Тамъ же I, 91.

—

5. КЪ ГЛАВѢ ПЯТОЙ.

(429) Нѣсколько такихъ отвѣтовъ помѣщено въ нашей старопеч. Кормчей, на-прим., гл. 53. 54. 58. Но гораздо больше ихъ можно видѣть у *Леунклавія*, Jus Graeco-Roman. lib. V et VI.

(430) Церковное правило или Посланіе Митрополита Іоанна напеч. въ Русск. Достоп. I, 86. Но мы пользовались такъ же четырмя списками этого посланія, помѣщ. въ рукописн. Кормчихъ: Румянц. Муз. № 231, л. 309; № 235, л. 259; № 238, л. 385, и Новгор. Соф. библ. № 437, л. 308. Герберштейнъ помѣстилъ въ своей книгѣ изъ этого посланія только 20 правилъ, и то въ сокращеніи (Rerum Moscow. Comment. p. 24, Francof. 1600). Такъ какъ напечатанный списокъ посланія имѣетъ значительные недостатки, то мы напечатаемъ посланіе вновь, принявъ въ основаніе списокъ Рум. Муз. № 235 и показывая въ скобкахъ варіанты къ нему изъ списка того же Музеума № 231 (Новгородскій списокъ почти во всемъ сходенъ съ этимъ послѣднимъ, а списокъ Рум. Муз. № 238 представляетъ неважные варіанты). При этомъ позволимъ себѣ сдѣлать новое раздѣленіе посланія на частныя правила, соотвѣтственно ихъ содержанію.

«Іоанна, митрополита Руского, нареченаго проком (пророком) Христа, написавшаго правило церковное вократцѣ от святых книг Іакову черноризцу(ю).

1) Во(ъ)просилъ еси, яж (якож) нову родившус дѣтищу, аще(—) болно будет, яко не могущу (мощи) ни ссати матере, пріати ли(—) достоитъ его крестити? Рекохомъ(—), якож здраву (здоровому), во третее лѣто или боле повелѣша святіи отци ждати повелѣша(—). Незапныа(ных) ради смерти (въсхыщеніе смертное), і мнѣ сего времени(мя) не оставихом (обрѣтаем) повелѣваем(ющу). А иже отнюд болен, осмыи (восемь) день повелеваем(еть) і боле сего; малы даж (даждь) не отыдут не свершени; сим младенцем вопьже (въ 8) день іли смерть належить незапнаа, іли кій час, креститиж болнаго сего дѣтища.

2) Достоит (доилици ино) і необретающес, якож вопросил еси, овож (оже) за м҃ дней (четыре денъ) і нечисту сущу матерь, да не без кормли (скормли) умрет младенцем(нець), достоит ли матерь (свою) ссати? Лучше бо оживити, нежели многим удержаніем уморити.

3) А еж емлемыа животны (животины) от пса (ли), или(—)

от звѣри (ли), іли от орла, іли от іноа птица, і (а) умирает, аще не зарѣзано будет человѣком, якож Бежественіи отци повелѣша, не подобает ясти. Прилежи пач закону, нежли (неже) обычаам (обычаю) земли. Тож і (тѣже бо) соблюдеши звѣроядным.

4) А (и) сіи, иже опри(рѣ)снокомъ служат, і в сырную недѣлю мяса ядят, і кров (—) і давленину, сообщатис с ними, іли, служити не подобает; ястиж сними нужду Христовы сущу любве ради (не) отнюд возбранено; аще кто хощет сего убежати извѣт имѣа чистоты ради іли немощи отбѣгнет; блюдѣтеже (же) са, да не соблазнь (не блазнъ от) сего, іли вражда велика і злопоминаніа родиться (родить), і подобает от болшаго зла изменити (изволити и) меншее.

5) Иж непричащаются крайцех (крацѣ их) во Рустей земли, якоже сіи (и си) рекль, і во великое говѣніе мяс ядят і скверное, подобает всяким образом направля(ва)ти и возбраняти (възбранити) ту злобу, наказаніем и ученіем возвращати на правовѣрное ученіе, і погружаніем (небреженіемъ яко не христіане (христіанину) сущу, да тѣм страхом (състуженіемъ) остануться тоа злобы, і на вѣру благообразную приложатся. Пребывающеж (ющу) тако, и не преложащус, не даяті (пріяти) ім святаго причастіа (щеніа), но яко всяког (—) іноплеменника, воистину (и) вѣре нашей противника, поставити и̂ во свою волю ходити.

6) Тож сотвори (сътвори)ти, иж без студа и без разума (срама) иж (—) двѣ женѣ імѣють, кромѣ сеа (сеи) нашеа вѣры і греческо(е) благовѣрное (благовѣрьство) житіе (а).

7) Иже волхвована(і)а и чароданіа творяща, аще мужу и женѣ, словесе(сы) наказаніем показати, і обратити от злых; якож от зла непреложни (пре)будут, яро казнити на возбраніе (възбраненіе) злу, но не до смерти убивати, ни обри(ѣ)зати сих телесе(ъ); не бо пріимает церковное наказаніе ученіа.

8) Иже по Христови любви (и) утешеніе (и) архиереа(я) і нового по заповеди его (иного власть заповѣди его) і по повеленію написаа (написана) невозбранну служити (служити или служити невъзбранно), но і повеленіе (ное) достоит комуждо своа обидити (своеа правды взособидѣти); иж бо кроме своеа милости (власти) еретическо сотворити (что творити) чужей соборной (чужь и съборной) бо вина творити творящему, егда своеволство без студа и без повеленіа самоземца архиереа (и) се (сеи) творити.

9) А іже во пѣніи: воскресни Господи, і всяко дыханіе, і во аллилуіа (и), і прокимнь вечерній церковны (ных) іереом і архие-

реом сѣдати; бѣлцем или простцем никакож, аще ли (—) князь, іли пророкь будет.

10) Іли по діаконех на прочее потщится никакож поставити, дондеже ся оженит; по поставленіи же поимающе жены погубляют чин свой; а иж преж сотвореніа (сътвореная), аще хощет (а хощеши), по искушеніи расмотрит (ти).

11) Святуюж (тую) трапезу древяну сущу (и) честныа (я) кресты іконы (и иконъ) святых (честныхъ), аще будут (будть) ветхи (ы), і Божественыа іконы, никакож імѣюще таковых, не поврещи, но построивати, аще будут велми ветхи іконы (постраивати а не отврещи аще отынуд ветхо будеть и Божественыя иконы никакож имѣюще) восписаныхъ (вписаных) образ святых во (в)мѣстѣх оградных іли иных (инѣх) честных, где ни человѣкь, ни ино что животно (животинъ) пометаемо (потаемо) скверно, іли (—) не чисто пометаеми (—), да (—) тамо (—) погребуться со всякимъ (кымъ) храненіем (ъ); лучше (луче) бо воздержтис (съдрьжати) сих і построивати (постраивати), да не явимьс (да не явимся) обидяше (щи) сих Божественных и честных, иж (е) нужа паче інѣхъ чтити (честити). Ідеж (идѣже) якож (—) реч представляютьс (тся) (древяныя) церкви (и) іны древяны (—), на том мѣсти (ѣ) не поставляются (не ставляются), мѣсто внемьж (внемже) паки (—) олтар(ь), внемьж (идѣже) творяще жертву (тайна творяшеся), оградити і неприкосновенно (вену) хранити, яко святое (свято) и честное, да (егда) не от нужда (нужа пріимаху священіе, і нечистотѣ (нечестнѣ) святаа попе(и)раются.

12) Мужа, отлучившас от своего подружіа мнишескаго ради житіа, аще отлученаа от него жена со інѣм сочтас (съчтаеться), не подобает ему возбранену (не възбраняеться ѐму на) быти (—) іере(ѣ)иство пріити; ни чтож (бо) со(ъ)грѣшиши, по иж сія (сю) пач (печаль) поимет, сему не возбранити іереиства; аще были мысли, нынѣ хощет пріити (пріати).

13) И ож (иже) дщер благороднаго (благовѣрнаго князя даати за мужа на (во) іну страну, иж (і идѣ) служат опри(ѣ)сноки і скверноядеиіа не отметаютьс, не достоіно есть (зело) і не (преподобно зело (—). Благовѣрныи (—) бо (—) ест (—) Божіею (—) благодатію (—); благовѣрныи (—) бо (—) ест (—); сіа (правовѣрнымъ се) творити своим дѣтем сочтаніа Божественны устав і мирскій законы возбрани (—); иж поимаются, тоиж (яж) вѣры благовѣрство велит (повелѣваетъ) поимати; ибо (—) поиманіе (—) бо

(—) Божественное (—) і человѣчеству (—) повелѣніе (—) общеніе (—) і сочтаніа (—).

14) Служебником іереом иж облачаютьс от (въ) порты(ъ) і огодній от кож животных, от них же (ихже) ядят, іли (и) не от (—) снѣдных, великіа ради вины (—), рекше (—) зимы, никакож (—) не во(ъ)збраняем, не во грецех (въ грекохъ), ни во(въ) руси студени (ради).

15) I еж жрут бѣсом и болотом и кладезем (колодезем), иж ся поимаютъ без благословеніа сочтаніе, и много (—) поиамают (—) от (—) жены, иж (—) отметаютьс, иж(и) своих (свои) жень (жены) пущают і прилепляются инѣм, иж непріемлют святых таин ни единою лѣтом, аще не от (—) своего (—) отца духовнаго связани будутъ, не причащатис: ты вѣси яви тѣмь всѣмъ чужем быти нашеа непорочныа (—) вѣры, і отвержены отъ со(ъ)борныя церкви, и всею силою возбранити потщис, (и) направляти і приложити (—) на правую вѣру, імѣ к ним наказаніе і поученіе не единою, ни дважды, но различи(ь), дондеж увѣдают и разумѣют воистину, добре научитис (и добру научятся). Не покарящиж (ющежеся и) своеа злобы не остануще (чися), чужи(а) имѣти от со(ъ)борныа церкви (е), и наших заповеди (ей) недостоины і непричастны (и).

16) Іже сходяще (сходя) ко (къ) мирским пиром (—), і пют (піють) іерейску чину повелевают святіи отцы Божественіи (—), і (—) благообразни(ѣ) і со(съ) благословеніем пріимати предлежащее іграніе (и) плесаніе (и) гуденіе воходящих (щомъ) абие (—) во(въ)стати сим, да не осквернит (нять) им чувства ихъ (—) виденіем и сла(ы)шаніем призираті ихъ (—) по отеческому (очьскому) повеленію, да (—) не (—) (им) отнуд отмѣтатис от (—) тѣх пир(овъ), і соблазнь великь вражда (или въ то время отходити аще будеть съблазнъ) не смирена пщеваніе висит (мнится).

17) Іже третію жену понял і благословил іерей вѣдаа і не вѣдаа, отвержен будет (да извержется).

18) От іноа власти мниху (—), іли презвитеру (—), іли діакону (—) без повеленіа (всякому служебнику) самоземльца (земъца) архіереа служити (святыни) уставили (—) святіи (—) правила возбраняють; по (—) воли (—) сих (—), і по повеленію (же сих) творити службу, нѣсть (—) возбранено (—).

19) (А) іже ядят с погаными по невиденію (не вѣдая), осквернившес (—), молитву творят на оскверненіе то, і тако(ъ) пріимати достоит.

20) Матерьж крестимых дѣтей аще болни будут и поститис не могут, отдавают отци, да не постом великим изнемогут, и свои погубляют (бять) живот.

21) Іже свое подружіе оставля(вя)юще і инѣх поемлюще (и поимаа инѣхъ), також и жены, во который опитиміи волагати сих прелюбодѣство (—) до девятог правила святаго Василіа, иж (къ) концу рече: иже муж пустит жену, і она (къ) іному пріидет, і самъ любодѣець, занеж сотворил (есть) любодѣица(ю), занеже-(—и) іног мужа воведе к се(о)бѣ; их же (не) пріимати ко (къ) крещенію, дондеж (не) пребывает (ють) во(ъ) сем недостойнем совокупленіи до ӣі правила сего во средже (въ средѣже) глаголет тако: якож(е) бо со (и съ) чужею женою пребываа (юща любодѣя) нарицаем, не пріимаем во(ъ) причащеніе, дондеж престанут от грѣха (ъ); тако і жену не дѣвицу (ю) имѣюще со(ъ)творити.

22) Просил (шалъ) еси о нѣкихъ, иж купят челят(дь) со(ъ)творивших (имъ) общеных (обещныхъ) молитвы(ъ) ядше сними, послѣдиж продавше (въ) поганыа, которую сих (симъ пріати опитимю (епитемію); и речмь, яко(ж) речено есть во(ъ) законѣ: х(к)ристіана человѣка ни жидовину, ни еретику (не) продати; иж(е) даст (продасть) жидом, есть беззаконикь, а не ток законодавцу, но і Богу притькаеться. И се вниму о(іо) Самфирѣ і о Ананіи образа, і разумѣ; они бо своего цѣну обѣщаша Петром великим (верховнымъ) Апостолом принести Богу: даж(дь) малу част(ь) удержавше, смерти осуждени бывше, украдше част(ь), юж (еже) обещаша Богу принести. Купцаж(е), иже знаменавше знаменіе Божіе и молитву, иж от (о) них, купленіе челяди, якож си писав (яже еси послалъ) знаменавше і молитву давше, також и поганым продавше, не таино(е) со(ъ)грешеніе, но явлено ку (къ) Богу отлученіе, крадше (и), чуже(а) собѣ сотворше(и), і тако (ны) ся мнит ладно со онѣми (съ обѣма) со(ъ)грѣшати(ь), иж гонивше(а) нашу вѣру и многи от вѣры во(ъ) невѣрство привед(ше), имьж достоит отврещи сего злаго начинаніе(а) наученіе(мъ) і наказані(емъ) многим(гымъ). Аще не послушает, вко иноязычиик и мытаря им (—) имѣти.

23) Сіи ж брату чада (а еже третіе е братъ чад) поимают, аще и внѣшніи закон повелевает, но и сим дастьс о(е)питіміа(о), полезное (есть) церкви і вѣрным; иж со втору(о)ю брату (брат) чадою (чадю) поймется, (совокупляются) аще не послушают разно разыйтис, во(ъ) со(ъ)вершеное отлучатся осужденіе.

24) Також и взочство соборны свитокъ блажена(го) патріарха

о Господи Сисиніа образует(ся) і повелевает братома двѣма двѣ брату чадѣ первое не совокуплятис; ни пакиж сих уставы преступающе, і во(ъ) свершені(о)е отлученіе воложити.

25) О еж (и о иже) во(ъ) пирѣх пити, цѣлующее со(ъ) женами без смотреніа мнихом и бѣлцѣм во кв глав, иж в Никеи, второго собора Божественым отцем, повелѣвшим мнихом іереом со інѣми Богобоязнивыми і честными мужи, аще і со женами обѣдают, да и та совокупленіе на совершеніе духовное будет(ь), також и со близними, (и) на пут шествующе(у) требованіе будет (нудитъ), і не возбраненіе (и не взбранно) будетъ (вкупѣ) во пути (—и) во гостинници или въ дом нѣкоего внидут невозбранено, (и) бѣлцѣм жены імѣюще дѣти вокупи обѣдати не возбранено, кроми начинаніа і играніа, і бесовского пѣніа, і блуднаго гумленіа: сіа убо во опитими(мья) воведут, иж по смотренію твоему і по образу комуждо и (—) по лицу і по житію наведи (навед).

26) Во нихьж (мнихже), иж(е) кромѣ монастыря пребываю(е)т иж во(ъ) Халкидонѣ совокупися святых (Божественыхъ) отець во собор четвертыи возбраненіе вооодитьс (всякое) во опитими, и укладает (вкладаеть) непричащатис.

27) Понеж полонят жены іереом і паки возвращеніе им будет, подобно пріимати своим мужем и сим приобщатис (приобщеватися), и не отметатис держаніа ради иноплеменик оскверненіа; от сего будет увѣдено, оже дi и ѳ е (е и) лѣто (лѣт) правило святого Василіа реч: нуждею тлѣ (и) бывающаа неповини будуть (бывають). И вторыи закон во (ъ) палей пишется: аще отроковица на поли (ѣ) нужду (нужею) пріимет от нѣкоего (нѣ от кого, и) во (ъ) станет, і возопіет, і не будет кто от бѣды и тленія (тли тоа) избавляа, дѣва ест і по тленіи (тли), занеж противис и возопи. Аще они неповини (и) от своих си чиста, како от іноплеменикь осквернившис (ася) скверна ест? Чистую ж (—) муж свои отгнав, како не воменитьс во любодѣйцу, иж и знавь (изгнаніемъ) сотворил любодѣица (ю) свою? Луче ми мнится (и) несогрешеніе пріимати, еж (иже) от плененіа іереом своа жены, іли прелюбодѣица (и), иж(е) изгнаніа ради творят.

28) Поминамож (поминаи мы ж) от іноплеменик, також (та же) избежавше от руки (ъ) их, іли открывше еа (открывшея), аще во положеніи (полону) правовѣрство отвергше, миром си мазавше; аще не (—) отверглися (отврглися), молитву творити над ним (надъ симъ).

29) Иже своею волею ходят (хотять) ко (ъ) поганым купля ради, і скверное ядят, сих отвещаваем восхищники і лихоімци (въсхыщникы или иманники, и) неправедники, і мздоимци (мездники), і сребролюбци (а): нѣст правило отлучяа (улучаа), аще и велика сут отлученіа (съгрѣшеніа); оже і мнѣніа (аж имѣніи) ради іли скотолюбство ради спогаными оскверняются. иж (е) со ними бывают (пребывнаемъ) не дѣаніем, от церкве не возбраняются, но (—) токмо молитвою (ами) і моленіем очистятся, и тако причащеніа (блага) пріимут. Но подобает вину (въ ину) наказаніемь даати (и дати), і учити их, (і) Евангелское (ско) слово внушати: о горе вам, яко імя мое вас ради во языцех хулится (хулу пріимаеть въ языцьхъ).

30) Иж(е) во(ъ) манастыре(ъ) часто пиры творят, созывают мужи вокупи і жены, (и) во(въ) тѣх пирех другь друга(у) преспѣвают, кто лучшій (лучіи) со(ъ)творит пир. Сіа(и) ревност не о Бози(ѣ), но от лукавого бывает рвпост си, кудесною (и десною) лестію приходящее, і образ милости, (и) духовное утешеніе приходящим (приводящимъ) и творящим пагубу. Подобает сих силою всею возбраняет(ю) архиерею(и) научающим, яко и пянство (піяство) злу царства Божіа лишает, яко пянство (піанство) іного зла послѣдует: невоздержаніе і (—) нечистота, блудство, хуленіе, нечистословіе, да не реку злодіаніе; ксим и болѣзнь тѣлеснаа. Якож и закон церковны преступает(мъ), иж(е) возбраняет во(ъ) церкви глаголемых любы бывати, иж(е) есть просто любов; закон Божественых церквах возбранено упивати(ся) и безче(зще)ствовати святых монастыр мѣста, како боле не возбранити поречнаго правила, иж(е) сих творять и собѣ, иж со ними піют черici со черницами (и черницы и черцы) погубляют и мнят, что творяще (добро творять) нищелюбіа, иж(е) ко(къ) мнихом любы, і (—) не пріимати мзды.

31) Якож рекль еси, иже (оже) не бывает на простых людех благословеніа и вѣнчаніа, но бояром токмо і князем вѣнчатис (князи вѣнчаются), но простымьж людем аки (и) меншици(ѣ) поимают (жены своа) сплясаніем і гуденіемь и плесканіем. Разум даем всяко(ъ), і речем: иж(е) простіи (закони) простцем і и невѣжда(жамъ) сим (си) творят совокупленіе; іже Божественую(ыя) церкви кромѣ благословеніа творяще свадбу, таіно поиманіе (поминаніе) нареченіе (наречетъ). Иж(е) ся такь(о) поимают, якож блудным опитеміа (и) дают.

32) Иж(е) не(—) послушаютъ епископи своего митрополита

совокуплятис призыва(ваемыи) от него собор сотворити, иж(е) злѣ творящаа посварити их отеческим наказаніем.

33) Іже вочэстит (участить) епископію (свою) по земли той, пач гдѣ мног(о) народ людію гради (и людіе и город), о немь ж(е) се тщаніе (съ чтаніемъ) і (—) попеченіе, і намь любезно мнитьс се быти; боязнож (боязненож; но) обачеж (обаче) аще (—) и первопрестолнику (первому столпнику) Рускому изволится(лить) собору (изберу) страны тоа (всеа тоа), и (—) невозбрано да будет; о немьже аще подобает иж(е) Богу отлученіе.

34) Іереи облачитьс во(ъ) ризы различныа і во шелковыа, Божественіи отци иж во ѯмь со(ъ)борѣ, сіа всѣм подобает, ни единому клирину ни во(ъ) гради(ѣ) сущу, ни на пути ходящу во(ъ) ризы неподобныа облачатис, ни ризы імѣти подобны, якози тѣм сут(ь) отлучены(и), чернояж нодобны (черненыхъ якоже подобно) аще не будет, ту отнюд (да) бѣлых; аще (и) приступит кто, да не на дѣлю (на неделю) во(ъ)зложити, і отлученіе во оонтим (опитемью).

35) Іже (и еже) іерео(е)м до упиваніа пач піющим іерео(е)м сице реч (речемъ): яко Апостоль повелевает не пяници (ни піяници), ни яра, ни сварлива (сварника) во(ъ) іерейскій привести сан; а иж (еже) по (—) поставленіи іереове (іерееви) упиватис начнут (имуть), воложити я во отлученіе, да покорившеся закону Господню, пяньства (піянства) отлучаютьс. Аще ли не лишатьс п(і)анства, изврещи (и разврещи) я.»

(431) Сравн. Прав. Апост. 9, Лаодик. Собора 35; Антіох. Соб. 2.

(432) Сравн. Анкир. Соб. 24; Васил. вел. 65. 72. 83; Григор. Нисск. 3; VI всел. 61.

(433) Снес. *Св. Григ. Богослов.* Слов. 40 на св. крещеніе, въ Твор. Св. Отц. III, 310.

(434) Сравн. Лаодик. Соб. 7; II всел. 7; VI всел. 95.

(435) Кто здѣсь разумѣется подъ именемъ *пророка*, объяснить трудно; но, судя по ходу рѣчи, — лице, не принадлежашее къ церковной іерархіи. Такъ какъ все посланіе Митрополита Іоанна къ Іакову черноризцу, написанное, вѣроятно, по Гречески, переведено крайне не вразумительно и неточно и обличаетъ въ переводчикѣ недостаточное знаніе или Греческаго языка или Славянскаго или обоихъ вмѣстѣ: то и слово: *пророкъ* можно отнести къ числу неточностей перевода.

(436) Сравн. VI всел. Соб. 97; Двукратн. Соб. 10.

(437) IV всел. 19; VI всел. 8; Карѳаг. 87. 88.

(438) Апост. 26; Неокесар. 1; Анкир. 10; VI всел. 3. 6.

(439) Апост. 15. 16; I всел. 16; IV всел. 5; VI всел. 17; Антіох. 3.

(440) Апост. 42. 43; I всел. 17; VI всел. 10. 50; Лаодик. 4. 55. Карѳ. 21.

(441) Снес. VII всел. Соб. 16.

(442) Лаодик. 54; Карѳаг. 18; VI всел. 24.

(443) Снес. Апост. 54; IV всел. 9; Карѳ. 49.

(444) Вас. вел. 49; Григор. Неокесар. 2.

(445) Сравн. Лаодик. 28; Карѳ. 51; VI всел. 74. 76. 97.

(446) Сравн. Вас. вел. 22; IV всел. 27; VI всел. 92.

(447) Апост. 48; VI всел. 87. 93; Карѳ. 115.

(448) См. старопеч. Кормч. II, гл. 51.

(449) Апост. 63; Гангр. 2; VI всел. 67.

(450) Снес. Апост. 45. 65; Антіох. 2; Лаодик. 6. 9. 32. 38.

(451) Правило это въ подлинномъ текстѣ изложено крайне неразумительно, такъ что нельзя понять, о комъ здѣсь рѣчь: о Латинахъ ли, которыхъ у насъ укоряли за несоблюденіе ими поста въ началѣ первой недѣли великаго поста, или объ Армянахъ, проживавшихъ въ Россіи и такъ-же имѣвшихъ обычай нарушать постъ въ нѣкоторые дни великаго поста (см. VI всел. Соб. 56). Впрочемъ вѣроятнѣе, что здѣсь разумѣются Латиняне: Герберштейнъ, читавшій посланіе нашего Митрополита Іоанна въ XV вѣкѣ, вотъ какъ излагаетъ это правило: «Rhuteni omnes Romanos non recte baptisatos, quia in aquam toti non sunt immersi, ad veram fidem convertent: quibus conversis, non statim Eucharistia, sicuti nec Tartaris aliisve, à fide sua diversis, porrigatur» (loc. citat. въ примѣч. 430).

(452) Митрополитъ нашъ не дѣлаетъ здѣсь никакого ограниченія. Но древнія правила дозволяли бракъ православныхъ съ неправославными при извѣстныхъ условіяхъ (IV всел. 14; Лаод. 10. 31; Карѳ. 30; VI всел. 72). Строгое запрещеніе нашего Митрополита можно объяснять тѣмъ, что тогда православныхъ, если онѣ отдавались за мужъ въ иную страну — Латинскую, заставляли принимать Латинство.

(453) Снес. VII всел. Соб. 8. То же повелѣвалось и по гражданскимъ Греко-Римскимъ законамъ. (*Basilic.* lib. 1, tit. I, c. 41. 54).

(454) Находится уже въ древнѣйшей Славянской Кормчей,

XIII вѣка (Русск. Достоп. I, 86), а потомъ и въ послѣдующихъ (наприм. Румянц. Муз. №№ 231. 235. 238).

(455) Списокъ первой фамиліи — въ Истор. Госуд. Росс. *Карамз.* II, примѣч. 108 и въ Опис. Кіево-Соф. Собора, прибавл. № 3. Списки второй — въ Кормчей Румянц. Муз. № 238, л. 612, въ продолж. древней Росс. Вивліоѳ. III, 9 — 15, С. п. б. 1788; въ Указателѣ Росс. законовъ *Максимовича* I, 4 — 5, Москв. 1803; въ Древн. записк. *Лепехина*, ч. III, 353 — 356, С. п. б. 1780, въ П. Собр. Р. Лѣт. VI, 84 — 86. Списки третьей — въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздал. 42 — 44, Москв. 1851; въ Кормч. Рум. Муз. № 232, л. 199 об.—202. Между списками второй, равно и третьей фамиліи есть такъ же свои небольшія разности. Мы не упоминаемъ — ни о спискѣ устава Ярославова самомъ краткомъ (напеч. въ Опис. Кіево-Соф. Собора, № 4), ни о спискѣ его по западно-русской редакціи или такъ называемомъ «Свиткѣ Ярославлѣ» (нап. въ Акт., относящ. къ Истор. Западн. Россіи, I, № 166). Первый списокъ содержитъ въ себѣ только начало и конецъ устава Ярославова со включеніемъ статьи о свободѣ Духовенства отъ пошлинъ. Послѣдній — почти во всемъ различается отъ этого устава и, судя по хронологической несообразности и особенно по очевидной новости языка, несомнѣнно передѣланъ въ позднѣйшее время. Помѣстимъ здѣсь только одинъ списокъ Устава Ярославова изъ Кормчей Рум. Муз. № 232, какъ представляющій значительныя особенности:

«Се азъ, великый князь Ярославъ, сынъ Володымеровъ, по данію отца своего, съгадалъ есмь съ митрополитомъ Ларіономъ, сложилъ есми Греческый номоканонъ, иже не подобаеть сихъ тяжь судити князю и бояромъ, далъ есми митрополиту и епископомъ тѣ суды, что писаны въ правилѣхъ, въ номаканонѣхъ, по всѣмъ городомъ и по всей области, гдѣ христіаньство.

Аще кто умчить дѣвку или насилить: аще боярьская дочка, за соромъ ей 5 гривенъ золота, а митрополиту 5 гривенъ золота; а меншихъ бояръ — гривна золота, а митрополиту гривна золота; а добрыхъ людей — за соромъ ей 5 гривенъ серебра, а митрополиту 5 гривенъ серебра; а на умычницѣхъ — по гривнѣ серебра митрополиту, а князь казнитъ.

Аще кто пошибаеть боярьскую дочку или боярнскую жону: за соромъ ей 5 гривень золота, а митрополиту 5 гривень золота; а меньшихъ бояръ — гривна золота, а митрополиту гривна золота; а

нарочитыхъ людій — 3 рубли, а митрополиту 3 рубли; а простой чяди—15 гривенъ, а митрополиту 15 гривенъ, а князь казнить.

Аще пустить бояринь великъ жону безъ вины: за соромъ ей 5 гривенъ злата, а митрополиту 5 гривенъ злата; а нарочитыхъ людій — 3 рубли, а митрополиту 3 рубли; а простой чяди — 15 гривенъ, а митрополиту 15 гривень.

Аще въ отца и въ матере дочка дѣвкою дѣтяти добудеть: обличивъ ю, поняти в домъ церковный; тако же и жонка; а чимъ ю родъ окупить.

Аще дѣвку умлъвитъ кто к собѣ и дасть втолѣку: на умлъвъници митрополиту 3 гривны серебра, а дѣвцѣ за соромъ 3 гривны, а на толочанѣхъ по рублю; а князь казнить.

Аще мужъ отъ жоны блядеть, митрополиту у винѣ.

Аще мужь оженинится иною жоною, съ старою не роспустився, мужь той митрополиту у винѣ, а молодую в домъ церковный, а съ старою жити. Аще же не лихый недугъ болитъ — или слѣпота, или долгая болѣзнь: про тое не пупустити; такоже и женѣ нелзѣ пустити мужа.

Аще жена у мужа крадеть, а обличить ю: митрополиту 3 гривны, а мужъ казнить; про то не разлучити.

Аще клѣть покрадетъ, такоже творятъ надъ нею.

Аще дѣвка засядеть: великыхъ бояръ—митрополиту 5 гривенъ золота; а меншихъ бояръ—митрополиту гривна золота; а нарочитыхъ людій — 12 гривенъ серебра, а митрополиту 12 гривенъ; а простой чяди гривна серебра, а митрополиту гривна серебра.

Аще поидеть жона отъ своего мужа за иный мужь: тую жону поняти в домъ церковный, а новоженя митрополиту у продажи.

Аще кумъ с кумую блудъ сътворить: митрополиту гривъна золота и въ опитемьи.

Аще кто зажьжеть дворъ, или гумно, или что иное: митрополиту 100 гривенъ, а князь казнитъ.

Аще кто съ сестрою съгрѣшить: митрополиту 100 гривенъ, а у вопитеміи и в казни по закону.

Аще ближній родъ поимется: митрополиту 8 гривень, а ихъ разлучити, а опитемью да прiимуть.

Аще двѣ женѣ кто водить: митрополиту 40 гривень; а котораа подълегла, тую поняти в домъ церковный, а первую држати по закону; а иметь лихо водити, казнію казнити его.

Аще мужъ и съ женою по своей воли распустятся: митропо-

литу 12 гривень; а будутъ не вѣнчалныи — митрополиту 6 гривень.

Аще жидовинъ или бесерменинъ с рускою будеть иноязычници: митрополиту 8 гривень, а руска попяти в домъ церковныи.

Аще кто съблудитъ съ чръноризицею: митрополиту 100 гривень; а съ животиною 12 гривень, а въ опитемью вложитъ.

Аще свекорь съ снохою съблюдитъ: митрополиту 100 гривенъ, а опитемья по закону.

Аще кто съ двѣма сестрами падется: митрополиту 30 гривенъ.

Аще и с мачехою кто съблудитъ: митрополиту 40 гривень.

Аще два брата будуть съ одиною жонкою: митрополиту 100 гривень; а жонка вдомь.

Аще дѣвка не восхочеть за мужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что сътворить надъ собою: отецъ и мати митрополиту у винѣ, а исторь има платити; такожь и отрокь.

Аще кто зоветь чюжюю жону блядью: великыхъ бояръ — за соромъ еѣ 5 гривень золота, а митрополиту 5 гривень, а князь казнитъ; а будеть меншихъ бояръ — за соромъ еѣ 3 гривны золота, а митрополиту 3 гривны золота; а будеть городскыхъ людій— за соромъ еѣ 3 гривны серебра, а митрополиту 3 гривны серебра; а сельскыхъ людій — за соромъ еѣ гривна серебра, а митрополиту гривна серебра.

Аще кто пострижеть голову или бороду: митрополиту 12 гривень, а князь казнить.

Аще мужь иметь красти конопли, или лень, или всякое жито: митрополиту у винѣ, съ княземъ на полы; такожъ и жонка, аще иметь то красти.

Аще мужъ крадетъ бѣлыи порты, или полотна, или портища поневы, такожъ и жонка: митрополиту у винѣ, съ княземъ на полы.

Аще иметъ красти свадебное и огородное, бои и убійства, а что учинитися дшегубьство: платять винну, кязю с митрополитомъ на полы.

Аще про дѣвку сыръ будеть краань: за сыръ гривна; а што стеря аанлатять, а митрополиту 6 гривень, а князь казнитъ.

Аще мужа два бьются женски или вкусить, или одереть: митрополиту 3 гривны.

Аще мужь беть чужую жону: за соромъ ей по закону, а митрополиту 6 гривень, а князь казнитъ.

Аще сынъ бьеть отца или матерь, казнить его волостельскою казнію, а митрополиту у винѣ.

Аще дѣвка въсхощетъ за мужъ, а отець и мати не дадуть, а что сътворить: митрополиту у винѣ отець и мати; такожь и отрокъ.

Аще чрьнець или чрьница, попъ или попадіа, или проскурница впадутъ во блудъ: тѣхъ судить митрополиту опрочь мірянь, во что ихъ осудить волень.

Аще попъ или чрънецъ упіются безъ времени: митрополиту у винѣ.

Аще чрънець или чрьница ростри́жется: митрополиту у винѣ, во что ихъ обрядитъ.

А что дѣется в домовьныхъ людехъ и въ церьковныхъ, и в самѣхъ манастырѣхъ, а не уступаются княжіи волостели вто: да вѣдають ихъ митрополичьи волостели, а безатщина ихъ митрополиту поидеть.

Аще двѣ женѣ бьетеся: митрополиту 6 рѣзань на виноватой.

Аще без вины свекорь біеть сноху или деверь ятровь: то платять ей по закону, а митрополиту 6 гривень.

Аще что кто поганое ясть у своей воли, или медвѣдину, или иное что поганое: митрополиту у винѣ и в казни.

...ще попъ дитя крестить у чюжемъ уѣздѣ или иное что священическое, развѣ и нужа и болѣзни: митрополиту у винѣ. Съ некрещеннымъ, а иноязычьникомъ отъ нашего языка, съ некрещеными ни пити, ни ѣсти; доколѣ же крестяться, аще кто вѣдаа ясть и піеть, да будеть митрополиту у винѣ.

Аще кто съ отлученымъ ясть и піеть, самъ отлученъ будеть.

Аще кто съ бесерменкою или съ жидовькою блудъ сътворить, а не лишится: отъ церкви да отлучится и отъ христіанъ, а митрополиту 12 гривень.

А тѣми винами разлучитъ мужа с женою:

1 вина. Аще услышить жона отъ иныхъ людей, что думають на царя или князя, а она мужу своему не скажеть, а опослѣ обьяснится: разлучити.

2 вина. Аще застанеть мужь свою жону съ прелюбодѣемъ, или како учинить на нее исправу съ добрыми послухы: разлучити. Аще думаеть жона на своего мужа или зеліемъ, или иными людми, или пакь иметь вѣдать, что хотятъ мужа ея убити, а она мужу своему не скажеть, а опослѣ обьяснится: разлучить.

3 вина. Аще жена безъ своего мужа иметь ходити, или пити или ясти, а опрочь своего дому иметь спати, а потомъ обьяснится: разлучити.

4 вина. Аще иметь жона ходити по игрищомъ или во дни, или в нощи, а мужь иметь усчювати, а она непослушаеть: разлучити.

5 вина. Аще ведетъ жона мужа своего покрасти клѣть, или товарь, или сама покрадетъ, да инымъ подасть, или иметь вѣдати, што хотять церковь покрасти, а она мужу своему не скажеть: разлучити».

(456) Напримѣръ: «Аще пуститъ бояринъ великъ жону безъ вины: за соромъ ей 5 гривенъ злата, а митрополиту (или епископу) 5 гривенъ злата; а нарочитыхъ людей — 3 рубли, а Митрополиту 3 рубли; а простой чади—15 гривенъ, а Митрополиту 15 гривенъ». Или: «аще у отца и у матери дщи дѣвкою дѣтяти добудетъ: обличивъ ю, поняти въ домъ церковный; такоже и жонка; а чѣмъ ю родъ окупитъ»

(457) Напримѣръ: «Аще ближній родъ поимется: Митрополиту 50 гривенъ, а ихъ разлучити, а опитемью да пріимутъ».

(458) Напримѣръ: «Аще кто пошибаетъ боярьскую дочьку или боярьскую жону: за соромъ ей 5 гривенъ злата, а Митрополиту 5 гривенъ злата; а меньшихъ бояръ — гривна злата, а Митрополиту гривна злата; а нарочитыхъ людей — 3 рубли, а Митрополиту 3 рубли; а простой чяди—15 гривенъ, Митрополиту 15 гривенъ. А князь казнитъ».

(459) Напримѣръ: «Аще мужъ иметъ красти конопли, или ленъ, или всяко жито: Митрополиту у винѣ съ княземъ на полы; такожъ и жонка, аще имать то красти». Или: «аще иметъ красти свадебное и огородное, бои и убійства, а что учинится душегубство: платятъ виру князю съ Митрополитомъ на полы».

(460) Эта система господствовала тогда не только у насъ, какъ видно изъ Русской Правды, но и въ Германіи, гдѣ такъ же примѣнена была и къ церковному законодательству. *Деппа*, О наказаніяхъ, существ. въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича, стр. 23 — 54, Спб. 1848; *W. E. Wilda's* Das strafrecht der Germanen, Halle, 1842. S. 115. 236. 248—253. 528—530. 827.

(461) См. выше примѣч. 455.

(462) Подробное разсмотрѣніе этихъ недоумѣній сдѣлано Неволинымъ въ сочиненіи: «О пространствѣ церковн. суда въ Россіи до Петра Великаго», 72—92, Спб. 1847 г.

(463) Большая часть списковъ Ярославова Устава — XVI вѣкѣ. Въ XV вѣкѣ онъ помѣщенъ въ одномъ спискѣ Софійской Лѣтописи (П. Собр.Р. Лѣт. V, 77, 134; VI, 84). О существо-

ванія его въ самомъ началѣ XV или въ концѣ XIV вѣка говоритъ грамота вел. князя Василія Димитріевича, данная митрополиту Кипріану между 1390 и 1402 г. для подтвержденія церковныхъ уставовъ Владиміра и Ярослава (*Карамз.* V, примѣч. 233; *Евген.* Опис. Кіево-Соф. Собора, прибавл. № 9; *Восток.* Опис. Рукоп. Рум. Муз. стр. 226). Въ началѣ XIII вѣка Уставъ Ярославовъ, и притомъ въ своемъ обширномъ видѣ, былъ внесенъ въ одну изъ нашихъ лѣтописей, составленную въ Переяславлѣ Суздальскомъ и дошедшую до насъ въ спискѣ XV вѣка (лѣтоп. Переяслав. Сузд. 42—44; снес. предисл. стр. II—VI. LIX).

(464) *Калачев.* О значеніи Кормчей, примѣч. 23. (Чтен. Москов. Истор. Общества 1847, III, отд. I, стр. 61—72).

(465) Грамата напечатана по двумъ редакціямъ въ Дополн. къ Акт. Истор. I, № 3 и въ «Повѣсти о началѣ и основаніи Псковскаго Печер. Монастыря», стр. 94—98, Псков. 1849. О другихъ товарахъ, какіе взвѣшивались при той же церкви, видно изъ послѣдующихъ граматъ (Доп. къ Акт. Ист. I, № 95; Акт. Арх. Экспед. I, № 334).

(466) Нѣкоторыя изъ этихъ несообразностей указаны издателями грамоты въ Дополн. къ Акт. Ист. I, примѣч. 3.

(467) Грамота встрѣчается въ рукописяхъ (напримѣръ Сборн. моей библ. № 71) и напечатана въ упомянутой «Повѣсти о началѣ и основаніи Псков. Печер. монастыря», стр. 98—104. Четыре, сличенные нами списки (XVII — XVIII в.) представляютъ мало разностей и принадлежатъ къ одной фамиліи. Грамота читается такъ:

«Се Азъ князь великій Всеволодъ, нареченный въ святомъ крещеніи Игафшъ (Гавріилъ), правнукъ Игоревъ и блаженныя прабабы Ольги, нареченныя во святомъ крещеніи Елены (и) бабы Володимеровы, нареченнаго во святомъ крещеніи Василія; и тыя Господа (о) пріяли святое крещеніе отъ Греческихъ царей, и отъ Фотія (Николая) (—) Патріарха Цареградскаго взяша первого Митрополита Михаила Кіеву, иже крести всю Рускую землю. Потомъ же лѣтомъ многимъ минувшимъ, моляся Спасу и Пречистѣй Его Матери, святѣй Богородицѣ Присnодѣвѣ Маріи, устроиша церковь святыя Богородицы десятинную, и даша ей десятину во(со) всей Руской земли и со всѣхъ княженій, въ Соборную церковь святыя Богородицы, иже (яже) въ Кіевѣ, и святѣй Софеи Кіевской и святѣй Софеи Новгородской, и Митрополитомъ Кіевскимъ и Архіепи-

скопомъ Новгородскимъ, отъ всякого(аго) княжа суда десятую векшу, а изъ торга десятую недѣлю, а изъ домовъ на всякое лѣто отъ всякаго стада и отъ всякаго жита десятое Святому Спасу и пречистой Его Матери, и премудрости Божіи Святѣй Софѣи.

А се изобрѣтохомъ въ Греческомъ Номоканонѣ, что сихъ судовъ и тяжъ не судити князю, ни его дѣтемъ, ни его намѣстникомъ, ни его боляромъ, ни его тіуномъ, ни десятника не держати: и созвалъ есми десять сотскихъ и старосту Болеслава и бирича́ Мирошку и старосту Иванского Васяту, и погадалъ есмъ со Владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и со десятью сотскими и съ старостами; далъ есми судъ и мѣрила, якоже (иже) на торгу святѣй Богородицы въ Кіевѣ Митрополиту, тако (а) въ Новогородѣ святѣй Софіи и Епископу и старостѣ Иванскому и всему Новуграду мѣрила торговая, скалвы вощаныя, пуды медовыя и гривенку рублевую, и локоть Иванскій и свой оброкъ купецъ черн(и)цамъ; а попу Иванскому Руская пись съ Борисоглѣбскимъ на полъ(ы); а сторону Иванскому Русской порочицы пятно, да десять конюховъ соли; а не вступатися въ тыя оброки моимъ дѣтямъ, ни моимъ намѣстникомъ, ни моимъ боляромъ на домъ святѣй Софѣи и святого Ивана (Іоанна); а домъ святѣй Софѣи Владыкамъ строити съ сотскими; а старостамъ и торгощамъ(вцамъ) докладывая Владыки(у) или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ святого Ивана (Іоанна). А се приказываю своимъ намѣстникомъ и тіуномъ: суда церковнаго не обидѣти, ни судити безъ Владычня намѣстника. А се дахъ во олтарь святѣй Софѣи и причту церковному вседенникъ синодикъ вѣчнѣ (сенаникъ вѣнцѣ), что суды церковныя, то святѣй Софѣи; а кто нашего роду пограбитъ или отъиметъ, того повелѣхомъ Владыцѣ соборомъ въ синодицѣ (сенаницѣ) проклинати.

А се суды церковныя: роспуски, смильное, заставаніе(я), умычка, пошибальное, промежъ мужемъ и женою о животѣ и о бездѣтномъ животѣ; въ племени или въ сватовствѣ поймутся, потворы, чародѣяніе, волхвованіе, вѣдство, зелейничество, зубоѣжа, уреканія три—блядненю (трибляднем), зеліи, еретичествомъ; отецъ или мати біетъ сынъ или дщи, или сноха свекровь; братія или дѣти тяжутся о задницѣ; церковная татьба; мертвецы совлачаютъ, крестъ посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжутъ, или два мужа имутся битися и единаго жена иметъ за лоно другаго, раздавитъ; или кого застанутъ съ четвероногою; или кто молится подъ овиномъ, или въ рощеньи (прощеніи)

или у воды (уво́ды), или дѣвка дитя повержетъ; скотъ, или псы, или потки (птицы) или ино что неподобно въ (—) церкви вводятъ (подѣютъ): а тым суды всѣ церкви даны суть и Епископу; а князю, и боляромъ и судіямъ въ тыя суды невступатися. А то далъ есми по первыхъ царей уряженію, и вселенскихъ Святыхъ Отецъ седми Соборовъ великихъ Святитель: а по сему (ъ) не вступатися дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ моимъ, ни всему роду моему до вѣка въ люди церковныя, ни во вси суды ихъ. Аже кто преобидитъ нашъ уставъ, таковымъ непрощенымъ быти отъ закона Божія, и горе себѣ наслѣдуютъ, и вѣчная мука ждетъ ихъ.

А о всѣхъ, что предиписано, держахъ за своими боляры, аже они обидятъ гостей, а гдѣ живутъ тымъ паровятъ, а княжу душу топятъ; и Азъ всмотрѣхъ въ Фотія (Николая) (—) Патріарха Цареградскаго грамоты, что принесъ на Русь князь великій Владимеръ, нареченный въ святомъ крещеніи Василій, сынъ Святославль, а внукъ Игоревъ и проблаженныя княгини и прабабы Ольги, аже стоитъ въ грамотѣ: торговая вся вѣсы, мѣрила, и скалвы вощаныя, и пудъ медовый и гривенка рублевая, и всякая известь, иже на торгу промежъ людми, отъ Бога тако искони уставлено есть — Епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати, и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти; а животъ его на трое: треть живота святѣй Софѣи, а другая треть святому Ивану (Іоанну), а третія треть сотскимъ и Новуграду. А Епископу не управивъ того, за все дати ему слово въ день великаго суда. А печаловатися же (—) ему о томъ управленіи, якоже и о душахъ человѣческихъ. Аще же управитъ Епископъ сія управленія наша, блаженъ будетъ и небесному царствію наслѣдникъ; а не урядитъ — а мы то съ своей души сводимъ.

А се церковныя люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; (—); а (—) се (—) кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, паломникъ, (пришлецъ), свѣщегасъ, сторожникъ (сторожникъ), слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгойской (изгои трои): поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ; монастыреве, больницы, гостинницы, страннопріимницы, то люди церковныя, богадѣльные (и), или Митрополитъ, или Епископъ: тѣ вѣдаютъ между ими судъ или обиду, или кому прикажутъ, или котораго задница, или будетъ иному человѣку съ тѣми людьми рѣчь или общій

судъ,—своимъ тіуномъ приказываю суда церковнаго не обидѣти; а съ суда давати девять частей князю, а десятую святѣй Софѣи за княжу душу. А кто преобидитъ суды церковныя, платитъ(и) ему собою: а предъ Богомъ тому же отвѣщати на страшномъ судѣ предъ тмами Ангелъ, идѣже когождо дѣла не скрыются, благая же и злая, идѣже не поможетъ никтоже никому же; но токмо правда избавитъ отъ вторыя смерти, и отъ вѣчныя муки, и отъ огня негасимого,—якоже есмы управили по святыхъ отецъ правиломъ, и по первыхъ царей и князей уряженію. А кто иметъ преступати сіе правило—или дѣти мои, или внучата, или правнучата, или въ коемъ городѣ намѣстникъ, или тіунъ, или судія, или кто инъ, а пообидитъ суды церковныя: да будутъ прокляти въ сій вѣкъ и въ будущій, седмію Соборы святыхъ Отецъ вселенскихъ. А та вся дѣла приказахъ святѣй Софѣй и всему Новуграду моимъ мужемъ десяти сотскимъ: вы соблюдите; а не со(воз)блюдете, и вы сами за то отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда предъ лицемъ Царя славы. Аминь.

А се изыскахомъ: у третьей женѣ и у четвертой дѣтемъ прелюбодѣйная часть въ животѣ. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третіей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. А человѣку ся получаетъ по грѣхомъ; занеже прелюбодѣйній (яніи а) не благословенніи Богомъ. И азъ самъ видѣхъ тяжу промежу первою женою и дѣтей съ третьею женою и съ дѣтьми, и съ четвертою женою и съ дѣтьми. Изъ велика живота дати урочная часть по оскуду: а изъ мала живота, како рабочичищу(цу) часть, конь да доспѣхъ и покрутъ, по разсмотрѣнію живота: а тое все приказахъ Епископу управливати, смотря въ Номоканонъ. А мы съ своей души сводимъ».

(468) Грамата напечатана въ Русск. Достопам. I, 82—85, и съ нѣкоторыми объясненіями у *Карамз.* II, примѣч. 267.

(469) П. Собр. Р. Лѣт. I, 90. 92—94.

(470) *Симонъ* въ Сказ. объ освященіи великой Печер. церкви (Печер. Патерик.); П Собр. Р. Лѣт. I, 110. 117. 130.

(471) Тамъ же I, 78. 89. 90; II, 6; III, 179. 212. 213.

(472) *Симон.* въ Сказ. объ освящ. Печер. церкви.

(473) Лѣтопись обыкновенно объ этомъ выражается: «*постави* Митрополитъ или *поставиша* такого то *епископомъ* (I, 119. 127. 128. 130. 133 и др.).

(474) П. Собр. Р. Лѣт. I, 120; III, 122.

(475) См. выше примѣч.

(476) П. Собр. Р. Лѣт. III, 122. 179. 213.

(477) Тамъ же I, 127 — 133; II, 3. 7 — 9. Надобно однакожъ замѣтить, что, по древнимъ правиламъ Церкви, хотя самовольное перехожденіе епископовъ съ одной каѳедры на другую строго запрещалось, но перемѣщеніе ихъ по опредѣленію высшей власти всегда было дозволено (Апост. 14; 1 вселен. 15; IV всел. 5; Антіох. 13. 16. 18. 21; Сард. 1. 2; Карѳ. 59).

(478) Полн. Собр. Р. Лѣт. II, 3. Впрочемъ сама же лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Іоаннъ Черниговскій находился при освященіи Кіево-Печерской церкви въ 1089 г. и перенесеніи мощей преп. Ѳеодосія въ 1091 г., — слѣд. не всегда лежалъ на одрѣ болѣзни (I, 89. 90).

(479) Тамъ же III, 6. 179. 214.

(480) Тамъ же I, 130; II, 3; *Татищ.* II, 253.

(481) *М. Іоанна* Прав. Церковн. къ Іакову чернор. 33; Дополн. къ Акт. Ист. I, № 4.

(482) П. Собр. Р. Лѣт. I, 97.

(483) Тамъ же I, 120.

(484) Именно въ лѣтописяхъ читаемъ: 1) о Владимірѣ Мономахѣ: «сѣде Кіевѣ въ недѣлю, усрѣтоша же и Митрополитъ Никифоръ съ епископы и со всѣма Кіяне съ честью великою... и проводили до дому княжескаго» (П. Собр. Р. Лѣт. II, 4; *Татищ.* III, 212); 2) о Вячеславѣ Владимировичѣ: «вниде въ Кіевъ, и людемъ съ Митрополитомъ срѣтшимъ его, и посадиша и на столѣ прадѣда своего Ярослава... и благослови его пресвященный Михаилъ, Митрополитъ Кіевскій»... (—I, 134; IV, 6; V, 158; Никон. II, 77); 3) о Всеволодѣ Ольговичѣ: «вниде въ Кіевъ и посаженъ бысть въ Кіевѣ на великое княжество пресвященнымъ Митрополитомъ Михаиломъ» (Никон. II, 78); 4) объ Изяславѣ Святославичѣ: «и выидоша противу ему множество народа, игумени съ черноризьцы и попове всего города Кіева въ ризахъ, и пріѣха къ святой Софьи, и поклонися Св. Богородици, и сѣде на столѣ дѣда своего» (П. Собр. Р. Лѣт. II, 24); 5) о Всеволодѣ — Гавріилѣ: «егда пріѣха ко Пскову, священно-иноки и священники и все множество народа срѣтоша его честно, съ кресты, и, многолѣтствовше, посадиша его на столѣ» (— V, 8). Совокупивъ всѣ эти частныя сказанія, мы и составили общее понятіе объ образѣ вступленія нашихъ древнихъ князей на престолъ.

(485) Достовѣрность этого преданія подтверждается тѣмъ,

что оно сохранилось, не только въ нашихъ лѣтописяхъ, хотя и позднихъ, и другихъ памятникахъ письменности, но и въ Греческихъ, по свидѣтельству Греческихъ Іерарховъ XVI вѣка, а отчасти и тѣмъ, что донынѣ хранятся въ Москвѣ царскія регаліи Греческаго издѣлія, извѣстныя подъ именемъ *Мономаховыхъ* (*Карамз.* II, 153, примѣч. 220, изд. 2; *Оболенск.* Соборн. грамота Духовенства православной восточ. Церкви, утвержд. санъ царя за В. К. Іоанномъ Васильевичемъ IV, Москв. 1850, стр. 4). Разнорѣчія касаются именъ архипастырей, приходившихъ изъ Греціи для вѣнчанія нашего князя (см. тамъ же), и, главное, имени Императора, присылавшаго ихъ къ намъ вмѣстѣ съ царскими регаліями. По однимъ сказаніямъ, это былъ Константинъ Мономахъ (Степ. кн. I, 247; *Карамз.* II, примѣч. 220), скончавшійся въ 1054 г., когда, слѣдовательно, нашему Владиміру Всеволодовичу было только около двухъ лѣтъ (П. Собр. Р. Лѣт. I, 69. 129); по другимъ, это былъ Алексѣй Комнинъ, царствовавшій въ Греціи въ то время, когда Владиміръ Всеволодовичъ занималъ уже великокняжескій престолъ (П. Собр. Р. Лѣт. II, 290; *Татищ.* II, 221; Синопс. Кіев. л. 59). Какъ ни естественнымъ кажется то, что Императоръ Константинъ Мономахъ, не оставляя послѣ себя никакого мужескаго потомства, кромѣ единственнаго внука своего по дочери нашего Владиміра Всеволодовича, могъ завѣщать и передать ему свои царскія регаліи въ наслѣдство; но съ другой стороны представляется страннымъ, за чѣмъ было въ такомъ случаѣ присылать изъ Греціи святителей для вѣнчанія нашего князя, и какимъ образомъ, съ какою цѣлію онъ могъ быть вѣнчанъ будучи еще младенцемъ? Въ сказаніи объ Императорѣ Алексіѣ Комнинѣ не находимъ подобныхъ странностей: онъ могъ и имѣлъ побужденіе прислать нашему Владиміру Всеволодовичу разные дары и въ числѣ ихъ драгоцѣнныя регаліи покойнаго дѣда его Константина Мономаха, могъ прислать и Греческихъ святителей для вѣнчанія этими регаліями Русскаго великаго князя, — потому что Алексѣю Комнину нужно было склонить на миръ Владиміра Всеволодовича, войска котораго уже приближались къ предѣламъ Греціи. И Греческій царь, дѣйствительно, достигъ этимъ своей цѣли (по свидѣтельству выше указанныхъ лѣтописей).

(486) П. Собр. Р. Лѣт. I, 98.

(487) Тамъ же I, 112; Никон. II, 24.

(488) П. Собр. Р. Лѣт. II, 11; Татищ. II, 233.

(489) П. Собр. Р. Лѣт. I, 134; II, 14. 15; Татищ. II, 253; Никон. II, 77.

(490) П. Собр. Р. Лѣт. III, 6; V, 157; Татищ. II, 249; Никон. II, 68.

(491) П. Собр. Р. Лѣт. II, 23.

(492) Тамъ же I, 110. 117; V. 151; Ник. II, 33.

(493) П. Собр. Р. Лѣт. I, 134, II. 17.

(494) Тамъ же I, 88. 92. 108. 129; Никон. I, 192; II, 56; Степ. кн. I, 229.

6. КЪ ГЛАВѢ ШЕСТОЙ И СЕДЬМОЙ.

(495) *Митроп. Іоанна II* Церк. Правил. Іакову черноризц. въ Русс. Достоп. I, 89—104; П. Собр. Р. Лѣт. I, 73. 75—78. 92. 95.

(496) П. Собр. Р. Лѣт. I, 109—111.

(497) Тамъ же I, 137; II, 28. 32—35. Православная Церковь совершаетъ память св. князя Игоря Іюня 5.

(498) П. Собр. Р. Лѣт. II, 14. 15.

(499) Мы привели это письмо въ сокращеніи, какъ оно читается въ Исторіи Карамзина (I, 116—118). Вполнѣ оно помѣщено въ П. Собр. Р. Лѣт. I, 105—107.

(500) П. Собр. Р. Лѣт. I, 102.

(501) Тамъ же 70. 120. 137. О св. Николаѣ Святошѣ Симонъ замѣчаетъ Поликарпу: «помысли сего князя, — его же ни единъ князь въ Руси не створи: волею бо никто же вниде въ чернечество. Во истину сій болій всѣхъ князей Рускихъ» (о препод. Святоши князи).

(502) П Собр. Р. Лѣт. I, 88. 120. 137; II, 8. 14; *Татищ.* II, 218. 255. 290; *Карамз.* II, 145. 155 и примѣч. 240.

(503) *Симон.* въ Сказ. о созданіи Печер. церкви; П. Собр. Р. Лѣт. I, 118. 120, снес. 129; II, 2. 270.

(504) См. объ этихъ Преподобныхъ въ К.-Печер. Патерикѣ.

(505) П. Собр. Р. Лѣт. II, 4; Патерик. Печер. о Преп. Никонѣ Сухомъ.

(506) *Карамз.* II, 144; *Поликарп.* въ Сказ. о Прохорѣ черноризцѣ. Здѣсь, между прочимъ, говорится: «бысть во дни княженія Святополча въ Кіевѣ, много насилія людемъ сътвори Святополкъ: домы бо сильныхъ до основанія безъ вины искоренивъ и

имѣніа многихъ отъемъ»... И далѣе: «бѣ прежде вражду имѣя нань (на игум. Іоанна): зане обличаше его ненасытства ради богатства и насиліа ради,—его же емъ Святополкъ въ Туровъ заточи»... (Рукоп. Патер. Печер.).

(507) «Князь же повелѣ мучити его (Ѳеодора) крѣпко, яко омочитися и власяницѣ отъ крови, и посемъ повелѣ его въ дымѣ велицѣ повѣсити и привязати его опаки, и огнь возгнѣтити».... Далѣе: «и повелѣ бити его (Василіа) безъ милости и, *шуменъ бывъ отъ вина* и взъярися, вземъ стрѣлу, уязви Василія... И въ ту нощь оба скончашася о Господѣ» (Патер. Печер. о Преп. Ѳеодорѣ и Василіѣ).

(508) П. Собр. Р. Лѣт. I, 85. 86. 88. 92. 112. 129. О Мстиславѣ — Прологъ XIII вѣка (Опис. Рук. Румянц. Муз. стр. 452) и *Карамз.* II, 115 — 119.

(509) Прологъ и Чет.-Мин. Февр. 11; Степ. кн. I, 254—264.

(510) П. Собр. Р. Лѣт. I, 91 и 120.

(511) Тамъ же I, 100 — 103.

(512) Мысль, будто митрополиты трехъ Греческихъ областей, подвѣдомыхъ Константинопольскому Патріарху, Понтійской, Азійской и Фракійской, находились въ непосредственномъ вѣдѣніи трехъ экзарховъ—митрополитовъ, именно: Ираклійскаго въ первой области, Каппадокійскаго во второй и Ефесскаго въ третьей, и будто Русскій Митрополитъ, не будучи подчиненъ ни одному изъ означенныхъ экзарховъ, былъ, слѣдовательно, самъ экзархомъ (*Преосв. Филарет.* Ист. Русск. Церкв. I, примѣч. 292), — эта мысль совершенно произвольная. Три названные экзарха, дѣйствительно имѣвшіе до Халкидонскаго Собора нѣкоторую власть въ своихъ областяхъ даже по отношенію къ митрополитамъ, теперь имѣли только преимущества чести, а не власти, и всѣ Греческіе митрополиты, равно какъ сами экзархи, подчинены были непосредственно Константинопольскому патріарху, съ его соборомъ, даже весьма многіе архіепископы (αὐτοκέφαλοι) не были подчинены ни одному изъ митрополитовъ или экзарховъ, а прямо патріарху (*Le Quien*, Oriens Christ. I, 113 — 115. 355 — 366. 665 — 669. См. такъ же каталоги Митрополитовъ и Архіепископовъ, непосредственно подчиненныхъ Конст. Патріарху (apud *Bevereg.* t. II, Annotat. p. 135, *Leunclav.* Jus Graeco-Rom. I, p. 88 — 102, ed. 1596, и др.). Слѣд. Русская Митрополія не могла имѣть въ этомъ отношеніи никакого преимущества предъ прочими.

(513) *Le Quien*. Oriens Christ. I, 113. 114.

(514) П. Собр. Р. Лѣт. I, 79. 136; *Leuncl*. Jus Graeco-Rom. I, 269; cfr. *Le Quien* op. cit. I, 1263. Здѣсь Митрополитъ нашъ, присутствовавшій на Константинопольскомъ соборѣ въ 1087 или въ 1102 г., названъ Митрополитомъ Ῥωσίας. Нѣкоторые полагали, будто Митрополитъ нашъ, именно Георгій, присутствовалъ и на Цареградскомъ соборѣ въ 1067 году: потому что въ надписи соборнаго акта упоминается Архіепископъ τοῦ Ῥουσίου (Истор. Русск. Церкв. I, прим. 293; *Leuncl*. ibid. I, 213). Но это Архіепископъ города Рузіума — епархіи, находившейся во Фракійской области или округѣ (*Le Quien* op. cit. I, 1200), и отличается отъ Русскаго Митрополита: потому что и на соборѣ 1087 или 1102 г., гдѣ упомянутъ Митрополитъ Ῥωσίας въ числѣ митрополитовъ, далѣе названъ въ числѣ архіепископовъ Архіепископъ Ῥωσίου (*Leuncl*. p. 269; cfr. pag. 88).

(515) Въ «Постановленіи Императора Льва Философа (886—912) о порядкѣ престоловъ церковныхъ, подлежащихъ Патріарху Константинопольскому», Русская Митрополія упомянута въ числѣ митрополій на 61 мѣстѣ (*Leuncl*. op. cit. I, 88; *Codini* De offic. curiae et eccles. Constant. p. 379, ed. 1648). Но несомнѣнно, что имя нашей Митрополіи внесено въ это постановленіе впослѣдствіи, когда—неизвѣстно (О Митрополіи Русск. въ концѣ IX вѣка, Прибавл. къ Тв. Св. Отц. IX, 132—146). Въ другихъ древнихъ спискахъ Митрополій Константинопольскаго Патріарха (помѣщ. у Беверегія t. II, Annotat. p. 135 и Гоаромъ въ его изданіи Кодина de offic. p. 337), гдѣ митрополій исчислено только 34, и именно древнихъ, Русская Митрополія не упоминается. Даже въ спискѣ, какой доставилъ изъ Византіи въ 1143 г. Нилъ Доксопатръ Сицилійскому королю Рожеру, гдѣ перечислены уже 65 митрополій Константинопольскаго Патріарха, сперва 42 древнихъ, потомъ новыя, Русская Митрополія не упомянута, хотя и замѣчено впереди списка, что въ Россію посылается Митрополитъ отъ Константинопольскаго Патріарха (*Allat*. De eccles. occid. et orient. cons. lib. I, c. 24, p. 410 — 417). Что новыя митрополіи занимали мѣста ниже всѣхъ древнихъ, видно и изъ списковъ упомянутаго Постановленія Льва Философа (loc. cit.). Въ числѣ пяти Митрополитовъ, засѣдавшихъ на Константинопольскомъ Соборѣ 1087 или 1102 г., Русскій Митрополитъ упомянутъ послѣднимъ (*Leuncl*. op. cit. I, 269).

(516) Припомнимъ Студійскаго чернеца Михаила, пришедшаго въ Кіевъ съ митрополитомъ Георгіемъ; *Грека Митрополича* — Θеодора; Грековъ, приходившихъ на поклоненіе мощамъ св. Бориса и Глѣба и удивлявшихся великолѣпію ихъ раки; пѣвцовъ Греческихъ, переселившихся въ Кіевъ, и изъ числа ихъ Мануила, сдѣлавшагося первымъ епископомъ Смоленскимъ.

(517) П. Собр. Р. Лѣт. I, 60. 119. 128; *Карамз.* II, 145. 154.

(518) Припомнимъ Изборникъ Святославовъ, переписанный съ Болгарскаго; Стихирарь XI — XII вѣка, Императорской Публ. Библіотеки, Болгарскаго письма; Златоструй Симеона, царя Болгарскаго, переводы и сочиненія Іоанна экзарха Болгарскаго, Константина епископа Болгарскаго и Климента епископа Словенскаго, доселѣ хранящіеся у насъ въ спискахъ XI — XII вѣка. Припомнимъ такъ же черноризца, неизвѣстнаго по имени, родомъ Болгарина, который вмѣстѣ съ преп. Никономъ удалился изъ Кіево-печерской обители для уединенныхъ подвиговъ.

(519) *Татищ.* II, 228; Никон. Лѣт. II, 56; *Руднев.* о ерес. и раскол. въ Русск. Церкви 28 — 39, М. 1836.

(520) Оба посланія папы и къ Изяславу и къ Польскому королю напечатаны въ Histor. Russiae monument. I, №№ 1 и 2.

(521) П. Собр. Р. Лѣт. I, 85; *Карамз.* II, 84.

(522) Посланіе М. Іоанна II къ папѣ было разсмотрѣно нами прежде.

(523) Упомянутыя посланія Митрополита Никифора такъ же разсмотрѣны прежде.

(524) *Kulczynski*, Specimen eccles. Ruthenicae... Romae 1733; *Stilting*. de convers. et fide Russ. (in Act. SS. Septembr. t. II); *Rohrbacher*, Hist. de l'eglise cathol. t. XIII, Paris. 1844.

(525) Vicissitudes de l' egl. cathol. en Pologne et en Russie, pag. 13—14, Paris 1843. О такихъ бракахъ дѣйствительно говорятъ наши лѣтописи (П. Собр. Р. Лѣт. I, 118. 119; II, 14. 17. 19; Татищ. II, 202. 210. 241).

(526) *Симонъ* въ Сказан. о созданіи К.-Печер. церкви (Печер. Патер.).

(527) *Поликарпъ* въ Сказ. о преп. Агапитѣ (Печер. Патер.).

(528) П. Собр. Р. Лѣт. II, 4. 10; Житіе преп. Θеодосія въ К.-Печер. Патерикѣ.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ II.

Стр.

ВСТУПЛЕНІЕ .. 1

ГЛАВА I. Іерархія и паства.

1. Митрополитъ Иларіонъ:
 а) его избраніе и поставленіе въ митрополита 4
 б) какъ смотрѣть на это избраніе и поставленіе? 5
 в) свѣдѣнія о самомъ Иларіонѣ 6
2. Преемники Иларіона: свѣдѣнія о каждомъ изъ нихъ 7
3. Число епархій и замѣчанія объ нихъ 11
4. Извѣстнѣйшіе изъ епископовъ:
 а) Лука Жидята — Новгородскій 12
 б) св. Никита Новгородскій 13
 в) св. Стефанъ Владимірскій 14
 г) св. Леонтій Ростовскій 15
 д) св. Исаія Ростовскій 16
5. Умноженіе паствы или расширеніе предѣловъ Церкви:
 а) просвѣщеніе вѣрою Муромцевъ 17
 б) крещеніе Вятичей 21
 в) слѣды Христіанства въ предѣлахъ Олонецкихъ и Великопермскихъ 22
 г) обращеніе къ вѣрѣ нѣкоторыхъ Евреевъ и Половцевъ на юго-востокѣ Россіи —
6. Борьба Церкви съ язычествомъ:
 а) появленіе волхвовъ 24
 б) ихъ ученіе, враждебность Христіанству и вліяніе на народъ. 28

ГЛАВА II. Кіево-Печерскій монастырь и другія обители.

1. Основаніе Кіево-Печерскаго монастыря — время до игуменства преп. Ѳеодосія:
 а) Преподобный Антоній, его путешествіе на Аѳонъ, поселеніе въ кіевской пещерѣ и прибытіе къ нему препод. Никона ... 31
 б) Преп. Ѳеодосій и его прибытіе къ преп. Антонію 33
 в) Преп. Моисей Угринъ и его поселеніе въ пещерѣ Антоніевой. 36
 г) Постриженіе въ той же пещерѣ двухъ вельможъ Изяславовыхъ и слѣдствія этого событія 38
 д) Умноженіе числа братій и выбытіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; келліи и церковь въ пещерѣ, Ѳеодосій пресвитеръ 40
 е) Переселеніе преп. Антонія въ другую пещеру; первый игу-

Стр.

менъ надъ Печерянами Варлаамъ; построеніе церкви и келлій надъ пещерою.......... 41
ж) Первоначальный образъ жизни Печерянъ и въ особенности преп. Ѳеодосія.......... 42
2. Внутреннее благоустройство Кіево-Печерскаго монастыря — время игуменства преп. Ѳеодосія:
а) Избраніе Ѳеодосія во игумена; переселеніе братіи въ монастырь надъ пещерою, принятіе Студійскаго устава........ 43
б) замѣчанія объ этомъ уставѣ и характеръ его.......... 44
в) устройство обители по этому уставу:
аа) монастырскіе чины: доместикъ, келарь, экономъ и прочіе. 46
бб) раздѣленіе братіи на четыре класса.......... —
вв) порядокъ жизни и поведенія братій.......... 47
г) заботливость Ѳеодосія о нравственномъ преуспѣяніи братій. 49
д) примѣръ его святой, высокой жизни.......... —
е) достойнѣйшіе ученики его и сподвижники.......... 52
ж) Примѣръ затворнической жизни — преп. Антоній и его подражатели.......... 54
з) Уваженіе къ Кіево-Печерскому монастырю и въ особенности къ преп. Ѳеодосію, — его сношенія съ В. Кн. Изяславомъ и Святославомъ.......... 56
и) Пожертвованія на этотъ монастырь.......... 57
і) Распространеніе монастыря и основаніе въ немъ каменной церкви.......... 58
3. Внѣшнее благоустройство и процвѣтаніе Кіево-Печерскаго монастыря — время послѣ игуменства преп. Ѳеодосія:
а) Игуменъ Стефанъ, окончаніе каменной церкви, построеніе новыхъ келлій и переселеніе въ нихъ братіи.......... 59
б) Игуменъ Никонъ, украшеніе и освященіе церкви.......... 60
в) Разореніе монастыря Половцами и обновленіе: новыя зданія и церкви.......... 61
г) Новыя, значительнѣйшія пожертвованія на обитель.......... 62
д) Высокое благочестіе иноковъ и замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Григорій чудотворецъ, Алипій иконописецъ, Іоаннъ многострадальный, Николай Святоша и другіе.......... 63
е) Значеніе Кіево-Печерской обители и вліяніе ея на Церковь. 67
4. Другіе монастыри:
а) въ Кіевѣ: Дмитріевскій, Выдубицкій, Спасскій, Симеоновскій, Кловскій и проч.......... —
б) въ Новгородѣ: Антоніевъ, Юрьевскій, Воскресенскій и пр.. 72
в) въ Переяславлѣ, Черниговѣ, Тмутаракани, Муромѣ и проч.. 74
5. Настоятели монастырей и избраніе ихъ.......... 75
6. Степени монастырей и замѣчаніе о монастырскомъ уставѣ..... 76

ГЛАВА III. Духовное просвѣщеніе, ученіе и письменность.

1. Училища въ Россіи.......... 77
2. Писатели изъ Русскихъ:
а) Митрополитъ Иларіонъ: его исповѣданіе вѣры и приписываемое ему поученіе.......... 78
б) Преп. Ѳеодосій Печерскій:
аа) его поученія къ народу Русскому.......... 84
бб) поученія къ братіи.......... 89
вв) посланія къ В. Кн. Изяславу..........100
гг) молитвы къ Богу..........105
в) Черноризецъ Іаковъ:
аа) свѣдѣнія о его сочиненіяхъ и о немъ самомъ..........108
бб) его сказаніе о св. муч. Борисѣ и Глѣбѣ..........111
вв) Житіе св. Владиміра и похвала ему..........117
гг) Посланіе къ В. Кн. Димитрію (Изяславу)..........12

Стр.

г) Преп. Несторъ:
аа) Житіе св. муч. Бориса и Глѣба 124
бб) Житіе преп. Ѳеодосія 128
вв) Русская лѣтопись 131
д) Игуменъ Даніилъ: его Паломникъ 132
е) Іеродіаконъ Кирикъ 138
ж) Писатели, неизвѣстные по имени —
3. Писатели изъ Грековъ, бывшихъ въ Россіи митрополитами:
а) Митрополитъ Георгій: его «Стязанье съ Латиною» 140
б) Митрополитъ Іоаннъ II:
аа) его посланіе къ папѣ Римскому 144
бб) посланіе къ Іакову черноризцу 148
в) Митрополитъ Никифоръ:
аа) его посланіе о Латинахъ къ В. Кн. Владиміру Мономаху. —
бб) посланіе о Латинахъ къ неизвѣстному князю 149
вв) посланіе о Латинахъ къ Ярославу, князю Муромскому. 153
гг) посланіе о постѣ къ В. Кн. Владиміру Мономаху 155
дд) поученіе въ недѣлю Сыропустную 161
4. Писанія иноземныя, употреблявшіяся тогда въ Россіи:
а) такія, о которыхъ сохранились только свидѣтельства 164
б) уцѣлѣвшія въ памятникахъ того времени 166
в) дошедшія въ позднѣйшихъ спискахъ 169
5. Общее замѣчаніе о тогдашнемъ образованіи и письменности въ Россіи —

ГЛАВА IV. Состояніе Богослуженія.

1. Церкви:
а) построенныя князьями 171
б) построенныя митрополитомъ Ефремомъ и мірянами 172
в) церкви домовыя и количество церквей 173
г) мастера, сооружавшіе церкви 174
д) церкви, отличавшіяся великолѣпіемъ и красотою 175
2. Иконы и вообще священныя изображенія:
а) церкви, всецѣло расписанныя священными изображеніями; иконописцы Греческіе и Русскіе: преп. Алипій; покупка иконъ въ Царьградѣ; обычай обдѣлывать иконы въ ризы.. 176
б) замѣчательнѣйшія изъ иконъ, сохранившіяся отъ того времени 178
в) мозаическія изображенія въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ 180
3. Святые кресты и крестное знаменіе:
а) въ какомъ видѣ употреблялся у насъ св. крестъ 181
б) какое употреблялось перстосложеніе для крестнаго знаменія 182
4. Мощи святыхъ:
а) принесенныя къ намъ изъ Греціи (св. Варвары) и изъ Рима. 183
б) Первое перенесеніе мощей св. мученикъ Бориса и Глѣба и праздникъ въ честь ихъ 184
в) Второе перенесеніе тѣхъ же мощей 186
г) Открытіе мощей преп. Ѳеодосія Печерскаго, причтеніе его къ лику Святыхъ и праздники въ честь его 188
5. Другіе праздники:
а) Праздникъ 9-го Мая по случаю перенесенія мощей святителя Николая 191
б) Праздникъ 30-го Генваря въ честь трехъ святителей; праздники, прежде установленные 193
6. Священнодѣйствія:
а) всѣ седмь таинствъ 195
б) другія священнодѣйствія 197

Стр.

7. Богослужебныя книги; какія изъ нихъ сохранились донынѣ; преп. Григорій — *творецъ каноновъ* 198
8. Церковное пѣніе 201
9. Церковные сосуды, одежды и другія вещи 203
10. Обычай погребать умершихъ въ церквахъ или при церквахъ ... 204

ГЛАВА V. Церковное управленіе и преимущества духовенства.

1. Церковное правило митрополита Іоанна и содержащіяся въ немъ постановленія 206
2. Церковный уставъ В. Кн. Ярослава, отношеніе этого устава къ Владимірову, содержаніе, значеніе, подлинность 215
3. Грамата новгор. князя Всеволода церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ 221
4. Церковный уставъ того же князя Новгородскому Софійскому Собору 223
5. Уставъ новгородскаго князя Святослава 225
6. Соборы въ Русской Церкви 226
7. Права митрополита 227
8. Замѣчаніе о епископахъ 228
9. Участіе князей въ дѣлахъ церковныхъ 229
10. Участіе духовенства въ дѣлахъ гражданскихъ 230
11. Средства для содержанія духовенства 233

ГЛАВА VI. Состояніе вѣры и нравственности.

1. Недостатки и пороки:
 а) остатки языческихъ суевѣрій и обычаевъ 235
 б) междоусобія и соединенныя съ ними вѣроломство, буйство, жестокость и под. 236
 в) какъ смотрѣть на эти недостатки 239
2. Добрые нравы и обычаи:
 а) усердіе къ храмамъ Божіимъ и св. обителямъ 242
 б) уваженіе къ пастырямъ Церкви и подвижникамъ; иноки и инокини изъ княжескихъ фамилій 243
 в) обычай призывать Бога предъ началомъ войны и благодарить за побѣды 245
 г) путешествія ко св. мѣстамъ 246
 д) милосердіе къ нищимъ и вообще бѣдствующимъ —
3. Примѣры только наружнаго благочестія 247
4. Примѣры истиннаго благочестія 248
5. Какъ понимали тогда у насъ благочестіе 250

ГЛАВА VII. Отношеніе Русской Церкви къ другимъ Церквамъ и обществамъ религіознымъ.

1. Отношеніе къ Церкви Константинопольской 252
2. Сношеніе съ другими восточными Церквами 255
3. Отношеніе къ Церкви Римской —
4. Отношеніе къ Армянамъ и Евреямъ 260
5. Общее замѣчаніе 261

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Къ главѣ первой 263
2. Къ главѣ второй 276
3. Къ главѣ третьей 291
4. Къ главѣ четвертой 332
5. Къ главѣ пятой 345
6. Къ главѣ шестой и седьмой 365

[illegible]

3 р. 70 к.

3 р. 70 к.

3 р. 70 к.

3 р. 70 к.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Bulgakov, Michail P.,

Istorija russkoj cerkvi

Bd.: 2

Sanktpeterburg 1857

H.eccl. 3178 w-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10810567-7